ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 11-12

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

Издание газеты „ПРАВДА"

МОСКВА 1931

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ № 11—12 1931 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К столетию со дня смерти Гегеля

А. Стецкий

(Вступительное слово на торжественном заседании, посвященном столетнему юбилею со дня смерти Гегеля, 20 ноября 1931 г.)

Товарищи! О настоящем собрании, посвященном памяти Гегеля, наши враги в своих комментариях несомненно будут говорить, как о новой декорации, новых выкрутасах, новом чудачестве большевиков. Большевики и Гегель! Несомненно эта тема может вызвать со стороны буржуазных филистеров целый ряд иронических замечаний. Нет надобности здесь, на этом собрании доказывать, что эта тема отнюдь не является ни чудачеством, ни выкрутасами, что мы ставим этот вопрос всерьез. Нынешнее собрание вызвано не только все повышающимся интересом к теории, который мы наблюдаем в нашей стране, оно вызвано не только интересом к философским проблемам, но и наше собрание и самая постановка вопроса о Гегеле и гегелевской философии вызваны тем, что мы считаем гегелевскую диалектику одним из важнейших источников марксизма.

Всем известно крылатое выражение Ленина о том, что нельзя понять «Капитал» Маркса, не зная диалектики. Именно для того, чтобы более ши-

роко популяризировать идеи материалистической диалектики, а равно и поставить изучение вопросов философии марксизма, мы организуем эту широкую общественную кампанию, устраиваем это собрание, ставим вопросы философии. В этом — значение для нас нынешнего собрания.

О гегелевской философии говорилось, что для одних она является «алгеброй революции», для других являлась и является в настоящее время евангелием реакции. Это в значительной степени правильно, ибо гегелевская философия была наиболее полным выражением своего времени. Она отражала все противоречия своей эпохи. Она отражала, с одной стороны, наступление, под'ем буржуазии эпохи «бури и натиска», эпохи буржуазных революций, а с другой стороны, она отражала в себе и отсталость тогдашней Германии, наличие остатков феодализма в экономике страны, которые задерживали развитие буржуазной революции, замедляли развитие германского капитализма и определяли известную политическую слабость и дряблость и отсюда — половинчатость немецкой буржуазии в отношении феодализма. Все эти противоречия нашли свое отражение в гегелевской системе, которая, с одной стороны, являлась для своего времени наиболее цельным и законченным учением, а с другой стороны, несомненно заключала в себе глухое противоречие между революционным по существу диалектическим методом мышления, не терпящим ничего догматического и застывшего, и консервативной идеалистической системой, которой Гегель придал законченный, абсолютный характер. В философии Гегеля мы находим, с одной стороны, наиболее полное для тогдашнего времени учение о скачкообразном развитии, революционных переворотах, диалектических противоречиях и, с другой стороны, догматическое учение об абсолютной идее, которая по мысли Гегеля воплощена в его законченной абсолютной философской системе, как в истинной выразительнице всей предшествующей истории, христианства и прусской абсолютной монархии.

Все эти противоречия имеются в системе Гегеля. Они не являются чисто внешними противоречиями. Здесь нельзя говорить о том, что революционный метод представляет одно, а вся гегелевская система — это нечто другое, нельзя говорить, что одно оторвано от другого. На самом деле и гегелевская диалектика и вся его система своеобразно переплетены. Они имеют одну общую идеалистическую основу, заключены в единую мистическую оболочку.

Поэтому мы никак не можем прямо, непосредственно принять гегелевскую диалектику в том виде, как она имеется в системе Гегеля. Мы знаем, что Маркс и Энгельс, создавшие диалектический материализм, поступили иначе, не могли не поступить иначе. Они критически переработали гегелевское наследство. Они не просто механически взяли гегелевскую идеалистическую диалектику, а переработали и разработали ее на материалистической основе. Они взяли революционную сторону гегелевской системы — диалектику, о которой Ленин говорил, что она является наиболее всесторонним, наиболее полным и наиболее глубоким учением о развитии. Но вместо диалектики, как движения понятий, они разработали учение о диалектике, как теории познания материализма, учение о диалектике, как о движении вещей, как о движении действительности. Они взяли материальный мир за основу, перевер-

пути и поставили гегелевскую систему с головы на ноги. В этом заключается значение той великой работы, которую осуществили в области философии Маркс и Энгельс, выковавшие величайшее идейное оружие пролетариата — материалистическую диалектику.

Но этим не ограничилась история марксистской философии. И было бы величайшей ошибкой считать, что марксистская философия остановилась на этом этапе.

А между тем у нас есть такие попытки. У нас до сих пор есть попытки обойти значение и роль Ленина в дальнейшем развитии марксизма и в особенности попытки обойти то новое, что дал Ленин в области марксистской философии, в области разработки проблем материалистической диалектики. Между тем Ленин и в своих статьях о материалистической диалектике и в своих замечаниях на работы Гегеля внес в материалистическую диалектику целый ряд новых, существенных моментов. Учение о диалектике как теории познания материализма, закон единства и борьбы противоположностей как один из основных законов диалектики, ряд новых сторон в диалектике—все это с особой силой выдвинуто Лениным, получило у него дальнейшее развитие и конкретизацию. Без понимания этого мы не можем сейчас изучать материалистическую диалектику, мы не можем овладеть ею в совершенстве. Тот не коммунист, кто проходит мимо того нового, что внес Ленин в историю марксистской философии, что он внес в разработку проблем материалистической диалектики. Без этого не может сейчас быть изучена материалистическая диалектика.

Не только у нас, но и за границей занимаются сейчас освещением вопросов гегелевской философии.

Философия не является абстрактной, отвлеченной областью знания, она является отражением и одним из участков классовой борьбы. Все мы это хорошо знаем. И сейчас эта классовая борьба развертывается по вопросу о Гегеле и гегелевском наследстве. Недавно в Германии происходил Гегелевский конгресс, представлявший собой полную противоположность тем собраниям, посвященным Гегелю, которые устраиваются в настоящее время в нашей стране.

Что это был за конгресс? Кто там собрался? Мне кажется, что нельзя найти для участников этого конгресса лучшего названия, чем то, которое давал подобного рода теоретикам Ленин. Там собрались дипломированные лакеи поповщины и фашизма. Они пытались по-своему истолковать Гегеля, пытались за реакционную сторону его учения, выдвигая на первый план мистику, поповщину, которая имеется в философии Гегеля. Учение о диалектике они пытались представить как технику примирения противоречий, пытались использовать его для того, чтобы обелить и упрочить фашистское государство. Венцом этого конгресса явился призыв одного из его руководителей, одного из попов, записываться в его церковный приход. Вот как ставит сейчас буржуазия вопросы философии и вопрос о философии Гегеля.

Иное происходит у нас. Наша задача заключается в том, чтобы использовать революционную сторону, рациональное зерно гегелевской философии, которое скрыто и заключено в мистическую оболочку его философии. Наша

задача заключается в том, чтобы путем материалистического разбора и критического освещения этой философии поднять теоретический уровень и наших научных работников и широких масс рабочего актива. Наша задача заключается в том, чтобы глубже и лучше усвоить учение Маркса, Энгельса и Ленина, глубже и лучше усвоить диалектику. В этой работе мы должны иметь в виду, что внутри нашей страны, на наших научных фронтах идет борьба, что мы должны бороться с попытками неправильных, враждебных извращений материалистической диалектики, с которыми приходится довольно часто встречаться.

У всех свежа в памяти борьба с механистами, которые пытались на буржуазный лад переделать марксистско-ленинскую философию, которые забывали то, что подчеркивал Ленин в материалистической диалектике — единство противоположностей, закон противоречий, который является ключом к пониманию «самодвижения», развития всего сущего. С другой стороны, у нас сейчас идет борьба (не закончилась еще, продолжается борьба) с меньшевиствующим идеализмом, который некритически воспринимает гегелевскую диалектику, который пытается ее применять так, как она есть, к нашим условиям и в нашей теории, в нашей научной работе, который вместо задач критической переработки гегелевской диалектики ставит задачи ее разработки, который не понимает и не признает ленинской ступени в развитии марксистской философии.

Нам необходимо иметь в виду все эти опасности. Нам необходимо бороться против всех этих искажений за чистоту революционной теории, за правильную, марксистско-ленинскую разработку вопросов теории. Вопросы теории имеют для нас не только общее значение. Теория связана у нас непосредственно с практикой классовой борьбы, с практикой социалистического строительства.

Во всех произведениях Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина вы найдете величайшие образцы применения материалистической диалектики. Они имеются и в нашей практике, в нашей политике, в решениях нашей партии. Наша партия победоносно ведет свою политику не только потому, что она опирается на самый революционный, на самый передовой класс, но и потому, что она в совершенстве владеет оружием марксизма-ленинизма, оружием материалистической диалектики. Возьмем новую экономическую политику, как она разработана у Ленина и у Сталина. Возьмем практическое проведение новой экономической политики в решениях нашего ЦК. Возьмем переход к практическому разрешению всего поворота, который проделала наша партия за последнее время. Здесь имеются величайшие образцы применения материалистической диалектики к нашей практике, к практике классовой борьбы, к борьбе за победу социализма. Без изучения не только работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, но и без изучения работы нашей партии мы не сможем усвоить, не сможем изучить материалистическую диалектику.

Перед нашим философским фронтом стоят сейчас большие задачи. Их необходимо подчеркнуть именно здесь, на этом собрании. Подобные собрания организуются не только здесь, в Москве, но и в других городах нашего Советского союза. Они должны способствовать популяризации марксистско-

ленинской философии, расширению интереса к теории. Еще Ленин неоднократно подчеркивал в своих работах значение популяризации материалистической диалектики. В этом отношении сделано еще очень и очень мало. Мы имеем в очень небольшом количестве только отдельные популярные брошюры. В этом году выходит первый учебник, который более или менее правильно излагает систему материалистической диалектики. Этого крайне недостаточно. Здесь перед нашими научными работниками и философским фронтом еще очень большое поле работы.

Наряду с этим перед нами стоит дальнейшая задача внедрения материалистического метода во все области знания. Во многих областях эта работа только начата. Здесь приходится еще много бороться с остатками буржуазных и мелкобуржуазных теорий, которые пользуются правами гражданства во многих отраслях знания. Тов. Сталин подчеркивал это неоднократно и поставил в своем последнем письме вопрос о необходимости борьбы с контрреволюционным троцкизмом—этим передовым отрядом контрреволюционной буржуазии, с его вылазками, которые имеются на отдельных участках теоретического фронта. Речь шла об истории партии. Но и в других областях мы имеем такого рода вылазки, и в других областях мы имеем проявление буржуазных теорий. Само собой разумеется, что здесь перед нашими научными работниками имеется громадное поле работы.

И наконец, товарищи, возьмем вопрос о дальнейшей научной разработке того, что дано Марксом, Энгельсом и Лениным в области материалистической диалектики. Здесь работа только начата, мы имеем здесь лишь отдельные попытки. Несомненно нам предстоит так организовать философский фронт, чтобы в ближайшее время у нас появились не только отдельные статьи, не только те или другие разрозненные брошюрки, но и глубоко продуманные, цельные и законченные работы, которые бы полностью освещали и давали разработку целого ряда важнейших проблем материалистической диалектики.

Наши философские кадры пока еще незначительны, но они растут. Интерес к философии увеличивается с каждым годом. По мере роста культуры, по мере хода социалистического строительства мы несомненно будем иметь и возрастание наших философских кадров. Раньше мы имели небольшое отделение в Институте красной профессуры, — в настоящее время уже имеется самостоятельный институт философии, который об'единяет сотни молодых научных работников. Эти кадры растут, и будем надеяться, что они смогут в ближайшее время взяться за выполнение этих задач.

Позвольте, товарищи, закончить вступительную речь словами Маркса. Маркс сказал: «Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое материальное выражение, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие». Давайте же возьмемся за изучение материалистической философии, давайте же возьмемся за то, чтобы этим оружием — материалистической диалектикой — овладеть в совершенстве, чтобы тем успешнее вести борьбу за победу коммунизма.

Гегель, Маркс и Ленин

(Марксизм-ленинизм и гегелевская диалектика)

В. Адоратский

I.

Вопрос о том, в какой мере, в какой части теоретическое наследство Гегеля оказало влияние на теорию и практику современного пролетариата, очень важен для полной оценки значения великого немецкого философа-диалектика.

Действительное значение жизненного дела выдающегося теоретика, работника науки, измеряется тем, что об'ективно выходит из его работы, тем, как его идеи находят свое осуществление в жизни, в какой степени после проверки жизнью они подтверждаются в дальнейшем ходе исторического развития.

Относительно Гегеля можно утверждать с полным правом, что хотя и не вся его философия в целом, но существеннейшая ее часть—диалектика — оказалась действительно бессмертной. Лучшее, что создал Гегель,— диалектический метод, — было спасено, вылущено из шелухи его идеалистической философской системы, освобождено от идеализма, переработано, развито дальше великими вождями и теоретиками пролетариата— Марксом, Энгельсом и Лениным. Ход исторического развития так же, как и ход развития изучения природы, подтвердил и подтверждает правильность диалектического метода Маркса. Диалектика Гегеля, являющаяся мистической по своей форме, но революционной по своему содержанию, после необходимой переработки и превращения в материалистическую диалектику стала теоретическим оружием самого революционного в мировой истории класса— пролетариата [1]).

Идеализм служил у Гегеля препятствием для последовательного проведения и применения диалектического метода. Этот метод надо было переработать. «Маркс и я,—писал Энгельс в своем предисловии к «Анти-Дюрингу» (1885),—были едва ли не единственными людьми, которые спасли сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории». Как выполнена была эта задача, Энгельс подробно рассказал в своей превосходной брошюре «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» (1886—1888). Это «спасение» состояло в том, что Маркс и Энгельс устранили то идеалистическое извращение, которое испытывала диалектика у Гегеля. Она у него стояла на голове, они ее перевернули и поставили на ноги.

---

[1]) О диалектической философии Энгельс в своем «Людвиге Фейербахе» писал, что у нее «во всяком случае есть и консервативная сторона: она признает правомерность определенных ступеней познания и общественного развития для определенной эпохи и обстоятельств; но именно только в таких пределах. Консерватизм этого воззрения относителен, его революционный характер абсолютен, это единственно абсолютное, что она признает».

«Для Гегеля,—говорит Маркс,—процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельного суб'екта, есть творец действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для меня наоборот идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [1]).

Законы диалектики у Гегеля, по словам Энгельса, «не выведены из природы и истории, а навязаны последним, как законы мышления». Таким образом получалось нелепое представление: «мир должен согласоваться с логической системой, которая сама является лишь продуктом определенных ступеней развития человеческого мышления». Энгельс указывал, что надо «перевернуть это отношение» и тогда все примет простой вид: «тогда диалектические законы, кажущиеся в идеалистической философии крайне таинственными, немедленно становятся простыми и ясными».

Мистика у Гегеля состояла в том, что «категория является у него чем-то предшествующим, а диалектика реального мира—ее простым отблеском. В действительности происходит наоборот: диалектика головы—только отражение форм движения реального мира как природы, так и истории» [2]).

В своей брошюре «Людвиг Фейербах» Энгельс отмечает в виде характерных особенностей своего мировоззрения и мировоззрения Маркса (диалектического материализма), что они как представители этого нового мировоззрения решили, в о - п е р в ы х, подходить к изучению природы и истории без предвзятых идеалистических выдумок (Schrullen), безжалостно отбрасывая прочь всякую идеалистическую выдумку, оказывающуюся в противоречии с действительными фактами; в о - в т о р ы х, понимать факты в их собственной, а не в какой-то фантастической связи; в - т р е т ь и х, относиться к материалистическому мировоззрению со всей серьезностью и позаботиться о том, чтобы провести его со всей последовательностью во всех встречающихся на практике областях знания. Для вождей и теоретиков марксизма, Маркса и Энгельса, и для продолжателя их дела—Ленина—материалистическая диалектика была лучшим орудием в их научной работе и самым острым оружием в их теоретической борьбе.

Материалистическая диалектика—это не только метод мышления, это прежде всего всеобщее движение материального мира природы и общества. Это материальное движение отражается в сознании людей в виде диалектики понятий.

Всем изучившим произведения Маркса и Энгельса, особенно их ранние произведения (Маркса—«Критика гегелевской философии права», Маркса и Энгельса—«Святое семейство», «Немецкая идеология» и т. д.), должно быть хорошо известно, как основательно прошли они школу гегелевской философии и ее критического преодоления.

Гораздо менее известно, какая огромная работа по переработке гегелевской диалектики проделана Лениным. Памятником этой работы, заслуживающим внимательнейшего изучения, являются философские тетради Ленина, изданные в IX и XII Ленинских сборниках.

В своих записках, конспектируя Гегеля, делая обширные выписки и отмечая свои мысли и оценки, Ленин так же, как и Маркс, переработал Гегеля коренным образом. Он перевертывал гегелевские положения, ставил их на ноги, толковал материалистически. Ленин отмечал: «Логику Гегеля нельзя п р и м е н я т ь в данном ее виде; нельзя брать, как данное. Из нее надо в ы б р а т ь логические (гносеологические) оттенки, очистив от мистики идей: это еще большая работа» [3]). Выделяя гениальное в произведениях Гегеля,

[1]) М а р к с, Капитал, т. I, предисловие ко 2-му изданию, 1873.
[2]) Ф. Э н г е л ь с, Диалектика природы, изд. 3-е, 1930 г. стр. 2.
[3]) Лен. сб. XII, стр. 205.

Ленин в то же время жестоко критикует идеализм, поповщину, вражду Гегеля к материализму и т. д. Например, делая выписку из II тома «Истории философии» Гегеля, где говорится, что «Эпикур не знает конечной цели мира, мудрости творца», Ленин отмечает: «бога жалко! Сволочь идеалистическая». При чтении «Философии истории» Гегеля, Ленин, отмечая, что Гегель пишет с цитатами из евангелия, прибавляет: «пошло-поповская болтовня о величии христианства. Мерзко, вонюче!» и т. д. Отмечая и систематически устраняя идеализм Гегеля, Ленин переворачивает, перерабатывает каждое положение Гегеля. «Я стараюсь читать Гегеля материалистически,—пишет Ленин,—Гегель—это поставленный на голову материализм (по Энгельсу), т.-е. я выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею» [1]. Ленин так же, как Маркс и Энгельс, отдавал должное гениальной гегелевской диалектике. «Я уже, конечно, более не гегелианец,—писал Энгельс Ланге в 1866 году,—но я чувствую большое почтение и симпатию к великому старику». Ленин называет гегелевскую диалектику великой [2]).

В письме в редакцию журнала «Под знаменем марксизма» Ленин предлагал организовать общество материалистических друзей гегелевской диалектики. Но высокая оценка заслуг Гегеля не мешает и Марксу и Ленину критиковать и устранять его идеализм, поправляя его ошибки.

Благодаря общей неверной идеалистической точке зрения Гегеля у него встречаются прямые отступления от диалектического метода, грехи против диалектики: он не справляется со своим собственным методом, и в таких случаях Ленин отмечает, что Гегель идет против самого себя.

В одном месте в заметках ко II тому «Истории философии» Ленин пишет: «Диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли и т. д.». «Сторонник диалектики Гегель не сумел понять диалектического перехода от материи к движению, от материи к сознанию—второе особенно. Маркс поправил ошибку (или слабость?) мистика» [3]). Здесь Ленин отмечает слабость или, лучше сказать, грех против диалектики, совершаемый Гегелем, остающимся на идеалистической точке зрения.

В отличие от того пути выработки теоретических взглядов, который проходили Маркс и Энгельс, в развитии Ленина не было такой полосы, когда его можно было бы назвать гегелианцем. Под влиянием изучения произведений Маркса и Энгельса Ленин стал в конце 80-х — начале 90-х годов материалистом-диалектиком. Ранние работы Ленина, самые первые из его дошедших до нас крупных теоретических работ (1894) — «Что такое друзья народа?» и «Экономическое содержание народничества и его критика в книге г-на Струве»,—показывают, что Ленин уже тогда великолепно владел методом диалектического материализма. Вслед за Энгельсом Ленин считал, что у марксизма три источника и три составных части: философия, политическая экономия и социализм. Во всех этих трех областях Ленин произвел огромную теоретическую работу и каждую из этих областей оплодотворил новыми теоретическими завоеваниями, двинул вперед теоретическую мысль в каждой из трех составных частей марксизма. Здесь можно будет лишь кратко сказать о работе Ленина в области философии и в частности о работе его над Гегелем.

Гегелем Ленин занимался еще в 90-х годах. Находясь в ссылке в Сибири, он читал «Энциклопедию» и «Философию права» Гегеля. Изучая диалектический материализм, Ленин изучал Спинозу, французских материалистов, Фейербаха и представителей немецкой философии, кроме Гегеля, Канта, Фихте, Шеллинга. До нас не дошли конспекты и заметки того времени, но в списке книг, имевшихся у Ленина в ссылке, были работы

[1]) Лен. сб. IX, стр. 89.
[2]) Ленин, Шаг вперед, два шага назад, Собр. соч., т. VI, стр. 326.
[3]) Лен. сб. XII, стр. 236.

всех перечисленных философов. Занимался философией Ленин в виде отдыха от основной своей работы по изучению экономики России. Плодом этой его работы явился вышедший в 1899 г. капитальный труд «Развитие капитализма в России».

Далее, работа по созданию организации партии, руководство газетой, руководящее участие в революции 1905 г. не оставляли Ленину времени для специальных занятий философией, но он не переставал интересоваться вопросами философии. Во всех своих научных работах и в своей практической деятельности вождя пролетарской партии Ленин показал себя не только мастером в деле применения метода диалектического материализма, но он развивал его дальше.

Снова философией Ленину пришлось заняться лишь в 1906 — 1908 гг. в связи с борьбой его против махизма. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин подробно разработал вопросы теории познания диалектического материализма. В специальной главе «Новейшая революция в естествознании и философский идеализм», посвященной разбору новейших открытий физики и связанных с этими открытиями научных теорий, Ленин благодаря своему гениальному умению владеть материалистической диалектикой и в вопросах изучения явлений природы сумел сказать свое новое слово и сказать его не вообще, а подвергая подробному разбору все виднейшие научные теории специалистов-физиков, давая точные указания, в чем состоят ошибки ученых естественников-материалистов, в чем состоят их отступления от материализма благодаря незнанию диалектики.

Своим анализом новейших теорий Ленин вскрыл и показал, что в физике борются два направления: идеализм и материализм. «Современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм» [1]),—вот вывод, к которому Ленин приходит в результате основательнейшего разбора современного ему состояния физики в указанной выше главе. Ленин критиковал теории ученых естественников диалектически, выделяя правильное, исправляя ошибки, указывая, как надо вести исследование. И позднее, в 1922 году, в письме в редакцию журнала «Под знаменем марксизма» он давал указания, как марксисты, материалисты-диалектики должны помогать специалистам преодолевать в области естествознания идеалистические ошибки, идя единственно научным путем материалистической диалектики.

В годы империалистической войны (1914—1915) Ленин еще раз усиленно занялся Гегелем. От этих занятий до нас дошли тетради с его заметками, о которых было уже сказано выше. За эти два-три года Лениным проделана была громадная теоретическая работа (работа по теории империализма, по теории государства и в области философии). Темой, которой занимался Ленин в этой последней области, была специально диалектика.

Из гегелевских произведений Ленин внимательнейшим образом проштудировал и проконспектировал с обширными выписками большую «Логику» Гегеля (целиком), привлекая сюда «Энциклопедию». «Историю философии» Гегеля Ленин изучил тоже очень внимательно (первые два тома), кроме того внимательно прочел и сделал ряд заметок к «Философии истории».

Здесь нет возможности остановиться на всем богатстве содержания и на громадной теоретической ценности работы Ленина, развивающей как раз то великое, что дал Гегель, — д и а л е к т и к у.

В одной своей популярной статье 1913 г. Ленин дает следующее краткое определение сущности диалектики, являющееся образцовым. Диалектика—это «учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи» [2]). В этом определе-

[1]) Ленин, Соч., т. XIII, стр. 256.
[2]) Ленин, Соч., т. XVI, стр. 350.

нии подчеркнуто, как мы видим, то, на что указывалось уже выше: диалектическое движение, развитие всего об'ективного материального мира, природы и общества и отражение его в мышлении.

В краткой статье конечно невозможно последовательно вскрыть все богатство теоретического содержания диалектики и показать исчерпывающе, во всем об'еме те моменты, которые марксизм взял у Гегеля и развил дальше. Мы отметим здесь только важнейшее.

1. Борьба взаимоисключающих противоположностей как внутренний импульс развития.

Давая характеристику диалектики, Ленин отмечает как самый характерный момент диалектики внутренний импульс движения развития. Единство и борьба противоположностей — вот что является наиболее универсальным свойством всего мира природы, общества и мышления. «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»[1]). Этот закон диалектики, по определению Ленина, означает: «признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)»[2]).

«Все вещи в самих себе противоречивы, — говорит Гегель, — и именно смысл этого предложения таков, что оно сравнительно с прочими более всего выражает истину и сущность вещей... Противоречие следовало бы считать за нечто более глубокое и существенное. Ибо в противоположность ему тождество есть определение лишь простого непосредственного, мертвого бытия; противоречие же есть корень всякого движения и жизненности: лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, обладает побуждением и деятельностью»[3]) и т. д.

У Гегеля противоречие понимается идеалистически. Основой у него является диалектика понятий. «На самом деле,—говорит Гегель,—формы понятий суть как раз наоборот, живой дух действительного, и в действительном истинно лишь то, что истинно в силу этих форм, через них и в них»[4]). Но гегелевский идеализм—это об'ективный, а не суб'ективный идеализм. Этим признанием существования об'екта он приближается к материализму. В этом смысле Ленин говорит, что Гегель—это на голову поставленный материализм». Хотя противоречия у Гегеля—это только диалектика понятий, но он признает за ними об'ективное значение. Делая выписки из 2-го отдела «Логики» — «О сущности»,—Ленин замечает:

«Хорошо сказано!!» «Обычная нежность к вещам, заботящаяся лишь о том, чтобы они не противоречили себе как в этих, так и в других случаях, забывает, что таким путем противоречие не разрешается, а переносится лишь в другое место, в суб'ективную или внешнюю рефлексию вообще, и что последняя действительно содержит оба момента, которые вследствие такого удаления и перемещения высказываются просто как положенное, как снятые и отнесенные один к другому в одном единстве» (28).

(«Эта ирония мила! — замечает Ленин. «Нежничанье» с природой и историей (у филистеров) — стремление очистить их от противоречий и борьбы)...

---

[1]) «К вопросу о диалектике», Лен. сб. XII, стр. 324.

[2]) Там же, стр. 323.

[3]) Гегель, т. IV, 1, Об'ективная логика. 2-й отдел, Учение о сущности. См. также Лен. сб. IX, стр. 123—125.

[4]) Гегель, Энциклопедия, Собр. соч., т. I, стр. 127.

Результатом сложения + и — будет нуль.

«Результат противоречия не есть только нуль» (37)[1].

В противоположность идеалистической диалектике понятий материалистическая диалектика признает противоречия материальной действительности.

Ленин подводит итог сделанных им длинных выписок и пишет: «Движение и «самодвижение» (это NB! самопроизвольное (самостоятельное спонтанейное, внутренне-необходимое движение), «изменение», движение и жизненность», «принцип всякого самодвижения», «импульс» (Trieb) к «движению» и к «деятельности» — противоположность «мертвому бытию» — кто поверит, что это суть «гегелевщины», абстрактной и abstrusen (тяжелой, нелепой?) гегельянщины?? Эту суть надо было открыть, понять, hinüberretten, вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс.

Идея универсального движения и изменения (1813, «Логика») угадана до ее применения к жизни и к обществу. К обществу провозглашена раньше (1847), чем доказана в применении к человеку (1859)»[2].

Марксизм применил этот метод к изучению природы и общества. В деле изучения общества применение метода материалистической диалектики привело к созданию теории классовой борьбы Маркса.

2. Признание исторического значения роли труда.

Следующий момент, который необходимо отметить,—это крупное значение, отводимое Гегелем труду. В 1844 году Маркс писал в одном из своих очерков, оставшемся неопубликованным[3]), что «Гегель понимает создание человеком самого себя, как процесс... понимает значение труда и считает, что телесный человек, истинный, действительный человек, есть результат своего собственного труда». Здесь нет надобности особо иллюстрировать это ссылками на Гегеля.

Однако недостатком гегелевского понимания было то, что Гегель как идеалист принимал в расчет лишь умственный труд. «Труд, который один только известен Гегелю и им признается,—это отвлеченный, духовный труд»[4]). Это идеалистическое извращение было исправлено Марксом.

Но в некоторых случаях Гегель, вопреки своему идеализму, очень близко подходит к историческому материализму, выдвигая например мысль о важном значении орудий труда. «Орудие сохраняется, — пишет Гегель в «Логике», — между тем, как непосредственные наслаждения проходят и забываются. В своих орудиях человек обладает силою над внешней природой, тогда как в своих целях он скорее подчинен ей». Ленин отмечает: исторический материализм как одно из применений и развитий гениальных идей—зерен, в зародыше имеющихся у Гегеля»[5]).

Результатом такого развития была историческая теория Маркса. Учение о всемирно-исторической роли рабочего класса и руководство действительной борьбой пролетариата за освобождение всех эксплоатируемых — таково дальнейшее развитие той глубокой мысли, которая была высказана Гегелем об исторической роли труда.

3. Соединение познания и практики.

Далее, необходимо отметить также чрезвычайно важный момент диалектики, взятый у Гегеля и развитый марксизмом, примененный им материалистически: это признание необходимости соединения по-

[1]) Лен. сб. IX, стр. 117.
[2]) Лен. сб. IX, стр. 126—128.
[3]) См. полн. собр. соч. Маркса и Энгельса, нем. изд., т. III, стр. 156.
[4]) Маркс и Энгельс, Архив, т. III, стр. 264.
[5]) Лен. сб. IX, стр. 216.

знания и практики, признание громадного теоретико-познавательного значения практики.

Можно было бы привести множество цитат из Гегеля, иллюстрирующих это положение. Укажем здесь одно место, где Гегель говорит, что «абсолютная идея, как это выяснилось, есть тождество теоретической и практической (идеи), из которых каждая сама по себе является еще односторонней». Имея в виду подобные места, Ленин отмечает, что, по его мнению, «несомненно практика стоит у Гегеля, как звено в анализе процесса познания и именно, как переход к об'ективной («абсолютной» — по Гегелю) истине». «Маркс, следовательно, — добавляет Ленин, — непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерией практики в теорию познания»[1]. Или в другом месте у Гегеля говорится: «Воля сама является препятствием к достижению своей цели тем, что отделяется от познания и что внешняя действительность не сохраняет для нее (воли) формы истинно-сущего...». Ленин по поводу этого замечает: «Неисполнение целей (человеческой деятельности) имеет своей причиной то, что реальность принимается за несуществующее, что не признается ее (реальности) об'ективная действительность»[2].

Марксизм развил и обосновал это материалистически: он стоит на той точке зрения, что необходимо строго принимать в расчет об'ективную действительность, но не для того, чтобы пассивно ей подчиняться, а для того, чтобы найдя в ней соответственные силы, руководить ими для преобразования этой об'ективной действительности. «Мои идеалы построения новой России, — писал Ленин в 1912 г., — будут нехимеричны лишь тогда, когда они выражают интересы действительно существующего класса, которого условия жизни заставляют действовать в определенном направлении. Становясь на эту точку зрения об'ективизма классовой борьбы, я нисколько не оправдываю действительности, а, напротив, указываю в самой этой действительности самые глубокие (хотя и не видные с первого взгляда) источники и силы ее преобразования»[3]. Когда Маркс и Энгельс боролись в 50-х годах против «левых» — Виллиха и Шаппера, занимавшихся игрой в революцию, когда Ленин вел борьбу против «отзовистов» в 1909 г. или «левых коммунистов» в 1918 г., они настаивали именно на необходимости не отрываться от действительности, а признавать ее реальность, принимать ее в расчет во всей ее конкретности, и на таком изучении действительности строить тактику революционной пролетарской партии.

4. Конкретность.

Одной из самых ценных основ метода мышления Гегеля было требование, пред'являемое им к научному мышлению, чтобы оно было конкретным. Наши мысли схватывают всеобщее, но, говорит Гегель, они должны схватывать «не только отвлеченно-всеобщее, а всеобщее, включающее в себя богатство особенного (частностей)»[4]. Гегель ставил требование, чтобы научное мышление не было «отвлеченным, мертвым, неподвижным, но конкретным»[5]. Ленин по этому поводу замечает, что в этом — «дух и суть диалектики»[6].

Тут же необходимо еще раз напомнить, что у Гегеля как идеалиста речь идет о конкретном понятии и что понятие по Гегелю — основа мира. «Понятие, — говорит Гегель, — правда, следует рассматривать как форму, но как бесконечную творческую форму, которая заключает внутри себя всю полноту всякого содержания и служит вместе с тем его источником. Можно

[1]) Лен. сб. IX, стр. 256.
[2]) Лен. сб. IX, стр. 269.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 143—144.
[4]) Логика, т. I, стр. 47.
[5]) Гегель, Наука логики, ч. I, перев. Дебольского, стр. 14.
[6]) Лен. сб. IX, стр. 82.

также называть понятие абстрактным, если мы под конкретным будем понимать лишь чувственно-конкретное и вообще непосредственно воспринимаемое; понятие, как таковое, нельзя ощущать руками, и мы должны вообще оставить слух и зрение, когда дело идет о понятии. И однако понятие, как мы заметили выше, в то же время всецело конкретно, а именно, постольку, поскольку оно содержит внутри себя в идеальном единстве бытие и сущность и следовательно все богатство этих двух сфер» [1]). Гегель целиком во власти той иллюзии, что реальное является результатом мысли.

В ходе изучения мысль движется от простого к сложному и в результате воспроизводит сложное явление в целом, стремясь осветить его со всех сторон. Но метод восхождения от абстрактного к конкретному — это есть лишь способ мышления, ведущий к усвоению конкретного, к тому, чтобы в мышлении воспроизвести конкретное, а вовсе не ход возникновения самого конкретного. Маркс указывает на это во «Введении к критике политической экономии». Наши понятия лишь отражают об'ективно существующую материальную действительность и ближе подходят к ее изображениям в научных теориях, чем в простых чувственных восприятиях. Но это не дает еще никаких оснований к тому, чтобы подменять материальную действительность понятием.

Гегель ставит требование, чтобы понятия наиболее правильно выражали конкретную действительность. И эту особенность воспринял и последовательно материалистически развил дальше марксизм. Как раз главное научное произведение Маркса «Капитал» является образцом того, как в общих научных понятиях воплощается «все богатство особенного, индивидуального, отдельного».

Еще в 1843 г. Маркс в одном из своих писем указал путь, каким образом философия, теория, наука может стать истинной: именно через связь ее с политикой. Эта связь была установлена революционным марксизмом Маркса и Энгельса и в дальнейшем расширена, укреплена, развита Лениным. Теория марксизма — «не догма, а руководство к действию»: она является наиболее конкретной, учитывающей все богатство и разнообразие «особого и отдельного» в действительной жизни. Метод марксизма-ленинизма — это развитие, конкретизация, усовершенствование, освобождение от непоследовательностей и слабостей этого, выдвинутого Гегелем, диалектического метода, который требует конкретности, сочетания теории с практикой, исторического подхода со стороны изучающего «самодвижение» и т. д. Только материалистическая диалектика может быть действительно конкретной.

Но перечисляя здесь существеннейшие элементы диалектики, воспринятые марксизмом от Гегеля, необходимо еще раз и со всей силой отметить, что все эти мысли надо было освободить, «вышелушить» из идеалистической шелухи гегелевской системы, что сам Гегель не делал и не мог делать революционных выводов из созданного им метода, так как он стоял на почве, созданной им системы идеалистической философии. Как представитель немецкой буржуазии конца XVIII — начала XX вв. Гегель отразил ее сильные и слабые стороны. То обстоятельство, что перед немецкой буржуазией стояли тогда задачи революции, освобождения от пути феодализма и абсолютизма, нашло свое выражение в великих идеях диалектики. В системе же Гегеля, в его идеализме сказались ограниченность и слабость немецкой буржуазии.

Последующее развитие диалектики, превращение ее в диалектику материалистическую (посредствующим звеном при переходе от Гегеля к диалектическому материализму явился Фейербах) было совершено теоретиками про-

[1]) Гегель, Энциклопедия, Соч., т. I, стр. 264—265.

летариата — Марксом и Энгельсом — и продолжено дальше, развито, конкретизировано в новых условиях Лениным.

Марксизм-ленинизм последовательно применяет к изучению всех явлений исторический подход. Но в отличие от Гегеля он ставит изучение истории на последовательно-материалистическую почву. Марксизм находит ключ к истории общества в истории развития труда. Но труд здесь рассматривается во всей его конкретности как производительная деятельность человеческого общества во всем ее целом.

Человеческую практику марксизм рассматривает прежде всего как практику классовой борьбы пролетариата, борющегося за уничтожение классового общества, угнетения и эксплоатации, за создание коммунистического общества.

«Историзм» марксизма, как отмечал неоднократно Ленин, состоит не только в изучении прошлого, но в безбоязненном предвидении будущего, и в смелой практической деятельности, направленной к тому, чтобы это будущее наступило, чтобы была выполнена историческая задача пролетариата.

II.

В противоположность гегелевской диалектике понятий материалистическая диалектика есть диалектика всего об'ективного материального мира, природы и общества. Мы здесь не имеем возможности остановиться на вопросах материалистической диалектики природы, которой занимались и Маркс, и Энгельс и Ленин. Мы остановимся только на одном вопросе диалектики общественного развития — на вопросе о классовой борьбе.

Выше мы уже указывали, что в применении к истории законы диалектики находят свое яркое выражение в классовой борьбе.

Заслуга исчерпывающего, ясного теоретического изучения и раз'яснения закономерности развития капиталистического строя, его диалектики принадлежит, как известно, Марксу. Начав с 1843 г. изучение капиталистического производства, капиталистических производственных отношений, закономерности их развития и исторических тенденций, заложенных в них, и в то же время ведя борьбу против наемного рабства—этой последней формы эксплоатации,—Маркс в ряде произведений (и всего полнее в своем бессмертном классическом произведении «Капитал») дал научное (т. е. строго отвечающее действительности) изображение диалектики возникновения, развития капитализма и об'ективную неизбежность его превращения в коммунизм через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата.

Как на основу всех противоречий капитализма Маркс указал на могучее развитие производительных сил крупного общественного машинного производства, встречающее невыносимое препятствие в узких рамках буржуазных производственных отношений, имущественных отношений частной собственности.

«Средства производства и производство стали по самому существу общественными. Но они подчинены форме присвоения, которая своей предпосылкой имеет частное производство отдельных лиц, при чем каждый владеет соответственным продуктом и несет его на рынок. Способ производства подчинен этой форме присвоения, хотя он уничтожает ее предпосылку (мелкое частное производство.—*В. А*). В этом противоречии, которое придает новому способу производства его капиталистический характер, заключается в зародыше вся коллизия (столкновение) современности»[1].

[1] Энгельс, Развитие социализма, нем. текст, стр. 30.

Это противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением находит свое выражение в борьбе пролетариата против буржуазии. Пролетариат является представителем могучих общественных производительных сил, развившихся в рамках капитализма. И в силу своего положения в обществе он вынужден бороться против этих рамок, ставших невыносимо узкими, препятствующими дальнейшему развитию.

Положение рабочего класса в буржуазном обществе таково, что рабочий «доводится до голодной смерти» [1]), что «чем более стоимостей он создает, тем меньше сам он стоит», — потому что сам рабочий низводится в буржуазном обществе до положения товара. Рабочий продает свою рабочую силу, неотделимую от его личности, которая лишь формально остается свободной. С развитием техники этот товар все дешевеет. В своих заметках 1844 г. Маркс писал, что труд рабочего в буржуазном обществе «не свободен, а вынужден, принудительный труд» [2]). Это происходит оттого, что средства производства, а вместе с тем и самый продукт труда рабочих принадлежат не рабочим, а находятся в частной собственности капиталиста-буржуа. Оказывается, таким образом, что рабочий может существовать только тогда, когда он находит работу, а находит он ее до тех пор, пока его труд увеличивает капитал.

Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает как противоположность между организацией массового производства на отдельной фабрике и анархией производства во всем обществе.

Эти противоречия не выдуманные, это вовсе не «диалектика понятий» (Begriffsdialektik). Все подобные противоречивые понятия, как наемный труд и капитал, буржуа и пролетарий, общественное производство и частное присвоение и т. д., выражают имеющиеся налицо противоречия действительной жизни, противоречия, которые на самом деле существуют, на которые напрасно было бы закрывать глаза, так как они все равно заявляют о своем действительном существовании ежеминутно и весьма ощутительно.

Такая реальность, как своевременный мировой экономический кризис, является ярчайшим подтверждением правильности того об'яснения противоречий капитализма и неизбежного их разрешения, которое дано Марксом. «Способ производства восстает против способа обмена» (Энгельс).

Мы видим воочию, как «весь механизм капиталистического способа производства отказывается действовать под давлением им же самим порожденных производительных сил». Он более не может всю эту массу средств производства превратить в капитал, они лежат без употребления, а потому и промышленная резервная армия не может найти себе применения. Средства производства, средства к жизни, рабочие, готовые работать, все элементы производства и общего богатства имеются в избытке. Но «избыток становится источником нужды и недостатка» (Фурье), потому что как раз избыток-то и препятствует превращению средств производства и потребления в капитал. Потому что в капиталистическом обществе средства производства не могут вступить в действие, пока не превратятся в капитал, в средства эксплоатации человеческой рабочей силы. Между средствами производства и потребления и рабочими как призрак стоит необходимость того, чтобы средства производства и потребления были капиталом.

Только это и препятствует соединению вещественных и личных рычагов производства; только это и мешает средствам производства функциони-

---

[1]) МЭГА, т. III, стр. 83.
Ссылка здесь сделана на III т. немецкого издания полн. собр. соч. Маркса и Энгельса, который только что вышел из печати.
[2]) Там же, стр. 85—86.

ровать; рабочим — трудиться и жить. «С одной стороны, капиталистический способ производства изобличается в том, что он сам по себе неспособен далее управлять этими производительными силами. С другой стороны, эти производительные силы с возрастающей силой стремятся к разрешению этого противоречия, к тому, чтобы освободиться от их свойства, как капитала, к фактическому признанию их характера общественных производительных сил» [1]).

Ученые апологеты буржуазии и в том числе социал-демократы, отрекшиеся на деле от марксизма, но все еще продолжающие именовать себя марксистами, вроде Каутского, Гильфердинга, Отто Бауэра и др., свято верят в прочность капитализма и твердят о превращении его в социализм мирным путем (в настоящее время это уже не утопия, а просто глупость). Они извращают Маркса и Энгельса, превращая их в либералов. Время революций, по их мнению, безвозвратно прошло. Место анархии производства занял, как они утверждают, «организованный капитализм». При таких условиях немыслимы кризисы. «Ожидания, —писал Каутский в своей большой работе 1928 г. «Материалистическое понимание истории», — что кризисы сбыта когда-нибудь достигнут такой интенсивности и продолжительности, что сделают невозможным продолжение капиталистического производства и неизбежным замену его социалистическим регулированием, эти ожидания теперь не имеют более под собой почвы» [2]).

Каутский совершенно неверно считает, что причины кризиса лежат в несоответствии между гигантским расширением промышленности и несравнимо более медленным развитием сельского хозяйства, не поспевающего за могучим развитием промышленности. Другую причину он видит в последствиях мировой войны, которую считает случайной катастрофой, не понимая неизбежности подобных войн в условиях империализма, когда идет борьба за передел мира между конкурирующими друг с другом империалистическими державами, их группировками. Умалчивая о главной, указанной Марксом и Энгельсом, причине кризисов — самом капиталистическом способе производства,—Каутский заявляет, что кризисы вытекают из «особых положений, политических и военных катастроф и ошибок законодательств, а не из самого существа капиталистического воспроизводства вообще»! [3]).

В настоящее время вот уже два года свирепствует кризис, превосходящий по своей силе, глубине, широте охвата и массовым бедствиям, сопутствующих ему, все случавшееся до сего времени. Небывалое в истории капитализма сокращение производства, армия безработных, насчитывающая уже не один десяток миллионов людей, разорение десятков миллионов крестьянских хозяйств, уничтожение гигантских запасов самых разнообразных продуктов—например уничтожение части урожая хлопка в САСШ и т. п., биржевые крахи, банкротства, захватившие такие цитадели мирового капитализма, как САСШ, Англия, Франция, Германия,—все это принимает до сих пор невиданные, грандиозные размеры, захватывая все страны капитализма.

Кризис наглядно показывает, что буржуазия «неспособна оставаться далее господствующим классом общества и навязывать условия существования своего класса всему обществу в качестве регулирующего закона. Она неспособна господствовать, потому что она неспособна обеспечить своему рабу существование даже в пределах его рабства, потому что она вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того, чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, т. е. ее жизнь более несовместима с обществом» [4]).

---

[1]) Энгельс, Развитие социализма, нем. изд., стр. 36.
[2]) Каутский, Материалистическое понимание истории, стр. 546, нем. изд.
[3]) Каутский, Материалистическое понимание истории, стр. 550.
[4]) «Коммунистический манифест», ИМЭЛ, Партиздат, 1932 г., стр. 28.

и в то же время в недрах капитализма уже созрели материальные предпосылки для перехода к коммунизму.

Теоретики буржуазии и II интернационала обнаруживают полную беспомощность, полную неспособность разобраться во всей совокупности этих явлений. Только Ленин, являющийся представителем диалектического материализма, продолжателем дела Маркса и Энгельса, развивший, конкретизировавший их учение в новых условиях, сумел вскрыть все противоречия новейшей стадии развития капитализма—империалистической его стадии. Маркс доказал неизбежность роста монополий при развитии капитализма, но он нигде никогда не говорил, что монополия устранит конкуренцию. Пока существует капитализм, конкуренция будет продолжать существовать.

«Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма,—говорит Ленин,—«спутывает» со свободой конкуренции монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм не может. Империализм есть отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами,—вот существеннейшая особенность империализма вообще» [1]).

Ленин, как никто другой, глубоко изучил все противоречия, все особенности империализма и убедительно, теоретически доказал в ряде работ еще до начала революции 1917 г., что время социалистической революции наступило. Метод диалектического материализма, помогающий видеть действительность во всей ее конкретности, был в руках Маркса, Энгельса и Ленина могучим теоретическим оружием. Пользуясь им, они давали поразительные образцы научного предвидения. Так например Энгельс в 80-х годах нарисовал удивительно правильную картину будущей войны в предисловии к брошюре Боркгейма «На память немецким убийцам-патриотам» (1806—1807 гг.) (см. статью Ленина «Пророческие слова», Соч., т. XXIII, стр. 105—106). В октябре 1916 г. Ленин отчетливо наметил своеобразие, последовательность и ход неизбежно наступающей социалистической революции

«Социалистическая революция в Европе не может быть не чем иным,— писал Ленин в 1916 г.,—как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней—без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция—и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но объективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне раздробленной массовой борьбы, сможет об'единить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков» [2]).

Теперь, после огромного опыта пролетарской революции, на основе опыта диктатуры пролетариата в СССР, существующей уже 14 лет, мы видим, как глубоко верна картина хода революции, нарисованная Лениным. Можно было бы проследить, как в его формулировках намечены линии развернувшихся впоследствии событий.

Ленин показал неизбежность социалистической революции и исторический ход блестяще подтвердил и это теоретическое предвидение.

[1]) Ленин, Материалы к пересмотру партийной программы, апрель 1917 г., Собр. соч., т. XX, стр. 297.

[2]) Ленин, Итоги дискуссии о самоопределении. Осень 1916 г., Собр. соч., т. XIX, стр. 268.

«Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, тем самым необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание,—никакое восстание не создает социализма, если он не созрел экономически,—а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»[1]).

Являясь верным, последовательным представителем революционного марксизма, который своей необходимой составной частью предполагает «смелую историческую деятельность», Ленин не только теоретически изучил особенности империалистической стадии капитализма, вскрыл противоречия империализма и показал, что империализм — это канун пролетарской революции, — он принял непосредственное участие в практическом совершении перехода от капитализма к коммунизму через диктатуру пролетариата. Под прямым руководством Ленина совершилось взятие власти пролетариатом и организация советской власти. Так осуществилось теоретическое научное предвидение Маркса о диктатуре пролетариата. И эта новая власть победила вооруженное сопротивление эксплоататоров в продолжительной гражданской войне.

Переход к коммунизму совершается через классовую борьбу пролетариата, через его диктатуру. Это со всей ясностью указал Маркс: учение о диктатуре пролетариата является основным в марксистской теории перехода от капитализма к коммунизму. Такова диалектика исторического развития, и ее непреложная необходимость полностью подтверждается на деле, на практике, тем историческим развитием, которое происходит в СССР.

После взятии пролетариатом власти классовая борьба не прекращается, а наоборот обостряется. Вот какое раз'яснение дает Ленин значению и содержанию этого диалектического процесса.

В одной заметке, написанной им вскоре после установления диктатуры пролетариата в России, в январе 1918 г., Ленин говорит:

... «запуганные доведением классовой борьбы до крайнего обострения ее превращением в гражданскую войну, единственно законную, единственно справедливую, единственно священную, — не в поповском, а в человеческом смысле слова священную войну угнетенных против угнетателей за их свержение, за освобождение трудящихся от всякого гнета. В сущности все эти придавленные, оглушенные, запуганные буржуа, мелкие буржуа и «служащие при буржуазии» руководятся, часто сами не сознавая этого, тем старым, нелепым, сентиментальным, интеллигентски-пошлым представлением о «введении социализма», которое они приобрели «по-наслышке», хватая обрывки социалистического учения, повторяя перевирание этого учения невеждами и полузнайками, приписывая нам, марксистам, мысль и даже план «ввести» социализм. Нам, марксистам, такие мысли, не говоря о планах, чужды. Мы всегда знали, говорили, повторяли, что социализма нельзя «ввести», что он вырастает в ходе самой напряженной, самой острой, до бешенства, до отчаяния острой, классовой борьбы и гражданской войны, — что между капитализмом и социализмом лежит долгий период «родовых мук», что насилие всегда бывает повивальной бабкой старого общества, — что пе-

---

[1]) Ленин, Грозящая катастрофа и как с ней бороться, сентябрь 1917 г. Собр. соч., т. XXI, стр. 87.

реходному периоду от буржуазного к социалистическому обществу соответствует особое государство (т. е. особая система организованного насилия над известным классом), именно: диктатура пролетариата. А диктатура предполагает и означает состояние придавленной войны, состояние военных мер борьбы против противников пролетарской власти. Коммуна была диктатурой пролетариата, и Маркс с Энгельсом ставил в упрек Коммуне, считали одной из причин ее гибели то обстоятельство, что Коммуна недостаточно энергично пользовалась своей вооруженной силой для подавления сопротивления эксплоататоров.

«В сущности все эти интеллигентские вопли по поводу подавления сопротивления капиталистов представляют из себя не что иное, как отрыжку старого «соглашательства», если говорить «вежливо». А если говорить с пролетарской прямотой, то придется сказать: продолжающееся холопство перед денежным мешком — вот суть воплей против современного рабочего насилия, применяемого (к сожалению слишком еще слабо и не энергично) против буржуазии, против саботажников, против контрреволюционеров...

«Когда буржуазия и привыкшие служить ей чиновники, служащие, врачи, инженеры и пр. прибегают к самым крайним мерам сопротивления, это ужасает интеллигентиков. Они трепещут от страха и вопят еще более визгливо о необходимости вернуться к «соглашательству». Нас же, как и всех искренних друзей угнетенного класса, крайние меры сопротивления эксплоататоров могут лишь радовать, ибо мужания, созревания пролетариата к власти мы ждем не от уговоров и уговариваний, не от школы сладеньких проповедей или поучительных декламаций, а от школы жизни, от школы борьбы. Чтобы стать господствующим классом и окончательно победить буржуазию, пролетариат должен научиться этому, ибо сразу ему неоткуда взять такого умения. А научиться надо в борьбе. А учит только серьезная, упорная, отчаянная борьба. Чем более крайним является сопротивление эксплоататоров, тем энергичнее, тверже, беспощаднее, успешнее будет подавление их эксплоатируемыми. Чем разнообразнее будут попытки и потуги эксплоататоров отстоять старое, тем скорее обучится пролетариат выгонять своих классовых врагов из их последних закоулков, подрывать корни их господства, устранять самое почву, на которой наемное рабство, нищета масс, нажива и наглость денежного мешка могли (и должны были) произрастать.

«По мере сопротивления буржуазии и ее прихлебателей растет сила пролетариата и присоединяющегося к нему крестьянства. Эксплоатируемые крепнут, мужают, растут, учатся, скидывают с себя «ветхого Адама» наемного рабства, по мере того, как растет сопротивление их врагов — эксплоататоров. Победа будет на стороне эксплоатируемых, ибо за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого простонародья, рабочих и крестьян. За ними победа» [1]).

Таков урок материалистической диалектики, преподанной Лениным. Это лишь один из бесконечного количества образцов, которых можно было бы привести множество. Этот образец показывает, что научный социализм Маркса, Энгельса и Ленина основан на классовой борьбе (это открытие составляет заслугу Маркса), а не на утопиях, на добрых пожеланиях, на фантазиях. Марксизм-ленинизм вскрывает глубокую правду, как бы тяжела и неприятна она ни была, правду действительного хода исторического развития, действительного перехода от капитализма к социализму. То, что гово-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 155—157.

рит здесь Ленин, является лишь развитием того, что говорили Маркс и Энгельс.

В 1846 г. Маркс и Энгельс писали в своей работе «Немецкая идеология»: «Революция неизбежна не только потому, что господствующий класс не может быть свергнут никаким иным путем, но и потому, что свергающий класс только в революции может притти к тому, чтобы освободиться от всей старой грязи, чтобы стать способным к созданию нового общества». На одном из заседаний Союза коммунистов в 1850 г. Маркс в своей речи говорил, обращаясь к рабочим: «Вам предстоит пережить 15, 20, 50 лет гражданских войн и битв народов, не только, чтобы изменить строй, но чтобы изменить и себя самих и сделать способными к политическому господству». В 1871 году в знаменитой брошюре «Гражданская война во Франции 1871 г.», написанной по поводу Парижской коммуны, Маркс опять повторяет эту мысль. Он говорит там, что рабочий класс знает, что «для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства» [1]).

И действительный ход истории подтверждает правильность великого диалектического закона, выдвинутого Гегелем, закона развития через борьбу противоположностей. Это блестяще подтверждает опыт борьбы и строительства в СССР.

И еще один закон гегелевской диалектики, материалистически примененный и обоснованный марксизмом, подтверждается ходом исторического развития — закон диалектического отрицания. Коммунистическая революция является диалектическим отрицанием капитализма в том смысле, что пролетариат не просто разрушает и отбрасывает прочь капитализм, но, уничтожая капиталистические производственные отношения, возводит на высшую ступень, дает полное развитие всем тем культурным завоеваниям, которые достигнуты предшествующим развитием.

«Гигантская сила расширения крупной промышленности, — говорит Энгельс, — такова, что расширяемость газов сравнительно с нею — просто детская игрушка» [2]). В рамках капитализма нет еще простора для этой могучей силы, нет еще вполне соответствующей ей возможности полного развития. Только советская система является той формой, в которой возможно быстрое развитие современного крупного общественного машинного производства. Эта форма дает достаточно простора для рационального применения и использования всех завоеваний современной техники, для развертывания всех неисчерпаемых сил многомиллионных масс пролетариата и трудящихся. Только при условии планового социалистического хозяйства возможно произвести электрификацию всей страны. Только в советском строе современные производительные силы находят себе адэкватную форму. Особенно наглядно видно это из сравнения и сопоставления того, что происходит в настоящее время в странах капитализма и в Советском союзе.

В странах капитализма — сокращение производства (САСШ в апреле 1929 г. — 620 тыс. автомобилей, в августе 1931 г. — 70 тыс.). В СССР — бурный рост крупного машинного производства, строительство и пуск гигантских предприятий. В странах капитализма — безработица, десятки миллионов безработных. В СССР — полное отсутствие безработицы, недостаток рабочих рук. В странах капитализма — снижение зарплаты, ухудшение положения рабочих. В СССР — непрерывный рост зарплаты, улучшение положения рабочих при сокращении рабочего дня и т. д. и т. д.

[1]) Маркс, Гражданская война, Библ. марксиста, 1926 г., стр. 67

[2]) Энгельс, Развитие социализма, нем. изд., стр. 35.

в СССР завершено построение фундамента социалистической экономики, и все преимущества советской системы успели уже сказаться на ходе хозяйственного развития страны.

И. В. Сталин в своем докладе на XVI с'езде ВКП(б) указал на следующие преимущества:

«1. Власть класса капиталистов свергнута и заменена властью рабочего класса;

2. орудия и средства производства, земля, фабрики, заводы и т. д. отобраны у капиталистов и переданы в собственность рабочего класса и трудящихся масс крестьянства;

3. развитие производства подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принципу планового руководства и систематического под'ема материального и культурного уровня трудящихся;

4. распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения эксплоататорских классов и их многочисленной паразитической челяди, а в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне;

5. систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребностей (покупательной способности), будучи постоянно растущим источником расширения производства, гарантирует рабочий класс от кризиса перепроизводства, роста безработицы и т. д.;

6. рабочий класс является хозяином страны, работающим не на капиталистов, а на свой собственный класс» [1]).

Указанные черты советской системы ведут к необычайному под'ему трудовой энергии масс, к превращению труда из тяжелой каторги в условиях капитализма «в дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». Темпы хозяйственного развития СССР таковы, каких не бывало в истории развития никакой капиталистической страны.

Прирост народного дохода за год в САСШ, в Англии, в Германии в наиболее счастливые периоды «процветания» никогда не превышал 6%. В СССР в 1927/28 г. он составлял 9,8%, в 1928/29 г.—12,6%, в 1929/30 г.—20%. (И. В. Сталин. Политический отчет ЦК XVI с'езду ВКП(б). Вопросы ленинизма Партиздат, 1932 г., стр. 504).

Особенно поразительно быстрое развитие крупного сельского хозяйства — колхозов и совхозов. СССР стал в течение последних 3 лет страной крупного сельского хозяйства.

Могучие силы социалистического труда создают чудеса. В течение 2—3 лет вырастают крупные промышленные центры в тех местах, где до этого была тундра, тайга, глушь, степь. Там, где население на квадратный километр изображалось в мелких дробных цифрах, вырастают крупные промышленные центры (Магнитогорск, Хибиногорск, Кузнецкий бассейн и т. д. и т. п.).

В крайне трудных условиях, преодолевая сопротивление всего капиталистического мира, используя лишь собственные средства, пролетариат и более сотни миллионов трудящихся в СССР строят социалистическое хозяйство, совершают тот переход, тот скачок из царства необходимости в царство свободы, о котором писал Энгельс в 1877 г. в своем «Анти-Дюринге».

«С переходом средств производства в общественную собственность устраняется товарное производство и вместе с тем господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменится планомерной, сознательной организацией. Борьба за личное существование

[1]) И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. стр. 538. Партиздат, 1932 г.

прекратится. Только тогда выделится окончательно человек, в точном смысле этого слова, из животного царства, перейдет из зоологических условий существования в действительно человеческие. Все условия жизни, созданные людьми и угнетавшие до сих пор человека, сами подчинятся тогда людям и их контролю, и люди впервые явятся сознательными, действительными господами природы, так как будут господами своих собственных производственных отношений в об'единенном обществе. Законы их собственной общественной деятельности, противостоявшие до сих пор, как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут тогда вполне сознательно применяться ими и, следовательно, подчиняться их господству... И только тогда люди начнут вполне сознательно сами создавать свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени желаемые действия. И это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы»[1]).

Великое дело могучего культурного строительства пролетарской диктатуры, перехода в «действительно человеческие» условия совершается в настоящее время в Советском союзе. Пролетарии всех стран знают, что борьба за социализм была провозглашена и начата под руководством великих вождей и теоретиков пролетариата, материалистов-диалектиков — Маркса и Энгельса. Власть буржуазии была свергнута и было начато социалистическое строительство в СССР под руководством Ленина, гениального продолжателя их дела. Социалистическое строительство расширяется и крепнет под руководством ленинской партии, ВКП(б), с ее вождем И. В. Сталиным во главе.

Теоретическим оружием, содействующим успехам этого дела, является материалистическая диалектика, которую Маркс, Энгельс и Ленин создали и развили, продолжая те гениальные идеи, которые, правда, в мистифицированной форме были выдвинуты великим диалектиком Гегелем.

---

[1]) Энгельс, Анти-Дюринг, изд, 1928 г., стр. 268.

Гегель и теория материалистической диалектики

М. Митин

I *)

На основе глубочайшего кризиса, переживаемого всей капиталистической системой, мы имеем за последний период времени и крайнее обострение кризиса буржуазной науки и философии, кризиса, который был проанализирован Лениным еще в 1908 г. Обострение классовой борьбы между двумя основными классами современности, между двумя социально-экономическими системами—капиталистической и социалистической—получают свое идеологическое выражение в виде крайнего обострения классовой борьбы в науке. В своей статье «Три источника и три составные части марксизма» Ленин писал: «Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо беспристрастной социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но в с я казенная и либеральная наука защищает наемное рабство, а марксизм об'явил беспощадную борьбу этому рабству».

То оживление на буржуазном «философском фронте», которое происходит сейчас вообще и в особенности в связи со столетней годовщиной со дня смерти великого немецкого философа идеалиста-диалектика Гегеля является яркой иллюстрацией к приведенным здесь положениям Ленина, прекрасным подтверждением марксистско-ленинского учения о партийности философии. Борьба за диалектический материализм с буржуазной философией, поворачивающей к Гегелю,—один из участков классовой борьбы современной эпохи. Второй гегелевский конгресс, состоявшийся недавно в Берлине, как зеркало, отобразил процессы классовой борьбы в науке.

Этот философский конгресс крайне симптоматичен в том отношении, что он явился очень крупным звеном в процессе фашизации науки и философии, который происходит на Западе.

Борьба между марксизмом (диалектическим материализмом) и всякого рода идеализмом, борьба между большевизмом и фашизмом, социал-фашизмом «вокруг Гегеля» — это одно из очень ярких проявлений классовой борьбы в науке, в философии, которая является отражением гигантских классовых битв современного периода.

Философия — арена жесточайшей классовой борьбы на идеологическом фронте. В философии резко обострилась борьба между двумя основными философскими направлениями — между материализмом и идеализмом. Очень хорошо характеризует классовый характер обоих этих мировоззрений (материализма и идеализма) известный католический писатель, которого никак

*) В значительно сокращенном виде первая часть этой статьи была напечатана в «Правде» в виде статьи «Классовая борьба на фин. фронте» в октябре 1931 г.

нельзя заподозрить в марксизме, Макс Шеллер в его книге «Die Wissensformen und die Gesellschaft» («Формы знания и общества»).

Он считает в этой книге характерным для пролетарского мышления или, как он выражается, для мышления «низших классов», следующие черты: реализм, материализм, эмпиризм, оптимизм и диалектический способ мышления. В противоположность этим «категориям» система мышления «высших классов», по Максу Шеллеру, складывается из таких элементов: бытие, телеология, идеализм, спиритуализм, априоризм, пессимизм и формализм.

Вряд ли надо независимо от отношения к общей буржуазной концепции Шеллера специально критиковать эти положения, которые в основном правильно характеризуют специфическую структуру мышления основных классов современного капиталистического общества.

Общеизвестно, что гегелевская философия имела реакционную, консервативную сторону в виде его абсолютного, об'ективного идеализма и революционную сторону в виде его диалектики. «Гегелевскую диалектику, — писал Ленин, — как самое всесторонне богатое содержанием и глубокое учение о развитии Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе». Однако гегелевская диалектика является идеалистической диалектикой, при чем диалектика и идеализм у него отнюдь не внешне соединены друг с другом, а органически сплетены и спаяны. Вот почему Энгельс писал в своей рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии», что «Маркс был и остается единственным, который мог взять на себя задачу выделить из гегелевской логики то ядро, которое содержит в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и выработать диалектический метод, освобожденный от его идеалистической оболочки, в той простой форме, в которой он только и является правильной формой развития мыслей».

Наш интерес к Гегелю как к самому крупному представителю немецкой классической философии есть интерес к диалектическому методу Гегеля, материалистически переработанному, поставленному с «головы на ноги». Годовщина смерти Гегеля должна явиться для нас моментом, поводом для дальнейшего развертывания борьбы за материалистическую диалектику, которая, по выражению Ленина, является «коренным теоретическим основанием», «революционной душой» марксизма. Поворот буржуазии к Гегелю обязывает нас в новых условиях развернуть с точки зрения марксизма-ленинизма критику идеализма Гегеля. Годовщина смерти Гегеля должна быть для нас моментом для дальнейшего развертывания широчайшей популяризации марксистско-ленинской философии, ленинского этапа в развитии материалистической диалектики и борьбы на два фронта—против механицизма как главной опасности, непонимающего и отрицающего диалектику, так и против меньшевиствующего идеализма, извращающего марксистскую диалектику в гегельянском духе.

Чем же вызывается в настоящее время особый интерес к Гегелю в буржуазной философской литературе? Что является причиной сильного оживления гегельянского или, вернее, неогегельянского движения в целом ряде стран Западной Европы, а особенно в Германии и Италии? Что служит основой того, что забытый Гегель вновь начинает занимать почетное место в современных государственных университетах, что его произведения усиленно читаются, изучаются, комментируются и издаются?

На этот вопрос надо еще и потому ответить, что теперь положение радикальным образом изменилось по сравнению со второй половиной XIX столетия, когда теоретиками буржуазии была проведена большая критическая

и разрушительная работа по отношению к гегелевской философии. Изменение отношения к Гегелю особенно разительно после критических работ Бахмана, Шопенгауера, Тренделенбурга, Гайма, Гартмана, после характерного оплевывания Гегеля, обращения с ним, как с «мертвой собакой», во второй половине XIX столетия, после поворота к Канту и беспредельного господства неокантианства в официальной философской литературе.

Не вычеркнуть насмешек и издевательства над Гегелем например «философа мещанства» Шопенгауера, отнюдь не одинокого в этом деле, который величая Гегеля не иначе, как «пачкуном бессмыслиц и губителем умов». В своей работе «Об университетской философии» он писал: «Как худшее, что может случиться с государством, это если бразды правления попадут в руки негоднейшего класса, подонков общества, так и для философии и всего от нее зависящего, т.-е. для всего знания и духовной жизни человечества ничего не может быть хуже, чем если дюжинная голова, отличающаяся только, с одной стороны, своей угодливостью, с другой — своей наглостью в писании бессмыслиц, словом, какой-нибудь Гегель, с величайшей, прямо беспримерной настойчивостью провозглашает себя величайшим гением, в котором философия наконец навсегда достигла своей желанной цели».

И, несмотря на это, опять интерес буржуазии к Гегелю!

Буржуазная философия давно уже прошла тот исторический рубеж, который отделяет период восходящего развития этой философии от периода ее упадка и разложения.

Именно с Гегелем заканчивается период восходящего развития буржуазной философии. Первый период после поражения гегелевской философии нанесенного ей марксистской философией, философией революционного пролетариата, буржуазия питалась жалкими эклектическими философскими системами. Эпоха так называемого органического развития капитализма, наступившая после бурной революционной середины прошлого века, сделала наиболее модной среди буржуазного философского лагеря философию Канта. Буржуазии казалось, что с Кантом, вернее с неокантианством, она переживает свою вторую философскую молодость, что начинается новая полоса восходящего развития буржуазной философии, как в свое время с философии Канта началась эпоха классической немецкой идеалистической философии. Однако начавшаяся эпоха империализма, эпоха загнивания капитализма, эпоха пролетарских революций внесла новую растерянность в ряды буржуазной философии. Разразившийся в самом начале XX века кризис естествознания еще более обострил растерянность и разложение буржуазной философии. Лучшие представители естествознания стихийно потянулись к диалектическому материализму. Другая же часть естествоиспытателей вместе с буржуазной философией тщетно искала ответов на новые вопросы, выдвинутые новой эпохой, в покрытых плесенью философских системах Юма, Беркли и др.

Всемирная империалистическая война 1914 — 1918 гг. «потрясла всю систему мирового капитализма и положила начало периоду его общего кризиса». Этот кризис глубоко захватил собой и буржуазную философию и науку. Нынешний экономический кризис, развернувшийся на базе общего кризиса капитализма и являющийся «самым серьезным и самым глубоким из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов» (Сталин) наиболее ярко обнажил и обострил те процессы в развитии буржуазной философии, которые наметились в ней с началом эпохи империализма и особенно с началом периода общего кризиса капитализма.

Направление в развитии буржуазной философии в современный период коротко может быть определено как поворот к философии Гегеля в ее модернизированных формах.

Шумиха, поднятая в буржуазном философском лагере в связи со столетней годовщиной со дня смерти Гегеля, является лишь одним из внешних проявлений поворота буржуазной философии к Гегелю.

В модернизировании философии Гегеля буржуазия пытается найти себе еще раз философское оружие.

Можно отметить две основных причины современного интереса и поворота к Гегелю в буржуазной философской литературе.

Основная причина оживления интереса к Гегелю состоит в том, что в связи с мировым кризисом капитализма и обострением всех его противоречий мы имеем известный рост, усиление, развитие фашизма в главных европейских странах, в частности в Германии. Реакционная, консервативная, идеалистическо-мистическая система гегелевской философии, очень привлекательная для фашизма, может быть использована в качестве теоретической базы для него, может вызвать, и действительно вызывает к себе, с его стороны особый интерес.

Абсолютный идеализм Гегеля служит базой для самых диких современных мистических, идеалистическо-религиозных воззрений фашиствующего буржуа. Активная черта немецкого классического идеализма, действенность гегелевской философии, является очень привлекательной для активистического, наступательного, действенного характера современного фашистского движения. Освящение со стороны Гегеля абсолютным духом его философии современной ему прусской монархии, национализм и шовинизм, характерные для произведений Гегеля,—все это крайне симпатично уму и сердцу, империалистическо-захватническим, националистическо-фашистским настроениям буржуазии.

Современное неогегельянское движение, в значительной своей части переплетающееся с фашизмом, имеет глубокие социальные корни, глубокую внутреннюю социальную подоснову.

Материалы первого международного гегелевского конгресса, который происходил в прошлом году в Гааге, дают более или менее исчерпывающую характеристику современного неогегельянства.

Так например один из докладчиков на прошлогоднем гегелевском конгрессе—Биндер—по вопросу «Свобода как право» (о гегелевской «Философии права») говорил о том, что либерализм не в состоянии в настоящее время побороть марксистскую теорию государства, что он беспомощен перед «сумасбродными требованиями социализма», что только крепкая государственность, опираясь теоретически на гегелевское учение о государстве, может справиться с марксизмом.

Он писал: «Вполне последовательно, что социализм не играет никакой роли у Гегеля: это происходит не вследствие того, что Гегель был философом сытой буржуазии, как это часто утверждали в нежелательном для него смысле, но вследствие того, что Гегель впервые нашел правильное понятие государства, в котором снят эгоизм, как движущий принцип гражданского общества».

Так Биндер, опираясь на Гегеля, использовывая его философию права, борется с «требованиями социализма», с марксизмом. Сам он следующим образом интерпретирует сущность учения Гегеля о государстве, о свободе и необходимости.

«Так как дух бога и божественная воля действительны только в нашем сознании и через наше сознание и так как история развития человеческого духа есть вместе с тем история осуществления божественного духа в мире, то наша свобода становится тем более действительной, чем более мы поднимаемся к сознанию нашей зависимости от воли бога, чем более наша индивидуальная воля умерщвляется в пользу божественной воли... Мы тем более свободны, чем более мы осознаем себя марионетками в руках бога».

Так борется в настоящее время с коммунизмом «марионетка в руках бога» и действительная марионетка в руках современного фашизма—буржуазный профессор Биндер.

Особенно изощряются фашистские неогегельянцы в вопросе о нации и государстве. В центре философских и социологических воззрений фашистских «теоретиков» стоит вопрос о нации. Гегелевские категории «целое и часть», «общее, особенное и единичное», «единство», «целостность» и т. д и т. п., безбожно эксплоатируются фашистами для оправдания своего террористического господства. Нация — это целостность; нация — это общность, которая снимает и высоко стоит над единичным — личностью. Вся история — вопреки ненавистному марксизму — есть не история классовой борьбы; а история борьбы наций, история борьбы «национальных духов», «народных духов» и т. п. Национализм — против коммунизма, против марксизма — вот основной лейтмотив фашистских «теоретиков» и фашистских политиков; национализм—вечная категория—вот излюбленные выводы фашистских философов. Гегелевская «Философия истории», его же «Философия права» — основные произведения, от которых они отправляются. Прусский госфилосов первой четверти XIX века — Гегель — знамя современного фашизма. В тесной связи с проблемой нации находится проблема государства. Целая плеяда фашистских «теоретиков» занимается теоретической разработкой этого вопроса (Геллер, Шпан, Биндер, Моро и др.). Оказывается, что «национальный дух»—нация—получает свое высшее воплощение в государстве. Оно становится превыше всего, выше культуры, религии: оно—высшее воплощение нравственности. Гегель делается отцом современного фашистского корпоративного государства (Джентиле). Совершенно понятно то обстоятельство, что Гегель превращается даже в духовного прародителя современного империализма (Иоганн Пленче, Брунович).

Во-вторых, интерес к Гегелю несомненно связан с современным кризисом буржуазной науки. Этот кризис, ставший всеобщим, характеризуется полным распадом старых форм и методов мышления. Все чаще и чаще раздаются голоса ученых различных областей науки, голоса философов, естественников, социологов о назревшей потребности в логической, методологической революции. Все чаще можно слышать указания о необходимости «новой логики», «новой философии», или, как некоторые говорят, «новой таблицы категорий». Жгучую потребность современной науки в новой методологии по-своему выразил и Витерсма на первом гегелевском конгрессе в Гааге, когда он характеризовал «трагизм современной культуры» и «тоску по единой науке наук».

Единственный выход из всеобщего кризиса науки возможен только на пути диалектического материализма, на пути методологии и мировоззрения единственного прогрессивного, революционного класса современной эпохи — пролетариата. Это является теоретическим выражением того, что единственно возможный выход из всеобщего кризиса всей капиталистической системы возможен только на пути диктатуры пролетариата и строительства социалистического общества.

Однако проникнутые классовыми предрассудками представители буржуазной философии и науки, преисполненные страхом перед материализмом и материалистической диалектикой, «ученые мужи», не удосуживающиеся даже познакомиться с богатейшей литературой по марксистской философии, наполненные ненавистью к коммунизму и смертным ужасом перед пролетарской революцией, ищут выхода из кризиса науки в самых крайних выражениях идеализма, мистики и религиозного мировоззрения. Все это определяет интерес к идеалистической методологии и идеалистической диалектике, великим творцом и гениальным мастером которой был абсолютный об'ективный идеалист Гегель.

Пора разделаться с довольно вульгарным представлением, которое часто встречается на страницах нашей печати, будто буржуазная философия обращается только к идеалистической системе Гегеля, оставляя якобы со-

вершенно в стороне диалектический метод. Современное неогегельянство характерно также тем, что оно не проходит мимо и диалектики Гегеля. В условиях империализма, в обстановке исключительного обострения классовых противоречий и классовой борьбы проходить мимо логики противоречий буржуазным, фашистским «ученым» трудно.

Мы имеем очень много «трудов», посвященных гегелевской диалектике, диалектике вообще. Однако внимание современных буржуазных философов к диалектике характерно тем, что она истолковывается ими исключительно мистически. Диалектика Гегеля извращается в том смысле, что всякое революционное содержание из нее выхолащивается. «Божественное» истолкование диалектики, превращение ее в софистику, превращение ее в орудие для оправдания господства капитализма, завоевания власти фашизмом, для борьбы с марксистской диалектикой — вот классовый, политический эквивалент этого «внимания» к диалектике.

Для нас поэтому большой интерес представляет современная трактовка вопросов диалектики, диалектического метода в философии фашизма и социал-фашизма.

Остановимся здесь на следующих 4 основных видах буржуазно-мистического истолкования гегелевской диалектики за последние годы в литературе, посвященной вопросам гегелевской философии: 1) спекулятивная диалектика, главным представителем которой является Кронер — глава международного гегелевского союза; 2) суб'ективно-идеалистическая трактовка Гегеля и его диалектики — главный представитель этого направления б. министр народного просвещения у Муссолини, известный итальянский философ фашист Джентиле; 3) критическая диалектика, представленная главным образом Ионасом Коном и «левым» соц.-демократом, бреславльским профессором Зигфридом Марком и наконец 4) трагическая диалектика, представленная Артуром Либертом.

Кронер—наиболее правоверный гегельянец. Кронер—ярко выраженный идеалист, мистик. Путь Кронера—путь превращения неокантианца в неогегельянца. В своем главном 2-томном произведении «Von Kant bis Hegel» («От Канта до Гегеля») он прямо заявляет, что понять Гегеля—это значит усмотреть, что выйти за его пределы абсолютно никуда нельзя. Кронер очень много говорит «об идеалистической миссии немецкого народа». Его философские работы носят ярко выраженный националистическо-шовинистический оттенок.

«Великий и возвышенный путь немецкого идеализма» изображается Кронером в его работе «Von Kant bis Hegel» следующим образом:

«В Канте мышление сосредоточивается на себе самом, чтоб найти в себе, в «Я» основу мира. В Фихте оно открывает бога в глубинах «Я». В Шеллинге оно склоняется к тому, чтобы искать бога непосредственно в мире (приближение к Спинозе и к Бруно). В Гегеле оно заканчивает тем, что построяет миры из абсолютного или божественного Я. На этом пути нет нигде остановки движения: кто начинает этот путь, тот втягивается в движение и уносится дальше вплоть до конца» (Band, 1, S. 16).

Кронер считает—поворот к Гегелю необходим для того, чтоб утвердить в философии господство спекулятивной метафизики место кантовского критицизма, господствовавшего до самого последнего времени. Кронер много раз подчеркивает, что изучение Гегеля даже независимо от общего отношения к нему необходимо потому, что это высокая школа, «которая открывает духу научный доступ к проблемам метафизики».

Если гегелевская система абсолютного идеализма была такой системой, которая базировалась, как это неоднократно указывалось Марксом, Энгельсом, Лениным, на богатом конкретно-историческом материале, то у этого эпигона Гегеля—совершенно выхолощенная умозрительная спекуляция. У него

очень сильно звучит интуитивистическое, иррационалистическое истолкование Гегеля. Вот как он определяет, что такое диалектика: «Гегель — иррационалист, потому что он диалектик, потому что диалектика есть превращенный в метод, сделанный рациональным иррационализм, потому что диалектическое мышление есть рационально-иррациональное мышление».

Развивая свое «иррационалистическое» истолкование Гегеля, он пишет: «Мышление Гегеля в такой же степени рационально, в какой оно иррационально, сверхрационально или антирационально» (т. II, стр. 271). Смысл этого иррационализма в вопросах диалектики у Кронера очень хорошо раскрывается следующим его соображением. Он пишет: «Диалектика не есть рациональное, рассудочное мышление, или она является не только им, но вместе с тем и самодвижением абсолютного духа».

Посмотрим теперь, как Кронер истолковывает закон единства противоположностей, закон противоречий. Он проводит различие между «эмпирическим противоречием» и «противоречием спекулятивным». Вот как характеризует он оба вида противоречий, связанные с двумя видами познания. «Эмпирическое познание,—пишет он,—не имеет права противоречить себе: оно должно избегать противоречия». Тут, по Кронеру, господствует формальная логика. Совсем другое дело спекулятивное познание, спекулятивное противоречие. «Спекулятивное противоречие результирует из спекулятивной рефлексии, подобно тому, как эмпирическое противоречие результирует из эмпирической рефлексии. Но в то время как эмпирическое противоречие (так же, как и эмпирическое отрицание) возникает через ложное эмпирическое суждение и потому в двояком смысле должно быть избегаемо (во-первых, потому, что утвердительное и отрицательное эмпирическое суждения не могут быть оба истинны, и во-вторых, потому что отрицание вообще является здесь лишь следствием эмпирического заблуждения, которого надо избегать, или, другими словами, следствием ложного суждения, являющегося об'ективным коррелатом эмпирического заблуждения),—спекулятивное противоречие совершенно неизбежно, ибо спекулятивная рефлексия (и спекулятивное отрицание) обязана своим происхождением не отклонению от положительного спекулятивного познания и строится не на заблуждении и ложном суждении, но является необходимым моментом спекулятивного познания...

Спекулятивное познание не есть эмпирическое познание, ибо оно есть познание Себя (самопознание)».

Вот как характеризует Зигфрид Марк основную идею гегельянства по Кронеру. Он пишет: «Путь бесконечного божественного духа к самому себе через мир и через конечного духа — вот основной мотив гегелевской философии».

Итак кронеровская интерпретация гегелевской философии и диалектики сводится к следующим моментам: 1) взамен критицизма Канта — требование возврата к спекулятивной метафизике, 2) сплошной идеализм, поповщина, мистицизм и иррационализм, 3) сведение диалектики исключительно к спекулятивной диалектике и 4) истолкование самой диалектики как выражения иррационализма. Такова в общем спекулятивная диалектика Кронера.

Общая основа итальянской, фашистской интерпретации Гегеля—это полное перенесение диалектики в «лоно духовной деятельности». Суб'ективно-идеалистическая диалектика, диалектика активного мыслящего суб'екта—вот основа «реформы гегелевской диалектики» со стороны фашиста Джентиле. Крайне характерная черта для итальянского неогегельянства—это его строжайший активизм, обоснование крайней действенности, крайней активности суб'екта.

Фашистская действенность и активность в борьбе с рабочим движением получают довольно яркое идеологическое выражение в актуализме Джентиле. Основной смысл этой «активности» представителей обреченного класса со-

стоит не в чем ином, как в остром противодействии об'ективной исторической необходимости, не в чем ином, как в попытке суб'ективным активизмом задержать неумолимый ход истории, необходимую победу пролетариата. Поэтому философия Джентиле есть яркое выражение крайнего суб'ективизма. Он видит единственную опору творчества и деятельности в деятельности самого духа. История, по мнению Джентиле, оказывается исключительно продуктом этого свободного творческого духа. Историческая необходимость оказывается только необходимостью этого духа. Так как познание действительной исторической необходимости, действительных исторических закономерностей для представителей буржуазии было бы способно посеять только отчаяние, то поэтому долой эту необходимость. Действительность, по Джентиле,—это абсолютная чистая суб'ективность. Он различает мыслящее мышление и мыслимое мышление. Не только вещи, предметный материальный мир растворяется Джентиле в мышлении, но и мысли растворяются в мышлении. В этом—смысл его мыслимого мышления. Диалектика, по Джентиле, присуща только духу. Вещи, природа, мир—косные продукты диалектики духа. Джентиле недоволен диалектикой Гегеля. Он «реформирует» ее. Диалектика Гегеля с его точки зрения слишком «об'ективна», слишком «предметна». Диалектика же, по Джентиле, есть свобода Я.

Таков другой вид современной неогегельянской фашистской интерпретации диалектики Гегеля.

Наиболее распространенный, особенно в Германии, вид интереса к гегельянской философии—это попытки сочетать Гегеля с Кантом. Зигфрид Марк, представитель так называемой «критической диалектики», и является как раз одним из характерных философов, проводящих такое соединение.

До настоящего времени, можно сказать, официальной философией II интернационала наряду с сильным махистским течением является неокантианство. Всем известны подобного рода работы социал-фашистов Форлендера, Макса Адлера и т. д. Однако фашизирующаяся буржуазия поворачивается к Гегелю. Неокантианство, махизм, феноменологизм у буржуазных философов сменяется неогегельянством, которое органически срастается с фашизмом. И философы современной социал-демократии в соответствии с общим процессом фашизации социал-демократии спешат об'единить Канта с Гегелем.

Зигфрид Марк в этом отношении—крайне характерная фигура. Зигфрид Марк крайне эклектичен. Этот «левый» социал-фашист — типичный буржуазный профессор старой немецкой школы. Никаких элементов даже марксистской фразеологии у него нет. Зато в его двухтомнике «Диалектика в философии современности» есть ряд страниц, специально посвященных критике ленинских философских взглядов. О них мы скажем дальше.

Зигфрид Марк является представителем «критической диалектики». «Критическая диалектика», по его мнению, является тем «типом философствования», который проявляется в целом ряде философских направлений современной Германии («Теория диалектики» Ионаса Кона, «Психология мышления» Хенигсвальда, «Учение об идеях» Б. Бауха, «Учение о значимости» П. Гофмана, «Феноменология познания» Кассирера, «Диалектическая феноменология» Литта). «Критической диалектике», по мнению З. Марка, принадлежит будущее. В чем же суть этой критической диалектики? В идее соединения диалектики Гегеля с кантианским критицизмом. Эту идею наиболее полно и обстоятельно разработал И. Кон в своей книге «Theorie der Dialektik». Зигфрид Марк неоднократно заявляет о своем согласии с Коном. Он противопоставляет критическую диалектику диалектике спекулятивной или метафизической, классическим представителем которой он считает самого Гегеля, а среди современных философов—неогегельянца Кронера.

Ионас Кон, с которым согласен Марк, считает, что «надо освободить основную идею его (т. е. Гегеля) диалектики от рационалистического заблуждения и его последствий: одномерности, финитизма и творческого отрицания». Под «одномерностью» Кон разумеет монистический характер философии Гегеля, его попытку вывести всю свою систему из одного единого философского принципа. Под «финитизмом» Кон понимает абсолютно законченный характер, с претензией на который выступала гегелевская философия. Наконец, отрицая «творческий характер» отрицания, Кон выступает против гегелевского закона отрицания отрицания. Мы видим таким образом, что критика Кона, относящаяся к Гегелю, указывая на реакционный характер гегелевского идеализма («абсолютно-законченный характер системы»), вместе с тем направлена также против некоторых важнейших моментов гегелевской диалектики. Критика Гегеля со стороны Ионаса Кона—это критика с точки зрения идеализма более непоследовательного, более низшего типа, с точки зрения позитивистского, эклектического идеализма.

Зигфрид Марк «углубляет» коновскую критику гегелевской диалектики. Он считает, что основной недостаток этой диалектики заключается в «основной метафизической предпосылке... в самодвижении». Критикуя гегелевский идеализм с точки зрения пошлого, вульгарного, эклектического идеализма, З. Марк одновременно с этим выступает против диалектики самодвижения, против диалектического закона борьбы противоположностей. Он старается выхолостить всякие революционные моменты из диалектики, особенно роль «творческого отрицания» и «самодвижение» в результате борьбы противоположностей.

Зигфрид Марк считает, что «критическая диалектика должна ограничить себя сферой нашего мышления». Переходя затем к марксистской диалектике, Зигфрид Марк изо всех сил старается доказать ее «ненаучность». Особенно ненавистна Марку глубокая внутренняя связь, которая существует между диалектикой и материализмом. Он направляет ряд страниц своей книги против диалектического материализма, обнаруживая при этом типичное невежество буржуазного профессора в вопросах, касающихся марксизма. Вот что например он пишет: «У Маркса мы находим сохранение гегелевской методики, ее оригинальное и глубокое преобразование и вместе с тем ее перенесение на такую почву, где она обречена на увядание или отмирание. Даже в сознании самого Маркса простое «кокетничанье» гегелевской терминологией стоит бок о бок с центральной важностью диалектики для всего исторического материализма. В перипетиях развития Маркса дело так и не дошло (между «критикой гегелевской философии права» и экономической системой) до построения самостоятельной методологии, которая проектировалась как всеохватывающая диалектика. Поэтому за марксистской диалектикой приходится обращаться к резюмирующей интерпретации Энгельса, которая отчасти сознательно популяризирует эти мысли, отчасти же непроизвольно опошляет их. Однако на основе этой интерпретации развилась **вульгарная диалектика**, которая была канонизирована официальным коммунизмом (Ленин, Бухарин, Деборин).

Вряд ли придется для нашего читателя комментировать и подробно критиковать эту пошлятину против марксизма, которую написал «левый» социал-фашист Зигфрид Марк, обнаруживая исключительное невежество в основных проблемах марксистской философии. Прежде всего характерно здесь противопоставление Энгельса и Маркса. Марк в этом не «оригинален», он повторяет избитый, заплесневелый, но довольно излюбленный «метод критики» марксизма со стороны буржуазных профессоров и всякого рода ревизионистов. Далее — чего стоит похабный вывод этого социал-фашистского «профессора», этого верного пса капитализма против «вульгарной диалектики» Ленина. Наконец весьма симптоматично, что Марк взял за одну

скобку Ленина, Деборина и Бухарина. Однако он и на этом не останавливается. Он «критикует» «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина.

Вот одно из мест, направленных против Ленина: «Некоторые нападки Ленина (он имеет в виду ленинский «Материализм и эмпириокритицизм».— *М. М.*) идут в направлении реальной диалектики, также и в критике познания (т. е. в области гносеологии); давая отпор суб'ективно-эмпирическому, следовательно некритическому идеализму махистов, Ленин высказывает некоторые справедливые мысли. Но упрямое удерживание наивной основы и вытекающее из него спаривание (связывание, насильственное соединение Verkoppelung) диалектики с материализмом отнюдь не есть почва для всеохватывающей философии марксизма, для развернутой философии марксизма, для развернутой марксистской диалектики».

Для идеалиста кантианского толка, эклектически сочетающего Канта с Гегелем, для врага материализма Марка совершенно неприемлемы с о е д и н е н и е, с в я з ь, сплетение материализма и диалектики. И сколько у него хватает сил, он борется против диалектического материализма.

Таков этот третий вид «диалектики», так называемой «критической диалектики». Перейдем теперь к следующему виду буржуазного истолкования диалектики, к так называемой «трагической диалектике».

Крайне интересной фигурой на буржуазном «философском фронте» является автор и творец так называемой т р а г и ч е с к о й д и а л е к т и к и Артур Либерт. Пожалуй в области идеологии этот философ буржуазии с наибольшей яркостью, смелостью и последовательностью выразил всю безнадежность положения буржуазии и безвыходность ее противоречий.

В своей книге «Мир и дух диалектики» он обвиняет Гегеля в том, что его диалектика якобы носит гармонистический, гуманистический характер, потому Гегель «снимает», разрешает противоречия. С его точки зрения, должен быть создан тип диалектики, «который не может быть больше для нас путем для «снимания» противоположностей». Диалектика должна, по его мнению, помогать нам с «неумолимостью» обнажать «неуничтожимые» антагонизмы действительности», «диссонансы жизни», «наличные противоречия в сутолоке бытия».

Он пишет: «Так как, однако, философские, исторические, духовные и моральные условия, вызвавшие этот тип диалектики, решительным образом изменились, так как мы вступили, вместе с современностью, в новую духовную ситуацию, полную величайших кризисов и антиномий, то и та диалектика, которую мы защищаем, должна принять новые черты... Новый тип диалектики должен иметь т р а г и ч е с к и й х а р а к т е р. Поэтому мы можем говорить о т р а г и ч е с к о м т и п е д и а л е к т и к и».

Развивая эти мысли, Либерт вскрывает далее, так сказать, «социальные корни» такого типа диалектики. Он пишет: «И вместе с тем только она (т. е. трагическая диалектика) отвечает той духовной ситуации, которая сложилась в последние десятилетия под непреодолимым давлением тяжелых внешних и внутренних переживаний...

Век техники и хозяйства, социальных битв и гигантских организаций торговли и промышленности вызвал такое мировоззрение и такое жизнепонимание, которое далеко увело нас от классического умонастроения и представления о бытии и которое не может сообщить непосредственно действенного значения тем идеалам, которые почитались в эпоху классицизма».

По мнению Либерта, Гегель «стоит ниже того понятия диалектики, которое было достигнуто Кантом»—потому он якобы прикрывал и смягчал противоречия, что он не понял «тот глубокий трагизм, который лежит в существе диалектики».

В ряде мест с достойным усердием продолжает он подчеркивать свою основную установку, что «диалектика является для нас наиболее плодотвор-

ым средством для того, чтоб все больше и больше света пролить на диссонансы жизни, на ее неуничтожимые антиномии», что «понятие диалектики для нас не является больше вспомогательным средством для выравнивания и уравновешивания противоречий, но является выражением вполне трагической установки (вот именно!—*М. М.),* которая нас снова и снова принуждает к признанию основной кантовской антиномии бытия и долженствования...».

Вряд ли требуются особые комментарии к этим местам из произведений Либерта. Несомненно, его философские работы являются прекрасным идеологическим выражением кризиса капиталистической системы и кризиса капиталистической идеологии.

«Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад,—писал Ленин.—Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшие шатания философской мысли» (т. XIII, стр. 292).

Написанные в 1908 г., эти строки Ленина особенно свежи в настоящее время. Чем ближе капиталистическое общество к своей гибели, чем все явственней и явственней стучится в ворота пролетарская революция в капиталистических странах, тем все реакционней становится философия буржуазии, тем все более тонкие формы одурачивания масс изобретаются ее «учеными приказчиками и лакеями», тем придумываются все более утонченные формы «мерзкого, вонючего» (Ленин) фидеизма и протаскивания религиозного мировоззрения.

В настоящий период резкого обострения борьбы двух систем обострение классовой борьбы в области науки и философии приобретает все более явственные формы: у них—на Западе—идет процесс разложения, кризиса идеологии, процесс фашизации науки и философии; у нас—в СССР—мы имеем мощный расцвет науки и техники, глубокий процесс перестройки всей науки на базе диалектического материализма.

II.

В Берлине с 18 по 22 октября происходил II Гегелевский конгресс, созванный Hegelbund'ом. Характеризованное нами выше состояние современной буржуазной философии, в частности состояние современного неогегельянства, получило отчетливое выражение в работах конгресса. Этот гегелевский конгресс явился зеркалом, отразившим кризис, разложение, маразм, старческую слабость и полную импотентность буржуазной науки. Вместе с этим конгресс прошел под знаком крайней воинственности против материализма, марксизма, большевизма, коммунизма. Руководители Hegelbund'a превратили этот конгресс в националистическо-фашистское торжество, в религиозно-фашистскую демонстрацию. Воспользуемся рядом отзывов буржуазных и социал-фашистских журналистов и литераторов о характере работы конгресса. Вряд ли их можно обвинить в беспристрастном подходе. Лучших свидетелей нам не найти.

Некий Людвиг Маркузе в «Berliner Tageblatt» 22 октября напечатал статью «Профессора о Гегеле», в которой он дает общую оценку конгресса. Вот что он пишет:

«В Берлинском университете собрались последователи Гегеля из Германии, Голландии, Италии. Более, чем в дюжине больших докладов изложили они основные части учения Гегеля: Феноменологию, Логику, Философию государства, Эстетику, Философию религии. Выдающиеся знатоки сообщили с надлежащей основательностью и с глубокой любовью к своему философу об иссле-

это мелкобуржуазное представление об «основе нового общества» как о «планомерном потребительном хозяйстве».

В заключение мы приведем еще отзыв некоего Пауля Фельдкеллера об общем характере гегелевского конгресса. Вот что он пишет: «Результатом конгресса было не углубление гегелевской мысли, но ее распространение среди более широких кругов и продолжение работы над нею. Один только Николай Гартман коснулся познавательной ценности гегелевской диалектики и поставил вопросы, которые касались философии в самом тесном смысле этого слова. В остальных случаях мы слышали преимущественно признания, а не мотивировки, пересказы, а не раз'яснения. В этой связи не надо забывать, что, не взирая на всю школьную работу, наше время неблагоприятно для философии в том смысле, как ее понимало эллинское сознание и новое время. Люди примирились с миром и берут его таким, каким он есть. Но время фаустовского настроения, время того философского пафоса, который когда-то воодушевлял немецкий идеализм и последующую философию вплоть до Ницше—это время явным образом теперь прошло».

Пессимизм, «отсутствие пафоса современной буржуазии», ее старческую немощность в области науки и философии Пауль Фельдкеллер выразил в этих заключительных строках неплохо. Буржуазная философия современного периода находится в глубоком кризисе, полнейшем разброде. Современная буржуазная философия н е с п о с о б н а к какому бы то ни было творческому развитию. Исключительно, на что она способна — это на восстановление тех или иных прошлых философских направлений, которые пригодны для оправдания капиталистического рабства. Разного рода нео-течения, нео-направления — вот чем она пробавляется. Однако современные идеологи буржуазии неспособны понять даже, неспособны подняться до уровня своих классиков, неспособны уразуметь то действительно ценное и исторически-жизненное, что есть в произведениях классиков буржуазной идеологии. Это и неудивительно, ибо современный исторический этап в развитии буржуазии коренным образом отличается от того времени, когда она была революционным, восходящим, исторически-прогрессивным классом.

Современная буржуазная философия находится полностью в лоне мистики, неприкрытой поповщины, в плену самых диких религиозных предрассудков. Современное неогегельянство находится целиком и полностью на службе фашизма. Внешняя ученость, школьная мишура, университетская позолота прикрывают полную идейную дряблость и бессилие ее. II Гегелевский конгресс с совершенной отчетливостью продемонстрировал все эти процессы.

Только пролетариат является единственным наследником не только материальных производительных сил буржуазного общества и ценностей, которые он создал. Он также единственный законный наследник всего лучшего, созданного буржуазной культурой,—наукой, философией. Однако пролетариат не просто усваивает это наследство, он его перерабатывает на базе единственно-последовательного, революционного мировоззрения — на базе диалектического материализма, беспощадно выметая весь буржуазный хлам, отметая все вредные и реакционные черты, стороны, моменты.

III.

Гегелевская философия, как и всякая другая философия, является продуктом своей эпохи. Она — продукт эпохи буржуазных революций, величественное теоретическое построение. Она — отражение в идеологической сфере классовых конфликтов конца XVIII и первой четверти XIX столетия. Гегелевская философия—продукт эпохи Великой французской революции.

Гегелевская диалектика — революционная сторона его учения, эта «алгебра революции» — представляет собой теоретическое обобщение в абстрактных категориях логики революционных процессов этого исторического

периода. На гегелевском, хоть и идеалистическом, но все же революционном учении о единстве и борьбе противоположностей как основе всякого развития, на гегелевском учении о скачке, на его революционном учении об отрицании отрицания лежит печать революционной эпохи, эпохи буржуазных революций.

Непосредственное влияние революционных битв эпохи особенно чувствуется в гегелевской «Феноменологии духа», в этом наиболее революционном его произведении.

Гегель всегда с большим восторгом отзывался о французской революции. В своей «Философии истории» он писал о ней следующее: «С тех пор, как солнце светит на небе и вокруг него обращаются планеты, еще никогда не было, чтоб человек становился на голову, т. е. перестраивал действительность по идеям. Анаксагор первый сказал, что разум управляет миром; но только теперь впервые человек дошел до признания, что мысль должна господствовать в сфере духовной деятельности.

Это был величественный восход солнца. Все мыслящие люди радостно приветствовали наступление новой эпохи. Торжественное настроение господствовало над этим временем, и весь мир проникся энтузиазмом духа, как будто совершилось впервые его примирение с божеством».

В этой характеристике французской революции однако весь Гегель: Гегель-идеалист и одновременно Гегель-диалектик, Гегель-р е в о л ю ц и о н е р мысли, в котором чувствуются, как он сам о себе говорил, «взрывы революционного гнева», и Гегель-р е а к ц и о н е р, Гегель-идеалист, Гегель—создатель своей системы, стоившей ему, по его же признанию, «более тяжелой работы мысли, чем метод», и направленной в конце концов на оправдание прусской монархии.

Маркс, характеризуя философию Канта, писал, что это была «н е м е ц к а я теория французской революции». Эта характеристика может быть с правом отнесена ко всей немецкой классической философии, в особенности к Гегелю. В чем существо этой специфической характеристики, в чем существо немецкой теории революции, хорошо выясняет Энгельс в «Людвиге Фейербахе». Он там пишет:

«Подобно тому, как во Франции XVIII века, в Германии XIX столетия философская революция служила введением к политическому перевороту. Но как непохожи одна на другую эти философские революции. Французы ведут открытую войну со всей официальной наукой, с церковью, часто даже с государством; их сочинения печатаются по ту сторону границы—в Голландии, в Англии, а сами они нередко переселяются в Бастилию. Напротив, немцы — профессора, государством назначенные наставники юношества; их сочинения — одобренные начальством руководства, а система Гегеля — венец всего философского развития — как бы возводится даже в чин королевско-прусской государственной философии. И за этими профессорами, в их педантически темных словах, в их неуклюжих скучных периодах скрывалась революция?!»

Французская буржуазия штурмует твердыни феодализма, устраивает революционный террор против дворянства, воюет с феодальной реакцией всего мира; немецкая же буржуазия, дряблая и бессильная в борьбе с феодализмом, с прусским юнкерством создает в лице своих идеологов революцию в области духа, в области мышления с тем, чтоб на практике примириться с прусской монархией и это примирение даже теоретически обосновать. «Философия права» Гегеля—произведение, освящающее монархию Фридриха-Вильгельма III абсолютным духом его философской системы.

Крупнейшие философские системы, накладывающие отпечаток на развитие философии, представляющие определенные исторические ступени в развитии вроде например гегелевской философии, являются продуктом,

отображением и выражением в области идеологии классовых отношений своей эпохи в целом. В этом смысле мы говорим о гегелевской философии как об идеологии и продукте всей эпохи буржуазных революций. Однако тот или другой идеолог вырастает из отношения классов, из состояния классовой борьбы своей родины. Будучи продуктом всей эпохи буржуазных революций конца XVIII и начала XIX века в целом, гегелевская философия одновременно с этим является продуктом немецких условий, немецких классовых отношений. Гегель—идеолог немецкой буржуазии первой половины XIX столетия. Этим об'ясняются специфические реакционные выводы его системы. Энгельс в том же «Людвиге Фейербахе» писал: «Итак, уже одни внутренние противоречия системы достаточно об'ясняют, почему крайне революционный метод мышления привел к очень мирному политическому выводу. Впрочем специфической формой этого вывода мы обязаны тому, что Гегель был немец и подобно своему соотечественнику Гете — порядочный филистер. Гегель, как и Гете, был в своей области Зевс-олимпиец, но ни тот, ни другой не мог вполне отделаться от духа немецкого филистерства».

Такова в общих чертах социальная подоплека основного противоречия, проникающего от начала и до конца гегелевскую философию, — противоречия метода и системы его. «Но это значило признать абсолютной истиной,— пишет Энгельс,— все догматическое содержание системы Гегеля и тем стать в противоречие с его диалектическим методом, разлагающим все догматическое».

Гегелевская диалектика как самое всестороннее, как самое богатое содержанием, как самое глубокое учение о развитии, считает Ленин, является величайшим приобретением немецкой классической философии. Гегелевская диалектика была Марксом—Энгельсом перевернута с головы на ноги, была материалистически переработана. Материалистическая диалектика является «коренным теоретическим основанием» марксизма.

В мою задачу не входит сейчас давать подробную характеристику всей системы Гегеля; я остановлюсь только на некоторых основных моментах, характеризующих гегелевское учение как теорию идеалистической диалектики, с тем, чтобы на анализе и раскрытии ограниченностей и внутренних противоречий этой теории показать, как Маркс, Энгельс преодолевают эти противоречия, как Маркс, Энгельс **создают теорию материалистической диалектики** и как Ленин дальше развивает.

Несомненно гегелевская «Наука логики», которая и есть его развернутая идеалистическая теория диалектики, представляет собой крупнейшее произведение во всей мировой философской литературе после блестящей плеяды французских материалистов.

В чем состоят основные характерные черты гегелевской идеалистической теории диалектики? Нам придется здесь из всей суммы этих проблем отметить только те, которые необходимы для того, чтобы понять существо этой теории, а также основные проблемы теории материалистической диалектики. Это следующие: 1) **абсолютный, об'ективный идеализм Гегеля**, 2) **единство, тождество логики и теории познания у Гегеля на идеалистической основе**, 3) всесторонняя картина диалектических законов на идеалистической основе, 4) основные внутренние противоречия гегелевской системы в целом и в особенности гегелевской «Логики».

Для всякого известно, что Гегель — абсолютный идеалист. Абсолютность его идеализма заключается в том, что в центре всей его философской системы, в центре всей его логики находится развитие абсолютной идеи. Можно сказать так: гегелевская философия, вся его система в целом [illegible] по существу **один единственный предмет** и этот [illegible] предмет, это — **развитие абсолютной идеи в различных ее формах и видах проявления и осуществления**.

Гегель — о б ' е к т и в н ы й и д е а л и с т. Гегель понимает суб'ект совершенно иначе, чем понимается суб'ект в других философских системах, в частности у Канта и т. д. Гегелевский суб'ект — это не конкретный эмпирический человек; гегелевский суб'ект — это не индивидуум с ограниченным индивидуальным сознанием; гегелевский суб'ект — это не конечный человеческий дух. Суб'ект его философии — это о б ' е к т и в и р о в а н н о е с о з н а н и е, это бесконечный мыслящий дух, мысль в себе и для себя; гегелевский суб'ект — это абсолютная идея, проявляющаяся между прочим и в конечном человеческом духе. Вот что является основным предметом всей его «Логики». В этом смысле Гегель — абсолютный об'ективный идеалист.

Как он на основе своего тождества суб'екта и об'екта, на основе своего об'ективного и абсолютного идеализма понимает, что такое логика?

В «Науке и логике» он следующим образом определяет, что является предметом логики и что она представляет собой:

«Тем самым чистая наука предлагает освобождение от противоположения сознания. Она содержит в себе мысль, поскольку она есть также чистая мысль. Как наука, истина есть ч и с т о с а м о р а з в и в а ю щ е е с я с о з н а н и е и и м е е т о б р а з с а м о с т и, к о т о р а я е с т ь в с е б е и д л я с е б я с у щ е е п о з н а в а е м о е п о н я т и е, понятие же, как таковое, есть сущее в себе и для себя. Это о б ' е к т и в н о е м ы ш л е н и е е с т ь с о д е р ж а н и е ч и с т о й н а у к и. Последняя поэтому в такой малой мере формальна, сколь мало лишена материи для действительного и истинного познания, что ее содержание напротив есть единственно абсолютно истинное или, если тут можно употребить слово, «материя». Но такая материя, формы которой не есть нечто внешнее, так как эта материя есть собственно чистая мысль, стало быть абсолютная форма. Л о г и к у с л е д у е т п о э т о м у п о н и м а т ь, к а к с и с т е м у ч и с т о г о р а з у м а, к а к ц а р с т в о ч и с т о й м ы с л и. Э т о ц а р с т в о е с т ь и с т и н а, к а к о н а б е з п о к р о в а е с т ь с а м о в с е б е и д л я с е б я. Можно поэтому выразиться так, что это содержание и есть и з о б р а ж е н и е б о г а, каков он есть в своей вечной сущности до сотворения мира и конечного «духа».

В этой довольно длинной выписке дана сущность гегелевской трактовки логики. Здесь очень ярко выражен абсолютный, об'ективный идеализм его философии, выражены также его диалектика и вместе с тем внутреннее органическое противоречие его системы. Из этой характеристики гегелевской логики можно сделать прежде всего следующий вывод: Гегель на идеалистической основе п ы т а е т с я разрешить проблему с о д е р ж а н и я и ф о р м ы в логике, проблему и с т о р и ч е с к о г о и л о г и ч е с к о г о, а б с т р а к т н о г о и к о н к р е т н о г о и т. д. Из этого определения логики получается, что логика есть сама по себе истина и является содержанием самого по себе и в самом себе развивающегося мышления. Окружающий внешний мир, по Гегелю, есть по существу только прикладная логика. История есть также прикладная логика. Природа и общество — то же самое. Везде и всюду он пытается находить определения логики вместо того, чтобы постигнуть «своеобразную логику своеобразного предмета», как говорил Маркс. Приведем некоторые характеристики Маркса из его «Критики гегелевской философии права», в которых дана исключительная по своей глубине критика гегелевского идеализма. Характеризуя систему и метод Гегеля, Маркс пишет: «Интерес направлен только на то, чтобы в каждом элементе, будь то элемент государства, будь то элемент природы, снова найти чистую идею», «логическую идею» действительные же суб'екты, как например здесь «политическое устройство», становятся простыми н а з в а н и я м и и д е и, и мы в результате имеем только видимость действительного познания. Эти суб'екты суть и остаются не понятыми, не постигнутыми в их специфической осо-

бенности, определениями» (Архив М. Э., т. III, стр. 149). Маркс обнаруживает пустоту построений Гегеля, который получился у него в результате его идеализма, и *произвольность многих его построений*, проистекающих вопреки его диалектическому методу из его идеалистической системы, из его стремления к законченной, замкнутой системе.

Маркс и Энгельс были единственными мыслителями, которые дали наиболее глубокое истолкование «живого» в гегелевской философии, гениально раскрыв внутреннюю борьбу «живого» и «мертвого» в системе великого немецкого идеалиста-диалектика. Вот еще одно место из марксовой «Критики гегелевской философии права», характеризующее слабости гегелевского идеализма, как и идеализма вообще. «Конкретное содержание,— пишет Маркс,—действительное определение выступает как формальный момент, совершенно же абстрактное определение формы выступает как конкретное содержание. Сущность определений государства состоит не в том, что они являются определениями государства, а в том, что они в своей наиболее абстрактной форме могут быть рассматриваемы как логико-метафизические определения. Центр тяжести интереса лежит не в сфере философии права, а в сфере логики» (Арх., т. III, стр. 153).

Из вышеприведенного гегелевского определения логики мы видели, что Гегель на почве своего идеализма хотел разрешить проблему формы и содержания в «Логике». Этот момент Ленин неоднократно отмечает, характеризуя гегелевскую логику. Так по поводу гегелевского положения, в котором он критикует Канта: «неверно, что они «внешние формы», «формы суть лишь формы *на* содержании, а не само содержание». Ленин отмечает: «Гегель же требует логики, в коей формы были бы содержательными формами живого реального содержания, связанными неразрывно с самим содержанием» (сб. IX, стр. 39). Приводя далее гегелевскую мысль о том, что к «мысленному рассмотрению должны быть привлечены не только «внешняя форма», но и «содержание», что «с этим введением содержания в соображения логики «предметом становятся не вещи, а суть понятие вещей» — Ленин, отмечая важность этих моментов, дает одновременно чрезвычайно глубокую материалистическую трактовку этой проблемы: «не вещи, а законы их движения, материалистически», — пишет он (сб. IX, стр. 43).

Ставя так вопрос о форме и содержании, Гегель дает чрезвычайно интересную и глубокую критику формальной логики. Страницы Гегеля, посвященные критике формальной логики, особенно в его 3-й части «Науки логики», где он разбирает формальное суждение, умозаключение и формальное понятие, и во 2-й части в главе о единстве противоположностей, — это замечательные страницы.

По какой линии идет у него эта критика формальной логики? Он критикует *пустоту* формальной логики, *отрыв формы от содержания*, он говорит, что формальная логика есть только пустое *перечисление форм мышления*, что *формальная* логика не знает *перехода* одной формы в другую, не знает движения этих форм. Он показывает безжизненность и застывшую мертвенность формальной логики и выдвигает в противовес этому свое понимание понятия, связанное со всей его системой в целом. Гегелевское понятие — антипод формально логическому понятию. Однако это — антипод идеалистический. Понятие у Гегеля — это тождество формы и содержания, суб'екта и об'екта, полное сведение бытия к мышлению. Гегелевское понятие — демиург действительности. Его понятие — идеалистическое единство противоположностей.

Чтобы преодолеть безжизненность, мертвую пустоту формальной логики, «достойную презрения и насмешки», как он выражается, Гегель придал понятию жизненность внутреннюю борьбу противоречий, самодвижение. Чтобы преодолеть формализм, Гегель в своей философии, в своем учении о

понятии срастил мыслительную форму с содержанием. Однако это сращение оказывалось таким, что понятие преодолевало, пожирало предметный, об'ективный мир.

Чтобы нанести удар по статистическим пустым, мертвым формам формальной логики, Гегель придал им самодвижение. Однако это есть самодвижение понятия как демиурга действительности. Чтобы раскритиковать и преодолеть дуализм формы и содержания, характерный для Канта, чтобы отказаться от «внешности» форм, Гегель вводит содержание в рассмотрение логики; однако это содержание вовсе не есть содержание об'ективного материального процесса: это — мыслительное содержание, это — духовное содержание.

Таким образом единство формы и содержания, которое дает в своей «Науке логики» Гегель, есть единство на почве идеализма. Являясь шагом вперед по сравнению с пустой формалистикой формальной логики, по сравнению с априорными формами Канта, Гегель все же дает только видимость разрешения проблемы. Только диалектико-материалистическая точка зрения, только логика в марксистском ее понимании последовательно и до конца проведенная, только такая точка зрения единства противоположностей действительно разрешает проблему формы и содержания. В этой связи становится понятным глубокое содержание ленинского определения логики. «Логика, — пишет он на стр. 41 сборника IX, — есть учение не о внешних формах мышления, а в законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итоги, сумма, вывод истории познания мира».

В своей статье «К вопросу о диалектике» Ленин указывает, «диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма». На основании этого указания меньшевиствующие идеалисты отождествляли разрешение этого вопроса у Гегеля и в марксизме. Между тем такое отождествление сугубо неправильно, представляет собой идеалистическую ревизию марксизма. Диалектика как теория познания у Гегеля дана на почве идеализма. У Гегеля идеалистическое разрешение этого важнейшего вопроса, в марксизме — материалистическое разрешение его. Дело в том, что для Гегеля диалектика и есть теория познания идеализма, а для марксизма диалектика есть теория познания материализма. При этой коренной противоположности общность тут заключается в том, что и Гегель и марксизм не разрывают и не противопоставляют диалектику и теорию познания. И Гегель и марксизм дают образец историчности при подходе к этой проблеме, однако у Гегеля историчность идеалистическая, в марксизме—подлинная историчность, историчность на базе материализма.

В чем же смысл разрешения этого вопроса у Гегеля? Гегель первый в истории новой философии нанес жесточайший удар по антиисторической, метафизической, так сказать критической, теории познания Канта. Поскольку вся плеяда неокантианцев вплоть до Макса Адлера целиком стоит на кантовских позициях в этом вопросе, постольку гегелевская критика направлена также и против них.

Кант предполагал, что в трактовке основных проблем философии, в трактовке вопросов познания он сделал такое историческое дело, такой переворот, который может быть сравним с переворотом, совершенным Коперником в области астрономии. Суть этого переворота, по мнению самого Канта, состоит в том, что он создал априорную, заранее данную до всякого процесса познания теорию познания, что он создал сверх- и надисторическую, обоснованную вне процесса познания теорию познания. Кант исходил при этом из совершенно ложной предпосылки, что для того, чтобы обосновать знание, познание, надо отвлечься от процесса познания, надо заранее указать его границы. Одним словом, по меткому выражению Ге-

геля, который как раз за это его критиковал, он хотел научиться плавать, не входя в воду.

Гегель в этом отношении делает по сравнению с Кантом гигантский шаг вперед. На базе своего абсолютного, об'ективного идеализма он хочет дать теорию познания, которая учитывает исторический путь познания. На базе своего идеализма он пытается дать логическую картину всемирно-исторического опыта и исторического познания человечества. Эту сторону гегелевской «Науки логики» Ленин отмечает многократно в своих конспектах. На стр. 79 сб. IX он пишет: «Видимо, Гегель берет свое саморазвитие понятий в связи со всей историей философии. Это дает еще новую сторону всей Логики». Особенно надо обратить внимание на следующее замечательное место Ленина: «понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различие)—таков действительно общий ход всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и естествознания и политической экономии (и истории). Диалектика Гегеля есть постольку обобщение истории мысли» (сб. XII, стр. 291).

Отмечая эту важнейшую сторону гегелевского понимания логики, диалектики и теории познания, отмечая то, что Гегель пытался разрешить диалектическую проблему единства исторического и логического, мы не должны обходить ограниченность Гегеля в этом вопросе, поскольку решение этого вопроса у него идеалистическое. Действительная история действительного процесса познания на основе практики не является для него базой для логических законов и категорий, которые представляют собой мыслительные формы, отражающие этот процесс, а наоборот — базой, основой исторического является у него логическое.

Гегелевская «Феноменология духа» и «Наука логики» суть два произведения, которые дополняют друг друга, находясь между собой в органической связи. Трудно понять одно из этих произведений без другого.

Для интересующего нас вопроса «Феноменология духа» имеет исключительно большое значение. Энгельс в «Людвиге Фейербахе» следующим образом характеризовал это произведение Гегеля: «ее можно было бы назвать параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, развитием индивидуального сознания на различных его ступенях, рассматриваемых как сокращенное воспроизводство ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием». «Феноменология духа» благодаря своему историзму, благодаря огромному историческому чутью и материалу, который проработал у автора, благодаря глубокой революционной насыщенности, которая содержится в этой книге, стоит значительно выше так называемых «критических» кантовских работ, посвященных вопросам теории познания. Однако и здесь идеализм Гегеля, которым от начала и до конца проникнута эта книга, не дает Гегелю возможности полностью разрешить поставленные вопросы. Результат всей его «Феноменологии духа» — это тождество суб'екта и об'екта, сознания и предмета, чистая мысль, чистое самосознание, абсолютная идея.

Историзм — величайшая идея, проводимая Гегелем в трактовке логики, теории познания. Однако действительная история подчинена у Гегеля логике; действительная история, по Гегелю, есть история саморазвития духа, вернее действительная история есть осуществление развития абсолютного духа. Практика вводится Гегелем в теорию познания, в логику. Об этом мы также находим целый ряд указаний у Ленина. Однако и здесь практика Гегелем понимается в идеалистическом духе, практика суть только практика духовная, мыслительная.

Итак Гегель дает постановку важнейших вопросов, высоко поднимающую его над Кантом. Он дает нам тождество диалектики, логики теории познания, однако тождество на идеалистической основе. Именно идеализм Гегеля обус-

ажает всю ограниченность его и те противоречия, которые характерны для его философии.

IV.

Основное внутреннее противоречие гегелевской философии с точки зрения марксизма — это противоречие, как мы уже видели, между методом и системой его, противоречие между абсолютным идеализмом и диалектическим методом. С точки зрения диалектического метода нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, абсолютного. Диалектика видит на всем печать неизбежного падения и «ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему» (Энгельс). Между тем сам Гегель строил всеохватывающую, абсолютную, законченную и замкнутую в себе самой систему: «И тот же Гегель, который в своей логике указывал, что вечная истина есть не что иное, как именно логический (т. е. значит и исторический) процесс, тот же самый Гегель увидел себя вынужденным положить конец этому процессу, так как надо было ему закончить свою систему...: Но это значило провозгласить абсолютной истиной все догматическое содержание системы Гегеля и тем стать в противоречие с его диалектическим методом, разлагающим все догматическое» (Энгельс, «Людвиг Фейербах»).

Это противоречие проходит красной нитью по всем философским произведениям Гегеля. Метод требует конкретного анализа конкретного материала, действительного исторического пути развития — идет ли речь о природе, об обществе, о различных формах общественного сознания, о праве и государстве и т. д. Меж тем система требует уложить все в прокрустово ложе категорий, абсолютной идеи, чистой мысли и т. д. и т. п. Отсюда удивительные иногда по своей наивности выкрутасы, произвольность в построении и конструкции системы, мистика в понимании переходов и т. д., насилование действительности, лишь бы не пострадала честь системы.

Однако не надо понимать вульгарно противоречие между методом и системой у Гегеля. Иногда представляют себе дело таким образом, будто диалектика и идеализм Гегеля расположены на разных полках, что они исключительно внешне друг с другом связаны, что очень просто взять диалектику и отбросить систему.

Между диалектическим методом Гегеля и его идеалистической системой существует не только противоречие, но также и внутреннее единство. У Гегеля — диалектический идеализм и идеалистическая диалектика. Диалектика и идеализм у него, метод и система не только противоречат друг другу, но также внутренне друг с другом согласованы. Это — исторический факт, вызванный определенными историческими условиями, обусловленный определенной исторической обстановкой. В условиях Германии конца XVIII столетия и первой половины XIX столетия диалектический метод мог развиваться только в идеалистической форме. Однако эта же историческая обстановка с внутренним противоречием, с определенным отношением классов обусловливала также и в идеологических отражениях (одним из них и является гегелевская философия) глубокие внутренние противоречия.

Сама философская система Гегеля — лучший пример диалектического единства и борьбы противоположностей, лучший пример правоты метода его перед системой. Если единство метода и системы у Гегеля относительно, то их противоречие абсолютно.

Великолепную материалистическую критику идеалистической системе Гегеля, ее исходному идеалистическому пункту давал уже Фейербах. Он писал: «Учение Гегеля о том, что идея полагается перед реальностью и природой, является лишь рациональным выражением теологического учения о

том, что природа, материальная сущность сотворена богом, не материальным, т. е. абстрактным существом. «В конце «Логики» это даже приводит абсолютную идею к «фантастическому р е ш е н и ю» собственноручно и документально подтвердить ее происхождение из теологического неба» (т. I, стр. 71). Правильно отмечает Фейербах, что благодаря идеализму «сущность гегелевской логики есть сущность природы и человека, однако без с у щ н о с т и, б е з п р и р о д ы, б е з ч е л о в е к а».

Надо сказать, что даже идеалисты-философы нащупывают внутреннее противоречие системы Гегеля. Особенно интересен в этом отношении Тренделенбург. Тренделенбург обрушивается в своей критике Гегеля на п р е д м е т н ы й, с о д е р ж а т е л ь н ы й характер его логики с точки зрения чистого формалиста.

Критика Тренделенбурга, которая кажется ему самому сокрушительной критикой диалектики, для нас интересна как раз в том отношении, что бьет она по исходному идеалистическому пункту Гегеля и показывает только правоту материалистической диалектики. «Когда один идеалист бьет другого идеалиста, выигрывает материализм» (Ленин).

Тренделенбург не согласен с революционной д и а л е к т и к о й Гегеля, он хочет бить именно ее, а здорово попадает (не в бровь, а в глаз) в идеалистический исходный пункт Гегеля, в и д е а л и с т и ч е с к и й характер диалектики.

Исключительно большое значение для критики идеализма Гегеля, для раскрытия внутренних противоречий его философского учения имеет работа Маркса «Критика гегелевской философии права». Эта работа в совершенно недостаточной степени изучена и использована. Это и неудивительно, ибо меньшевиствующий идеализм в своей прежней работе даже и не видел задачи критики идеализма Гегеля. Маркс в упомянутой работе показывает, как в силу своего абсолютного идеализма Гегель впадает в дуализм в своем учении. Это дуализм конечно совсем иного типа, чем у Канта. Гегелевский дуализм есть результат, следствие всей его идеалистической концепции, есть выражение ограниченности его идеализма, как и идеализма вообще. Маркс следующим образом характеризует эти противоречия у Гегеля: «Действительным суб'ектом у Гегеля становится мистическая субстанция, а реальный суб'ект представляется как нечто другое, как момент мистической субстанции. Именно потому, что Гегель, вместо того, чтобы исходить из реального существа, исходит из предикатов, из всеобщих определений, а между тем все же должен быть какой-нибудь носитель,— этим носителем становится мифическая идея. Тут-то и сказывается гегелевский дуализм, в силу которого Гегель вообще не рассматривает как действительную сущность действительно конечного, т. е. соответствующего, определенного, или действительное существо не считает п о д л и н н ы м с у б ' е к т о м бесконечного».

Маркс указывает, что это есть один из основных недостатков гегелевской концепции. Маркс показывает, как проявляется этот дуализм у Гегеля в разных формах. Так например он показывает, как пренебрежение у Гегеля к эмпирической реальности вообще, вытекающая из его оценки соотношения логического и эмпирического, вызывает обращение к первой попавшейся эмпирической реальности вследствие неизбежной «тоски по содержанию». Маркс пишет: «Это превращение суб'ективного в об'ективное и об'ективного в суб'ективное (которое является следствием того, что Гегель хочет писать историю жизни абстрактной субстанции, идеи, следствие того, что согласно его концепции таким образом человеческая деятельность должна выступать как деятельность и результат чего-то другого, следствие того, что Гегель хочет заставить действовать, как некую воображаемую е д и н и ч н о с т ь, существо человека, взятое само по себе, вместо того, чтобы заставить его действовать в его д е й с т в и т е л ь н о м ч е л о в е ч е с к о м су-

ществовании) имеет своим необходимым результатом, что эмпирическая реальность некритически принимается за действительную истину идеи, ибо речь идет не о том, чтобы эмпирическую реальность свести к ее истине, а о том, чтобы истину свести к какой-нибудь эмпирической реальности и в таком случае первая попавшаяся эмпирическая реальность развивается как реальный момент идеи».

Марксова критика гегелевской философии права требует специального разбора. Мы не можем здесь более подробно на этом вопросе останавливаться, нам хотелось только на двух примерах показать, как велики внутренние противоречия гегелевской философской системы, его идеалистической теории диалектики. Ленин, говоря о противоречиях гегелевского идеализма, дает очень глубокую их характеристику. Он писал: «Абсолютная идея Гегеля собрала вместе все противоречия кантовского идеализма, все слабости фихтеанства». Идеализм Гегеля, являясь высшим видом идеализма, обнаруживает в «снятом» виде все противоречия всякого типа идеализма, предшествовавшего ему, все нелепости идеализма. Идеализм Гегеля, «подойдя вплотную к материализму и частично даже перерастая в него», вместе с тем дает картину наиболее глубоких противоречий, в которые впадает идеализм вообще. Умея критиковать и разоблачать гегелевский идеализм, мы должны по указаниям и примерам Ленина уметь обнаруживать рациональные зерна в гегелевской философии, материалистически их перерабатывая. Никоим образом нельзя забывать высоких оценок гегелевской диалектики, имеющихся в работах Маркса, Энгельса, Ленина, которые вместе с тем показали, что подлинная диалектика может быть только материалистической диалектикой, что действительная диалектика совместима только с материализмом, что действительное преодоление противоречий, указанных выше, происходит только на почве диалектического материализма.

V.

Диалектический материализм Маркса—Энгельса—гениальный продукт новой исторической эпохи, когда на историческую арену вышел рабочий класс, когда со всей явственностью раскрылось противоречие, антагонизм наемного труда и капитала, антагонизм между пролетариатом и буржуазией, когда четко определилась историческая миссия пролетариата в современном обществе. В своей ранней работе, в «Святом семействе» Маркс и Энгельс следующим образом характеризуют эту историческую роль пролетариата:

«Но он не может освободить себя, не упразднив своих собственных жизненных условий. Он не может упразднить своих собственных жизненных условий, не упразднив всех бесчеловечных жизненных условий современного общества, сосредоточившихся в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, закаляющую школу труда. Дело не в том, в чем в данный момент видит свою цель отдельный пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что такое пролетариат, «что он сообразно этому своему бытию исторически вынужден будет делать» (М. и Э., т. III).

Диалектический материализм Маркса и Энгельса — продукт той эпохи, когда анархия и кризисы капиталистического общества обнаружились уже в высокой степени, когда они поставили пролетариат уже перед необходимостью бороться не только за частичные улучшения, но против самого капиталистического общества в целом; продукт той эпохи, когда начинаются первые рабочие восстания, например польское восстание, восстание 48-го года в Париже, когда рабочее движение начинает делать первые успехи, прорывать свои локальные национальные рамки, приобретать мировой характер; продукт той исторической эпохи, когда на горизонте появляются грозные признаки пролетарской революции, когда «призрак коммунизма уже бродит по Европе».

Являясь гениальным детищем этой революционной эпохи, научным революционным методом и мировоззрением пролетариата, материалистическая диалектика Маркса и Энгельса внушает злобу и ужас профессорам и идеологам буржуазии. Диалектический материализм Маркса и Энгельса, являясь идеологией и мировоззрением пролетариата, вырастает из предшествующего развития немецкой классической философии, в особенности из гегелевской диалектики. Однако он не есть п р я м о е и непосредственное продолжение диалектики Гегеля, как это думают меньшевиствующие идеалисты; он не есть также простое заимствование диалектики Гегеля, он не есть также механический «синтез» диалектики Гегеля и материализма Фейербаха, как это представляют себе *и* Аксельрод *и* Деборин, *и* механисты *и* меньшевиствующие идеалисты.

Диалектический материализм Маркса и Энгельса представляет собой результат преодоления идеалистической диалектики Гегеля и одновременно ограниченного характера материализма Фейербаха; он есть результат материалистической переработки диалектики Гегеля, опираясь на богатейший материал классовой борьбы и изучения исторических задач пролетариата со стороны Маркса и Энгельса; он одновременно есть преодоление созерцательного характера материализма Фейербаха, не понимавшего исторического пути развития человечества и «практически критической революционной деятельности».

Материалистическая диалектика Маркса—Энгельса явилась «революционной душой» марксизма в целом, его «коренным теоретическим основанием». При помощи метода материалистической диалектики Маркс создает свой «Капитал». При помощи этого метода Маркс и Энгельс создают свои гениальные исторические работы, свои стратегические и тактические работы и т. д. «Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее, к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса—вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот во что они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед к истории революционной мысли», писал Ленин, характеризуя переписку Маркса и Энгельса.

Ленин развивает марксизм в новую историческую эпоху, в эпоху империализма и пролетарских революций. Ленин вносит новое и конкретизирует марксистское учение во всех его составных частях применительно к условиям новой эпохи. «Ленин был и остается самым верным и последовательным учеником Маркса и Энгельса,— писал т. Сталин в ответе американской рабочей делегации в 1927 г.,—целиком и полностью опирающемся на принципы марксизма. Но Ленин не был только лишь исполнителем учения Маркса—Энгельса. Он был вместе с тем продолжателем учения Маркса—Энгельса. Что это значит? Это значит, что он развил дальше учение Маркса—Энгельса применительно к новым условиям развития, применительно к новой фазе капитализма, применительно к империализму. Это значит, что, развивая дальше учение Маркса в новых условиях классовой борьбы, Ленин внес в общую сокровищницу марксизма нечто новое по сравнению с тем, что могло быть дано в период доимпериалистического капитализма, при чем это новое, внесенное Лениным в сокровищницу марксизма, базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Энгельсом. В этом смысле говорится у нас о ленинизме, как марксизме эпохи империализма и пролетарских революций».

Ленинский этап в развитии диалектического материализма, представляя собой органическую составную часть ленинизма в целом, есть развитие материалистической диалектики применительно к той эпохе, когда «противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом непосредственной практики, когда старый период подго-

тиски рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма» (Сталин).

Ленинский этап в развитии материалистической диалектики, являясь продуктом новой, в высшей степени революционной эпохи представляет собой конкретизацию и дальнейшее развитие метода Маркса и Энгельса, его материалистической диалектики. Тов. Сталин писал: «В самом деле, если ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции, а основным содержанием пролетарской революции является диктатура пролетариата, — то ясно, что главное в ленинизме состоит в вопросе о диктатуре пролетариата, в разработке этого вопроса, в обосновании и конкретизации этого вопроса». Это положение должно быть отправным пунктом для понимания того обстоятельства, что было определяющим моментом для развития всех составных частей марксизма, данным Лениным применительно к новой эпохе, в том числе и к философской основе марксизма. Однако отсюда вовсе не вытекает прямое отождествление философской основы марксизма-ленинизма с теорией диктатуры пролетариата, с теорией пролетарской революции.

Лениным дано дальнейшее развитие материалистической диалектики как «философской науки». В основном то новое, что внесено Лениным в понимание материалистической диалектики как «философской науки» состоит в дальнейшем развитии теории материалистической диалектики как логики, как теории познания. Тождество диалектики, логики, теории познания — вот то важнейшее звено в понимании диалектического материализма, что дальше развито, конкретизировано Лениным по сравнению с Марксом и Энгельсом.

В своем отрывке «К вопросу о диалектике» Ленин пишет: «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах». Придавая этому вопросу исключительно большое значение, Ленин возвращается к нему много раз в своих философских тетрадях. Так например в IX сборнике, на стр. 119, он пишет: «Итак, не только описание форм мышления и не только естественно-историческое описание явлений мышлений (чем это отличается от описания форм), но и соответствие с истиной, т. е... квинтэссенция или, проще, результаты и итоги истории мысли...» На полях по поводу этой последней фразы Ленин делает следующую приписку: «В таком понимании логика совпадает с теорией познания. Это вообще очень важный вопрос».

Так дальше на стр. 203 IX сборника Ленин опять пишет: «Логика есть учение о познании. Есть теория познания. Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формулирования, образования понятий, законов и т. д., каковые понятия, законы и т. д. (мышление, наука-«логическая идея») и охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы».

К этому же вопросу Ленин возвращается снова в XII сборнике, когда он пишет: «Диалектика, логика, теория познания (не надо трех слов) — это одно и то же».

Итак, как же понимать эту ленинскую трактовку сути марксистской философии, т. е. тождество диалектики, логики и теории познания? Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, надо прежде всего посмотреть, как разрешается в материалистической диалектике вопрос о соотношении и единстве логического и исторического. Обратимся к Энгельсу, который дает классическую формулировку этого вопроса. В статье-рецензии на «Критику политической экономии» Маркса он писал: «Преимущество способа мышления Гегеля перед способом мышления всех других философов коренится в

том огромном историческом чутье, которое лежало в основе первого. Несмотря на абстрактность и идеалистичность формы, ход его мыслей всегда развертывался параллельно ходу истории и последний должен был служить только проверкой для первого».

В этой же статье Энгельс развивает ряд мыслей о соотношении исторического и логического, которые крайне важны в связи с рассмотрением ленинских заметок. Он указывает, что всякое историческое развитие идет скачками, зигзагообразно, с большими уклонениями в стороны, с возвращением назад. Если теоретику какой-либо науки пришлось бы использовать **весь** этот материал, то ему часто приходилось бы уделять весьма значительное внимание малоценному материалу, прерывать ход мыслей и т. д. «Логический метод исследования являлся поэтому единственно подходящим. Последний, однако, есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей».

Энгельс развивает вопрос о единстве логического и исторического метода исследования, который положен Марксом в основу его «Критики политической экономии». Ленин в своих философских тетрадях, особенно при рассмотрении вопроса о диалектике и теории познания, исходит из этих положений.

Как мы видели выше, Гегель сделал шаг вперед при подходе к этим вопросам по сравнению с Кантом. Гегель в своей системе категорий хотел на идеалистической основе дать теорию познания, разрешающую проблему логического и исторического, дать теоретическую картину всемирно-исторического опыта и познания человечества, понимая этот опыт и познание и самое историческое развитие человечества идеалистически. История оказалась подчиненной логическому развитию абсолютного духа. И историческое, действительное движение оказалось производным, следствием логического движения. Ленин за схоластической, темной «гегельянщиной» раскрывает то содержание, которое имеется по этим вопросам у Гегеля, и вместе с тем дает замечательное материалистическое истолкование этих проблем, развивая тем самым важнейшие проблемы теории материалистической диалектики.

Гегель в одном из своих определений логики в первой строке пишет: «Логика есть чистая наука, т. е. чистая», а в другой строке: «знание в полном об'еме своего развития». Замечания Ленина по этому поводу следующие: «1-я строка — ахинея, 2-я строка — гениальна». Знание в полном об'еме своего **развития** — вот суть нашей диалектики как теории познания. На этот вопрос Ленин обращает центральное внимание в своих философских тетрадях. Он дает следующие определения: «движение научного познания», «сам себя конструирующий путь познания», «путь (тут гвоздь, по-моему) действительного познания, познавательного движения». Ленин неустанно подчеркивает в разных вариациях эту мысль: «**шествие** движения нашего знания о вещах **все глубже и глубже**», «категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира», итог опыта наук и т. д. и т. п.

Однако материалистическая логика, диалектика не есть просто эмпирическая история познания, описательная история наук, идеологий, истории философии и т. д. Тут мы имеем единство логического и исторического в том смысле, как об этом писал Энгельс. В нашей теории материалистической диалектики мы имеем такую **историю познания**, которая изложена в отвлечении от исторических случайностей, которая дана в обобщающих эту историю познания законах, в категориях.

«История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий логики — вот что нам нужно!» (Ленин, сб. IX, стр. 195).

Весь практический, теоретический, научный опыт человечества, изученный в процессе исторического развития — вот основа материалистической диалектики, логики, материалистической теории познания. Вскрыв это содержание, выяснив, что история, путь познания, всемирно-исторического опыта человечества, данный в обобщающих этот путь развития категориях, в их взаимной переплетенности, связи, в их необходимых переходах — что это и есть наша логика, диалектика, теория познания.

В самом деле, может ли быть теория познания, претендующая на научное значение, не базирующаяся на процессе человеческого познания в полном об'еме его развития? Может ли быть какая-нибудь теория познания, стоящая вне исторического процесса познания?

В соответствии с таким пониманием диалектики и теории познания можно перейти к выяснению того, что собой представляют категории диалектики, как они развиваются Лениным в его философских тетрадях. Категории понятия суть «моменты познания человеком природы» (сб. IX, стр. 231). «Практикой своей доказывает человек об'ективную правильность своих идей, понятий, знаний науки. Повторяясь и подтверждаясь в практической деятельности людей миллиарды раз определенные связи между этими понятиями приобретают характер логических законов, признаются нами наиболее общими формами движения материальных и духовных явлений» (сб. IX, стр. 219).

И для пояснения этого Ленин рисует следующую картину. «Река и капли в этой реке. Положение каждой капли, ее отношение к другим; ее связь с другими; направление ее движения; скорость; линия движения — прямая, кривая, круглая и т. д.— вверх, вниз. Сумма движения. Понятие как учеты отдельных сторон движения отдельных капель («вещей»), отдельных «струй» и т. д. Вот приблизительно картина мира по Логике Гегеля,— конечно минус боженька в абсолют» (Лен. сб. IX, стр. 139). Логика, теория материалистической диалектики изучает наиболее общие формы связи, переходов, взаимозависимостей между этими каплями и струями. В соответствии с этим Ленин дает следующее определение логики:

«Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развитие всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира» (Лен. сб. IX, стр. 41).

Таким образом отличие диалектико-материалистической логики как теории познания заключается в том, что она рассматривает свои законы и категории, не как пустые, не зависимые от содержания, равнодушные к нему формы, как это имеет место в формальной логике, и не идей, как это имеет место у Гегеля, а как выражение отраженного в нашем мозгу, переведенного и переработанного в человеческой голове материального движения.

Чем же отличается по своему существу диалектическая логика от формальной, метафизической. Энгельс указывал, что метафизика рассматривает мир как совокупность готовых вещей, в то время как диалектика рассматривает его как совокупность процессов. А для того, чтобы правильно выразить движение, наши понятия тоже должны быть подвижны, должны быть связаны друг с другом и переходить друг в друга. «Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство обращаться с ними» (Энгельс) требует всегда изучения движений понятий, их связи, их взаимопереходов» (Лен. сб. XII, стр. 181—183).

Таковы некоторые важнейшие положения, которые необходимы для понимания теории материалистической диалектики и всего ее отличия от теории идеалистической диалектики, развернутой и созданной Гегелем. В по-

казанной нами здесь разработке вопросов теории материалистической диалектики, которую дает Ленин, мы имеем последовательный ответ на важнейшие вопросы философии. Материалистическая диалектика дает единственно последовательное, до конца материалистическое разрешение проблемы единства формы и содержания, абстрактного и конкретного, логического и исторического, чувственности и мышления, вопроса о характере, систематической связи категорий и их переходов. Перед нами стоит серьезная задача — широко развернуть и показать теоретическое богатство марксизма по всем этим проблемам.

Особое внимание надо обратить на «ядро диалектики», на закон единства и борьбы противоположностей. Этот основной, важнейший закон диалектики получает особое развитие в работах Ленина. В своем IX сборнике Ленин, говоря от этом законе, пишет: «Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую».

Ленин, применяя этот закон диалектики к анализу сложных процессов действительности эпохи империализма и пролетарских революций, одновременно с этим теоретически его развивает и уточняет. Возьмем например важнейшие лозунги и трактовки коренных политических проблем большевизмом: перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, превращение империалистической войны в гражданскую, диктатуру пролетариата как пролетарская демократия, уничтожение классов в процессе ожесточенной классовой борьбы — мы увидим, что они представляют собой «сгустки диалектики», применение и дальнейшее теоретическое развитие закона единства противоположностей.

VI.

В своем выступлении на собрании, посвященном десятой годовщине Института красной профессуры, т. Каганович говорил: «Нужно по-большевистски подходить к учебе и суметь взять от Гегеля например то, что нужно для нас, для нашей борьбы. В особенности нужно по-большевистски, по-ленински подойти к истории прошлого, к истории вчерашнего дня, и подойти так, чтобы историю этого вчерашнего дня увязать с генеральной линией партии, с теми грандиозными новыми задачами, которые стоят перед нами сегодня и которые будут еще стоять завтра».

Здесь с большой четкостью выражен тезис о партийности науки, о партийности нашего подхода к учебе, к марксистско-ленинскому воспитанию кадров. Наш интерес к Гегелю заключается в том, чтобы взять от него то, что нужно для нас, для большевиков. Наш интерес к Гегелю — это интерес к его диалектическому методу, который был материалистически переработан Марксом и Энгельсом и дальше развит Лениным. Наш интерес к Гегелю — это интерес к революционной диалектике, хоть и развитой им, исходя из ложного исходного идеалистического пункта, но дававшей вместе с тем полную, наиболее всестороннюю картину диалектического развития. Наш интерес к Гегелю — это интерес к диалектическому методу, который, будучи материалистически переработан, представляет собой оружие для познания об'ективных закономерностей и революционного изменения окружающей действительности.

Материалистическая диалектика — теоретическая основа всей практики борьбы рабочего класса; материалистическая диалектика Маркса, Энгельса, Ленина является теоретической основой генеральной линии нашей партии. Вождь мирового коммунизма, т. Сталин, лучший ученик Ленина, является

величайшим материалистом-диалектиком нашей эпохи, разрабатывающим и применяющим ленинскую диалектику к сложной обстановке развернутого наступления по всему фронту.

Особое место получает в работах т. Сталина разработка вопроса о единстве теории и практики, о действенном, творческом характере нашего мировоззрения и метода в противоположность догматическому характеру «марксизма» представителей II интернационала и всякого рода оппортунистов и уклонистов. Красной нитью по всем работам т. Сталина проходит это противопоставление действенности марксистского метода, действенности материалистической диалектики — метафизике, софистике, «цитатному марксизму» — оппортунизму. И именно потому, что т. Сталин дает нам образец такого действенного понимания и применения марксизма, он дает нам и образцы дальнейшей теоретической разработки вопросов материалистической диалектики. В самом деле, стоит только напомнить работы т. Сталина по вопросу о звене, о суб'ективном и об'ективном факторах исторического развития, о категориях возможности и действительности, его критику теории равновесия и теории самотека, чтобы стало ясно, какое теоретическое развитие вопросов материалистической диалектики он нам дает. Именно т. Сталин подлинно в духе ленинского завещания, данного им в статье «О значении воинствующего материализма», «разрабатывает эту диалектику со всех сторон», пользуясь «теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много» (Ленин).

Диалектика есть душа марксизма, говорит вслед за Лениным т. Сталин. На XVI с'езде партии т. Сталин следующим образом характеризовал диалектику марксизма: «это жизненная правда марксистской диалектики, которая дает возможность большевикам брать самые неприступные крепости». Критикуя далее оппортунизм, он говорил: «Кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма. Беда наших уклонистов состоит в том, что они не понимают и не хотят понять марксовой диалектики».

Мы хотим здесь привести два-три образца диалектики т. Сталина, которая дала и дает возможность большевикам брать самые неприступные крепости. Возьмем анализ природы колхозов, данный т. Сталиным в его выступлении на конференции аграрников-марксистов. Он определяет тип колхозного хозяйства как одну из форм социалистического хозяйства, исходя из анализа отношения людей в процессе производства, т. е. с точки зрения единственно последовательного марксистского критерия для определения социальной природы хозяйства. И вот с этой единственно правильной точки зрения — «разве колхоз не представляет обобществления основных орудий производства на земле, принадлежащей, к тому же, государству? Какое имеется основание утверждать, что колхозы как тип хозяйства не представляют одну из форм социалистического хозяйства?» («Вопросы ленинизма», стр. 560). Устанавливая социалистическую природу колхозов как типа хозяйства, т. Сталин переходит к анализу внутренних противоречий колхозов, отличающих их от последовательно социалистического типа предприятий. Особенно важен анализ элементов классовой борьбы в колхозах. Он пишет: «В том-то и состоит ошибка наших «левых» фразеров, что они не видят этой разницы. Что значит классовая борьба *вне колхозов*, до образования колхозов? Это значит — борьба с кулаком, *владеющим* орудиями и средствами производства и *закабаляющим* себе бедноту при помощи этих орудий и средств производства. Эта борьба представляет собой борьбу не на жизнь, а на смерть. А что значит классовая борьба на базе колхозов? Это значит прежде всего, что кулак разбит и лишен ору-

дий и средств производства. Это значит наконец, что дело идет о борьбе между членами колхозов, из коих одни не освободились еще от индивидуалистических и кулацких пережитков и пытаются использовать некоторое неравенство в свою выгоду, а другие желают изгнать из колхозов эти пережитки и это неравенство».

Мы видим таким образом, как т. Сталин вскрывает качественную разницу, которая имеется между классовой борьбой в деревне до колхоза и элементами классовой борьбы в колхозе. Только владея в совершенстве методом материалистической диалектики, методом подлинно конкретного анализа сложной конкретной действительности, только умея по-ленински применять важнейшие законы диалектики, законы качества, количества, меры, закон единства противоположностей, можно дать такой четкий анализ специальной природы колхозов. Одно дело — противоречия в деревне вне колхозов на качественно иной основе, другое дело — имеющиеся противоречия в колхозах уже на другой качественной основе, в другом типе хозяйства. Одно дело — борьба с кулаком, с владельцем орудий и средств производства, борьба не на жизнь, а на смерть, другое дело — борьба с кулацкими, индивидуалистическими пережитками на базе колхозов. Одно дело — первый тип противоречий, другое дело — противоречия второго порядка.

Все работы тов. Сталина представляют собой неисчерпаемое количество таких образцов материалистической диалектики. Мы здесь отметим только еще следующий вопрос — вопрос о национальной и социалистической культуре. Всем известен сталинский анализ характера и лозунгов национальной культуры в условиях господства буржуазии и в условиях диктатуры пролетариата. Вот два типа разрешения единства формы и содержания, которые дает нам живая действительность и которые с таким мастерством вскрыты т. Сталиным. Вот что говорил т. Сталин на XVI с'езде партии: «Что такое национальная культура при господстве национальной буржуазии? Буржуазная по своему содержанию и национальная по своей форме культура, имеющая своей целью отравить ядом массы, ядом национализма и укрепить господство буржуазии. Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? Социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата. Как можно смешивать эти два принципиально различных явления, не разрывая с марксизмом?»

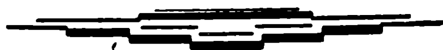
Основное при подходе т. Сталина к анализу этих явлений — это различие классовой структуры и классовой природы двоякого типа государств — господства национальной буржуазии и господства пролетариата, его диктатуры. Чрезвычайно характерным при этом анализе является материалистический примат содержания в диалектическом единстве формы и содержания. Тов. Сталин не исходит из раз навсегда данного единства формы и содержания, он анализирует историческую, классовую подоплеку этого единства. Чрезвычайно характерно применение теории развития к вопросу о культуре. Приведем это классическое место из работ т. Сталина. Он писал: «Может показаться странным, что мы, сторонники слияния в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками расцвета национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявить все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну

общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре».

Вот яркие образцы материалистической диалектики. Глубоко ошибся бы тот, кто посчитал бы, что мы здесь имеем только применение диалектики, а не ее развитие, не разработку теории материалистической диалектики. Надо понять, что действительное творческое применение метода материалистической диалектики есть одновременно и действительное его теоретическое развитие. В данном случае на примере единства формы и содержания видно, какое теоретическое богатство мы здесь получаем. Помимо двух типов единства формы и содержания теория развития, примененная к национальному вопросу, дает новый тип единства противоположностей — единую и по форме и по содержанию культуру коммунистического общества.

Мы привели здесь два образца применения и развития материалистической диалектики для того, чтобы показать, как партия и т. Сталин, выполняя директивы и указания Ленина, разрабатывают со всех сторон материалистическую диалектику, без которой марксизм является, по выражению Ленина, не сражающимся, а сражаемым. В свете творческого понимания марксизма, действенного понимания диалектического материализма совершенно жалкой выглядит схоластическая «разработка» диалектики, которая «велась» меньшевиствующим идеализмом в отрыве от практики социалистического строительства.

Наша партия придает исключительное значение революционной теории, без которой немыслима революционная практика. Материалистическая диалектика является душой марксизма-ленинизма. Вот почему в связи со столетней годовщиной смерти идеалиста-диалектика Гегеля мы вновь подчеркиваем задачи усиления изучения и разработки материалистической диалектики, следуя указаниям Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Философско-исторические взгляды Гегеля и исторический материализм

Ф. Горохов

Борьба, которая происходит в разрешении вопроса об идейном наследстве прошлого, в частности об идейном наследстве, оставленном идеологами самой буржуазии в бытность ее революционной, и в особенности величайшим творческим гением буржуазии—Гегелем,— является одним из важнейших звеньев классовой борьбы пролетариата с буржуазией на теоретическом фронте.

Революционному марксизму-ленинизму всегда удавалось раскрыть классово-враждебный смысл и назначение всех тех вымыслов, которые создавались идеологами буржуазии вокруг пролетарского революционного движения. Буржуа приписывали вождям революционного пролетариата забвение, беззаботность и пренебрежение к вопросам теории, к проблемам истории научной мысли. Идеологи буржуазии и ревизионисты всех толков всячески пытались опорочить единственно последовательную теорию пролетариата, извратить ее существо. В основе всех буржуазных вымыслов, обвинений, сказок о теоретической ограниченности марксизма так или иначе лежали попытки теоретического разоружения пролетариата и тем самым ослабление его сил в области экономической и политической борьбы.

Борьба за классовую чистоту мировоззрения, за его последовательное революционное содержание, за освобождение пролетариата от влияния буржуазной идеологии изображалась и расценивалась как результат ограниченности, односторонности, бедности теоретической мысли.

Борьба за теорию не как догму, а как руководство к действию, за теорию как орудие практической борьбы пролетариата и его партии в изображении классового врага принимала облик борьбы против знания, против науки, за эмпиризм, за узкие «низменные» интересы текущего дня.

Наконец борьба за положительное, ценное в идейном наследстве прошлого, связанная одновременно с жестким непримиримо-критическим отношением к косным, реакционным элементам в этом идейном наследии, провозглашалась врагами как абсолютный отказ марксизма от прошлого, как стремление к сектантству, замкнутости. Все это служило основой для попытки хитроумно провести линию к доказательству, что и реальное историческое движение пролетариата, с которым органически связана революционная теория Маркса-Ленина, есть случайный продукт истории, а не результат необходимой закономерности развития капиталистического общества.

В какую бы благонамеренную форму ни одевались те принципы, которые пред'являлись теории марксизма классовым врагом в качестве требований экзамена на «научную зрелость», под ними всегда скрывалась истинная основа — острая классовая ненависть к революционному рабочему движению и его идеологии. Буржуазные профессора и буржуазные агенты в рабочем

движении кричали и продолжают кричать о том, что принцип партийности и классовой выдержанности в теории должен быть заменен «надклассовой точкой зрения», об'ективизмом; что учение о неразрывной связи теории с революционной практикой рабочего движения должно уступить понятию «свободы» теоретического творчества; что революционная непримиримость к реакционным, по существу поповским, антинаучным сторонам идейного наследия прошлого должна быть заменена либеральным отношением к нему. Таковы требования «научности», пред'являемые апологетами капитализма, требования, насквозь партийные в смысле буржуазной партийности, имеющей своей целью увековечить рабство, эксплоатацию, гнет капитализма.

В действительности только в революционной идеологии пролетариата, в марксизме-ленинизме, в сравнении со всеми исторически до сих пор существовавшими идеологиями, теоретическая мысль, познание находят наиболее полное и развитое определение своего существа и задач, своего социального значения для жизни человека, для его практики, для его борьбы. И один из важнейших вопросов исторического развития научной мысли — вопрос об идейной преемственности между поколениями, эпохами и классами — свое последовательно правильное научное разрешение получает только в марксистско-ленинском мировоззрении.

Революционная теоретическая смелость, беспощадная классовая критика и одновременно чрезвычайная заботливость, деловитость и внимание к теоретическому наследию предшественников неразрывно связаны в марксизме и являются решающими условиями для живого, полного, конкретного развития и использования того, что было передовым, рациональным, прогрессивным в развитии общественного знания прошлой истории.

Решающим критерием при этом для правильного разрешения проблемы идейной преемственности является то, что марксизм есть идеология революционного класса. Исторические интересы этого класса совпадают с об'ективной закономерностью развития современного общества. Общественная практика этого класса есть практика революционного разрушения старого общества, вступившего в непримиримое противоречие с развитием производительных сил, и строительства нового, социалистического общества.

Критерий действительной исторической революционной практики пролетариата и его партии является основой ясности и монолитности теоретических положений марксизма-ленинизма и вместе с тем острейшим оружием как в борьбе с враждебными идеологическими течениями, так и в проверке годности и в переработке всего того богатства человеческой мысли, которое накоплено предшествующими поколениями.

Только класс и партия, осуществляющие невиданный исторический переворот в общественных отношениях, необходимость которого вызвана об'ективными противоречиями капитализма, могут создать условия, расчистить путь для дальнейшего развития общественного человека, его материальной культуры и его теоретической мысли. Только класс и партия, которые ведут ход исторических событий вперед по пути создания нового общества, которые следовательно кровно заинтересованы в ясности исторической перспективы, в необходимости, чтобы их прогнозы и лозунги освещали путь исторического движения, помогли связать неразрывной нитью текущие задачи дня с борьбой за целое, за конечную цель, — только такой класс и такая партия, с одной стороны, вынуждены грандиозностью и сложностью самих осуществляемых задач использовать все резервы, в том числе и теоретические, в процессе своей борьбы за новое общество, с другой стороны — способны продолжить в бурном процессе пересмотра, проверки и отрицания старых идейных традиций нить идейного развития и преемственности со старой культурой в ее положительном содержании. Строгая ленинская партийность в отношении к предшествующей, в том числе и буржуазной, культуре не

означает вовсе огульного механического отрицания ее, наоборот она есть прямое условие дальнейшего развития ростков, зародышей и теорий, сохраняющих свое значение в качестве существенных ступеней движения общественной мысли, несмотря на классовую и историческую ограниченность ее творцов — представителей и идеологов враждебных пролетариату классов.

Партийно-классовая точка зрения одновременно предохраняет от либерально-об'ективистского отношения к идейному наследию прошлого и к научным достижениям современных буржуазных теорий. И то и другое требует умения «отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию, бороться со всей линией враждебных нам сил и классов» (Ленин).

Из того, что марксистско-ленинскому учению свойственно ясное теоретическое понимание своей партийности, что требование партийности является важнейшим в решении всех как практических, так и теоретических вопросов вовсе не следует, что оно оторвано от всей истории научной мысли, замкнуто, что оно игнорирует идейные истоки своего возникновения и развития. Ленин бесконечное число раз подчеркивал ту мысль, что марксистское учение примыкает в отношении своих исторических идейных истоков к величайшим теориям революционных мыслителей XVIII и начала XIX веков. И в то же время это учение представляет собой новое, качественно иное в сравнении со всеми теориями их предшественников. Это новое определяется прежде всего тем, что марксизм-ленинизм есть идеология другого, угнетаемого в недрах буржуазного общества класса. Естественно, что процесс возникновения марксизма и его последующего развития не есть просто процесс переработки прошлых, как бы они ни были велики, теоретических учений и систем. Марксизму меньше всего вообще присуще рассмотрение идейной эволюции того или другого учения по методу буржуазной и меньшевиствующе-идеалистической истории философии просто как известной логической последовательности идей, порождающих друг друга. Изменения в общественном бытии, в практике, в классовой борьбе и соотношении классов для марксизма являются решающими для понимания всякой идейной эволюции, всякой идейной преемственности.

Историческая обстановка середины XIX века в Европе, когда не замолкли еще полностью раскаты буржуазной революции, когда Германия приближалась к большим революционным событиям, когда одновременно выступил на арену исторического действия пролетариат, была той живой основой в общественной практике, на которой полностью развернулась борьба за новое мировоззрение. Совершенно исключительное значение имеет тот факт, что для Маркса и Энгельса процесс освобождения от старых идейных традиций гегельянства и создания своей теории совпадает с процессом органического переключения в область политической деятельности и борьбы, которая наталкивает их на необходимость изучения экономики, классов—словом всего реального механизма общественного движения. И это органическое включение в практику политической деятельности и изучение в связи с этим общественно-экономической жизни имеют своим решающим результатом формирование нового мировоззрения и жесткой критики старых идейных традиций, философских учений и систем. Возникновение марксизма таким образом связано не просто с переработкой старых учений, оно есть одновременно процесс оформления классово иного мировоззрения, процесс оформления и идеологии новой партийности, партийности пролетариата.

В создании учения марксизма таким образом неразрывно связывается исторический факт общественно-политической практики Маркса и Энгельса, их переход на точку зрения рабочего класса с процессом теоретической критики и переработки предшествующих учений. Именно революционная партийность, которая присуща марксизму с самого начала его возникновения

и во всем ходе его борьбы с враждебными классовыми теориями, обеспечивает единственно правильное научное разрешение вопросов теории и мировоззрения, в частности и вопроса об идейной преемственности.

Гегель высказывает блестящую мысль о смене философских учений. «Последнее по времени, — говорит он, — философское учение есть результат всех предшествующих философских учений, поэтому, если только оно представляет собою философское учение, оно есть самое развитое, самое богатое и самое конкретное» [1]).

В более развернутой и точной форме дается эта мысль В. И. Лениным, когда он говорит о марксизме, что «история философии и история социальной науки показывают, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации» [2]). Классики марксизма всей своей безгранично богатой теоретической работой доказывают, что марксизм именно благодаря своей постоянной связи с практикой революционного класса является наиболее богатым и конкретным учением, что благодаря критерию своей революционной партийности он в идейной борьбе преодолевает реакционные стороны старых учений, умея гибко и конкретно вскрыть, переработать, переключить в арсенал своего теоретического оружия то, что в них является живым и в настоящее время и что может служить с успехом пролетариату в его практической борьбе за более высокую культуру, за новый общественный строй. Иными словами, последовательная революционная практика пролетариата и его партии имеет достойное теоретическое оружие в последовательной революционной партийной теории — в марксизме-ленинизме. Последовательная же революционная теория с классовой непримиримостью в процессе жесткой критики и отрицания всего косного, реакционного, мертвого только и способна продолжить нить идейной преемственности и развития идейного наследия прошлого, привлекая к нему и развивая его не просто в порядке общей идейной традиции и так сказать исторической вежливости, но в порядке классовой борьбы за то, что достойно сохранения и жизни, точнее, за то, что помогает строительству нового, что помогает борьбе за социалистический общественный строй. Этот порядок не имеет ничего общего с плоским рационалистическим подходом, с вульгарно-утилитарной точкой зрения, ибо революционная практика пролетариата есть всемирно историческая практика, дело «практически творимой массами истории», революционное дело, направленное на то, чтобы создать общественные условия, в которых только и возможно в дальнейшем сохранение и развитие достигнутых на прошлых этапах человеческой истории успехов цивилизации, материальных производительных сил и духовной культуры. Вот та исходная позиция, которая позволяет пролетариату и его партии быть истинным и единственным по существу наследником тех величайших достижений, которые человечество завоевало в прошлом. В частности и величайшие научные завоевания, сделанные идеологами когда-то революционной буржуазии, класса, против которого пролетариат ведет борьбу не на жизнь, а на смерть, — свою истинную оценку и правильное понимание находят также в партийной идеологии пролетариата — в марксизме-ленинизме, ибо только революционный марксизм способен вскрыть до конца рациональную, положительную для современности сторону каждого учения и одновременно его классовую ограниченность. А такая именно оценка является лучшей, чем все духовные памятники и панигирики, ибо эта оценка революционна, она является наиболее признательной прошлому, ибо она берет из него то, что полно значения в настоящем, и помогает борьбе за будущее, после-

[1]) Гегель, Энциклопедия, I, § 13.
[2]) Ленин, Три источника и три составных части марксизма.

довательно-научной, ибо она связана с непримиримой борьбой за освобождение от мертвой хватки застарелых, косных реакционных сторон в идейной традиции поколений.

При всем этом для правильного разрешения вопроса об идейной преемственности очень важно с полной отчетливостью памятовать о тех основных этапах эволюции, которые по существу переживали до сих пор все господствовавшие в истории общественные классы.

В классовом обществе класс, идущий к своему господству, класс передовой имеет передовую идеологию. Она является одним из важнейших орудий его классовой борьбы за перестройку общества в направлении его интересов, ибо его классовые интересы на данном историческом этапе совпадают с об'ективной исторической закономерностью общественного движения. В данном смысле важнейшие элементы идеологии класса, не переставая быть классовыми по существу и продолжая служить орудием борьбы этого класса, одновременно представляют собой существеннейшую ступень в общем историческом развитии общественного познания. Именно положительное содержание этих элементов в идеологии и теориях господствующего класса впоследствии становится известными идейными истоками и отправными пунктами для вновь возникающей идеологии нового, идущего на смену господствующему, революционного класса. О сохранении и развитии этого положительного содержания и идет речь в процессе критической работы и устранения устаревшего, ставшего оплотом косности идеологического хлама.

Но при всей ценности положительного содержания в идеологиях до сих пор приходивших к господству и господствующих эксплоататорских классов в истории отпечаток их классовой ограниченности, как и исторической ограниченности эпохи, ложится на идеологию и работу идеологов с самого начала, создавая в ней те стороны и черты, которые смыкали ее с реакционными традициями прошлых веков (идеализм, религия, общая застойность в развитии науки и т. д.), с одной стороны, с другой — являлись тем содержанием, которое в качестве консервативного и реакционного имело прямым или косвенным путем своей задачей прикрывать классовое господство. Последнее со всей остротой обнаруживается в периоды заката исторического могущества и значения господствующих классов, когда на смену революционному содержанию теорий, звучащих в своих выводах боевым призывом к борьбе за новое, все больше выступают на первый план реакционные стороны учений, имеющие апологетическое значение для господствующего, ставшего реакционным, строя общественной жизни. Эта сторона учения обыкновенно с особой силой и настойчивостью, под прикрытием величайшего имени того или иного творца его, воспроизводится, реставрируется и канонизируется впоследствии учеными лакеями и приказчиками идущего к гибели класса. И прямо или косвенно вместе с этим достигается и другая цель — предать растлению, извратить, уничтожить все положительное содержание, все те черты учения, которые связывают его кровно с эпохой под'ема и характеризуют с революционной стороны.

Так происходило и происходит со многими учениями величайших буржуазных представителей научной и философской мысли. Так происходит в настоящее время с самым грандиозным творением всей буржуазной науки и с одним из величайших достижений во всей истории общественной мысли — с философией Гегеля. Здесь история лишний раз подтверждает, что истинным наследником предыдущей эпохи в целом и ее теоретических, действительно научных достижений в частности может быть только класс, идущий на смену этой эпохе, класс — творец нового и разрушитель старого общества.

То оживление интереса к Гегелю, которое мы наблюдаем в настоящее время в буржуазной западноевропейской науке, прямо связывается с реста-

граций гегельянства в его наиболее реакционных и мистических сторонах, которые нашли наибольшее проявление в его философско-исторических взглядах. Поднимается на щит не Гегель, бессмертное имя которого как одного из творцов диалектического метода будет веками занимать почетное место в истории человеческого знания, не Гегель, мышление которого, несмотря на извращенно-идеалистическую систему его философии, пропитано в величайшей степени и в лучшем смысле слова историческим элементом в понимании действительности, не Гегель, приветствующий гром Великой французской революции и ее живительное действие на весь европейский мир. Поднимается на щит Гегель в лице его идеалистической абсолютной системы. Реставрируется немецкий филистер, идущий вопреки требованиям его диалектического учения о развитии на примирение с окружающей его действительностью, со всей ее отсталостью, практическим мещанством, консервативностью, классовой и социально-экономической ограниченностью. Канонизируется официальный философ прусского государства, освящающий германскую крепостническую государственную систему, возвышающий христианскую религию, прославляющий величие германской нации и духа в качестве совершеннейших творений абсолютного разума.

Современный, связанный с именем неогегельянства национал-фашизм в Германии подхватывает именно эту слабую, реакционную струю в гегелевской философии, делая из него идеолога шовинистического национализма, империалистической политики, крепкой, якобы стоящей «над классами», «подчиняющей» себе классы буржуазной государственной машины. И если в настоящее время части буржуазной интеллигенции и некоторым идеологам социал-фашизма под действием безвыходных противоречий современного империализма, ожесточенной и все более обостряющейся классовой борьбы, под влиянием коренных потрясений всего буржуазного общества и всего привычного уклада жизни свойственно обратить свои взоры и внимание к Гегелю-диалектику, теоретическому выразителю противоречий роста буржуазии в период ее революционного формирования в борьбе с феодализмом, то все же этот интерес к Гегелю оказывается ублюдочным интересом людей, теряющих в жизни устойчивую, насиженную почву, трусливым интересом защитников буржуазного строя, озабоченных конечно не столько тем, чтобы понять диалектику Гегеля, с к о л ь к о тем, чтобы вытравить ее революционное содержание.

Внутреннее противоречие, пронизывающее все здание (по видимости абсолютно единое и целостное) гегелевской философии, противоречие между диалектическим методом и системой абсолютного идеализма с его признанием бога, идеи в качестве основы, движущей силы и внутренней цели всей мировой истории, являлось на протяжении целого столетия со дня смерти мыслителя и является теперь истоком борьбы вокруг оценки и отношения к гегелевскому идейному наследству. Борьбы, полной классового смысла и содержания, борьбы ожесточенной тем более, что она является по существу своему отдельным участком и звеном великой классовой борьбы пролетариата и буржуазии.

Огромную роль в связи с этим играет ясное понимание того, что само указанное внутреннее противоречие в учении Гегеля представляет собой не просто логическое противоречие, абсолютно замкнутое в пределах философской мысли, следовательно оторванное от реальной действительности.

Когда мы говорим о значении внутреннего противоречия в философии Гегеля в деле оценки и использования его философского наследства, то у нас идет речь не просто и не только о логических противоречиях его системы. Это представляется основным и определяющим у идеалистических историков философии, рассматривающих историю человеческой мысли и идейные традиции в отрыве от общественной и классовой борьбы и интересов, в порядке «логической филиации идей», без и вне ее конкретных общественных носите-

лей, исторически мыслящих и борющихся людей. Для марксизма прежде всего основным является правильная историческая оценка и понимание тех классовых противоречий, теоретическим эквивалентом которых являются логические противоречия философии Гегеля и которые определяют действительную силу и в то же время историческую и логическую ограниченность этой философии. Без понимания этого не может быть подлинного революционно-критического отношения к Гегелю, действительно правильного усвоения и переработки рационального содержания его учения. Наоборот всегда будет оставаться возможность, например по методу меньшевиствующего идеализма, реставрировать противно духу времени и историческим условиям то, что в учении Гегеля уже давно обречено на гибель.

В отношении философии Гегеля можно сказать его же собственными словами, что она есть истина своего времени и поэтому она не могла не отразить социально-классовых противоречий эпохи. Своеобразие противоречий этой эпохи наложило неизгладимый отпечаток не только на гениальную философскую систему Гегеля, но и на работу его великих предшественников и современников—Канта, Фихте, Гете, Шиллера и др. Для всех них характерно стремление возвыситься над немецкой убогой жизнью и вместе с тем примирение с ней, в той или другой форме революционизировать мир и одновременно оправдать его, а иногда пойти и на сделку со старым миром.

С этим мы уже встречаемся у Канта. Великое в его философии переплетается с реакционностью и религией. Элементы диалектики—с неверием в человеческое знание и теоретическим обоснованием религии. Грандиозное и ясное, пробившее огромную брешь в старом метафизическом и религиозном взгляде на мир, учение, — с возникновением солнечной системы, с духом низменного приспособления к власть имущим, когда он указывал на возможность использования своего главного философского произведения «Критика чистого разума» для борьбы за сохранение религии в народе и когда он намеренно трудной формой своих произведений стремился их сделать недоступными для широких кругов.

И даже в страстных обвинениях тогдашнего немецкого общества со стороны наиболее бурной и непримиримой фигуры в ряду величайших людей эпохи — Шиллера — находит свое достаточно сильное отражение двойственность, противоречивость эпохи в целом и буржуазных классов Германии в частности. Эти страстные обвинения связываются и у него одновременно также с отрывом от практического действия, с бегством от жалкой действительности в мир искусства, в потустороннее, оторванное от исторической действительности и практической борьбы царство идеалов и романтических вымыслов, что впоследствии достаточно часто использовалось и было всегда так любезно и мило душе мещанства, мелкой буржуазии, из-под ног которой неумолимый ход истории и борьбы классов выбивал жизненную почву и устойчивое положение.

И в творениях других крупнейших идеологов и мыслителей эпохи в той или другой форме также обнаруживалось с чрезвычайной силой буржуазное по своему характеру стремление возвыситься над отсталой, насквозь прогнившей социально-экономической и политической действительностью, которая господствовала в Германии конца XVIII в. Энгельс характеризует положение Германии в это время следующими словами: «Это была,—говорит он,—одна гниющая и разлагающаяся масса. Никто не чувствовал себя хорошо. Ремесло, торговля, промышленность и земледелие были доведены до самых ничтожных размеров. Крестьяне, торговцы и ремесленники испытывали двойной гнет кровожадного правительства и плохого состояния торговли. Дворянство и князья находили, что их доходы, несмотря на то, что они все выжимали из своих подчиненных, не должны были отставать от их растущих расходов.

Все было скверно, и в стране господствовало общее недовольство. Не было образования, средств воздействия на умы масс, свободы печати, общественного мнения, не было сколько-нибудь значительной торговли с другими странами; везде только мерзость и эгоизм—весь народ был проникнут низким, раболепным, гнусным, торгашеским духом. Все прогнило, колебалось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную перемену, потому что в народе не было такой силы, которая могла бы смести разлагающиеся трупы отживших учреждений»[1]). И дальше Энгельс замечает, что средние классы, имея в виду буржуазию, «соединившись с народом... могли бы ниспровергнуть старую власть и восстановить империю... как это делала французская буржуазия. Но средние классы Германии никогда не обладали такой энергией, никогда не претендовали на такое мужество, они знали, что Германия — только навозная куча, но они хорошо чувствовали себя в тепле, окруженные навозом»... (там же).

Вот обстановка, от которой стремилась оттолкнуться, отвергая ее, передовая буржуазная мысль Германии в лице ее крупнейших представителей. И их негодование и возмущение тогдашним германским обществом связываются в этот период с тем пробуждением под'ема и даже известного ликования в среде некоторых слоев буржуазии, мелкой буржуазии и интеллигенции, которые были вызваны Великой французской революцией.

Влияние французской революции в смысле прояснения определенных буржуазных путей, перспектив и целей общественного развития было вначале огромным. Стремления и надежды вырваться из оков феодально-крепостнической системы, задерживающей развитие всего живого, под влиянием французской революции принимали более выявленный и резкий характер, но свое действительное, сколько-нибудь законченное и довольно смелое выражение находили опять-таки в теоретическом, философском обосновании законов развития, исторической необходимости возникновения нового в явлениях природы и общества.

Сила экономических и политических традиций феодализма в Германии, общая экономическая и политическая отсталость ее, косность, рутина городского мещанства, мелких немецких политических организмов, слабость буржуазии, мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции для практического революционного действия и т. д.— вот условия, которые вели к тому, что «немцы размышляли в политике о том, что другие народы делали» (Маркс), что они в лице Гегеля и др. осуществляли революцию не на практике, а в теории. Этой теоретической революцией было создание диалектического метода, и в этом смысле, выражаясь словами Маркса, «Германия была... теоретической совестью» народов, и прежде всего Франции, которая проделывала буржуазную революцию на практике.

Но если в своем диалектическом содержании философия Гегеля была теоретическим отражением французской революции, ее «теоретической совестью», то социальные условия, определившие практическую слабость и бессилие немецкого буржуазного общества в борьбе с феодализмом, нашли свое идеологическое выражение в его религиозно-идеалистической системе, как в принципиально-методологической основе примирения с немецкой действительностью и оправдания ее. Революционный призыв, который звучит в необычайной смелости теоретического творчества, в создании диалектического метода, облекается у Гегеля в абстрактно-мистические формы, окутывается густым покрывалом идеализма и поповщины.

Энтузиазм, вызванный Великой французской революцией, облекается в метафизическую тогу. Бегство от ненавистной немецкой действительности вследствие сознания слабости свергнуть и изменить ее революционным путем

[1]) Энгельс, Письма о положении в Германии, Соч., т. V, стр. 77.

находит свое практическое дополнение в примирении с прусской реакционной действительностью, что в свою очередь является живительной основой для реакционной стороны учения Гегеля. Эта практика примирения с действительностью и в более поздние периоды философской эволюции Гегеля в более сильной степени сказывается на теоретических высказываниях мыслителя, в частности в его «Философии истории».

Таким образом противоречие диалектического метода и идеалистической системы, с начала до конца внутренне пронизывающее все философское учение Гегеля, корнями своими в конечном счете уходит к противоречиям современного Гегелю немецкого общества и прежде всего к противоречивому положению немецкой буржуазии, идеологом которой он являлся, сквозь призму исторической слабости и практической ограниченности которой он в той или другой мере вынужден был теоретически преломлять французскую революцию.

Это общее для учения Гегеля противоречие одинаково распространяется и на его учение об общественно-историческом процессе. Более того, противоречие диалектического метода и идеализма вскрывается здесь с наибольшей остротой, искажение диалектики в угоду идеализму находит наибольшее проявление, ибо в разрешении проблем общественной истории с большей резкостью дает себя знать классовая принадлежность и ограниченность Гегеля.

Можно вообще с неоспоримостью утверждать, что в понимании и изучении общественно-исторического процесса, его закономерностей и движущих сил с наибольшей силой, остротой и резкостью, чем во всех других областях знания, вскрывается классовый характер и смысл того или иного учения, той или другой теории. Когда дело касается анализа и оценки содержания исторического процесса, когда приходится волей-неволей сталкиваться с необходимостью понять классовое содержание как предшествующих эпох, так и истинный классовый смысл организаций, учреждений, событий эпохи, современной для идеолога, — скорее всего дают осечку и подвергаются искажению даже сравнительно передовые методологические принципы и теоретические точки зрения, непосредственные обнаруживаются классовые основы и классовая ограниченность теоретической работы идеологов всех до сих пор господствующих классов.

Так и с Гегелем. В его работах, специально посвященных изучению существа общественной жизни и государства, диалектический метод все больше отступает на задний план в сравнении с такими, кажется наиболее абстрактными, работами, как «Феноменология духа» и «Логика». Диалектика, как она развита Гегелем в «Логике», законы ее, представленные впервые в качестве всеобщих законов всякого бытия, при всей абстрактно-мистической форме их трактовки и изображения в «Логике», все же слишком конкретны и остры, обязывают в отношении действительности к слишком революционным выводам, они слишком беспощадны к существующему, определяя его исторически-преходящий характер. Революционная сторона гегелевской диалектики безусловно противоречит практике и теории пассивного отношения к существующему и примирения с реакционной действительностью. Отсюда понятно, что в наиболее конкретных работах Гегеля, посвященных изучению общественно-исторического процесса, мистически-идеалистические стороны его учения, абсолютная идея, разум, бог занимают все большее место в смысле своего конкретного земного классового назначения.

Поэтому в плоскости учения об общественно-историческом процессе и его закономерностях рельефнее и острее всего проявляется как связь в смысле идейной преемственности между марксистско-ленинской теорией и гегелевским учением, так одновременно и их коренная классовая противоположность.

Более остро конечно в конкретных работах Гегеля сказывается и вполне понятный для того времени недостаток в конкретных исторических познаниях, — недостаток, сильно ограничивающий (даже и в тех случаях, когда Гегель отступает от своих идеалистических взглядов и принципов) возможность создания правильной научной картины действительных ступеней в развитии человеческого общества и установления истинных закономерностей его движения.

Все это делает совершенно понятным высказывание Ленина, специально посвященное «Философии истории» Гегеля. «В общем, — говорит Ленин,— философия истории дает очень и очень мало — это понятно, ибо именно здесь, именно в этой области, в этой науке Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед. Здесь Гегель наиболее устарел и антикварен» [1]).

Сила Гегеля и то рациональное (как бы оно ни было противоречиво благодаря его идеализму), что характеризует его философско-исторические взгляды в положительном, научном свете и по настоящее время, заключается прежде всего в его историческом подходе к действительности, в попытке провести принцип развития в рассмотрении общественной жизни.

«Мышление Гегеля, — говорит Энгельс, — отличалось от мышления всех других философов громадным историческим смыслом, лежавшим в основе его. Хотя форма была крайне абстрактной и отвлеченной, все же ход его мыслей двигался постоянно параллельно с развитием мировой истории. Он первый пытался открыть в истории развития внутреннюю связь, и каким бы странным нам ни казалось теперь многое в его философии — все же грандиозность основного взгляда даже и в настоящее время поразительна. Особенно, если сравнить с ним его предшественников или тех, которые позволяли себе после него пускаться в размышление общего характера об истории. В «Феноменологии духа», в «Эстетике», в «Истории философии» всюду проникает это грандиозное понимание истории, и повсюду материал обсуждается исторически в определенной связи с историей, хотя в извращенной, отвлеченной связи» [2]).

Принцип развития, в какой бы абстрактной, идеалистической форме он ни применялся Гегелем, все же заявляет свои права и является одним из решающих звеньев, пронизывающих все его теоретическое мышление. В этом смысле Гегель — это создатель в науке целой эпохи в понимании истории. Рассматривать Гегеля вне этого — значит не понять его, не понять значения его теоретического наследства для последующих поколений, значит стоять вне истинной перспективы исторического развития научной мысли.

Только диалектический метод и величайшая для того времени ученость могли дать в результате своем историческое понимание и немалое чутье действительности и возможность выдержать единство исторического взгляда в такой монументальной форме, как это сделано Гегелем в целой разветвленной системе его теоретических работ, посвященных всемирной истории в целом и отдельным сторонам общественной жизни (право, эстетика и т. д.)

Гегель с полным основанием не только для своего времени, но и в назидание поколению буржуазных ученых и «учености» более поздних времен, вплоть до нашего, которым в качестве решающего методологического принципа свойственна беспринципность, вместо единства точки зрения — эклектизм, остроумно замечает: «Лишь с высоты возможно хорошо обозревать предметы и замечать все, но этого нельзя сделать, смотря на них снизу вверх через небольшую щель» [3]).

Гегелевское понимание истории, именно благодаря сознательному про-

---

[1]) Ленинский сборник XII, стр. 162.

[2]) Энгельс, Рецензия на книгу К. Маркса «К критике политической экономии».

[3]) Гегель, Философия истории, нем. изд. Глокнера, т. XI, стр. 28.

ведению единого принципа развития, теоретически одинаково возвышается как над точкой зрения эмпиризма с его беспомощным следованием за отдельными фактами и событиями истории и абсолютной неспособностью вскрыть закономерность и связь исторической цепи событий, так и над точкой зрения плоского рационализма и просветительства, которым свойственно забвение об'ективной необходимости происходящих в истории процессов, подмена их дешевой мудростью, суб'ективных чаяний и надежд, представление об истории просто как о сыром материале для творчества личностей, для применения разного рода столь же годных для всех времен и народов, сколь и пустых априорных конструкций, рецептов и панацей. Гегель язвительно насмехается над мелкими, плоскими злоключениями «ученой» мысли, которая пытается определить содержание исторического движения человечества под углом зрения всякого рода нравственных сентенций, благих пожеланий, добродетельных оценок, рассуждений об историческом прогрессе как о прогрессе добра, счастья, гармонии и прочих категорий мещанско-обывательской мудрости.

«Всемирная история, — говорит он, — н е е с т ь а р е н а с ч а с т ь я. Периоды счастья являются в ней пустыми листами, потому что они являются периодами гармонии, отсутствия противоположности» [1]. В принципе следовательно и в применении к историческому процессу противоположность, противоречие представляет существенную сторону действительности. Бодро и революционно звучит эта мысль Гегеля, резким контрастом выступая на господствующем в целом фоне мистицизма и стремления к примирению противоположностей в его «Философии истории». Нелепостью представляется для Гегеля, когда всемирно историческую деятельность людей, их борьбу подменяют «скупой канителью личных добродетелей скромности, смирения, человеколюбия и благотворительности»...

В ряде отдельных мыслей Гегель, не замечая противоречия их его идеалистическому мировоззрению, в достаточно четкой, сознательной форме стремится избежать и опасности понимания исторического процесса вне деятельности, интересов и воли людей, и в опасности остановиться в изучении его только на том многообразии отдельных событий и фактов, переплетении людских интересов и действий, пестрое зрелище которого представляется обыденному знанию. Элемент единства, внутренней связи и необходимости смены и переходов во всемирной истории здесь еще вне поля зрения познания. В действительности же внутренняя связь и развитие присущи исторической деятельности общественного человека, осознает он их или нет. Они так или иначе прокладывают дорогу, находя в конкретных людях, в их непроизвольной связи друг с другом, возникающей в процессе удовлетворения системы потребностей, в их интересах, поступках, устремлениях конкретную форму своего проявления. Гегель дает интересное понимание этого, когда он говорит, что «во всемирной истории, благодаря действиям людей вообще, получаются еще и несколько иные результаты, чем те результаты, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения» (там же, стр. 63). Эти глубокие и по существу верные слова относятся ко всем до сих пор еще существовавшим в истории общественным эпохам, не исключая и капитализма с его стихийными, слепыми законами. Для них всех принципиально характерно (дело может быть только в различии степеней и качественного своеобразия), то, что исторический процесс осуществляется как стихийный процесс, что действительная перспек-

[1] Г е г е л ь. Философия истории, нем. изд. Reclam, Leipzig, стр. [illegible].

…ния истинные основы, движущие силы его, звеном в которых являлся тот или другой человек, группа, политическая партия, класс, оказывались для них неосознанными, непонятными, скрытыми, и поэтому сила исторического процесса в его результате оказывалась силой слепой необходимости. В этом смысле только историческая деятельность пролетариата и его партии, вооруженной революционной научной теорией Маркса—Ленина, деятельность, направленная на разрушение капитализма с его стихийными законами и эксплотацией и на строительство коммунизма, создает все условия для превращения исторического процесса в сознательно, планомерно творимый людьми процесс, создает условия для действительного перехода из царства необходимости в царство свободы.

Но мы будем глубоко неправы, если из только что приведенной мысли Гегеля об известной противоположности между непосредственными интересами и действиями людей в истории и той внутренней необходимостью, которая в конечном счете зачастую совершенно неожиданно для них заявляет свои права в образе непредвиденных законов и событий, сделаем тот вывод, что для Гегеля история есть автоматический процесс, в котором люди фактически подчинены судьбе и их деятельность есть пустая игра манекенов. Стоит вдуматься в мысль Гегеля о роли исторических личностей и становится понятным, что он, хотя и в чрезвычайно абстрактной форме, дает в отдельных случаях в высокой степени остроумное изображение связи между необходимостью, господствующей в истории, и исторической деятельностью людей. Историческими людьми являются, по мысли Гегеля, те люди, которые с величайшей проницательностью понимают перспективу исторического процесса, которые свои цели и призвание черпают «не просто из спокойного, упорядоченного, освященного существующей системой хода вещей», а из того нового, что еще скрыто внутри данной исторической действительности и что еще ищет конкретных путей, чтобы занять подобающее себе место и положение в этой исторической действительности. «Такие лица,—говорит Гегель,—не сознавали в своих целях идей вообще, но они являлись практическими и политическими деятелями. Но в то же время они были и мыслящими людьми, понимавшими то, что нужно и что своевременно. Именно это является правдой их времени и их мира, так сказать ближайшим родом, который уже находился внутри. *Их дело знать этот общий элемент, необходимую, ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и вкладывать в ее осуществление свою энергию* (там же, стр. 67, разрядка наша.—*Ф. Г.*). И продолжая свою мысль, Гегель саркастически замечает, что мелкими, школьными и вздорными являются осуждения той энергии и страсти, настойчивости и последовательности, с которой большие исторические люди подходят к разрешению стоящих перед ними задач и целей. Всемирно-историческая деятельность людей не перестает быть великой от того, что ее осуждают жалкие моралисты, психологические камердинеры или «точные» архивариусы из среды обывателей исторической «науки».

В целом Гегель характеризует свое понимание истории как *мыслящее рассмотрение ее*. То рациональное, положительное, что имеется в этом гегелевском мыслящем рассмотрении всемирной истории человечества, мы находим наряду с только что отмеченным в целом ряде очень важных моментов. Всемирная история с точки зрения Гегеля не есть простое нагромождение тех или других событий, не есть поле, где господствуют случайность, произвол и бессвязный переплет отдельных человеческих стремлений и чувств, интересов и воли. Она не представляет собой просто случайного круговорота и смены одного общественного состояния другим. В этом смысле идеалист Гегель бесконечно возвышается над точкой зрения

например французских просветителей и материалистов, которые, как известно, в области истории также придерживались идеалистических взглядов.

Гегель очень далек методологически и от того, чтобы об'яснить исторический процесс в целом и отдельные исторические события простым указанием на взаимодействие различных сторон общественной жизни. Остановиться на теории взаимодействия в об'яснении исторических явлений, как и вообще явлений действительности в целом, — значит для него ограничиться видимостью об'яснения. Самый процесс взаимодействия различных сторон целого, в данном случае общества, должен быть понят на основе известного внутреннего единства этого целого. Для Гегеля принципиально неприемлема подмена целостного об'яснения исторического события путем анализа его внутреннего содержания и выделения решающего в нем, путем вскрытия внутренних основ его развития, — эклектическими, беспринципными ссылками на взаимную связь и переплетение в изучаемом историческом событии явлений науки, искусства, политики, права и т. д.

«Когда довольствуются,— говорит Гегель в «Энциклопедии»,— тем, что рассматривают данное содержание с точки зрения взаимодействия, то это представляет собою прием крайне бедный в смысле понимания; тогда имеют дело просто с сухим фактом, и требование посредования, сказывающееся там, где речь идет о нахождении причинной связи, остается неудовлетворенным» [1].

В связи с этим, если охватить в основном схему Гегеля, то становится понятным, что он впервые делает попытку дать сознательную картину исторического процесса, в свете которой смена исторических эпох происходит с внутренней необходимостью и в которой каждая эпоха представляет определенную конкретную ступень в развитии человечества. В этой схеме имеется известное рациональное зерно. Содержание каждой из этих исторических ступеней развития целого является прогрессивным и более совершенным по отношению к предыдущей ступени, на основе которой она возникает. И вместе с тем всякая возникающая эпоха общественной жизни является исторически ограниченной по своему содержанию. Дальнейшее развитие и укрепление данной ступени есть одновременно развитие ее внутренних противоречий, процесс выявления вместе с ее прогрессивными чертами и ее исторической ограниченности. В этом смысле внутренней и необходимой стороной процесса жизни, развертывания и расцвета всякой конкретной формы или ступени общественной истории является, по мысли Гегеля, известная подготовка в недрах старого исторических условий перехода к последующей более передовой, прогрессивной эпохе или народу. Так в основном выглядит рационально, т. е. материалистически, понятая гегелевская схема исторического процесса.

Словом, рациональное зерно заключается в том, что Гегель стремится применить к пониманию общественной истории диалектический принцип развития, специальному теоретическому анализу и обоснованию которого посвящена его «Логика».

Однако в своей попытке дать сознательную теорию исторического развития Гегель остается верным себе как идеалист. В общественно-исторических взглядах Гегеля, как и в общем его мировоззрении, сила неразрывно связана со слабостью, прогрессивное с консервативным и реакционным, научная мысль с идеализмом и поповщиной. Здесь, как и всюду, гениальность гегелевской мысли органически подавляется противоречивостью его общей исходной позиции: проблески диалектического взгляда на мир вынуждены пробивать себе дорогу сквозь оковы его идеалистической системы.

В характеристике мыслящего философского понимания всемирной истории Гегель с самого начала соединяет в основном два понятия, несовме-

---

[1]) Гегель, Энциклопедия, т. I, прибавление к § 156.

сиюсть и противоречие которых накладывают тяжелые оковы на весь ход его мысли, заводят ее бесконечное число раз в тупик.

Во-первых, он понимает историю как бесконечное развертывание разума, развитие идеи, положенной в основу исторического процесса в качестве его бесконечно богатой по содержанию и формам проявления субстанции. Во-вторых, процесс исторического развития понимается Гегелем как процесс внутренне связный, имеющий характер необходимой связи во всех своих бесконечных переходах, ступенях и изменениях. Самое общее, принципиально исходное для него — понятие абсолютной идеи, разума. Все остальные понятия он монистически, поскольку вообще это возможно на почве идеалистического мировоззрения, рассматривает сквозь призму абсолютной идеи, господствующей силы природного, общественного и духовного мира. Поэтому принцип необходимой и закономерной связи в развитии мировой истории у Гегеля есть известная проекция принципа развития и совершенствования, имманентно присущего идее, разуму, осуществлением и отблеском которых в целом является в своем поступательном ходе всемирная история. И здесь уже Гегель попадает в преддверие глубочайших противоречий: понятие необходимой связи развития, имеющее глубокий об'ективный смысл, оказывается втиснутым в прокрустово ложе абстрактного мирового разума.

При этом Гегель не удовлетворяется общим признанием того, что разум управляет миром. Он стремится провести этот принцип последовательно до конца и ставит тут же вопрос об абстрактности и пустоте самой по себе мысли о господстве разума. Необходим переход к конкретному—таково требование самого мыслителя. «Вообще,—говорит он,—этот принцип оставался отвлеченным... природа не рассматривалась как развитие этого принципа, как организация, проистекающая из разума. Здесь я с самого начала обращаю внимание на следующее развитие: остается ли определение, принцип, истина лишь чем-то отвлеченным или же совершается переход к более точному определению и к конкретному развитию» [1]). И в дальнейшем Гегель проводит или пытается вернее провести в понимании исторического процесса мысль, что принцип, разум, мировой дух и его развитие—не абстрактный принцип, а конкретное содержание и смысл исторического развития.

Порочность абстрактно-идеалистического, перевертывающего все с ног на голову подхода к исторической действительности, в рамках которого принципиально движется с начала до конца гегелевская мысль в целом и то рациональное в ней, что достойно было сохранения и развития в дальнейшем в теории Маркса, и здесь следовательно накладывает неизгладимый отпечаток на взгляды философа и заводит его в лабиринт безвыходных противоречий.

Гениально угаданные и в некоторой части блестяще развитые в «Логике» Гегеля общие законы диалектического развития действительности и познания вступают в противоречие с идеалистическим об'яснением определенных областей действительности и в особенности с об'яснением конкретного хода всемирной истории. Диалектика требует рассмотрения существующего в его конкретном развитии и становлении, она утверждает исторически преходящий характер всякого бытия и вскрывает внутренние, имеющие исторический конкретный облик причины и движущие силы возникновения каждого процесса и неизбежного перехода его в новое. Она понимает процесс развития как процесс необходимый, как процесс самодвижения и саморазвития, как процесс, в котором ведущую и определяющую роль играет внутреннее противоречие жизни самого определенного предмета. Внутреннее конкретное противоречие предмета есть та сила, которая ведет к превращению его в противоположность и этим определяет процесс возникновения нового, во-первых как необходимый исторический процесс,

[1]) Гегель, Философия истории, нем. изд. Глокнера, т. XI, стр. 38.

во-вторых, как процесс революционный, процесс коренной ломки и преобразования старого.

Совершенно очевидно, что диалектическое развитие связано всегда, как уже сказано было выше, с требованием величайшей конкретности в изучении самой действительности. Этого же требует и познание законов истории человечества. Здесь-то и сказывается больше всего мертвящая сила идеализма и абстракции, что не мешает однако Гегелю скатываться иногда на позиции самого вульгарного эмпиризма и брать в качестве конечных причин самые внешние стороны действительности. Это обнаруживается например в его попытке об'яснения французской революции как следствия столкновения католической религии и просветительской философии.

Мировой дух, принятый Гегелем за основу и принцип развития всего богатства явлений мировой истории, оказывается на деле пустым и бессильным в качестве ключа для понимания исторического процесса. Какими бы свойствами он ни наделялся, какие бы живительные творческие стороны ему ни приписывались, он остается абстрактным, бездоказательным принципом гегелевской идеалистической системы, смыкающим его учение с религиозно-мистическими учениями.

В действительности мировой дух, абсолютная идея спекулятивной философии, согласно характеристике Маркса и Ленина представляет собою по существу человеческое сознание, только оторванное от живого, конкретного, исторического человека и возведенное в абсолют. «Весь исторический процесс,—говорит Маркс,—рассматривается (в теориях, подобных гегелевскому идеалистическому пониманию истории.—*Ф. Г.*) как процесс самоотчуждения «человека»; происходит это по существу оттого, что на место человека прошлой эпохи подставляют всегда среднего индивида позднейшей эпохи а прежним индивидам подсовывается позднейшее сознание. Благодаря этой иллюзии, абстрагирующей от реальных условий, и возможно было превратить всю историю в процесс развития сознания» [1]).

Гегелевский творец истории—мировой дух—в конечном счете связан одной исторической почвой и одним историческим классовым назначением с тем буржуазным духом, культ которого как верховного существа провозглашался в эпоху конвента Великой французской революции, ради которого Собор парижской богоматери об'являлся храмом разума, под лозунгом которого Робеспьер, один из крупнейших революционеров идущей к власти буржуазии, громил с трибуны конвента материализм и атеизм идеологов тех социальных элементов французской революции, классовая борьба которых со всей силой по мере накопления сил и роста возмущения против эксплоатации и гнета в условиях уже победившего капитализма развернется десятилетиями позже. В бездонную абстракцию этого буржуазного разума, как творческое начало, переносится Гегелем все богатство диалектики исторического процесса. И чем настойчивее и последовательнее проводит Гегель сизифову работу по «органическому» совмещению идеализма и диалектического метода применитель к анализу хода общественной истории, тем резче обнаруживается противоречие системы и действительности, тем более мистифицируется важнейшее завоевание гегелевской мысли — диалектический метод — и тем сильнее выступает консервативная сторона его учения.

В дальнейшем, чем более подходит Гегель к необходимости анализировать конкретные моменты собственно истории человечества, тем более рельефным становится указанное противоречие, тем в большей степени осуществляется подмена диалектического принципа развития мистическими переходами и становлением абстрактно-пустого мирового духа, совершенно внеисторическими суждениями о тех или других сторонах исторического процесса. И поскольку Гегель последовательно проводит свою идеалистическую

[1]) Маркс и Энгельс. О Фейербахе, Архив, т. I, стр. 260.

точку зрения на исторический процесс, постольку развитие, история перестает у него быть действительной историей.

Разум в своем развитии создает, по Гегелю, различные сферы, различные стороны жизни одну вслед за другой. Поэтому анализ действительных исторических переходов в развитии природы и общества, в движении одной формы человеческого общества в другую, в образовании различных сторон общественного бытия (право, государство и т. д.) подменяется им на деле формально словесными, бессодержательными переходами. Действительное материальное единство исторического развития подменяется формальным, надуманным единством. Единство многообразной действительности в развитии рвется, становится простой формулой без содержания. Вместо внутренних реальных противоречий и содержания, определяющих с необходимостью развитие и переходы исторических форм, получаются переходы внешние, переходы как апелляция к логическим переходам в пределах духа. И именно потому, что в исходном пункте исторические переходы понимаются Гегелем как следствие перехода разума из одной области в другую или, грубо выражаясь, как блуждание разума, — Гегель по существу своей точки зрения принципиально вынужден вместо анализа происхождения нового оперировать, и иногда очень поверхностно, готовым результатом, просто ограничиваться сравнением различных областей и различных форм действительности друг с другом.

С этим мы имеем дело у Гегеля уже в его понимании соотношения человека и природы, — важнейшего момента для понимания сути всей человеческой истории. История здесь выпадает. В принципе Гегель оперирует здесь, как и в дальнейшем, идеалистической формулой. «Разум, — говорит он, — мировой дух конкретизируется в сознание, в духовный мир человечества». «Человек знает о себе самом, и это отличает его от животного». В этих утверждениях в согласии с принципом идеализма фиксируется теоретическое понимание исторического перехода огромной важности, в известном смысле решающего для понимания всей последующей истории человечества. Утверждая самосознание человека вообще, как определяющее начало в характеристике своеобразия его по отношению к животному миру, Гегель в этом конкретном вопросе в сущности разрывает и противопоставляет две истории — историю природы и историю людей, об'единяя их фикцией единства в мировом духе. Методологическое требование — от общего принципа мирового духа перейти к конкретным сферам его развертывания и показать это реально — терпит тут же фиаско. Кроме ложной видимости перехода ничего не получается. На деле же — метафизический разрыв.

Только диалектический материализм Маркса — Энгельса — Ленина, исходящий из признания об'ективного существования материи, природы, общества и рассматривающий развитие мировой истории не как отблеск развития идеи, а как реальный процесс развития природы, развития, на известной ступени которого природа порождает сознание, мысль, идею, — только диалектический материализм дает правильное изображение связи между областью природы и областью человека. «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон и делить на историю природы и историю людей. Но нельзя отделять друг от друга обе эти стороны: пока существуют люди, история природы и история людей обусловливают друг друга» [1]). Маркс и Энгельс устанавливают единство природного и человеческого мира, во-первых, в смысле исторического процесса возникновения человека в его своеобразии из природы, из животного мира и, во-вторых, как процесс постоянной связи и взаимодействия человека и природы на всем протяжении исторического развития общественного человека,

[1]) Маркс и Энгельс, Письмо Энгельса от 19/XI 1844 г.

при чем в решающей зависимости от высоты развития человеческого общества меняется только характер этой необходимой связи человека с природой.

Для Маркса и Энгельса исходный пункт в понимании всего хода истории человечества—не мистическое, абстрактное самосознание человека вообще. Уже в период 1844 г. они кончают критические счеты с догматами гегельской идеалистической системы, уже тогда они приходят к необходимости материалистического подхода к пониманию истории. Критикуя абстрактного «человека» Штирнера, жалкий теоретический слепок с абсолютной идеи Гегеля, Энгельс приходит к следующему заключению: «Этот «человек» всегда остается фантастическим призраком, если он не имеет своей основы в эмпирическом человеке. Одним словом, мы должны исходить из эмпиризма или материализма, если мы хотим, чтобы наши идея и в особенности наш «человек» были чем-нибудь реальным, мы должны всеобщее выводить из единичного, а не из самого себя или из воздуха, как Гегель» [1]).

В работе «О Фейербахе», где Маркс и Энгельс уже полностью переходят на материалистические позиции, требование «исходить из эмпиризма или материализма» формулируется с величайшей конкретностью. «Предпосылки, из которых мы будем исходить, это не произвольные утверждения, не догматы, а реальные предпосылки, от которых мы можем отвлечься только в воображении. К ним относятся реальные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как преднаходимые ими, так и созданные их собственной деятельностью. Таким образом предпосылки эти можно констатировать чисто эмпирическим путем» [2]). Вот исходный пункт Маркса и Энгельса, который позволяет им вскрыть исторические законы развития общественного человека и определить действительные основы исторического процесса. Рассматривая человека прежде всего как общественное животное и как конкретное, развивающееся историческое существо, Маркс и Энгельс вместе с тем устанавливают основные черты реального качественного своеобразия общественного человека в его историческом возникновении и развитии.

«Первой предпосылкой всякой человеческой истории,—говорит Маркс,—является разумеется существование живых индивидов, людей. Первым историческим актом этих индивидов, которым они обособляются от животных, является не то, что они мыслят, а то, что они начинают производить средства для своего существования. Людей, — продолжает Маркс, — можно отличать от животных по сознанию, религии, вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, лишь только начинают производить необходимые для своей жизни средства, шаг, обусловленный их телесной организацией. Люди, производя необходимые для своей жизни средства, производят косвенным образом и свою материальную жизнь» [3]).

Вот что является главным условием разрешения проблемы единства общего и особенного в общественном развитии, как конкретного, исторического неразрывного единства, условием создания развернутой, стройной, строго научной картины внутренних, реальных, а не выдуманных и навязанных извне законов истории человеческого общества. Принцип теории развития в применении к истории человечества находит у Маркса и Энгельса свое действительное теоретическое обоснование в материалистическом понимании ее, в распространении материализма на область общественных явлений.

Если категория развития у Гегеля в принципе является абстрактным определением абстрактно пустого мирового духа и терпит крах при первых же попытках ее более или менее последовательного идеалистического, в согласии с системой, проведения, то у Маркса она полна реального исторического смысла и содержания. И естественно, что в противоположность Марксу

---

[1]) Маркс и Энгельс, Соч., т. XX, стр. 7.
[2]) Маркс и Энгельс, О Фейербахе, Архив, т. I, стр. 214.
[3]) Маркс и Энгельс, О Фейербахе, там же, стр. 214—215.

попытка Гегеля перейти к дальнейшему более конкретному изображению исторического процесса приводит его к глубоким и безвыходным противоречиям. Это становится особенно очевидным, когда от общего положения, что разум управляет миром, и от своего идеалистического изображения исторической особенности человека в сравнении с животным миром Гегель переходит к теоретическому освещению вопроса об исторических формах и ступенях развития человеческого общества.

Качественное своеобразие, особенности, определенность этапов всемирной истории должны быть с особой четкостью указаны и вскрыты. Меньше всего здесь можно отделываться ссылками на абстрактные формулы. Они неспособны дать ключ к об'яснению особенностей того или другого исторического перехода или образования. Сам Гегель весьма остроумно неоднократно говорит о необходимости конкретного подхода к исторической действительности, устанавливая это в качестве обязательного методологического требования. Так например указывая, что народы и правительства ничему не научились в истории, он говорит, что каждой эпохе свойственны столь своеобразные обстоятельства, она представляет собой столь индивидуальное состояние, что только исходя из него самого, основываясь на нем, должно и единственно возможно судить о ней»[1]. Задача следовательно теперь определяется так, что необходимо найти единый принцип или тип исторического своеобразия каждой эпохи во всемирной истории и вскрыть связь и историческую преемственность между ними. И вместе с этим перед Гегелем встает во всем своем об'еме проблема взаимоотношения общего, особенного и единичного в историческом процессе. Надо показать конкретную связь мирового духа, основы истории, с особенностью исторических эпох, конкретных событий и человеческой деятельности, иными словами разрешить неразрешимую задачу — показать реальный процесс развития абсолютной идеи!

Гегель вообще не уклоняется от этой проблемы. Он пытается решить ее опять-таки вначале более или менее последовательно, смело опираясь на идеалистическую схему. Оставаясь на почве идеализма, Гегель разрешает эту задачу через посредство введения нового понятия, понятия народного духа.

«Развитие мирового духа, понятия,—говорит он,—влечет за собой то, что оно является рядом ступеней, и всякая ступень, как отличающаяся от другой, имеет свой собственный принцип. Таким принципом в истории является определенность духа, особый дух народа. В этой определенности он выражает, как конкретные, все стороны своего сознания и хотения, всей своей действительности; она (определенность народного духа.—*Ф. Г.*) является общей отличительной чертой его религии, его политического строя, его нравственности, его правовой системы, его нравов, а также его науки, искусства и технического умения. Эти специальные особенности следует понимать, исходя из вышеупомянутой общей особенности, из особого принципа народа; точно так же как наоборот, из данных в истории фактических деталей следует найти вышеупомянутое общее начало особенности»[2] (т. е. опять-таки единый принцип народного духа. — *Ф. Г.*). В принципе народного духа мыслитель пытается найти то среднее звено, которое позволило бы представить конкретно историю как развитие мирового духа.

Таким образом определенный народный дух есть для Гегеля та историческая основа, на которой развертывается все богатство взаимодействия сторон общественной жизни и индивидуальной человеческой деятельности, представляющих собою функции и проявления внутренней деятельности народного духа. В принципе народного духа Гегель пытается найти такое обоснование своеобразия каждой эпохи, в котором дано и общее, — то, что он есть ступень развития и конкретизации единого на-

[1] Гегель, Философия истории, изд. Глокнера, т. XI. стр. 31.
[2] Гегель, Философия истории, изд. Reclam, стр. 107.

чала мирового духа, и единичное, индивидуальное,— деятельность людей как необходимое орудие претворения в действительность содержания народного духа.

Таким путем, внешне стройно, Гегель преодолевает, с одной стороны, противоречие, существующее между пустой абстракцией управляющего миром разума и определенным характером различных эпох истории, в которых разум должен осуществиться, с другой стороны, противоречие между индивидуально-единичным элементом истории — действиями и поведением общественного человека, и общим закономерным содержанием эпохи в лице определенного принципа народного духа. Индивидуальное в истории исчезает как хаотический, бессвязный, случайный элемент и приобретает в особенном типе и содержании сознания эпохи в целом закономерный характер. «Индивидуальности сохраняют значение лишь как претворяющие в жизнь то, чего желает народный дух».

Человек в своей деятельности как будто теряет таким образом характер абстрактного человека; он становится определенным человеком определенного исторического народа, характер действия его уже становится как бы обусловленным в целом общим содержанием данной исторической эпохи. И уже величайшим об'ективизмом и уверенностью в том, что проблема перехода от абстракции абсолютной идеи через определение сознания той или другой эпохи к конкретной исторической деятельности общественного человека разрешена, звучат слова Гегеля о том, что «никто не может выпрыгнуть из своего времени так же, как из своей кожи», что «индивид есть сын своего народа, своей среды, единичная личность может тянуться как хочет, она от этих условий оторваться не может» [1]. И все же, поскольку у Гегеля процесс приближения к конкретному общественному человеку есть процесс спекулятивно-философский, находящий свое разрешение опять-таки в рамках той же идеалистической системы, постольку стройность в решении указанных выше противоречий есть стройность формальная, метафизическая.

В конечном счете конкретная история для Гегеля в принципе движется в пределах его логической схемы, она есть отражение самодовлеющего развития понятия духа, она есть только средство в пути, который проходит разум, познавая все богатство своего содержания. Метафизическая стройность и видимый выход из противоречий и в данном случае обнаруживают свою полную теоретическую слабость и беспомощность, как только мы задаемся вопросом, почему в истории происходит смена ступеней развития, в чем причины возникновения, развития, гибели определенных форм и эпох в развитии человеческого общества. Этот вопрос не находит своего разрешения в мысли Гегеля о том, что всякий принцип, народный дух есть нечто определенное, исторически особенное и следовательно исторически ограниченное, обреченное со временем к переходу в новое, более высокое и развитое по содержанию.

Об этом противоречии народного духа как ступени в развитии мирового Гегель говорит следующее: «Дух каждого народа — это звено в процессе, ведущем к тому, чтобы дух достиг свободного познания самого себя. Но каждый народ имеет свое собственное существование. Народы — это нации и постольку их принцип является естественным, а так как принципы бывают различны, то и народы бывают различны. Каждый имеет собственный принцип, к которому он стремится, как к своей цели; достигнув своей цели, ему ничего не остается делать в мире» [2]. В результате этого происходит не простая смена исторических народов, но развитие, совершенствование. Тот

[1] Гегель, Философия истории, Введение.
[2] Там же (по изд. Лассона).

или другой народ входит в «соприкосновение с более поздним органом всемирной истории» — другим народом, духовный принцип которого не просто отрицает старый принцип, ставший сам по себе уже бренным, но снимает его, т. е. в том же процессе отрицания, отвержения старого принципа одновременно воспринимает и сохраняет развивавшееся под его господством положительное содержание и в этом смысле рассматривает его как необходимую ступень своего собственного возникновения.

Но несмотря на все значение приводимой здесь Гегелем мысли о всемирной истории как о целом и об отдельных народах как отдельных органах этого целого (Ленин в «Конспекте философии истории Гегеля» отмечает это), все же по существу мы у Гегеля не имеем ответа о причинах исторических изменений, не имеем об'яснения механизма смены ступеней развития человеческого общества. Слова его о том, что каждый народ стремится осуществить свой принцип, что последний для него — цель, достигнув же цели, народ умирает и нить истории продолжает ткаться уже иным народом с иным, более высоким принципом, высоким сознанием, звучат в этом отношении просто красивой фразой.

Вместо действительного исторического анализа причин исторических событий Гегель опять-таки применяет общую абстрактную конструкцию мирового духа, видоизменивши ее до известной степени в направлении большей исторической, эмпирической характеристики.

Понимая прекрасно, что конкретное в истории требует конкретного об'яснения, Гегель делает все возможное, чтобы наделить поэтому тот или другой народный дух известной конкретностью, историчностью, своеобразием. Но тут возникает для мыслителя реальная опасность, что принцип народного духа окажется просто историческим сознанием данной эпохи, известной совокупностью взглядов, представлений, существующих в данное время у людей. Тогда даже по видимости он перестанет играть роль определяющего начала в развитии, а станет просто известной стороной общественного бытия. Принцип идеализма в этом смысле каждую минуту грозит рухнуть. Действительность, к которой он хочет приблизиться по существу, конкретно, разоблачает пустоту его формул и их земное происхождение.

Одновременно с этим Гегелю надо избежать и другой опасности, опасности разрыва между различными ступенями в развитии мировой истории, поскольку всякий особенный принцип народного духа представляет известную стройность и законченность в самом себе. В этом случае потерпела бы крушение концепция развития в какой бы то ни было форме. И Гегель вынужден вновь и вновь возвращаться и взывать в своих формулировках к мистическому единству мирового духа, вместе с тем все больше отнимая от принципа развития его **необходимый** характер и наделяя его характером божественного предопределения, характером осуществления божественной цели и совершенствования. Чем ближе Гегель подходит к задаче об'яснения конкретного в истории и чем больше показывают свою слабость абстрактно-идеалистические принципы, тем резче и настойчивее у Гегеля, поскольку он остается верным своей идеалистической системе, стремление придать принципу развития мистичский, телеологический характер.

Дальнейшая попытка об'яснений смены исторических народов тем, что история есть процесс сознания свободы и что каждый народ и эпоха в своем духовном принципе достигают в сознании свободы только определенной ограниченной степени и вследствие этого должны передать нить преемственности в познании свободы последующим, уже более глубоко охватывающим истину, народам и эпохам, по существу ничего не добавляет к гегелевскому об'яснению исторического процесса и не может помочь разрешению на деле проблемы возникновения и смены общественных состояний. Наоборот здесь как раз со всей остротой обнаруживается то, что Гегель отделывается пустым

софизмом. В самом деле в чем причины появления нового исторически передового народа? В том, что он более глубоко, чем предыдущий народ, познает свободу. Но почему он познает ее глубже и в то же время лишь в такой мере, что должен сам в свою очередь позже уступить пальму исторического первенства другому народу? Видимо потому, что тот познает свободу еще полнее. Так можно продолжать до бесконечности, но это, как небо от земли, далеко от действительного об'яснения истории [1]).

Глубокие слова Маркса, направленные им против идеалистического понимания истории Прудоном, одинаково распространяются и на гегелевское об'яснение исторического процесса. «Предположим... что действительная история, — говорит Маркс, — история, соответствующая порядку времени, представляет собою ту историческую последовательность, в которой проявлялись идеи, категории и принципы. Каждый принцип имел особый век для своего проявления. Так например принципу авторитета соответствовал XI в., принципу индивидуализма—XVIII в. Рассуждая последовательно, мы должны согласиться, что век принадлежал принципу, а не принцип веку. Другими словами принцип создавал историю, а не история создавала принцип. Но если, чтобы спасти как принцип, так и историю, — мы спросим себя наконец, почему же данный принцип проявлялся в XI или в XVIII вв., а не в какой-нибудь другом столетии, то мы будем вынуждены тщательно исследовать, каковы были люди в XI в., каковы они были в XVIII, каковы были в каждом из этих столетий их нужды, их способ производства, сырые материалы их производства; каковы наконец были те отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования. Разве исследовать все эти вопросы не значит написать действительную, обыкновенную историю людей каждого столетия, изобразить этих людей в одно и то же время как авторов и актеров их собственной драмы? Но раз вы изображаете людей как актеров и авторов их собственной истории, вы приходите окольным путем к истинной точке отправления, потому что вы покидаете вечные принципы, от которых вы отправлялись сначала» [2]).

Дилемма, которую ставит здесь Маркс перед Прудоном, — спасти действительную историю, а тем самым понять и значение и место духовных принципов в деятельности людей или отказаться, отбросить историю как таковую в угоду доказывающей господство принципов идеалистической кон-

---

[1]) Приведем здесь одну из тех мистифицирующих суть дела гегелевских формулировок истории как процесса сознания свободы духа, в которых он пытается дать об'яснение исторического своеобразия различных народов... «Она (всемирная история.—Ф. Г.) является обнаружением духа в том виде, как он вырабатывает себе знание о том, что он есть в себе, и подобно тому, как зародыш содержит в себе всю природу дерева, вкус, форму плодов, так и первые проявления духа виртуально содержат в себе всю историю. Восточные народы еще не знают, что дух или человек, как таковой, в себе свободен, так как они не знают этого, то они не свободны, они знают только, что один свободен, но именно поэтому такая свобода является лишь произволом, этот один оказывается лишь деспотом, а не свободным человеком. Лишь у греков появилось сознание свободы, и поэтому они были свободны, но они, как и римляне, знали только, что некоторые свободны, а не человек как таковой. Этого не знали даже Платон и Аристотель. Поэтому у греков не только были рабы, и их жизнь и существование их прекрасной свободы находились в связи с этим обстоятельством, но и сама их свобода отчасти являлась случайным, недолговечным цветком, отчасти же она вместе с тем оказывалась таким порабощением человеческого гуманного начала. Лишь германские народы дошли в христианстве до сознания, что человек как таковой свободен» (Фил. ист., изд. Reclam, стр. 52—53) и т. д. Так идеалистическая схема, если тут же подвергающаяся массе оговорок, подменяет в основе научно-причинное об'яснение исторических эпох и переходов. И вместе с этим мистифицируется гениальная мысль Гегеля о том, что история есть сознание свободы в ее необходимости.

[2]) Маркс, Нищета философии, Соч., т. V, стр. 368—369.

струкции, — всем своим острием направляется и против философии истории Гегеля.

И в той огромной мере, в какой Гегель остается верен своей идеалистической системе, он снимает по существу вопрос о причинах реальной смены общественных форм, народов и эпох, отказываясь следовательно от действительной истории и дезавуируя в принципе те блестящие, об'ективные по своему содержанию отдельные высказывания об историческом процессе, которые прорываются у него сквозь общую, в конечном счете всегда решающую идеалистическую схему. Частично мы уже указывали на них выше и будем еще говорить о них в дальнейшем.

Иллюзия, «что реальное следует понимать, как результат восходящего к внутреннему единству, в себя углубляющегося и из себя развивающегося мышления» [1]), в которую впал Гегель в понимании своего диалектического метода (ценнейшего завоевания его теоретической мысли), находит свое глубокое, неизгладимое отражение и в его философии истории. «По мнению Гегеля, — говорит Маркс, — все, что происходило, и все, что происходит еще в мире, тождественно с тем, что происходит в его собственном мышлении. Таким образом философия истории оказывается лишь историей философии и притом — его собственной философии [2]).

А так как свою философию Гегель понимает как изображение жизни и движения абсолютного, мирового духа, божественной идеи, то ясно, что для него история теряет характер действительной истории и становится раскрытием содержания абсолютного духа. Она следовательно содержится в нем изначально во всех своих ступенях и формах. Народы и исторические эпохи представляются в этом смысле как должные слепые орудия творчества божественного разума. Исторический процесс перестает быть следовательно результатом практической деятельности людей в собственном смысле этих слов. Общий, основной характер исторических отношений предопределен уже особо, до их деятельности, им (людям) предоставляется ограниченное право быть носителями идей народного и мирового духа. И даже всемирно-исторические личности, деятельность которых, как мы видели раньше, так возвышенно и сравнительно глубоко характеризовал Гегель, теперь, при более подробном ознакомлении с его мыслью, оказывается, имеют всегда своим призванием быть делопроизводителями всемирного духа». Противоречия и противоположности, вне действия которых по смыслу ранее приведенных слов Гегеля исторические эпохи становятся пустыми листами всемирной истории, благополучно заменяются метафизическими противоречиями в духе, т. е. по существу устраняются в абстрактном единстве его содержания и целей. Словом, история, вследствие того, что она есть реализация божественной цели, все больше принимает фаталистический, мистический характер, и все рельефнее вместе с тем выступает на первый план консервативная сторона учения великого мыслителя.

Реакционно-мистический момент, необходимый придаток и детище абсолютной системы, достигает своего завершения в учении Гегеля о государстве.

Мы имеем у Гегеля дело с абсолютной системой, а философская система, как говорит Энгельс, должна быть закончена, она должна дать абсолютную истину. В логике Гегеля противоречия абсолютной системы с действительностью еще не столь очевидны вследствие значительной абстрактности самого предмета, который исследуется логикой. Иначе обстоит дело с учением об абсолютной истине в отношении реального исторического процесса. Здесь за абсолютную истину может быть признана только та или другая форма общественной и политической жизни. Но это значит, что исторический процесс на известном этапе понимается как завершенный, законченный процесс.

[1]) Маркс, Введение к критике полит. экономии, § О методе.
[2]) Маркс, Нищета философии, Соч., т. V, стр. 363.

И хотя это принципиально противоречит тому же диалектическому методу, тем не менее Гегель с исключительной беспощадностью, согласно требованию своей системы, консервативной стороны своего учения оперирует историю, заставляя ее по существу остановиться на том этапе, которого она достигла в эпоху Гегеля. Он проводит мысль о том, что всемирная история достигла абсолютной истины, своего завершения, теоретически — в виде абсолютной системы гегелевской философии, религиозно — в виде полного постижения германскими нациями через христианство в форме протестантизма того, что человек абсолютно свободен, политически — в признании Прусской монархии, черепашьими шагами перестраивающейся на буржуазный лад, идеалом политического развития. Эти реакционные выводы, в которых отражается практическое примирение с существующим прусским государственным строем и в которых звучат мотивы оправдания религии, поповщины, мессианского возвеличения германской нации, впоследствии были подхвачены апологетами гегелевской системы—правыми гегельянцами. В настоящее время они поднимаются на пьедестал в качестве величайших достижений гегелевской мысли немецким национал-фашизмом.

Консервативная сторона системы Гегеля таким образом жестоко подавляет революционную сторону его диалектики. Признание того, что абсолютная истина достигнута в истории, закрывает путь к пониманию необходимого возникновения какой бы то ни было новой действительности, более совершенной, развитой, богатой, идущей на смену утвержденной в абсолютных правах, ибо последняя видимо исчерпала всю полноту содержания всемирной истории. Революционное положение диалектики — «достойно гибели все то, что существует»—отвергается, продукт революционного гегелевского гения—диалектический принцип развития—подавляется чудовищными выводами идеалистической реакционной системы. Диалектика исторического развития, безграничная по своему содержанию и по форме своего проявления, на известном этапе историческго развития ограничивается в своем действии. Наконец-то гегелевский исходный пункт всемирной истории—божественная идея, мировой дух, эта пустая, бессодержательная в научном отношении абстракция, но полная социального смысла, как олицетворение в наукообразной форме косности, застоя, мракобесия,—смыкается с конечным пунктом, результатом исследования на конкретной почве исторического процесса в форме оправдания существующего помещичьего государства и христианской религии, а тем самым так или иначе и существовавшего рабства, гнета и крепостничества, в форме отрицания дальнейшего исторического прогресса, в форме отрицания необходимости возникновения нового общественного строя.

И в этом процессе превращения мирового духа, этого абстрактнейшего выражения консервативной стороны учения Гегеля, в конкретную историческую форму примирения с реакционным общественно-политическим строем, диалектика притягивается в качестве метода, принимая мистический облик системы абстрактных определений движения мирового духа. Конкретная историческая деятельность и познание людей оказываются средством достижения предопределенного изначально поступательного движения мирового разума к познанию своей свободы; понятие абстрактного бесклассового государства, примиряющего в своем законодательстве сословные и классовые противоречия, является целью, в которой мировой разум об'ективно раскрывает и постигает принцип своей свободы. И наконец в качестве истины этого бесклассового государства обнаруживается помещичье государство конца XVIII и начала XIX вв., приспособленное к условиям современной Гегелю мелкобуржуазной Германии. Такая победа абсолютной системы есть бесславный, уничтожительный конец гегелевского демиурга, творца исторического процесса — мирового разума, а тем самым следовательно и абсолютной системы.

И этот конец тем унизительнее и позорнее, чем больше из-за туманных мистифицированных формул вылезают ослиные уши прислужничества официального философа Пруссии перед правительством.

За формулой, что государство—«это движение бога в мире», что, «говоря об идее государства, надо иметь в виду не особенные государства, не особенные учреждения, а самую по себе идею» показывается в конечном счете другое. Это другое на эзоповском языке гегелевской «Философии права» выражено в следующих словах, касающихся вопроса о месте низшего сословия, так называемого народа в представительной системе государства: «Государство однако имеет,— говорит Гегель, — своим определением об'ективное, а не суб'ективное мнение и его доверие себе; *индивидуумы могут быть для него лишь тем, что в них об'ективно познаваемо и испытано и, она в этой части сословного элемента* (низшего сословия, народа.— *Ф. Г.*) *должно обратить на это тем больше внимания, что эта часть коренится в интересах и занятиях, в которых случайность, изменчивость и произвол получают простор для своего проявления»* [1]. Так чиновничий взгляд на народ, на низшие, большей частью жестоко угнетенные слои тогдашнего общества переплетается органически с известной боязнью немецкого обывателя перед событиями, прообраз которых показала Великая французская революция на самых высоких этапах своего под'ема, в частности в эпоху террора.

Смысл этих слов Гегеля сводится к тому, чтобы всячески оградить тогдашнее государство и правительство Пруссии от возможных требований и потрясений со стороны низшего сословия. Маркс по этому поводу говорит следующее: «Гегель здесь спускается почти до прислужничества. Мы его видим здесь всецело зараженным жалкой спесью прусского чиновничьего мира, который в своей канцелярской ограниченности с надменным презрением относится к доверию к себе суб'ективного мнения народа. Государство здесь для Гегеля везде идентично с правительством» [2].

Гегель не одинок в этом смысле: настроения, выраженные им в приведенных словах, целиком разделяет и другой величайший гений того времени— Гете. «Ничто,—говорит он,—не внушает большего отвращения, чем *большинство*, так как оно состоит из немногих сильных вожаков, из плутов, которые приспособляются, из слабых, которые ассимилируются, и из массы, которая ковыляет за ними, не зная и в отдаленной степени, чего она хочет...» В более резкой, откровенной форме, чем Гегель, Гете высказывает здесь по существу ту же мысль.

В связи с этим нельзя не вспомнить еще раз мысли Гегеля, что всякая философия есть философия своего времени. В немецкой философской теории французской революции нашли сильное отражение и особенности немецкой социальной почвы. Слабость, раздробленность, политическое бессилие немецкой буржуазии и мелкой буржуазии для открытого выступления против феодального режима находят свое отражение в форме теоретического оправдания существующего положения вещей и в осуждении бурных, решительных революционных методов борьбы со старым строем, которые с такой беспримерной для всех последующих буржуазных революций силой были применены в Великой французской революции. К гегелевской диалектике, в которой бьется пульс буржуазного негодования на реакцию и застой, примешивается одновременно и тон практического бессилия, трусости и подозрительности немецкого буржуа и обывателя, иногда злобно реагирующего на революцию, ко-

[1] Гегель, Философия права, примечание к § 310.
[2] Маркс, Критика философии права Гегеля. Архив, т. III, стр. 344.

торая угрожает его спокойному благополучию. Немецкий обыватель, занимавший в социальной действительности тогдашней Германии немалое место, сумел найти известное отражение и в делах и творениях великих людей той эпохи. Маркс и Энгельс безусловно правы, не раз подчеркивая момент филистерства у Гегеля и Гете. «Гегель был немец,—говорит Энгельс в «Л. Фейербахе»,—и подобно своему современнику порядочный филистер. Гегель, как и Гете, был настоящий Зевс-олимпиец в своей области, но ни тот, ни другой не могли вполне отделаться от духа немецкого филистерства»

IV.

Из всего сказанного — а мы могли охватить только известную часть в оценке как положительных, так и консервативных сторон содержания гегелевского учения — видно, что перед Марксом, Энгельсом и Лениным стояла задача огромной трудности в деле переработки гегелевского наследства, и прежде всего его диалектики и исторической точки зрения.

В известной степени этому помогало то обстоятельство, что у самого Гегеля нередко мы встречаемся с таким об'яснением отдельных событий и сторон общественной жизни, которое его вплотную подводит к материалистическим выводам и ведет к тому, что иногда идеалистические принципы в результате такого об'яснения начинают со всей очевидностью представляться беспомощными, обветшалыми догматами, которым в том или другом случае отдается дань формального поклонения.

Стоит только вдуматься например в гегелевское повествование о причинах французской революции, как становится очевидной вся глубина противоречия между догмами идеализма и реальным об'яснением великого исторического события. Вначале конечно отдается должное идеалистическому принципу, в данном случае принципу абсолютной свободы и равенства, к сознанию которого якобы в это время пришло человечество. Дальше идет следующая, блестящая в своем роде характеристика состояния Франции перед революцией. «Хотя уже до французской революции знать была подавлена Ришелье, и ее привилегии были уничтожены, но как духовенство, так и она сохранили все свои права по отношению к низшему классу. Все состояние Франции в то время представляет собой запутанный агрегат привилегий, вообще совершенно бессмысленных и неразумных, бессмысленное состояние, с которым в то же время соединялась крайняя испорченность нравов, духа, царство несправедливости, которое становится бесстыдною несправедливостью, когда начинает пробуждаться сознательное отношение к ней. Ужасы притеснения, которым подвергался народ, затруднительное положение правительства, не знавшего, как достать средства для роскоши расточительного двора, подали повод к недовольству. Новый дух сказывался: гнет побуждал к исследованию. Вся государственная система казалась несправедливой. Перемена неизбежно была насильственной, так как преобразование было осуществлено не правительством. А правительство не осуществило его потому, что двор, духовенство, дворянство, парламенты сами не желали отказаться от привилегий ни вследствие нужды, ни ради себя и для себя сущего права.»[1]. Следовательно состояние Франции перед революцией было неразумно, бессмысленно. Революция была процессом ликвидации этой неразумной, задерживающей развитие, действительности. Как видим, Гегель дает здесь довольно полную и отчетливую картину: суть неразумности, оказывается, в господстве феодальных классов, в классовом гнете феодализма. Гегель по существу здесь сдает свои идеалистические позиции и переходит к анализу тех реальных исторических фактов, которые характеризуют французскую революцию как

[1]) Гегель, Философия истории, изд. Reclam, Leipzig, стр. 551.

об'ективный, необходимый исторический процесс. Картина классового содержания революции находит основательное дополнение в гегелевской характеристике разумности и свободы, к которой приводит французская революция. Сюда относится, оказывается, прежде всего свобода собственности и свобода личности. Одновременно Гегель очень ясно формулирует и программу революции. «Благодаря этому прекращается всякая несвобода, вытекающая из феодальных отношений, все определения, вытекающие из феодального права десятины, оброка. Далее для реальной свободы необходима свобода выбора занятий, заключающаяся в том, чтобы человеку разрешалось пользоваться своими силами так, как он желает, и был доступ ко всем государственным должностям...» (там же, стр. 553). Эта характеристика французской революции представляет образец того, как в исследовании исторических событий у Гегеля вопреки его идеализму получается, что не сознание и идея творят действительность, но историческая действительность находит свое отражение в идеях, духовных принципах.

С таким же явлением мы встречаемся у Гегеля например и в гегелевском понимании государства. Среди бесконечного количества абстрактных, мистических определений государства, основным тоном которых остается всегда одно и то же, а именно, что «государство есть божественная идея на земле», что она есть та суть всемирной истории, в которой человечество достигает об'ективной свободы и т. д., совершенно материалистически звучат слова Гегеля о «действительном государстве и его исторических корнях» [1]. «Действительное государство и действительное правительство возникают только тогда,— говорит Гегель,— когда уже есть налицо различение сословий, когда очень большими становятся богатство и бедность и когда появляется такое положение, что большинство уже не в состоянии удовлетворять свои потребности привычным для него способом» (там же, стр. 128). Основой государства таким образом оказывается по существу классовое расчленение общества. Гегель не доходит до ясного понимания природы классов, причин классообразования, он говорит о сословиях, о богатстве и бедности, но он и этим делает огромный шаг к истине в сравнении с некоторыми из своих предшественников и приближается в этом своем высказывании опять-таки к материалистическому пониманию истории.

Чрезвычайно близко подходит Гегель к точке зрения исторического материализма, когда он анализирует характер процесса взаимоотношения человека и природы, характер деятельности человека над материалом природы. «Человек со своими потребностями относится к внешней природе практически, удовлетворяя свои потребности с помощью природы, он ее преодолевает, действуя при этом в качестве посредника. Дело в том, что предметы природы могущественны и оказывают всякого рода сопротивление. Чтобы покорить их, человек вставляет между ними другие предметы природы, обращает таким образом природу против самой природы и изобретает для этой цели орудия. Эти человеческие изобретения принадлежат духу, и такое орудие должно быть поставлено выше, чем предмет природы...» (там же, стр. 316). Гегель конечно не дает сколько-нибудь развернутого понимания того, что характер воздействия общественного человека на природу через орудие, иначе говоря материальное производство, создает, с одной стороны, своеобразие человека в сравнении с животным, с которым человек связан нитью исторического происхождения, с другой—представляет собою то, конкретное развитие чего есть основа всего многообразного исторического процесса. Приведенная мысль Гегеля есть отдельное высказывание, к которому он почти не возвращается. Господствующим теоретическим положением остается та мысль, что человек свое определение находит в самосознании. Но Гегель

[1]) Гегель, Философия истории, изд. Глокнера, т. XI, стр. 71.

чрезвычайно остроумно схватывает по существу важнейшую черту процесса человеческого труда, в общем подчеркивая одновременно и то, что именно человеку свойственно практическое отношение к природе через орудие, что ему принадлежит честь изобретения орудия (хотя это и приписывается, добавляет Гегель, у греков например, богам). Это позволяет Ленину с полной основательностью сказать в связи с чтением приведенного места из «Философии истории», что у Гегеля тут имеются зачатки исторического материализма [1]).

Вообще у Гегеля в пределах его общей идеалистической схемы, в угоду которой он не стесняется зачастую извращать действительную историю, помимо ряда рациональных определений в отношении общественно-исторического процесса в целом, мы обнаруживаем довольно часто в об'яснении определенных, отдельных явлений доказательства, в которых указание на об'ективные факты и условия общественной жизни — на географические условия исторического развития, на экономический строй, способ хозяйствования, на борьбу сословий, на значение общественного разделения труда в образовании сословий и т. д. — начинают играть вероятно помимо воли, в большинстве случаев бессознательно для Гегеля-идеалиста, иногда довольно видную роль. Диалектический метод, как бы он ни был затемнен идеализмом, и закономерность развития самих изучаемых об'ективных процессов вынуждают Гегеля спускаться с небесных высот абсолютной системы на грешную материальную почву действительной истории общественного человека с его сложной борьбой и противоречиями.

И все же перед Марксом, Энгельсом и впоследствии Лениным стояла важнейшая задача — коренным образом материалистически переработать их теорию диалектики Гегеля в целом, так и его, создавшее эпоху в науке, историческое понимание общественного развития.

Эта переработка почти с самого начала исходит из принципиальной установки — ликвидировать самую отвратительную, по словам Ленина, черту буржуазного общества и буржуазной науки—черту отрыва теории от практики. В «Критике философии Гегеля», Маркс еще в 1844 г. проводит мысль о том, что идеи для того, чтобы стать силой, должны овладеть массами, найти свое определенное место в действительной жизненной борьбе. Вместе с этим свою критику, в частности критику взглядов Гегеля на право и государство, Маркс сознательно связывает с определенным классом, с классовой борьбой пролетариата, и с этих позиций он в дальнейшем радикально сводит счеты с гегельянством. «Критика гегелевской теории права и государства,— говорит Маркс,—должна быть развита как критика определенной политики с точки зрения интересов определенной политической партии, а стало быть мы должны связать и отождествить нашу критику с действительной борьбой».

И эта действительная борьба классов, революционное движение пролетариата, является историческим решающим критерием для того, чтобы бесповоротно покончить с гегельянством и выковать теорию диалектического материализма и материалистического понимания истории. Открытие материалистического понимания истории позволило Марксу и Энгельсу впервые вместо отдельных взглядов и намеков тех или других мыслителей, вместо глубоких, иногда гениальных, но случайных высказываний, наконец вместо идеалистических, больше выдумывающих связи, чем открывающих их в реальной действительности, теорий предшественников, дать действительно теорию общественно-исторического развития, берущую за отправной пункт об'ективный, фактический, а не вымышленный критерий.

Понятие общественного материального производства и развития производительных сил человечества как реальной основы и единства исторического процесса во всем богатстве его различных форм и состояний, избавляет

[1]) Ленинский сборник XII, стр 159.

полностью от всяких апелляций к мистическому единству абсолютной идеи в об'яснении исторического процесса.

Учение об общественно-экономической формации, как о совокупности исторически определенных отношений, в которые люди вступают в материальном процессе производства условий их жизни, позволяет единственно научно понять историческое своеобразие всякой общественной эпохи как необходимой ступени в развитии человечества. Оно вместе с тем делает излишним всякую подмену реального анализа закономерностей общества фикцией научного об'яснения путем ссылок на переходы и блуждания мирового разума в форме абстрактных принципов духа или сознания того или иного исторического народа.

Вместо оторванных от исторической почвы, фантастических, имманентных сознанию или духу народа противоречий, как причины и движущей силы в об'яснении исторической смены одной формы общества другой, в теории Маркса—Ленина дается понимание внутреннего, всегда исторически определенного единства и противоречия производительных сил и производственных отношений как действительной движущей силы развития общества, возникновения, гибели и закономерной смены общественных формаций. Только на основе этого в теории впервые находит свое истинное разрешение проблема соотношения общего и особенного в истории, задача изучения и учета каждого исторического своеобразия в общей закономерной линии развития общественной жизни.

Конкретная деятельность общественного человека в свете теории исторического материализма перестает казаться отблеском и орудием потустороннего тусклого развития абстракции мирового разума, из «делопроизводителей мирового духа» люди превращаются в активных, практических, сознающих или не сознающих это, творцов своей собственной истории...». Общественная история людей, говорит Маркс, есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это, или нет. Их материальные отношения суть лишь необходимые факты, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность [1]).

Да и сам общественный человек в своей исторической практике, как он понимается и рассматривается в теории Маркса—Ленина, теряет всегда обязательный с точки зрения буржуазной философии, и в частности Гегеля, облик «всемирно-исторической личности», «героя» и т. д., из проницательности и действия которого вне движения презренной «толпы», народных масс, классов создаются великие события и общественные отношения. Исторический материализм, отнюдь не отрицая роли личности в истории, далек от этого воззрения буржуазных теорий потому, что он впервые теоретически до конца раскрыл значение общественного труда как самой массовидной и живой основы исторического процесса. Ленин подчеркивает вместе с другими сторонами и ту сторону материалистического понимания истории, в которой фиксируется значение масс в историческом процессе. «Материалистическое понимание истории,—говорит он,—или вернее распространение материализма на область общественных явлений, устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-первых, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая об'ективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений и степени развития материального производства; во-вторых, прежние теории не охватывали как раз действий масс населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естествен-

[1]) Маркс, Письмо к Анненкову.

ной исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий»[1]).

Вместо внешне наукообразных попыток совместить в фантастически измышленных путях пустого мирового духа, как в высшем единстве, все многообразие явлений той или другой исторической эпохи, весь сложнейший переплет борьбы, столкновения людских интересов, целей, устремлений и т. д., материалистическое понимание истории вскрывает во всем этом в качестве решающей нити классовую борьбу. «Что в каждом обществе,—пишет Ленин,—стремления одних членов идут вразрез со стремлениями других его членов, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри их, а кроме того еще смену периодов мира и войны, революции и реакции, застоя и быстрого прогресса или упадка,—эти факты общеизвестны. Маркс дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы» (разрядка наша.—*Ф. Г.*).

Таким образом во всем своем содержании марксистско-ленинская теория исторического процесса исходит из об'ективных закономерностей и фактов общественной истории.

В основе глубокого историзма этой теории лежит не абстрактная, извращающая историю конструкция, как у Гегеля, а понимание одного решающего звена в общественном развитии, позволяющего с естественно-научной точностью установить необходимый характер как постепенного развития обществ, так и бурную революционную смену одних общественных отношений другими. Это решающее звено есть преемственность между поколениями и обществами в развитии материальных производительных сил. «Благодаря тому простому факту,—говорит Маркс,—что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, благодаря этому факту возникает связь в человеческой истории, образуется общественная история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно и их общественные отношения. Люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные производительные силы. Наоборот для того, чтобы не лишиться достигнутого результата, для того, чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменить все унаследованные общественные формы в тот момент, когда способ их общения более уже не соответствует приобретенным производительным силам»[2]).

Одновременно с этим пониманием об'ективных корней общественного развития, благодаря которому общественная наука становится собственно наукой и приобретает руководящий принцип безграничной силы и в познании конкретной истории и в критике буржуазного идеалистического хлама, историзм марксистско-ленинской теории характеризуется не как историзм познания прошлого, кабинетно-академический, пассивный, «об'ективный» историзм «чистой» науки.

Историческое понимание Маркса—Ленина неразрывно связывается с всемирно-исторической практикой революционного рабочего класса и его поли-

---

[1]) Ленин, К. Маркс (разрядка наша.—Ф. Г.).

[2]) Маркс. Письмо к Анненкову (разрядка наша.—Ф. Г.).

…ческой партии. Оно есть теоретическое сознание этой практики, борьбы и острейшее оружие в намечении правильных, основанных на научной оценке прошлого, закономерностей и перспектив дальнейшего исторического движения общества. Оно является необходимой стороной той практики пролетариата, в которой он для того, чтобы сохранить приобретенные на прошлых этапах истории человечества производительные силы, «чтобы не лишиться достигнутого результата», «не потерять плодов цивилизации» и обеспечить условия и простор для дальнейшего развития производительных сил, культуры, общественной жизни в целом, вынужден самой исторической обстановкой, классовым гнетом и эксплоатацией произвести коренную революционную ломку старой общественной формы капитализма, вступившего в коренное противоречие с развитием производительных сил.

Пролетариат и его партия впервые в истории человечества с полным сознанием революционного значения теории переключают ее в гущу исторической практики человека. И в этом процессе теория в свою очередь приобретает как безгранично богатую почву для своего дальнейшего развития, так и величайшее признание своей силы, звучащее в словах Ленина (в связи с оценкой учения Маркса), что «без революционной теории не может быть и революционной практики», что «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией». Это ленинское признание практической силы теории Маркса с неменьшим правом может быть применено и к той дальнейшей высшей ступени ее развития, которую мы имеем у Ленина, Сталина, в политике и программе ленинской партии, в ленинизме как марксизме эпохи империализма и пролетарской революции.

Соединяя в историческом понимании действительности «строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью» (Ленин), ставя перед собой цель быть оружием и давать истинные лозунги борьбы пролетариата за социализм, за свержение буржуазного гнета, марксистско-ленинское учение является самым об'ективным учением. Об'ективным в том высшем революционном, а не либерально-хвостистском смысле, что оно в реальной закономерности исторического развития с величайшей трезвостью определило реакционные и передовые силы, что оно, переключившись в практику борьбы, стало активным фактором на стороне передовой, революционной силы—пролетариата. Следовательно об'ективизм теории Маркса—Ленина органически связан с тем, что указывает единственно возможный и необходимый путь развития общества в коренном революционном преобразовании буржуазного строя, в классовой борьбе и революции пролетариата. Ленин прекрасно характеризует это, говоря о своих идеалах построения новой России, что «они выражают интересы действительно существующего класса, который условия жизни заставляет действовать в определенном направлении. Становясь на эту точку зрения об'ективизма классовой борьбы, я нисколько не оправдываю действительность, а напротив указываю в самой этой действительности самые глубокие (хотя бы и не видные с первого взгляда) источники и силы преобразования» [1]).

Ленин с необычайной глубиной, действительно по-революционному, материалистически понял и претворял в жизнь диалектический смысл того принципа развития, который был высказан когда-то Гегелем, но который в его же практике оправдания прусской действительности был им изуродован и по существу отвергнут,—принципа: все действительное разумно и все разумное действительно. Уметь найти в существующем ростки и источники нового, разумного, выражаясь терминологией Гегеля, стать на позицию и защиту этих источников нового, когда они еще очень слабы и подавлены, и последовательно до конца вести борьбу за их победу—это и характеризует прежде всего рево-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 144.

люционное понимание и отношение к действительности. А это революционное отношение к действительности неразрывно связано с бесстрашием в борьбе, в подходе к противоречиям классовой борьбы с открытым взором и ясным пониманием того, что эти противоречия ведут вперед. Об этом прекрасно говорил Ленин, учитывая величайшие исторические уроки классовой борьбы. «Нас...—писал Ленин,— как и всех искренних друзей угнетенного класса, крайние меры сопротивления эксплоататоров могут лишь радовать, ибо *мужания, созревания пролетариата к власти мы ждем не от уговоров и уговариваний, не от школы сладеньких проповедей или поучительных декламаций, а от школы жизни, от школы борьбы. Чтобы стать господствующим классом и окончательно победить буржуазию, пролетариат должен научиться этому, ибо сразу ему неоткуда взять такого уменья. А научиться надо в борьбе. А учит только серьезная, упорная, отчаянная борьба. Чем более крайним является сопротивление эксплоататоров, тем энергичнее, тверже, беспощаднее, успешнее будет подавление их эксплоатируемыми.* Чем разнообразнее будут попытки и потуги эксплоататоров отстоять старое, тем скорее обучится пролетариат выгонять своих классовых врагов из их последних закоулков, подрывать корни их господства, устранять самое почву, на которой наемное рабство, нищета масс, нажива и наглость денежного мешка могли (и должны были) произрастать. По мере роста сопротивления буржуазии и ее прихлебателей растет сила пролетариата и присоединяющегося к нему крестьянства. Эксплоатируемые крепнут, мужают, растут, учатся, скидывают с себя «ветхого Адама» наемного рабства по мере того, как растет сопротивление их врагов—эксплоататоров. Победа будет на стороне эксплоатируемых, ибо за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья»—рабочих и крестьян. За ними победа» [1]).

Иначе и быть не может. Марксизму-ленинизму, идеологии угнетенного класса, обреченного в условиях капитализма на нищету и рабство, чуждо примирение с действительностью, оправдание ее, ибо это примирение не может быть ничем иным, как пассивным отношением к эксплоататору, как оправданием господства враждебного класса и своего собственного рабства.

Пролетариату и его теории чуждо самоудовлетворение и успокоение на достигнутых результатах и тогда, когда свергается господство буржуазии и устанавливается диктатура пролетариата. Чуждо потому, что его борьба является борьбой не за увековечение своего классового господства, а за создание коммунистического бесклассового общества, что его диктатура является продолжением классовой борьбы на фронте выполнения положительной программы развернутого социалистического строительства, неизбежно связанного с грандиозной переделкой мелкой буржуазии и крестьянства и уничтожением враждебных эксплоататорских классов—кулачества и городской буржуазии.

Осуществление в революции программы социалистического строительства пролетариатом, его государством и партией связано непрерывно с переделкой и перевоспитанием в ходе борьбы самого суб'екта революции—пролетариата. «Революция,—говорит Маркс,—необходима не только потому, что нельзя никаким иным образом свергнуть *господствующий* класс, и

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 157.

и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество»[1]).

Культурная революция, начиная от повседневной борьбы за простую грамотность и кончая борьбой за массовое овладение высотами теории и техники, осуществляемой в пролетарском государстве на основе классовой непримиримости ко «всей грязи старого общества», к пережиткам невежества, некультурности, забитости, к этим родимым пятнам, печать которых накладывается так или иначе и на революционный класс всем укладом жизни и развращающим влиянием чуждой идеологии в буржуазном обществе,—культурная революция является той силой, которая в органической связи с процессом вовлечения широких масс во всю практику социалистического строительства и борьбы переделывает и сам революционный класс.

Прекрасно сознавая историческую необходимость переделки самого пролетариата в революции, партия большевиков, вооруженная теорией марксизма-ленинизма, обнаруживает и разоблачает социально-классовые корни косных пережитков старого и намечает исторические пути к их наиболее быстрому уничтожению.

Следовательно по всем основным линиям, начиная от общего понимания законов и движущих сил общественной истории и кончая вопросом о практическом, конкретном отношении к современности, к настоящему, мы имеем коренную противоположность между мировоззрением марксизма-ленинизма и мировоззрением Гегеля, противоположность, в основе которой лежит в конечном счете непримиримость классов—буржуазии и пролетариата.

Забвение этого, связанное вообще с либеральным отношением к буржуазной науке и философии, с продолжением худших традиций буржуазного общества и II интернационала—традиций отрыва теории от практики и пренебрежения революционной практикой, является одной из характерных черт меньшевиствующего идеализма. Меньшевиствующий идеализм реставрирует Гегеля вместо революционно-критической материалистической переработки рационального зерна его диалектики, теории развития. Он не понимает буржуазно-классового характера философии Гегеля, превращая ее в об'ективный, надисторический, внеклассовый источник академической науки.

Марксистско-ленинской теории чуждо поклонение Гегелю, она ни на минуту не забывает необходимости в Гегеле-диалектике видеть идеалиста, в Гегеле прогрессивном—его консервативную и реакционную сторону, в Гегеле—величайшем ученом и исследователе своего времени—идеолога буржуазии. Ей одновременно чуждо пренебрежение и игнорирование идейного наследия Гегеля, которое свойственно вульгарно-материалистической, механистической ревизии марксизма-ленинизма и которое представляет одну из сторон общей линии недооценки теории, отрицания ее роли, пренебрежения ею линии, являющейся идеологическим отражением либерального об'ективизма, хвостизма, самотека на практике, в политике.

Четкое понимание классовой противоположности мировоззрения марксизма-ленинизма буржуазному мировоззрению являлось и является всегда для революционного пролетариата и его партии необходимым условием освобождения от влияний буржуазной идеологии. Она является одновременно важнейшим критерием к тому, чтобы, не впадая в крайности как огульного, абсолютного отрицания прошлых достижений человеческой мысли и культуры, так и забвения за положительным содержанием их исторически-классового характера, правильно понять и овладеть всем тем рациональным научным богатством, которое так или иначе было всегда извращено покрывалом чуждого классового мировоззрения. Правильность этой классовой, партийной линии лишний раз подтверждается и должна быть подтверждена и в отношении к гегелевскому наследству.

[1]) Маркс и Энгельс, О Фейербахе. Архив, т. I, стр. 227.

Гегель как идеолог буржуазии

В. Ральцевич

I

Положение Гегеля о том, что философия есть эпоха, постигнутая в мысли, целиком применимо к его собственной философии. Однако как форма этого положения имеет совершенно абстрактный характер, так и содержание его у Гегеля имеет совершенно идеалистический характер. Со стороны формальной Гегель оставляет совершенно неопределенными рамки, «границы эпохи», со стороны содержания — эта «эпоха» имеет некоторую определенную ступень развития мифического мирового духа, реализованного в духе определенного народа. Совершенно очевидно, что гегелевское положение требует коренной переработки. Ничего реального, кроме абстрактного признания исторического характера философии и общественного развития, оно в себе не заключает.

Философия как форма общественного сознания может быть понята лишь на почве породившего ее общественного бытия. Философия Гегеля должна быть понята как отражение общественных отношений эпохи буржуазной революции конца XVIII и начала XIX века.

Непосредственными условиями жизни и деятельности Гегеля были общественные отношения Германии. Но поскольку сама Германия была так или иначе связана с развитием общественной жизни в ряде других стран, поскольку следовательно Гегель развивался также на почве международного движения, постольку его философия может быть понята лишь при учете этого международного движения в его связи с внутренним развитием Германии.

Центральным пунктом международной общественной жизни в конце XVIII и в начале XIX в. была Великая французская революция. После английской революции середины XVII в. она явилась вторым и решающим этапом процесса рождения буржуазного способа производства в интернациональном масштабе. Если промышленный переворот в Англии во второй половине XVIII в. создал технические основы развития буржуазного способа производства, то французская революция 1789—1795 гг. разоблачила тайну общественно-политических отношений нового строя, разбила старые феодальные сословные и цеховые его оковы и обнаружила основную движущую пружину общественного развития — классовую борьбу буржуазии и пролетариата.

Великая французская революция—это высший пункт революционности буржуазии в международном масштабе. С этого момента кривая этой революционности все больше идет вниз.

Но даже и на этом высшем этапе буржуазной революционности вскрылись ее противоречивость, непоследовательность. Бесконечные сделки жирондистов со «старым режимом», с королевской властью, борьба Робеспьера с парижской беднотой, введение им культа «верховного существа», своей

демократических лозунгов «свободы и равенства», смена культа республики культом императорского сапога Наполеона, обеспечившего французской буржуазии полицейски гарантированные условия эксплоатации — чрезвычайно резко обнаружили границы буржуазной революционности.

С другой стороны, тот факт, что буржуазно-передовая Англия вела непрекращающуюся войну против буржуазной Франции, показывал воочию национальную ограниченность буржуазного сознания и буржуазных интересов, а вместе с тем и удовлетворенность буржуазии мирным сожительством с помещиками, их союз против пролетариата и трудящихся масс. Таким образом Германия, втягиваемая с середины XVIII в. в водоворот международной жизни, имела перед собой два пути своего будущего развития. Ее дворянство, помещики, бюрократия, естественно, хотели удержать в неприкосновенности «старый режим», старые крепостнические производственные отношения, крупное землевладение, сословные привилегии, государственную церковь и ограничить отношения обмена, частной капиталистической собственности. Они делали все для того, чтобы превратить рождение нового буржуазного общества в бесконечно длительный и мучительный для широких трудящихся масс процесс.

Они стремились получить все выгоды буржуазного способа производства так, чтобы при этом не уступить ни одной выгоды старого крепостнического способа производства.

С другой стороны, германская буржуазия в экономическом отношении была чрезвычайно слаба, была еще неразрывно связана со своей непосредственной мелкобуржуазной почвой, да и фактически представляла собою в массе лишь мелкую ремесленническую буржуазию городов и отдельные элементы мелкобуржуазного крестьянства. Ее экономически развитые элементы, средняя и крупная буржуазия, находились в процессе первоначального накопления, имели своей основой мануфактуру и в особенности домашнюю промышленность, в основном покоящуюся на эксплоатации полукрепостного крестьянства и ремесленных рабочих-подмастерьев. Раздробление «священной римской империи германской нации» на триста мелких самостоятельных государств и полторы тысячи мельчайших полусамостоятельных владений было основной причиной политической дряблости буржуазии. «Народ был отстранен от всякого участия в политической жизни страны, и жалкая карикатура на законодательные учреждения, существовавшая в виде верховного суда и имперского сейма, никаким политическим влиянием не пользовалась. Все свои заседания она посвящала разбору бесконечных дрязг и споров между владетельными князьями и разрешению вопросов чинопочитания и этикета. Вопрос о том, нужно ли депутатам ставить зеленые или красные стулья, сервировать золотую или серебяную посуду, и имеют ли право князья ставить во дворце королей свои стулья на самый ковёр или же самое большее, что они могут, это касаться ножками стула лишь бахромы ковра, — все эти и им подобные вопросы без конца дебатировались в имперском сейме, вызывая жаркое столкновение мнений» [1]).

Но не только массы народа, но и буржуазия стояла вне какой бы то ни было активной политики. Самое большее, на что были способны бюргеры, это на самоуправление в мелких городских, ремесленных и цеховых корпоративных делах. Подачки королей, нещадно грабивших крестьянство и кустарей, воспитали в германской буржуазии дух пресмыкательства перед кнутом государственной власти. Жизнь немецкого буржуа, помимо его экономической деятельности, сосредоточивалась вокруг семейных дел. Беззастенчивая эксплоатация нищенских масс «поденщиков», являвшаяся дополнением к экс-

[1]) П. А. Берлин, Очерки общественной истории и мысли в Германии, изд. [illegible] «Буревестник», 1924 г., стр. 2

плоатации их помещиками и бюрократией, дополнялась политическим раболепством буржуазии перед полицией и духовным пресмыкательством перед церковью.

Но такое положение не могло продолжаться до бесконечности. Старый строй все нагляднее обнаруживал свою гнилость. Все больше развивалось противоречие между потребностями буржуазного развития и крепостническими условиями этого развития. Это противоречие, естественно, больше всего чувствовали передовые, наиболее образованные элементы общества — буржуазная интеллигенция. Влияние событий международной жизни в первую очередь отражалось на ней. Но если идеологи французской буржуазии XVIII в. непосредственно подводили свой класс к практически революционному движению, то в Германии до действительной революции было еще очень далеко. Поэтому передовые элементы немецкой интеллигенции лишь постольку создавали революционную идеологию, поскольку в международном и прежде всего французском революционном движении они предвосхищали будущее развитие своего собственного класса. Поэтому же мы можем сказать, что литературно-художественное и философское движение в Германии во второй половине XVIII и начале XIX в., будучи подготовкой буржуазной германской революции 1848 года, непосредственно отражало собой революционное движение французской буржуазии. Поскольку же его собственной почвой были отсталые условия буржуазного развития в самой Германии, это духовное движение не могло не отразить в себе противоречивости положения самой германской буржуазии.

Поэтому наряду с революционными, передовыми сторонами в этом развитии, отражавшими настоящее французской революции и будущее германской, в литературно-художественном и философском движении Германии эпохи второй половины XVIII и начала XIX в. неизбежно должны были оказаться и чрезвычайное сильные консервативные и реакционные стороны.

В философском развитии Германии прогрессивные и революционные моменты проявлялись тем больше и тем сильнее, чем больше сама философия абстрагировалась от непосредственного практически-экономического и политического содержания жизни внутри Германии. Ничего удивительного поэтому нет в том, что лучшее, созданное немецкой буржуазией в области философии, сосредоточивалось главным образом в абстрактных сферах логики, в учении о всеобщих законах развития, особенно в области мышления. Поскольку же великие немецкие философы переходили к выяснению конкретных закономерностей действительности, поскольку им приходилось говорить о современных делах, особенно в самой Германии, постольку они обнаруживали политическую дряблость немецкого буржуа, боящегося «его величества» и «по-английски» примирявшегося с ним и еще больше боящегося трудящихся масс, славословящего мерзкую действительность как осуществление разума и мечтающего, что разум станет «современем» действительностью.

Это основное противоречие немецкой классической философии целиком свойственно и философии Гегеля. Оно проходит через всю его жизнь и деятельность.

Но противоречие французской революции и немецкой реакции, с одной стороны, противоречие революционных мечтаний и трусливой практики немецкой буржуазии, с другой, проявляется не только в противоречии общетеоретических и общественно-политических взглядов философов, но и в противоречивом характере их общей абстрактной теории, их логики, их теории познания. Гегелевская диалектика — высший пункт и высшее приобретение немецкой классической философии конца XVIII и начала XIX в. — также не составляет исключения из этого закона. Немецкая идеалистическая — в том числе гегелевская — философия, отражающая собою огромный разрыв между

теорией и практикой, вместе с тем внутри себя представляет колоссальное противоречие между учением о развитии и идеалистической основой этого учения, между диалектическим учением о путях и законах познания и претензией на абсолютную систему знания.

II

Гегель родился в 1770 г. в Штутгарте, в семье чиновника крепостнического Вюртембергского герцогства, который дослужился до высших чинов. В составе его рода биограф насчитывает ремесленников и чиновников, учителей и пасторов. Таким образом семейные традиции Гегеля—это традиции служилой интеллигенции, удовлетворенной своим положением духовной опоры крепостнического строя. Ученические годы Гегеля действовали в том же направлении: изучение псалмов, евангелия, апостольских посланий — обязательный круг первоначального образования, сохранившийся в Германии по крайней мере со времен реформации. Единственно, что выводило его за кругозор крепостнического, цехового строя и поднимало над идеологией и интересами верноподданного служилого бюргерства, было изучение древних классических языков. Лишь чтение древнегреческих и римских писателей, историков и философов вносило в болотную тишину мелкобуржуазного лютеранского благочестия шумные голоса более мощной, плодотворной и величественной жизни, великих гражданских и духовных интересов. Но эти голоса слышались не из будущего, а из прошлого. Они были лишь теоретическим интересом, но не практическим. Кодекс практического, повседневного лютеранского благочестия и верноподданической лойяльности в повседневной жизни лишь в редкие моменты покидал Гегеля.

Но и в теоретическом отношении практика повседневной обыденщины находила себе в этот период учения Гегеля прямое отражение. Уже наиболее передовые слои немецкой интеллигенции под влиянием идеологической подготовки к революции во Франции пришли в движение. В 70-х и в начале 80-х годов XVIII в. появляются крупнейшие произведения Лессинга, Гете и Шиллера. Уже полтора десятка лет бьет ключом немецкий литературный «штурм унд дранг», а Гегель в последних классах гимназии, во второй половине 80-х годов увлекается не революционной романтикой Шиллера и Гете, а пошло-сентиментальным «Путешествием Софии из Мемеля в Саксонию».

Так в сознании Гегеля-подростка уживались рядом суровая и величественная трагедия древнегреческого мира и слезливая и пошлая мелодрама обывательской немецкой околицы XVIII в.

В 1788 г. Гегель — студент Высшей школы евангелического богословия в Тюбингене. Тюбингенская богословская школа подготавливала будущих пасторов. Но Гегель избрал другой род деятельности. 90-е годы XVIII в. в Германии были высшим пунктом расцвета классической германской литературы. В образованных кругах германского общества получает быстрое признание и распространение философия Канта, вслед за ним выступает на сцену Фихте. А за пределами теоретической германской «бури и натиска» во Франции уже практически бушует буря и натиск, развертывается Великая французская революция. Ее влияние быстро распространяется по Европе. Экономически отсталая и политически дряблая германская буржуазия начинает интересоваться великими политическими событиями. Она сочувствует парижанам, но умеренным, жирондистам. Она восторгается взятием Бастилии, но умеренно, «как бы чего не вышло». Ее студенчество создает политические клубы не для практического участия в событиях, а для горячего... их обсуждения, для чтения газет. Она выходит из душных комнат богословской школы на воздух и в честь Великой революции... сажает на лугу дерево свободы. Такие ничтожные практические результаты имела французская рево-

люция на экономически и политически отсталой германской почве. Но зато тем сильней было ее действие на развитие теоретической философской деятельности германской интеллигенции. Она обусловила германскую революцию в литературе и в науке о мышлении

Под прямым влиянием революции Гегель отказывается от пасторской кафедры. Это надо подчеркнуть, вопреки биографу, утверждающему, что отказ Гегеля от будущего пастората об'ясняется довольно-таки внешними обстоятельствами — отсутствием у Гегеля соответствующего красноречия. Противореча себе, сам Куно Фишер подписывается под следующим описанием Гегеля на кафедре, сделанным его учеником и другом Гото: «Этот мощный дух витал и действовал с величественным самоуверенным спокойствием и удобством в глубинах вопросов, повидимому неразрешимых. В эти минуты голос его повышался, взор сверкал над аудиторией и светился в разгоревшемся пламени убеждения, захватывая глубочайшие тайники души, и никогда в таких случаях он не испытывал недостатка в выражениях» [1]).

Мало того, в конце 20-х годов, когда в Европе вообще и в частности в Германии господствовала злейшая реакция и когда Гегель, будучи государственным философом крепостнической Пруссии, оказался на вершине славы, он оказался способным прочесть курс лекций о доказательствах бытия божия.

Но полным опровержением Куно Фишера являются следующие его собственные слова: «Когда на кишках последнего попа будет повешен последний король!» — вот страшный лозунг Дидро. «Ecrasez l'Infame»! гласило ceterum censeo Вольтера. Было время, когда Гегель мыслил также в духе просвещения, что положительная религия и ортодоксальная система господствуют потому, что «религия и политика стоят заодно, и первая поддерживает учение, угодное деспотизму» [2]).

Имея такие убеждения, Гегель не мог стать попом. Но этих убеждений у Гегеля не было в ученические годы. Они появились во время его учебы в богословской школе и, само собой разумеется, не под влиянием богословской схоластики, а под влиянием французской революции. Именно в это время он прочитывает лучшие произведения немецкой литературы, которые носят на себе печать влияния революционного движения во Франции. Именно в это время в его альбоме встречаются революционные лозунги: «Против тиранов!» «Да здравствует свобода!» «Да здравствует Жан Жак!» (идеолог революционной буржуазии Ж. Ж. Руссо). Зараженный освободительными идеями, он по окончании богословской школы возвращается в семью и неоднократно вступает с отцом в политические споры, защищая французскую революцию, защищая Конвент, несмотря на «коренное нерасположение» (как говорит биограф) его отца к революционным взглядам. Под этими же впечатлениями он уезжает в 1794 г. в Берн в качестве наемного домашнего учителя в семью Штейгера.

Куно Фишер стремится доказать, что Гегель находился под влиянием французской революции лишь самое непродолжительное время и что влияние это было совершенно поверхностным. Поэтому он уверяет, что уже с 1794 г. Гегель освобождается из-под этого влияния и развивается исключительно на национальной немецкой почве и что с этого времени основными идеями Гегеля были в области политической — конституционная монархия, в области теоретической—примирение философии с религией, философское обоснование протестантизма. Все это — несомненно пошлейшая клевета на Гегеля лучшего периода его развития, причесывание его под государственного катедер-философа времен божьей милостью Вильгельма II Гогенцоллерна.

Годы домашнего учительства Гегеля в Швейцарии (1794—1797) были годами, которые воспитали в нем наиболее революционные и прогрессивные

[1]) Куно Фишер, История новой философии, т. VIII, СПБ, 1901 г., стр. 221.
[2]) Там же, стр. 49.

щей. Воспевая «благодетельное реакционное движение», которое наступило с падением Робеспьера 9 термидора 1794 г. и было направлено против революционного террора (и было осуществлено террористическими методами, о чем забывает сказать «певец»), Куно Фишер изображает дело таким образом, будто Гегель в Берне освободился «от революционного идейного опьянения», так как, дескать, он неприязненно отозвался о приверженцах Робеспьера. В этом же духе звучат и следующие слова Куно Фишера: «Консервативные воззрения, господствовавшие по традиции в доме Штейгера (в бюрократической семье которого преподавал Гегель) и среди бернской аристократии, представляли весьма значительный противовес революционному идейному опьянению, которое Гегель принес с собою из тюбингенского клуба» [1]). Между тем Гегель писал Шеллингу 16 апреля 1795 г. (т. е. спустя всего четыре месяца после его отзыва о приверженцах Робеспьера) следующие исключительные по революционному пафосу и вполне созвучные эпохе Конвента строки: «Я не в силах описать всего, что только при этом (при дополнительных выборах в Верховный совет Берна) проделывается, до какой степени все интриги при княжеских (немецких) дворах с помощью двоюродных братьев и сестриц составляют ничто в сравнении с комбинациями, практикующимися здесь. Отец выбирает своего сына или зятя, который имеет наибольшее приданое, и т. д. Чтобы иметь понятие об аристократическом правлении, нужно провести здесь одну зиму перед пасхой, когда происходят выборы в совет...

Голова закружится на той необычайной высоте, на которую поднят человек! Но почему так поздно пришли к более высокой оценке достоинства человека, его способности к свободе,— способности, которая его ставит наравне с духами? Я думаю, нет лучшего знамения времени, как то, что человечество относится к самому себе с уважением; это служит доказательством, что исчезает тот ореол, которым окружены головы притеснителей и земных богов. Философы приводят доказательства в пользу этого достоинства, народы сумеют проникнуться сознанием его, будут не требовать, а сами возвращать и вновь присваивать себе свои попранные права. Религия и политика были заодно; первая учила тому, что имел в виду деспотизм: презрению к человеческому роду, его неспособности к чему-нибудь доброму, к какому-нибудь самостоятельному существованию. Вместе с распространением идей о том, что должно быть, исчезнет равнодушие степенных людей и наклонность вечно принимать все так, как оно есть. Живительная сила идей — даже если они еще заключают в себе что-нибудь ограничивающее, как например идея отечества, его государственного устройства и т. п. — возвысит души, и люди научатся приносить себя в жертву им, тогда как в настоящее время дух государственных учреждений заключил союз с своекорыстием и утвердил господство последнего» [2]).

Лишь тупая ограниченность и трусость профессора германской империи помешала Куно Фишеру в этих строках разглядеть прямое и непосредственное отражение Великой французской революции, вместо того, чтобы видеть в них влияние компромиссной по отношению к старому режиму философии Канта.

Эти настроения характеризуют Гегеля и в 1796 г. Так, он в следующих словах описывает свои переживания во время путешествия по Альпам: «Я сомневаюсь, отважится ли здесь самый верующий теолог приписать самой природе вообще в этих горах цель, направленную к

[1]) Куно Фишер, История новой философии, стр. 21
[2]) Там же, стр. 21, 32—34

пользе человека... Среди этих необитаемых пустынь образованные люди придумали бы скорее все другие теории и науки, но едва ли ту часть физикотелеологии, которая показывает высокомерие человека, как будто природа устроила все для его наслаждения и довольства. Это высокомерие вместе с тем характеризует наш век, так как он находит себе удовлетворение скорее в мысли, что все сделано для человека посторонним существом, чем в сознании, что собственно сам человек и есть тот, кто поставил природе все эти цели...» [1]).

Революционные и антирелигиозные тенденции в 1790 г. были присущи не только Гегелю, но и его величайшим предшественникам и современникам Фихте и Шеллингу. С последним Гегель вступил в середине 90-х годов в переписку, возобновив старую студенческую дружбу. В глазах передовых немецких интеллигентов богословие и религия перестали пользоваться прежним кредитом. Если Кант оставлял место вере в области морали, то Фихте, Шеллинг и Гегель сделали все выводы из теоретическо-критической части его философии. Правда, никто из них, ни Фихте, ни Шеллинг, ни Гегель, не поднимался до воинствующего атеизма великих французских материалистов. Но не следует забывать, что даже такой революционер, как Ребеспьер, пытался ввести в Париже культ «высшего разумного существа», во всяком случае был деистом. Не следует забывать также, что ярый антиклерикал Вольтер все же допускал существование бога как первопричины мира. На практике, в глазах феодальной реакции деизм и пантеизм на протяжении трех веков и вплоть до появления марксизма и массового рабочего движения часто были лишь псевдонимами атеизма. Тот факт, что ни Фихте, ни Шеллинг, ни Гегель, так же как и Гете и Шиллер, никогда не были атеистами, об'ясняется исключительно незрелостью общественных отношений Германии, дряблостью класса буржуазии. Но сомневаться в буржуазном, антифеодальном характере их идеализма и деизма невозможно, так как реакционные слои крепко держались ортодоксального католичества и лютеранства как оплота крепостничества.

Отрешенный от практическо-политической жизни и деятельности, издали восхищаясь военными успехами победившей буржуазной революции, поддерживая лишь письменную связь с друзьями, в бернский период Гегель особенно жадно изучает философские работы Канта, Фихте и Шеллинга.

В 1797 г. он уезжает из Берна и поступает домашним учителем к одному купцу во Франкфурте. Основное направление его интересов и настроений нисколько не изменяется. Наоборот, франкфуртский период полностью подготовляет выход Гегеля на общественную арену.

На мировой арене все больше развертывается гигантская война французской буржуазии с крепостнической Европой. Наполеон совершает стремительные и блестящие победоносные походы в Италию и Египет, в 1798 г. священная римская империя германской нации уступает Франции левый берег Рейна. Буржуазно-освободительные идеи проникают во все [illegible] реакционной Европы. В Германии особенно наглядно ощущается разительный контраст между новыми буржуазно-национальными и политическими интересами и затхлой крепостнической обстановкой.

Но германская буржуазия не обладает ни достаточной экономической, ни политической организацией и силой. И снова противоречие переносится в область идеологии, теории. Не владея действительным революционным мечом, буржуазия воспевает меч в произведениях своих литераторов — в 1789—1799 гг. выходит в свет боевая трилогия Шиллера «Валленштейн». Отсутствие революции в жизни дополняется революционным движением философской мысли. Параллельно с созреванием условий Великой французской

[1]) Куно Фишер, История новой философии, стр. 24.

революции и быстрой сменой революционных событий, в Германии в течение полутора десятка лет идет гигантскими скачками развитие диалектической философии. Уже закатилась слава Канта, уже закатывается слава Фихте. Кумиром передовой интеллигенции Германии является Шеллинг — экстраординарный профессор философии в Иене (1800 г.). А к этому времени Гегель упорно работает над своим философским развитием, перестает чувствовать себя учеником Шеллинга, уже делает дальнейшие теоретические выводы из философии Шеллинга в направлении окончательной выработки диалектического метода, но пока еще готовится только к дружной совместной философской деятельности со своим знаменитым младшим другом.

В то же время Гегеля глубоко волнует положение в его родном Вюртемберге. В 1797 г. там появился новый король, а порядки остались старыми. Гегель пишет воззвание «к вюртембергскому народу». В этом воззвании он требует реформы старой конституции, где «в конце концов все вертится вокруг одного человека, который ex providentia majorum соединяет в себе все власти и не дает никакой гарантии своего признания человеческих прав и уважения к ним». Он резко обрушивается на бюрократизм власти, на ее своеволие и корыстолюбие, он осмеивает дряблую палату депутатов и ее чиновников, позволяющих королевскому двору грабить народ. Гегель хочет расторможить благонамеренного буржуа, который уткнулся носом в свои частные выгоды и забыл общие политические интересы. Как далеко это воззвание по своему политическому содержанию от раболепной, верноподданнической «Философии государственного права» Гегеля, профессора-чиновника прусского государства эпохи «священного союза»!

Это воззвание не было напечатано, да и Гегель не особенно старался его напечатать. Нам важно лишь подчеркнуть, что и в этот, франкфуртский период политическая идеология Гегеля была и по существу и по форме идеологией буржуазной, хотя и не выходящей за пределы революционной словесности. Куно Фишер хочет представить это воззвание Гегеля в более приемлемой для верноподданного буржуа форме. Он утверждает, что у Гегеля речь идет лишь об ограничении наследственной монархии представительным правлением, «преобразованным в современном духе». Однако вопреки Куно Фишеру Гегель не только ни слова не говорит о том, что новая конституция должна быть дарована народу сверху, т. е. «в современном духе», а как раз наоборот, он требует, чтобы инициатива в изменении конституции исходила от народа, который должен, по его мнению, для этого проявить «отвагу, которая хочет», и отбросить «боязнь, которая принуждена». А как видим, это совсем в старом «французском» духе, в духе 1789 г.

С 1801 г. Гегель выходит на арену литературной и преподавательской философской деятельности.

В период с 1801 г. по 1807 г. в университете Иены, тогдашнего философского центра Германии, Гегель читает лекции по логике, философии природы, философии духа, истории философии. В начале этого периода он преподает вместе с Шеллингом. Под их совместным руководством в 1801 г. устраивается в университете философский диспут. В 1802—1803 гг. они сообща издают «Критический журнал философии», в котором Гегель помещает ряд критических статей о суб'ективно-идеалистической философии Канта, Фихте, Якоби, о скептицизме (древнем в том числе) и др. В то же время Гегель пишет политическое сочинение о положении Германии. В 1807 г. Гегель опубликовывает одно из величайших своих творений «Феноменологию духа». Этим произведением открывается новый, решающего значения этап в развитии нового метода мышления — **идеалистической диалектики**.

Появление Гегеля рядом с Шеллингом было началом заката Шеллинга. Сам Шеллинг еще продолжал считать Гегеля своим учеником. Об их взаи-

ном влиянии Энгельс писал в 1842 г. следующее: «Друзья и однокашники еще в университетские годы, эти два человека жили потом в Иене так интимно между собой, что и по сей день остается нерешенным, каково было их взаимное влияние друг на друга» [1]). Однако тут же Энгельс дает понять, что в 1801—1806 гг. Гегель отнюдь не являлся учеником Шеллинга, доказательством чему является подготовленная Гегелем в этот период его «Феноменология духа». Но метод «Феноменологии духа» является диалектическим методом. С другой стороны, сохранились записки Гегеля по истории философии от 1805—1806 гг., легшие в основу его «Истории философии», напечатанной лишь после его смерти. Эта «История философии» является блестящим опытом логического понимания истории философии. В ней исследуется историческое движение всех основных категорий «Науки логики» Гегеля. Поэтому мы можем сказать, что уже в 1806—1807 гг. Гегель оставил Шеллинга далеко позади себя, по-своему расправился с формальной логикой и завершил создание идеалистической диалектики. «Феноменология духа» разочаровала Шеллинга: он надеялся в ней увидеть свой незапятнанный образ, а увидел себя «в снятом виде». Их дороги разошлись. Шеллинг порвал дружбу с Гегелем, ударился вскоре в мистику. Гегель, уже ранее порвавший с Шеллингом теоретически, стал готовить основное свое произведение—«Науку логики». Так совершилась еще одна, и притом последняя, революция в развитии немецкого классического идеализма.

Гайм считает Гегеля философом реставрации. Куно Фишер, лучший биограф Гегеля, возражает ему, но возражает не весьма убедительно, поскольку он считает философом революции Канта.

В 1842 г. Фридрих Энгельс, бывший тогда левым гегельянцем, также называет Гегеля философом реставрации, но в ином смысле, чем Гайм. Маркс и Энгельс, уже ставши марксистами, всю немецкую классическую философию и особенно философию Гегеля считают отражением французской революции на немецкой почве. Это понимание — единственно правильное. Утверждение Гайма противоречит историческим фактам. Главные произведения Канта написаны накануне французской революции, лучшие сочинения Фихте и Шеллинга выходят в 90-х гг. XVIII в. и в самом начале XIX в., первая часть «Науки логики» Гегеля напечатана в 1812 г., вторая часть—в 1816 г. Следовательно «Наука логики» была создана до начала эпохи реставрации. Его «Очерк энциклопедии философских наук» (из которого отдел логики, обычно называемый «малой логикой», вышел в I т. соч. Гегеля в советском издании), напечатанный в 1817 г., появился в результате восьмилетнего преподавания Гегелем в нюренбергской гимназии философской энциклопедии (с 1808 г. по 1816 г.).

Итак, до начала эпохи реставрации и не позже ее начала Гегель читает лекции почти исключительно по тем вопросам, разработка которых определяет его всемирно историческое значение. В это же время он сам издает свои лучшие философские работы, относящиеся к тому же периоду. «История философии» была, как сказано, напечатана после смерти Гегеля на основе его иенских (1805—1806) записок, которые легли в основу его позднейших неоднократных лекций по истории философии и его краткого учебника по истории философии, написанного в 1816—1817 гг.

Что же остается на долю эпохи реставрации? Лекции по философии истории (1822—1831), по эстетике (1818—1829) и по философии религии (1821—1831) и изданная Гегелем в 1821 г. книга «Основные черты философии права»... Совершенно очевидно, что эти произведения Гегеля эпохи реставрации ни в коей мере не определяют всего значения и исторической роли философии Гегеля, в силу чего философско-фашистская реакция наших дней

[1]) Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 120.

так культивирует эти произведения Гегеля (впрочем, и их извращая в попов-ско-юнкерском духе).

Лучшее в философии Гегеля — его призведения, посвященные разработке диалектического метода и истории познания — было создано им отнюдь не в эпоху реакции, а в эпоху революции, в эпоху военного торжества французской революции над феодальной европейской реакцией. Куно Фишер совершенно извращенно понимает действительность, когда заявляет: «В 1823—1827 гг. деятельность Гегеля достигла своего кульминационного пункта; это была также самая содержательная эпоха и в отношении дальнейшей разработки его лекций» [1]. В действительности исторически и логически кульминационный пункт был достигнут Гегелем во время создания его «Науки логики», т. е примерно в годы 1808—1816, в нюренбергский период.

Это были во многих отношениях лучшие годы его жизни и деятельности. Он прибыл в Нюренберг в 1808 г., когда ему было 38 лет, т. е. в расцвете своих неистраченных физических и духовных сил. Он впервые наслаждается здесь семейным счастьем. Он занят кипучей воспитательной и административно-организационной работой как директор гимназии. К нему с величайшим вниманием относится Нитгаммер — крупный государственный работник в области просвещения, главный член школьного совета в Мюнхене, а также народный школьный советник Паулус. Бавария, куда Гегель прибыл в 1807 г. из прусской Иены, уже с 1806 г. входила в союз рейнских государств, бурно развивавшихся под покровительством императора французской буржуазии и кумира европейской буржуазной интеллигенции. Если еще в Иене в 1806 г. ограбленный французскими солдатами Гегель мог сказать: «Я видел императора, эту мировую душу...», то в следующем году в баварском Бамберге, будучи редактором «Бамбергской газеты», Гегель прямо-таки восторгается Наполеоном, «великим парижским учителем государственного права», гениальным полководцем и законодателем победившей французской буржуазии. Ни о каком квасном, специфически-немецком патриотизме у Гегеля здесь нет и речи. О чем он мечтает, так это только о том, чтобы из провинциального Бамберга попасть в какой-либо баварский университетский город. Когда в 1808 г он был назначен директором гимназии в Нюренберге и привлечен таким образом к активной государственной деятельности, он писал Нитгаммеру: «Я не могу здесь выразить всего чувства удовлетворения: сегодня я вступаю в то положение, в котором не приходится более требовать от судьбы ничего, чтобы выполнять то, что можешь, а также не приходится возложить на нее вину в том, чего не удалось бы сделать». И это неудивительно. Новой Баварии открывалась перспектива быстрого капиталистического развития. Она превратилась в огромную единую область с множеством новых земель. Открывались перспективы уничтожения цехового строя, господства замкнутых, резко разгороженных феодальными рогатками мелких княжеств, герцогств, курфюршеств и т. д. Открывались перспективы буржуазных свобод. В Баварию было приглашено много известных ученых, открывались новые школы, университеты, была создана Академия. Единственно, чего желал Гегель, это скорейшего осуществления этих перспектив. Еще в Бамберге в начале 1808 г. как редактор газеты Гегель сообщал: «Во многих рейнских союзных странах говорят, как о предстоящем вскоре событии, о введении кодекса Наполеона и конституционных форм, которые были положены в основу при организации королевства Вестфальского». А несколько дней спустя он писал Нитгаммеру: «Однако важное значение кодекса не может сравниться с важностью надежды, которую можно почерпнуть отсюда, что и более далекие от нас стороны французской или вестфальской конституции будут вве-

[1] История новой философии, т. VIII, стр. 212.

дены. По собственному желанию (немецких верхов.—*В. Р.*) это едва ли будет осуществлено, по собственному пониманию—а где оно встречается?—также нет. Но это может произойти, если такова будет воля неба, т. е. французского императора, и тогда исчезнут теперешние характерные *особенности централизации* и организации, в которых нет справедливости, нет гарантий, нет популярности, а есть только произвол и умничанье отдельных лиц».

Гегель таким образом прекрасно понимает, что в самой Баварии нет действительных сил для осуществления подлинно буржуазного строя. Он видел, что реакция не сдается и присмирела лишь на время. Конечно, он как идеалист не понимал, в чем должны явиться источники силы, необходимой для осуществления свободы совести, свободы печати и т. д. Он эмпирически и идеалистически констатировал отсутствие общего у большинства достаточного понимания и желания «более далеких от нас сторон французской конституции». Поэтому он как подлинный утопист возлагал надежды на «волю неба», на Наполеона.

Однако пока эти надежды имели под собой известную почву, пока реакционная феодальная и поповская Европа трепетала перед французской революцией и поневоле должна была открывать дорогу новым буржуазным порядкам, Гегель чувствовал себя счастливым.

На этой почве, на почве французской революции, он мог создать и действительно создал нечто великое. «Наука логики» не могла быть создана в эпоху реставрации, когда была написана философия религии и государственного права. Уже в 1807 г. в ответ на предложение Нитгаммера написать учебник логики и одновременно преподавать протестантизм, Гегель писал: «Преподавать теологию и писать логику значило бы, как вы хорошо знаете, быть белильщиком и вместе с тем трубочистом, пить минеральную воду для очищения желудка и вместе с тем бургундское вино. Я, много лет проживший на свободной скале, в гостях у орла, и привыкший дышать чистым горным воздухом, принужден был бы теперь учиться передавать трупы умерших или (современных) мертворожденных мыслей и прозябать в спертом воздухе пустой болтовни. В университете я бы охотно преподавал теологию, и, позанявшись несколько лет философскими лекциями, сделал бы это, но преподавать а) учение о религии *века просвещения*, б) в школах, в) в Баварии, г) в ожидании притязаний ко мне здешней христианско-протестантской церкви,—эта мысль потрясает все мои нервы, как если бы христианская церковь была гальванической батареей... и т. д. Господи, да минет меня чаша сия!» [1]).

В Нюренберге Гегелю удалось не только «позаняться несколько лет философскими лекциями», но и написать труд всемирно-исторического значения. Правда, этот труд имел коренные пороки, и в этом была беда Гегеля как идеолога отсталой немецкой буржуазии. Впрочем вряд ли Гегель, если бы он даже был прямым идеологом революционной французской буржуазии, мог бы создать материалистическую диалектику. Философ-диалектик на французской почве, должно быть, не стал бы преподавать теологию, его логика была бы свободна от благочестивого упоминания религии и бога, но она наверное не стала бы материалистической. Для материалистической диалектики необходима была новая социальная, иная классовая почва. Поэтому, если «Наука логики» отразила в себе противоречивость французской революции и отсталых мелкобуржуазных крепостнических отношений Германии, то она вместе с тем отразила в себе противоречивость буржуазной революции вообще и противоречивость развития германской буржуазии, еще не сумевшей практически свергнуть феодальный строй и уже понявшей необходи-

---

[1]) *Куно Фишер*, История новой философии, т. VIII, стр. 86.

мость его свержения и желавшей его свержения (хотя недостаточно понявшей и недостаточно желавшей).

Отсталая почва Германии отразилась не только в идеалистическом характере «Науки логики» Гегеля. Она непосредственно отразилась в том согласии, в котором логика и учение о религии находятся в написанной им в Нюренберге «Философской пропедевтике», о которой мы сейчас только упоминаем, чтобы резче подчеркнуть, что даже в наиболее революционные периоды своей деятельности Гегель не мог окончательно оторваться от своей непосредственной классовой почвы. Эта отсталая почва отразилась и в том факте, что Гегель вопреки своим собственным намерениям от 1807 г.: а) преподавал религию, б) в век просвещения, в) в школе баварского Нюренберга и т. д. Положение чиновника баварского королевства начала XIX в. обязывало.

И все же нюренбергский период есть кульминационный пункт философского развития Гегеля, есть самая содержательная эпоха в его историческом философском творчестве. В 1811 г., спустя три с половиной недели после своей женитьбы, Гегель писал в полушутливой форме Нитгаммеру: «Моя земная цель достигнута, так как человек, получивший должность и привлекательную жену, вполне закончен. Это главные статьи, составляющие цель стремлений в личной жизни, остальное уже не настоящие главы, а лишь параграфы и примечания» [1]). Внеся некоторые поправки в это утверждение, Гегель мог бы с полным правом сказать о себе в 1816 г.: «Моя земная цель достигнута, так как человек, написавший «Науку логики», вполне закончен; это главная статья, составляющая цель моих земных стремлений, а остальное уже не настоящие главы, а лишь параграфы и примечания».

Пусть Куно Фишер, Гайм и современные фашистско-гегельянские со[illegible] восхищаются верноподданническими чувствами Гегеля — берлинского государственного чиновника эпохи злейшей реакции 1820 г., правоверного философа божьей милостью крепостническо-прусского Фридриха — Вильгельма III. Мы им ответим, что, несмотря на неприятие Гегелем июльской революции 1830 г., несмотря на возвещенную Гегелем в 1818 г., столь близкую сердцу современной реакции, эру мирного, эволюционного «духовного» развития, не кто иной, как тот же престарелый Гегель, оставаясь до конца идеологом буржуазии, назвал реставрацию во Франции «пятнадцатилетним фарсом».

Мы знаем также, что в своей «Философии права» Гегель целиком, обеими ногами стоит на точке зрения современной буржуазной политической экономии (Маркс). Поэтому, если современные идеологи буржуазии чуют в Гегеле — государственном чиновнике — своего собрата, то в этом решительно ничего особенного нет. Гегель и в самом деле вступил в позорный союз с крепостническим государством и церковью. Но неизмеримо более позорным является пресмыкательство современных людей «науки» перед фашизмом и поповщиной.

Но у Гегеля была и другая — тоже буржуазная, но революционно буржуазная душа, была не только логика религии, но и «Наука логики». Гегеля недаром обвиняли в атеизме, спинозизме и прочих грехах. Своего восхищения перед Спинозой Гегель никогда не скрывал. Гегель порвал с Шеллингом именно потому, что диалектика Шеллинга была слишком мистична, слишком нерациональна. Он всегда критиковал кантовский агностицизм, его неверие в силы человеческого разума. Он всегда боролся с суб'ективным, «дурным», как он его называл, идеализмом, вплоть до идеализма Фихте. Если Ленин говорил: когда два идеалиста борются между собой, то от этого выигрывает материализм, — то никогда материализм не выигрывал так много,

[1]) Куно Фишер, цит. соч., стр. 92.

как от борьбы гегелевского идеализма со всяким иным идеализмом. Опровергая всякий иной идеализм, Гегель опровергал и всякое иное теоретическое основание религии, кроме своего. Так, выступая против шлейермахеровского обоснования религии чувством, Гегель говорил, что если бы Шлейермахер был прав, то «собака была бы лучшим христианином, так как она наиболее способна к этому чувству и живет преимущественно им. Также и чувство искупления знакомо собаке, когда ее голод утоляется костью». А ведь за Шлейермахером стояла целая реакционная школа так называемых романтиков, стоял Шеллинг, стояла откровенная феодальная и поповская реакция. Гегель в известной мере облегчал задачу материалистической критики идеализма и религии, так как в конце концов материализму оставалось лишь опровергнуть религию, основанную на гегелевском идеализме, т. е. опровергнуть этот самый гегелевский идеализм. Но создавая последнюю философскую религию, Гегель тем самым превращал теологию в теологическую философию, а от теологической гегелевской философии был один шаг к отрицанию всякой религии, к атеизму. Гегель это прекрасно понимал сам, когда в 1821 г. писал: «Всякая умозрительная философия о религии может привести к атеизму, все дело в том, кто преподает ее». Приводя вторую фразу, Гегель грубо противоречил своему методу, который всегда был против суб'ективизма, против теории личного мнения. Таким образом по существу он оставался при первой фразе и во всяком случае допускал возможность атеистических выводов из своей умозрительной философии. Как известно, эти выводы с необходимостью были сделаны младо-гегельянцами на почве гегельянства, когда пришло соответствующее время, т. е. левыми гегельянцами в середине 30-х годов, а прежде всех Людвигом Фейербахом еще в 1928 г. при жизни Гегеля. Как известно, высокопоставленный профессор философии богомольной Пруссии Георг-Фридрих-Вильгельм Гегель не отвечал на атеистическое письмо к нему Фейербаха, как и не протестовал против его атеистических «Мыслей о смерти и бессмертии» (1830 г.). Да и неудивительно. При всем старании в сочинениях Гегеля нельзя было найти ни одного места, в котором допускалось бы личное бессмертие; наоборот, сколько угодно можно найти мыслей, подводящих к отрицанию бессмертия.

Но последовательно опровергнуть всю и всяческую религию не могли ни левые гегельянцы, так как они стояли на идеалистической точке зрения, ни материалист Людвиг Фейербах, стоявший на точке зрения метафизического материализма. Для полного опровержения всякого идеализма и религии, для опровержения диалектического идеализма нужны были Маркс и Энгельс — идеологи пролетариата, диалектические материалисты. Уже в 1842 г., т. е. еще будучи в значительной мере левыми гегельянцами, они поняли революционное существо диалектики Гегеля, поняли, что всеобщее ее признание в эпоху реставрации было фальшивым, не соответствовавшим существу дела. Они говорили: «Прежнее отношение к ней (к гегелевской философии) ставило ее в ложное положение и привлекало к ней множество мнимых последователей, на которых нельзя было рассчитывать в период борьбы»[1]). Они знали, что «ее (гегелевской философии) притворные друзья, состоявшие главным образом из эгоистов, людей поверхностных, половинчатых, несвободных, благополучно теперь ретировались, и она теперь знает, каково ее положение и на кого она может рассчитывать»[2]). Они — Маркс и Энгельс — с лево-гегельянской точки зрения поняли «противоречие гегелевской философии, противоречие между ее независимыми и свободными принципами и умеренными или даже консервативными выводами». Они писали, что «его (Гегеля) политические взгляды, его учение о государстве, складывавшиеся под

---

[1]) Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 119.
[2]) Там же.

циянием английских учреждений, носят явный отпечаток реставрации; он поэтому не понял июльской революции в ее всемирно-исторической необходимости»[1]). Они хорошо понимали, как «часто в Гегеле независимый, смелый мыслитель брал верх над поддающимся тысячам влияний профессором»[2]).

Ставши марксистами, они нашли в «тысячах влияний» одно, единственное и решающее — отсталые, полукрепостнические общественные отношения Германии. Они обнаружили под ногами «смелого и независимого мыслителя» почву французской революции.

Мало того. Они поняли, почему могло случиться, что гегелевская диалектика стала модной в Германии. Они отвергли свой старый взгляд, приписывавший такое положение случайности. Таким образом они стали перед необходимостью критики гегелевской философии по существу, критики ее положений, а не только выводов. Маркс и Энгельс, а в нашу эпоху Ленин, вскрыли тайну «модности», популярности гегелевской философии в ее мистической оболочке, в ее идеалистическом характере, в ее классово-буржуазном существе.

Систематически критикуя гегелевскую диалектику и созерцательный метафизический характер материализма Фейербаха, Маркс и Энгельс создали материалистическую диалектику, а Ленин развил ее дальше, конкретизировал на новых, всемирно-исторического значения событиях и научных фактах, обогатил ее всеми завоеваниями науки нашего времени. Критикуя диалектику Гегеля, выбрасывая из нее боженьку, абсолют, очищая ее от мистики идеализма, они поставили ее на материалистические ноги, на почву об'ективной реальности, природы и общества.

Они разрабатывали материалистическую диалектику как логику и теорию познания, как наиболее богатое содержанием учение о развитии природы, общества и мышления. Они доказали, что гегелевский об'ективизм и абсолютный идеализм стихийно, против воли Гегеля, зигзагом и кувырком вплотную подошли к материализму и частью превратились в материализм. Они выяснили, что Гегель, несмотря на свой идеализм, представил в сознательной форме общую картину диалектического движения, развития, познания.

Старательно выискав в навозной куче абсолютного идеализма жемчужное зерно гегелевской диалектики, они материалистически переработали его и взрастили открытую ими материалистическую диалектику в острой теоретической борьбе с классовыми врагами пролетариата, в политических классовых и партийных битвах, в постоянном упорном умственном труде, в исследовании общественного движения, политической экономии капиталистического общества, в критике великих утопистов и их мелкобуржуазных эпигонов, в изучении естественных наук, в борьбе на два фронта в политике и философии, в интернациональной борьбе пролетариата. Они с презрением прошли мимо механистических Бюхнеров и Дюрингов, в ужасе зажимавших свой благородный нос при одном напоминании о диалектике Гегеля. Но они разворошили навозную кучу абсолютного идеализма не для того, чтобы там окопаться и самоудовлетвориться подобно юнкерствующему Лассалю или меньшевиствующим идеалистам.

Нет, жестоко критикуя Гегеля, выбирая жемчужные зерна его диалектики, перерабатывая их и умножая теоретическое богатство пролетариата, они пошли дальше, оставив далеко позади себя и Гегеля и Фейербаха. Они пошли к историческому материализму, к «Коммунистическому манифесту», к «Капиталу».

Пусть идеологи контрреволюционной буржуазии, попы, фашиствующие катедер-философы, социал-фашисты и меньшевиствующие идеалисты жуют

[1]) Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 117.
[2]) Там же, стр. 118.

и пережевывают гегельянщину, абсолютную идею, боженьку, идею буржуазного государства, права и т. д. — движение чистых, «диалектических», «конкретных» мыслей — диалектические материалисты, последователи марксизма-ленинизма, знают, что гегельянщина мертва, не воскреснет. Гегель принадлежит своей эпохе, эпохе промышленного буржуазного переворота, эпохе революционного переворота во Франции и в Европе — конца XVIII и начала XIX вв. Современная буржуазия ничего общего с этой эпохой не имеет.

Пусть высокомерные буржуазные естественники и наши механистические петухи Бюхнеры и Дюринги «воюют» против «гегельянского самодвижения», третируя Гегеля, как «мертвую собаку», — диалектические материалисты знают, что гегелевская «Наука логики», «История философии», «Феноменология духа», «Энциклопедия» в переработанном виде всегда будут жить в материалистической диалектике марксизма-ленинизма. Гегель—один из величайших теоретических источников марксизма, вне которого марксизм не может быть понят вполне и до конца.

Оценивая историческое значение немецкого классического идеализма, Энгельс говорит:

«Новейшая немецкая философия нашла свое завершение в гегелевской системе, величайшая заслуга которой состоит в том, что она впервые представила весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. исследовала его в беспрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и пыталась раскрыть взаимную внутреннюю связь этого движения и развития» [1]). «Феноменология духа... логика, философия природы, философия духа, разработанная в ее отдельных исторических подразделениях, философия истории, права, религии, история философии, эстетика и т. д., в каждой из этих различных исторических областей Гегель старается найти и указать проходящую через нее нить развития» [2]).

В эпоху средневековья и вплоть до конца XVIII в. философия и наука стояли на метафизической точке зрения. Отдельные высказывания, положения и открытия, указывающие на развитие природы, общества и познания, не имели решающего значения. Ученые и философы, как идеалисты, так и материалисты, хотя и признавали в мире движение, хотя и говорили об эволюции, но понимали и движение и развитие метафизически. Они стояли на точке зрения неизменности мира, они признавали развитие лишь в форме простого количественного увеличения и уменьшения раз навсегда данных явлений и форм природы, общества и познания. Этой метафизической точке зрения впервые был нанесен удар немецкой классической идеалистической философией, высшим пунктом которой и является идеалистическо-диалектическая философия Гегеля.

С точки зрения диалектической философии ни одно конкретное явление природы, ни одна общественная форма, ни одна форма познания не является вечной и неизменной, абсолютной, раз и навсегда данной. Все движется, изменяется и развивается, возникает, функционирует и уничтожается, превращается в свою собственную противоположность. Весь мир представляет собой процесс развития, процесс восхождения от низших форм к высшим. Ни одна форма не возникает из абсолютного ничто и не исчезает абсолютно бесследно. В мировом развитии существует бесконечно многообразная всеобщая связь. Одна вещь, явление, процесс, истина связаны непосредственно или во всяком случае посредственно со всякой другой. Развитие представляет собою раздвоение единого на противоположные части и борьбу противоположностей. Этот закон является основным законом развития. Никакая противоположность не является абсолютной, напротив—про-

---

[1]) Фр. Энгельс, Анти-Дюринг, изд. ИМЭ, Гиз, 1923, стр. 18.
[2]) Фр. Энгельс, Людвиг Фейербах. Библиотека марксиста, Гиз, [illegible]

тивоположности на определенной ступени развития превращаются друг в друга, в свое другое. Как нет в развитии двух абсолютно одинаковых вещей, явлений и процессов, так, с другой стороны, нет и абсолютно различных вещей, явлений и процессов. Однако движущим началом является как раз противоположение, противоречие, борьба взаимоисключающих противоположностей. Переход в противоположность совершается путем смены постепенного, непрерывного количественного роста, накопления, внутреннего напряжения данной вещи, явления или процесса скачкообразным их переходом в противоположные вещи, явления или процессы. Этот скачкообразный переход характеризуется далее перерывом постепенности, разрывом старых связей, ломкой структуры, старого качества, формы, содержания и т. д., наиболее обостренной формой борьбы старого и нового. Старое и новое также представляют собой противоречивое единство, взаимопроникающие противоположности. Новое так или иначе подготовляется старым и в старом. С другой стороны, новое, борясь со старым, отрицая его, не отвергает его абсолютно, но лишь относительно, «снимая» его в себе, удерживая, перерабатывая положительное содержание старой ступени развития.

«Диалектическая философия разлагает все представления об окончательной, безусловной истине и соответствующих ей абсолютных отношениях людей, совершенно так же, как буржуазия посредством крупной промышленности, соперничества и всемирного рынка разлагает все старые, веками освященные учреждения. Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса становления и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу. У нее, без сомнения, есть и своя консервативная сторона: каждая данная ступень развития науки или общественных отношений оправдывается ею в виду обстоятельств данного времени, но не больше. Ее консерватизм относителен, ее революционный характер безусловен, к нему сводится все то безусловное, для которого в ней остается место» [1]).

Такова сущность диалектической философии. Однако мы должны сказать вместе с Энгельсом, что диалектические методологические положения еще не даны у Гегеля «с полной ясностью». Это об'ясняется, если иметь в виду непосредственно философскую сторону дела, во-первых, тем, что Гегель был идеалист, а во-вторых, тем, что Гегель претендовал на то, чтобы представить совокупность своих знаний как абсолютную систему знания. Поэтому философия Гегеля представляет собою диалектическую теорию развития, развитую из идеалистической основы и запертую в узкие рамки его метафизической системы. Гегелевский абсолютный и об'ективный идеализм проникает собою все взгляды Гегеля, а вместе с тем и его метод. Гегелевская диалектика идеалистична не только по своему исходному пункту, но и по своему содержанию. Какую бы область явлений ни рассматривал Гегель, в качестве последнего основания всего существующего, всякой вещи, явления и процесса у него служит развитие мистического, сверх'естественного, божественного, мирового, абсолютного и об'ективного духа — идеи. Абсолютная идея, внечеловеческое и сверхчеловеческое, вне времени и пространства существующее мышление является демиургом действительности, творцом и движущим началом природы, общества и человеческого познания.

С другой стороны, и претензия на познание абсолютной истины оставила неизгладимый отпечаток на всей философии Гегеля, а вместе с тем и на его методе.

---

[1]) Фр. Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 34.

Гегель — диалектик только по отношению к тому, что было, но не по отношению к современности. В этом сказалась его буржуазная ограниченность. Решительно все буржуазные историки и философы, так или иначе признававшие историческое развитие, доводили историю только до образования буржуазного общества. Гоббс, Локк и Юм, Спиноза и французские материалисты, английские экономисты, современники Гегеля — Кант, Фихте и Шеллинг, французские историки эпохи реставрации — все они представляли себе буржуазные общественные отношения как отношения единственно нормальные, естественные, разумные, соответствующие самой «природе» человека. Буржуазное общество было для них абсолютной истиной. Формально свободный «труд», «свободная», т. е. частная, собственность, буржуазная семья, формальная демократия, формальное, правовое равенство и т. д. и т. п. — были абсолютным пределом буржуазного рассудка, буржуазных интересов и стремлений, более или менее последовательно проводимых всеми этими учеными и философами. Гегель ни в коей мере не является исключением из их числа. Его диалектика простирается только на прошлую историю. Что же касается настоящего, то высшим идеалом экономической структуры общества для него является буржуазная экономика, высшей демократией — буржуазно-формальная демократия. Можно даже сказать, что в области экономической Гегель делает шаг назад по сравнению с буржуазной политической экономией, поскольку он сохраняет феодальную собственность, а в области политической он стал прямо реакционен, так как он всю полноту власти сохранил за монархом — прусским королем эпохи реставрации, а между королем и народом в качестве их посредствующего «миротворящего» звена поместил сословное представительство. Словом, Гегель в своем «абсолютном» государстве оставляет на веки вечные не только буржуазию и пролетариат, но и дворянство. Таким образом диалектика послужила в руках Гегеля не руководством для революционного изменения ставших негодными общественных порядков, а орудием оправдания этих порядков и примирения с ними.

Абсолютная ограниченность интересов буржуа требовала метафизического ограничения человеческого познания. Отсюда убеждение Гегеля в том, что в его системе наконец открыта абсолютная истина. Но отсюда же и его убеждение в том, что в современной ему действительности наконец открыта абсолютная форма общества и государства. С другой стороны, претензия на открытие абсолютной истины сама влияла на метафизическое «завершение» им послереволюционного исторического процесса.

Убеждение в том, что абсолютная истина уже познана, означало, что больше познавать уже нечего, что история уже ничего больше для познания не даст, следовательно в ней уже ничего нового не будет. А так как, по Гегелю, философия есть эпоха, выраженная в мысли, то его абсолютной философии должна была естественно соответствовать абсолютная эпоха, эпоха неизменного, равного самому себе существования. Такую абсолютную эпоху Гегель видел в эпохе, наступившей после последнего общественного переворота — после Великой французской революции.

Но убеждение в том, что современная Гегелю прусская монархия и нарождающиеся буржуазные общественные отношения являются абсолютными, имеет и теоретико-познавательные корни. Оно вытекает из гегелевского идеализма. Социальными же корнями этого идеализма являются буржуазные общественные отношения. Не следует забывать, что Гегеля и французских материалистов об'единяет не только метафизическое понимание буржуазного общества, но и общее им идеалистическое понимание общественного развития в целом. Буржуазия по своему классовому положению может подняться до материализма только в натурфилософии, в отношении к природе

Идеалистическое же понимание истории неизбежно так или иначе связано с буржуазным отрывом теории от практики, с недооценкой или даже с игнорированием материальной производственной деятельности и материальной основы классовой борьбы. Переоценка исторического значения теоретической, идеологической, надстроечной деятельности одинаково присуща как французским материалистам, так и Гегелю, несмотря на имеющиеся у них элементы материалистического понимания истории.

Поэтому, с другой стороны, диалектика Гегеля является идеалистической не только в том общем смысле, что он за основу своей философии берет дух, идею, мышление, но и в том смысле, что его теория познания, диалектика его «Науки логики» есть главным образом своеобразное мистифицированное отражение диалектики идеологического и вообще надстроечного общественного развития, отражение диалектики исторического общественного познания. Поэтому Гегель не только по примеру французских материалистов лишил природу развития во времени, но и идеалистически извратил понимание *движущих сил исторического развития*. Понимая, как и *всякий* буржуа, противоположность классов как противоположность сословий, сводя определение сословий лишь к формально юридическим признакам, признавая вместе с тем, что последней основой исторического развития является априорно мыслящий абсолютный дух, «снимающий», отождествляющий в себе все противоположности, — Гегель по необходимости склонялся к подчеркиванию *тождества* противоположностей в историческом развитии вместо того, чтобы подчеркивать *борьбу противоположностей*. Идеалистический характер его диалектики — сведение объективной реальности мира к мышлению — неизбежно вело к оппортунистическому извращению основного закона движения мира — закона раздвоения единого и борьбы взаимоисключающих, противоречивых его частей.

Вместо того, чтобы понять закон единства противоположностей в логике как мысленное отражение бесконечно разнообразных, реальных форм раздвоения единого в природе и обществе, Гегель наоборот приходит к этим реальным формам, исходя из заранее данного и лишь понятию, логике, мышлению присущего абстрактного тождества противоположностей. Придя к открытию закона единства противоположностей, Гегель как идеалист превратил понятие этого закона в абстракцию, оторвал ее от природы и общества и сделал ее существенным определением абсолютного мышления. Понятие единства противоположностей, лишенное каких бы то ни было следов своего происхождения из реального мира, из истории с ее материальными классовыми противоположностями и противоречиями, с ее ожесточенной классовой борьбой, естественно превратилось в тождество противоположностей, и моменту *тождества* естественно приписывалось в конечном счете *решающее* значение. Как мышление должно было в себе самом «снять» противоположность материи и духа, как абсолютная идея должна была в себе самой «снять» многообразие и противоположность различных, наиболее общих, логических определений (категорий), как в природе все было сведено к абстрактному понятию вещности и тяжести, так и в обществе все было утоплено Гегелем в мистическом *единстве* государства и национального духа.

Если уже в абстрактной сфере «Науки логики», где особенно резко подчеркнут принцип раздвоения и внутреннего противоположения, противоречивости единого, как источника самодвижения, вместе с тем Гегель все время переоценивает значение формы, рассматривает все определения как определения, по существу тождественные, примиряет противоположности посредством их мистического и оппортунистического мирного взаимоопосредствования, то тем более естественно, что в области исторической *классовая природа гегелевской философии* должна была сказаться со

всей силой. В этой области непримиримость общественных противоречий и общественные конфликты, классовая борьба и революции должны были считаться лишь временными явлениями и оцениваться как нечто болезненное, ненормальное. Источник всех этих раздоров, по Гегелю, в общем и целом заключается в противоречии общественного сознания. Поэтому например последней эмпирически данной причиной Великой французской революции, по Гегелю, был конфликт между католической религией и просветительской философией. Но в понятии религии вообще и философии вообще не заключена необходимость столкновения между ними. Поэтому Гегель не ждал революции в Германии: протестантизм, по его мнению, не исключает просвещения, а «истинная», т. е. его собственная идеалистическая философия не исключает религии. Они могут быть примирены друг с другом, как примиряются они с (буржуазным) правом и с (буржуазной) свободой личности и собственности. А так как, по мнению Гегеля, это примирение произошло в прусской монархии эпохи реставрации, то следовательно прусская монархия осуществила абсолютную цель мирового духа, т. е. сознание свободы, и потому она является абсолютным государством.

Так идеалистическая сущность гегелевских общественно-политических взглядов подрывала революционный характер его логики, а идеалистическая сущность этой последней закрывала возможность правильного понимания Гегелем движущих сил общественного развития. И то и другое в последнем счете об'яснялось буржуазно-классовой сущностью гегелевского мировоззрения в целом.

В 1873 г. в «Послесловии» ко второму изданию I тома «Капитала» Маркс писал о классовом различии между его диалектикой и диалектикой Гегеля: «в своей мистифицированной форме диалектика стала модной в Германии, так как повидимому давала возможность набросить покрывало на существующее положение вещей. В своей рациональной форме диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, так как она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [1]).

Диалектика в «мистифицированной форме» — это диалектика Гегеля. Диалектика в «рациональной форме»—это диалектика марксизма. С тех пор как Маркс написал эти строки, общественное развитие сделало гигантский шаг вперед. Теперь Маркс не мог бы просто повторить свои слова. В 1820—30 гг. кривая капиталистического развития еще шла вверх, перед Германией еще стояла буржуазная революция. Поэтому идеологи буржуазии, уже тогда усваивая по-преимуществу гегелевскую систему и гегелевский идеализм, еще пользовались, хотя и совершенно бессознательно, гегелевской диалектикой, диалектикой в «мистифицированной форме». Теперь положение дел мирового капитализма в корне изменилось. Нынешние идеологи разлагающегося капитализма, для которых совершенно не приемлема даже мистифицированная гегелевская диалектика, вынуждены в неизмеримо большей степени, чем сам Гегель, мистифицировать диалектику, вынуждены до полной неузнаваемости извращать гегелевскую мистифицированную диалектику. Мистифицированная Гегелем диалектика все же сохраняла в своем существе рациональное и революционное содержание, находящееся в противоречии с его идеализмом. Нынешняя кантианизированная, махизированная, фашизированная «диалектика» идеологов бур-

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, Гиз, 1930, стр. 12

буржуазии—фашистов и социал-фашистов—ничего общего не только с материалистической, но и с гегелевской диалектикой не имеет. В ней нет ничего кроме откровенной контрреволюционной мистификации, поповщины и мракобесия.

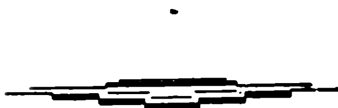
Но этот путь усвоения исключительно мистифицированной, идеалистической стороны гегелевской философии предстоит и всякому, кто хотел бы в настоящее время реставрировать гегелевскую «Науку логики», гегелевскую диалектику в ее непосредственной исторической форме. Да ее и нельзя восстановить. В наше время может быть лишь или материалистическая диалектика марксизма-ленинизма или ревизионистское извращение этой диалектики, ведущее в болото меньшевизма, троцкизма, играющее на руку контрреволюционной буржуазии. Не поняв классово-буржуазного существа гегелевской диалектики, сведя противоречия гегелевского метода и его системы к простой абстрактной, логической непоследовательности Гегеля, сведя коренное различие между гегелевской и марксистско-ленинской диалектикой к простому различию в пределах некоей надпартийной философии, вместо того, чтобы понять их различие как различие двух в корне противоположных и враждебных друг другу классовых мировоззрений, отрывая, с другой стороны, теорию от практики классовой борьбы и социалистического строительства в СССР, игнорируя марксистско-ленинскую, большевистскую партийность в своей философской работе, Деборин, Карев, Гоникман и другие реставраторы Гегеля в условиях диктатуры пролетариата неизбежно скатывались и скатились на путь антимарксизма, на путь меньшевиствующего идеализма, явившегося методологическим обоснованием троцкизма и «левацких» загибов. Поэтому борьба с меньшевиствующим идеализмом является основным условием разработки материалистической диалектики, а вместе с тем и условием борьбы против фашистской и социал-фашистской философии.

С другой стороны, механисты — эта основная и главная опасность в развитии философии марксизма-ленинизма в настоящее время — совершенно не поняли значения гегелевской диалектики как основного теоретического источника диалектики материалистической, как не поняли и самой материалистической диалектики. По-меньшевистски отрицая наличие в марксизме-ленинизме его собственной философии, протаскивая ползучий эмпиризм и позитивизм в теории, рабски следуя за якобы внефилософской и непартийной, а по существу буржуазной «наукой», теоретически обосновывая практику самотека и делячества, откровенного оппортунизма, механисты отбросили не только «мистику — идеализм» Гегеля, но и его диалектику. А так как диалектика Гегеля является для них диалектикой вообще, то тем самым они отбросили и материалистическую диалектику марксизма-ленинизма. Они не поняли, что противоречие между диалектическим методом и идеалистической системой Гегеля не надуманное, а действительное, как не поняли и того, что диалектика Гегеля в силу своего идеализма и претензии Гегеля на абсолютную истину является внутренне противоречивой. Они не поняли вместе с тем, что диалектика Гегеля вплотную подошла к диалектике материалистической. Они поэтому не поняли также, что если «диалектику» меньшевизма и фашизма, как впрочем и меньшевиствующего идеализма необходимо отбросить целиком и без остатка, то диалектику Гегеля можно читать материалистически (Ленин), можно и нужно материалистически истолковывать и перерабатывать.

Но все это нужно уметь делать. Это сумели сделать Маркс и Энгельс, создавшие материалистическую диалектику — острейшее теоретическое оружие пролетариата и его партии. После Маркса и Энгельса разработку материалистической диалектики двинул дальше, конкретизировал на новых фак-

тах, развил ее, применил в практике мирового исторического развития и революционного движения единственно Ленин. Поэтому в настоящее время не может быть никакой диалектики в рациональной форме, диалектики научной и революционной, кроме диалектики Ленина, вне той диалектики, которая служила в руках Ленина острейшим оружием в борьбе с бесчисленными врагами марксизма с первого дня революционной деятельности Ленина, которая обеспечила создание большевистской ленинской партии и победу пролетарской революции в России.

Лишь эта ленинская диалектика в наши дни обеспечила коммунистической партии и пролетариату под руководством большевистского ЦК, во главе с тов. Сталиным, победоносное завершение построения фундамента социалистической экономики, обеспечивает полное проведение сплошной коллективизации деревни и ликвидации кулачества как класса, обеспечивает полное построение социалистического общества. Лишь ленинская диалектика обеспечивает передовую и ведущую роль СССР в мировом революционном движении.

Гегель и математика

Э. Кольман и С. Яновская

Огромный интерес, проявляемый естествознанием Советского союза к изучению Гегеля, обоснован наиболее полновесно в следующих словах из философского наследия Ленина: «... Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды. Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом... Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае» [1]).

Естествознание и математика Советского союза непрерывно работают над тем, чтобы на основе изучения материалистической диалектики укрепить и расширять свой философский фундамент для дальнейшей наступательной борьбы против натиска буржуазных идей и против всяческих попыток реставрировать буржуазное мировоззрение.

В вопросе о математике для нас тут важны наряду с различными местами из произведений и переписки Маркса и Энгельса, особенно наряду с «Анти-Дюрингом» и «Диалектикой природы» и с философскими сочинениями Ленина, еще не опубликованные пока математические рукописи Маркса, имеющиеся в фотокопиях в Институте Маркса—Энгельса—Ленина в количестве 863 убористо исписанных страниц. Часть этого материала, преимущественно относящаяся к сущности диференцирования и к теореме Тейлора, уже расшифрована.

Как расценивает материалистическая диалектика роль гегелевской философии математики? Марксизм-ленинизм исходит из того положения, что «мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину ее общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть рациональное ядро под мистической оболочкой» [2]). Поэтому ясно само собой, что и к гегелевской философии математики марксизм подходит с точки зрения критики, различающей, умеющей отделить положительное ядро материального и его верного воспроизведения от отрицательной оболочки мистически искаженного, идеального. Мы видим таким образом в гегелевской философии математики переплетение

---

[1]) **Ленин**, О значении воинствующего материализма, 1922 г.

[2]) **Маркс**, Предисловие ко второму изданию «Капитала», 1873 г.

положительных и отрицательных сторон. Задачей марксистов-ленинцев является высвобождение ее рационального ядра из идеалистической скорлупы.

Как оценивали работу Гегеля в области математики сами основоположники марксизма, видно из следующих слов Энгельса: «Не могу пройти мимо одного замечания о старике Гегеле, которому вы отказываете в более глубоком математически-естественнонаучном образовании. Гегель знал математику настолько, что ни один из его учеников не был в состоянии издать многочисленные математические рукописи, оставшиеся после него. Единственный из известных мне людей, достаточно знающий математику и философию, чтобы суметь это сделать, это — Маркс» [1]).

Заслугу гегелевской философии в области математики мы, диалектические материалисты, усматриваем в том, что:

1) Гегель первый гениально отгадал развитие категорий качества и количества и их единство—меру;

2) он подошел к правильному определению предмета математики, а поэтому и к ее роли в общей системе наук, дал определение математики, взрывающее рамки обыденного буржуазного мировоззрения с его характерным фетишизмом количества (Кант и панматематизм).

3) он понял, что область диференциального и интегрального исчисления — уже не чисто количественная область, что в ней уже содержатся качественные моменты и черты, характерные для конкретного понятия (единство внутренне-противоречивых моментов) и

4) что поэтому всякая попытка свести анализ к элементарной математике, уничтожить качественный скачок между обеими этими областями должна считаться с самого начала обреченной на неудачу;

5) Гегель понял, что своими собственными средствами, без обращения к теоретическому философскому мышлению, математика не в состоянии обосновать методы, употребляемые ею же самой;

6) он признал, что возникновение диференциального исчисления было обусловлено не внутренними потребностями саморазвивающейся математики, но что его источник и фундамент находятся вне ее, в области практики, что

7) метод диференциального исчисления представляет аналогию с известными процессами природы и что поэтому он не может быть понят из самого себя, а только из характера той области, в которой этот метод находит свое применение;

8) он правильно почувствовал в строго алгебраическом лагранжевом обосновании диференциального исчисления, покоящемся на понятии первоначальной и производной функций, наивысшую исторически достигнутую ступень «философии» математики бесконечного. Путаница во взгляде Гегеля на математику, с принудительной необходимостью вытекающая из его идеалистической системы, заключается с нашей точки зрения в том, что:

1) метод диференциального исчисления он считает методом, вообще чуждым математике, так что внутри ее не может быть найден переход (диалектический) между элементарной математикой и анализом, а потому понятия и методы последнего могут быть введены в математику лишь внешним и произвольным образом, посредством внешней рефлексии, но не могут возникнуть путем диалектического развития как единство тождества и различия нового и старого;

2) такой переход, поскольку он по мнению Гегеля, вообще говоря, мыслим только вне математики, в рамках его философской системы (т. е. лишь как переход от категории «определенного количества» к категории «качественно-количественного» отношения), при чем однако в общем и целом он вынужден перенести в свою философию истинную диалектику развития самой математики;

[1]) Письмо Энгельса к Ф. А. Ланге от 29 марта 1865 г.

3) часто он делает это в искажающей и мистифицирующей форме, заменяет бывшие тогда еще не известными действительные отношения идеальными, фантастическими отношениями, давая таким образом мнимое решение там, где нужно было бы отчетливо формулировать нерешенную проблему, и стараясь обосновать и защитить в современной ему математике то, что иногда было даже просто неверно;

4) рассматривая фактическое развитие математики, как отблеск саморазвития логических категорий, искаженных вмешательством чуждых им определений», Гегель отрицает возможность построения такой математики, которая была бы способна, сознательно применяя диалектический метод, вскрыть истинную диалектику развития своих собственных понятий и методов, а не просто только воспринять в себя посредством внешней рефлексии отдельные и противоречащие друг другу моменты;

5) поэтому Гегель не только не в состоянии поставить задачу реконструкции математики с помощью метода диалектической логики, но и вынужден плестись в хвосте современной ему математики, несмотря на его правильную критику ее основных понятий и методов;

6) поэтому же он отдает предпочтение лагранжеву обоснованию анализа не за то, что оно вскрывает реальные отношения между математикой конечного (алгеброй) и бесконечного (анализом), а за то, что Лагранж вводит в математику понятие производной чисто внешним и произвольным способом, при чем Гегель присоединяется здесь к обычному плоскому толкованию Лагранжа);

7) отрицая возможность диалектической математики в своем стремлении чрезмерно, больше чем следует, принизить значение математики, он доходит до того, что совершенно отрицает качественные (диалектические) моменты в элементарной математике (арифметике). Между тем наличие их настолько очевидно для такого диалектика, как Гегель, что, изгнав их в одном месте (в главе о «количестве»), он сам же вынужден восстановить их в другом (в главе о «мере»).

То, что Гегель правильно определил предмет математики, приходится ценить особенно высоко ввиду того, что этот вопрос и сейчас еще создает величайшие затруднения для самых различных идеалистических и эклектических философских направлений, которые, воспроизводя материальную действительность в искаженном виде, не могут найти правильного ответа на него.

Так, интуиционисты (Вейль, Броувер), идя по стопам Канта, считают предметом математики чистое созерцание a priori, тогда как логисты, приравнивающие, следуя еще Лейбницу, математику к логике, усматривают в математических аксиомах и теоремах законы разума. Формалисты, как Гильберт, отрицают вообще существование особого предмета математики, считая ее простым собранием правил, позволяющих нам производить различные комбинации и преобразования; механистические эмпирики, включающие математику в физику и отрицающие ее специфический характер, считают ее предметом физическое пространство и физическое время; другие, как Мах, ищут ее предмет в психологии и т. д.

Подобные определения приводят однако к таким трудностям, которых не могла преодолеть ни одна из этих философских систем. Для того, чтобы примирить созерцание a priori с не-эвклидовской геометрией, неокантианцам (Бибербах, Нельсон) пришлось, как известно, проделать немало «комических вывертов, жалких фокусов и уловок». Логисты (Рессель, Фреге) были вынуждены стать на ту точку зрения, что математика есть грамматика без подлежащего, дополнения, глагола и сказуемого, грамматика союзов, как «и», «или», «если» и т. д., и превратить ее таким образом в колоссальную тавтологию, неспособную дать какое бы то ни было новое знание о предмете. Механистические эмпирики не были в состоянии включить в свою систему

многомерные геометрии и оказались перед необходимостью признать лишь одну из многих математических геометрий, а остальные изгнать из математики. Формалисты, превратившие математику в своего рода шахматную игру пустыми символами, не в состоянии об'яснить ее роль в технике, в естественных науках и в статистике. Конвенционалисты (Пуанкаре), считающие математические понятия и операции просто удобными соглашениями, ради «экономии мышления», уклоняются от всякого ответа на поставленный вопрос и ничего не могут сказать о развитии этих понятий.

Таким образом все эти философские школы, из которых каждая сплетывает и «возводит в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный»[1]) одну какую-нибудь, но только одну сторону действительности, не в состоянии понять связь математики с практикой и законы ее развития. А Гегель дал такое определение математики, которое выразило сущность предмета, — определение, являющееся, собственно говоря, независимо от замысла самого Гегеля, глубоко материалистическим, если отбросить его идеалистическую исходную позицию.

Математика есть, по Гегелю, наука о количестве (Quantitäs), т. е. о такой определенности предметов, которая характеризует их не как таковые, в их специфическом отличии от других предметов и от них же самих на другой стадии их развития, а изучает их только с их внешней, безразличной к изменениям, стороны. «Чистая математика имеет своим предметом пространственные формы и количественные отношения действительного мира, то-есть весьма реальное содержание. Тот факт, что это содержание проявляется в крайне абстрактной форме, может лишь слабо затушевать его происхождение из внешнего мира. Чтобы изучить эти формы и отношения в их чистом виде, следует их оторвать совершенно от их содержания, устранить его как нечто безразличное для дела»[2]). Эту связь между математикой и материальной действительностью и выражает материалистически истолкованное гегелевское определение предмета математики. Пространственные отношения нашего физического пространства соответствуют требованиям этого определения, и пространственные формы действительно составляют, по Гегелю, предмет математики, хотя и не исчерпывают его, ибо всякое отношение, имеющее существенно различные по качеству аналогии в природе, может стать предметом математики. Так например вихри, исследуемые векторным анализом, могут быть также вихрями какой-нибудь жидкости или же относиться к электродинамике,—откуда однако не следует, что эти математические вихри суть продукт идеи, ибо они лишь отображают количественные соотношения реальной, т. е. материальной действительности.

Определение Гегеля схватывает таким образом подлинную сущность математики, дает возможность понять ее связь с материальной действительностью и в то же время устанавливает границы математики, ее место и роль в системе наук. С точки зрения этого определения все вышеприведенные определения могут быть не только a limine опровергнуты, но и действительно преодолены. В каждом из них могут быть усмотрены моменты истины, «та из черточек, сторон, граней познания», которая, если ее односторонне преувеличить и раздуть, превращается «в оторванный от материи, от природы, обожествленный» абсолют.

Все это становится возможным, несмотря на то, что сам Гегель не сумел до конца преодолеть односторонность этих определений. Ибо у него встречаются, часто в довольно эклектическом смешении, и такие мотивы, которые просто совпадают как с лейбницевой логистикой, так и с кантовской конструкцией математики из элементов априорного созерцания и даже

[1]) Ленин, К вопросу о диалектике, 1915—1916 гг.
[2]) Энгельс, Анти-Дюринг, 1878 г.

с конвенционалистским и формалистическим отрицанием об'ективной истинности математических суждений. Так например правильно характеризуя абстрактную, формальную сущность математического метода, согласно которому «сперва устанавливаются определения и аксиомы, а за ними следуют теоремы, доказательство которых состоит лишь в рассудочном приведении к недоказанным исходным предпосылкам» [1], — Гегель в то же время сам односторонне преувеличивает момент тавтологичности в математике и закрывает глаза на эволюцию этого метода, приводящую к тому, что произвольный и внешний характер аксиом снимается (хотя большинство математиков и философов математики до сих пор этого не заметили) и что в развитии математики формально-логические рассудочные моменты вытесняются диалектическими моментами.

Гегель правильно отмечает наличие чувственных моментов в математике, но он слишком полагается на Канта, сводя иногда вслед за ним все содержание математики к абстрактному чувственному созерцанию. Он согласен например с Кантом, что математика «имеет дело не с понятиями, а с абстрактными определениями чувственных созерцаний», при чем специально геометрия имеет дело с чувственным или абстрактным созерцанием «пространства» [2]). Это верно, поскольку именно в геометрии чувственный момент особенно резко выражен, но в такой абсолютной форме этого нельзя утверждать даже и по отношению к геометрии. Впрочем Гегель сам признает в дальнейшем, что даже эта наука, изучающая только абстрактные определения чувственных восприятий, «наталкивается в конце концов в своем ходе,—и это весьма замечательно,—на несоизмеримые и иррациональные величины, где она вынуждается, если хочет двигаться дальше в процессе определения, выйти за пределы рассудочного принципа» [3]). Наконец Гегель остроумно и справедливо критикует «фокусничество» и шарлатанство даже ньютоновских доказательств, пытавшихся представить опытные законы в виде результатов вычисления», он совершенно прав в своем утверждении, что «отнюдь не каждый член математической формулы, взятый сам по себе, должен иметь предметное значение и что математическая правильность результата еще не гарантирует реальный, т. е. соответствующий какой-нибудь действительности, смысл итогов вычисления». Однако это утверждение сводится у Гегеля одновременно и к тому, что он вообще отрицает истинность математических суждений самих по себе, что он рассматривает математику, подобно нынешним формалистам, только со стороны ее внутренней последовательности, а не об'ективной истинности, т. е. смотрит иногда на нее только как на вычисление, а не как на науку, обладающую своим собственным предметом исследования.

Поскольку математика есть наука об абстрактных количественных определениях, она в состоянии отобразить только одну сторону действительности; между нею и физикой уже есть существенное различие, узел, переход к новому качеству. Ибо физика исследует материю уже с качественной, существенной ее стороны: ее молекулы, атомы и электроны—уже не безразличные отношения, в которые могут взаимно вступать, не меняя своего качества, различные вещи, а именно молекулы, атомы и электроны во всем богатстве своих частных определений, своего специфического возникновения и развития. Поэтому физика не может быть сведена к математике; роль математики в науке ограничена. Эта точка зрения диаметрально противоположна кантовской, ибо ведь, по Канту, всякая наука имеет право называться наукой лишь постольку, поскольку в ней находит себе место математика.

---

[1]) Гегель, Система философии.
[2]) Там же.
[3]) Там же.

Своим выступлением против фетишизации количества — фетишизации, которая есть только отражение абстрактных денежно-торговых отношений буржуазного строя, — Гегель в сущности прорвал в этом пункте рамки буржуазной философии; но так как он был и остался философом буржуазии, то он и мог развить эту, по существу глубоко материалистическую, точку зрения только в идеалистической форме и поэтому в необузданно гипертрофированном виде. Материалистическая суть этой гегелевской точки зрения особенно ясно обнаруживается, если принять во внимание, что именно пресловутая «математизация» физики оказала величайшие услуги философскому и естественно-научному идеализму. Не напрасно писал презирающий материализм натурфилософ Рей: «Кризис физики состоит в завоевании физики духом математики» — кризис, при котором «материя исчезает, остаются только уравнения» [1].

Тем не менее то, что произошло в естествознании, — сближение обеих наук — физики и математики, — расценивается Лениным, как крупный успех естественных наук. И вот тут-то видно отличие борьбы материалиста-диалектика против фетишизации математики от борьбы с нею диалектика-идеалиста. Гегель хотя и был диалектиком, не признавал однако развития понятий в математике, ибо он не относил математику к философии, т. е. к науке, имеющей дело с «понятием». «Но можно было бы далее конципировать идею философской математики, т. е. такой, которая познавала бы из понятий то, что обыкновенная рассудочная математика выводит из своих предпосылаемых определений чисто рассудочным методом без понятия. Так как, однако, математика есть наука конечных количественных определений, которые фиксируются и признаются в своей конечности и не должны переходить в другое, то она есть по существу рассудочная наука; и так как она способна быть таковой в совершенстве, то ее преимущество перед другими науками этого рода должно быть, наоборот, сохранено, и она должна остаться чистой от всякой примеси как инородного ей понятия, так и эмпирических целей» [2]. Это не значит впрочем, что Гегель совершенно просмотрел дальнейшее развитие математики — нет, он только перенес его из самой математики в свою систему философии, и тут он требовал полного единства развития.

Между геометрией и механикой должно существовать единство, все должно быть связано цепью диалектической дедукции, цепью развития, отражающей реальные связи и развитие в природе. Единство физики и математики есть единство развития, а не сведения, единство тождества и различия, ибо обе эти науки отображают—как мы утверждаем—реальную, т. е. материальную действительность на различных ступенях ее сложности и развития. Геометрия физического пространства и механика — две области, непосредственно стоящие друг над другом: между гравитационным принципом и учением о свойствах материального времени — пространства должна следовательно существовать связь, но в то же время и различие. Чтобы вскрыть эту связь, мы должны развивать геометрию дальше в сторону все лучшего отражения свойств реального физического пространства.

Эйнштейн не мог бы развить свою теорию относительности, если бы до того не произошло именно такого развития геометрии. Диференциальная геометрия Римана «снимает»—употребляя это выражение в смысле Гегеля—эвклидовскую геометрию, оставляя за последней лишь значение момента, подчиняя и включая геометрию «твердого» неизменного пространства постоянной кривизны в геометрию изменчивого, «текучего» пространства, остающегося эвклидовским только в своих бесконечных малых частях. В этом

---

[1]) А. Рей, Теория физики у современных физиков, 1908 г.
[2]) Энциклопедия (гейдельбергская).

пространстве «либо лежащая в его основе действительность образует дискретное многообразие, либо основу мероотношений (Massbestimmungen) следует искать вовне, в действующих на него связующих силах» [1]), так что в нем тела уже не «безразличны» к своим взаимным «расстояниям», ибо длина отрезка зависит от пройденного пути, от «истории». Не физика упраздняется, сводясь к математике, а математика развивается и поднимается ближе к физике. Это развитие происходит следовательно целиком в духе материалистически истолкованного диалектического метода Гегеля, хотя оно в то же время целиком противоречит его системе, которая ведь не допускает никакой диалектики в лишенной понятий «математике».

Итак, успехи физической теории относительности так же несовместимы с идеалистической системой Гегеля, как и с релятивистической философией, и могли быть одержаны только благодаря стихийной диалектике естествоиспытателей, невольно воспроизводящей подлинную диалектику природы. Что же касается тех неудач, которые именно сейчас терпит теория относительности Эйнштейна в своих попытках построить адэкватную действительности картину мира, удовлетворяющую квантовым отношениям,— то эти неудачи коренятся в ее неспособности понять действительность как единство непрерывного и дискретного, в упорном стремлении представить ее как абсолютный континуум идеального мышления.

Поскольку Гегель изымает диалектику из природы и из естествознания и переносит ее в свою, поставленную над природой философскую систему, постольку он поступает как настоящий идеалист. И именно поэтому он не только отрицал за математикой способность стать сознательно диалектичной, но и сбился, несмотря на весь свой об'ективизм, на чисто суб'ективную установку в математике. «Можно сначала считать произволом или простой возможностью составление уравнения между степенями переменных величин и отношением их функции разложения [2]) лишь дальнейшая цель, польза, применение может оправдать такое преобразование, только его полезностью оно и было вызвано» [3]),— пишет он в тоне, который затем встречается у Маха и Пуанкаре и который характерен для махистского отношения к практике, как к чему-то внешнему по отношению к теории. А так как математическое бесконечное, выступающее в математике в форме ряда, предельного перехода, флюксии, производной, бесконечно-малого и т. д., с точки зрения Гегеля не есть уже нечто только количественное, но содержит в себе и качественный момент, и, следовательно, математика уже не может обойтись здесь без «понятия», а между тем понятие есть нечто чуждое математике, противоречащее всем ее законам,—то, значит, она может только заимствовать его «произвольно» «лемматическим образом» из некоторой чуждой ей области. Гегель правильно констатирует, что элементарная математика никогда не породила бы из самой себя математический анализ, что на этот путь ее толкнули потребности «приложения», т. е. практики, техники, естествознания. Если Гегель пишет: «Видимость случайности, являемая диференциальным исчислением в его приложениях, значительно уменьшилась бы, если бы отдавали себе отчет в характере тех областей, в которых приложение может иметь место, и в своеобразных потребностях и условиях этого приложения» [4]), — то материалистическое ядро этой мысли вполне соответствует следующему утверждению Энгельса о материальных аналогах математического бесконечного: «Но как только математика удаляется в свою неприступную крепость абстракции, в так называемую чистую математику, так сейчас же забываются все эти аналогии, бесконечное становится чем-то совершенно мистериозным, и спо-

[1]) Риман, «О гипотезах, лежащих в основе геометрии», 1854 г.
[2]) Речь идет о разложении функций в строки Тэйлора и Маклорена.
[3]) Гегель, Логика.
[4]) Там же.

соб, каким с ним оперируют в анализе, кажется чем-то прямо непостижимым, противоречащим всякому опыту и всякому рассудку». Однако благодаря своим идеалистическим шорам Гегель не замечает, как под этим влиянием изменяются все математические операции и понятия и все здание математики вынуждено перестроиться, хотя он и не замечает неудачу всех попыток ассимилировать новые понятия с помощью старых представлений. Впрочем как буржуазный философ, стремящийся только к об'яснению мира, а не к его изменению, он вовсе и не ставит себе задачей диалектическое преобразование математики. До конца прошлого столетия естествоиспытатели кое-как уживались со старой метафизикой. Тем не менее, уже высшая математика, рассматривающая вечную истину низшей математики, как превзойденную точку зрения, внесла путаницу, — утверждает Энгельс, пока еще в полном согласии с Гегелем. Но затем начинается расхождение, ибо Энгельс продолжает: «Здесь неизменные категории исчезли, математика вступила на такую почву, где даже столь простые понятия, как «абстрактное количество», «дурная бесконечность» приняли совершенно диалектический вид и заставили математику против ее воли и без ее ведома стать диалектической» [1]).

По Гегелю, все эти диалектические моменты, чуждые элементарной математике постоянных величин, вообще не могут быть освоены математикой. Тщетны все попытки ассимилировать их, ибо так как математика не есть наука о «понятии», то на ее собственной почве невозможно конечно и никакое диалектическое развитие, никакое движение ее операций и понятий, и для нее остается только один путь: произвольно «принять какое-нибудь соглашение», напр. вместе с Лагранжем назвать «производной от первоначальной функции» коэфициент определенного члена в разложении этой функции в ряд Тейлора, — при чем в лучшем случае можно показать чисто внешние, т. е. несущественные для теории, удобство и целесообразность именно этого, а не какого-нибудь другого произвольного «соглашения».

Великий диалектик справедливо отвергает все современные ему попытки обоснования анализа, но он не делает при этом казалось бы естественного вывода о неудаче этих попыток вследствие того, что они ставили себе целью не развить анализ диалектически, а свести его с помощью формальной логики к элементарной математике. Вместо этого он заключает, что такое развитие в области математики вообще невозможно и может быть осуществлено [2]) только внутри философии, в его системе развивающихся друг из друга категорий. Изымая таким образом диалектическое развитие из математики и перенося его в свою систему чистых категорий логики, Гегель часто подвергает его при этом самой туманной, софистической и фантастической мистификации,—примером чему могут служить рассуждения о том, как интенсивное количество, об'единившись со своей противоположностью, с экстенсивным количеством, переходит в бесконечный процесс, и т. д. Искусственные, мистические и мистифицирующие переходы Гегеля подтверждают и здесь, что идеалистическая диалектика, стремящаяся развить понятия из самой себя, а не отображающая реальные отношения и переходы, движение и развитие материальной действительности, становится бесплодной благодаря своему идеализму, что никакой другой научной диалектики, кроме материалистической, нет и не может быть.

Но уничтожив внутреннюю диалектику понятий в математике, Гегель лишил себя тем самым возможности революционизировать математику хотя

---

[1]) Энгельс, Диалектика природы.

[2]) Поскольку вообще должно быть осуществлено. Ибо Гегель считал, что то, что извне, из практики например привнесено в науку, не должно стать органической частью теории, а так и остаться внешним для нее моментом, чтобы «свободное и случайное не было расстроено в своей специфичности идеями, а самые идеи не были искажены и формализованы несоответствием материала».

бы в рамках своей собственной философской системы и оказался вынужденным лишь пассивно переносить и «обосновывать», вместо того чтобы активно воздействовать и изменять. В лучшем случае он может только предложить замену одного названия другим — напр. термин «функция разложения» вместо «производной» [1]). Если Гегель утверждает, что в рамках своей системы логических категорий он не только доказал возможность, но и дал истинное обоснование того самого математического бесконечного во всех его разновидностях, о которое до него разбивались все попытки обоснования анализа, — то все же он сам находится при этом во власти тех же представлений, против которых он так резко полемизирует. Так напр., он отвергает как неточный и антиматематический метод пренебрежения бесконечно малыми высшего порядка на основании их количественной незначительности, но тут же объявляет его допустимым в виду качественного характера этих величин. Так как диференциал есть количественно-качественное отношение, то в разложении

$$(x+dx)^{n}-x^{n}=nx^{n-1}dx+\frac{n(n-1)}{1.2}x^{n-2}dx+\ldots$$

форма суммы является чем-то внешним и несущественным, от чего нужно отвлечься. «Так как мы имеем здесь дело не с суммой, а с отношением, то диференциал вполне определен первым членом»,—пишет он, отделываясь таким образом от вопроса с помощью таких же увертоκ, за которые вполне справедливо упрекает творцов исчисления бесконечно малых. Фактически он идет при этом по их стопам, всячески стараясь впустить в окно то, что он он же выгнал в дверь. Так как, исходя из своей идеалистической точки зрения, Гегель не поставил и не мог поставить себе задачей реконструкцию математики средствами диалектической логики, а хотел только «обосновать» ее такою, как она есть, в рамках своей философской системы,—то именно поэтому он не справился, несмотря на ряд чрезвычайно ценных замечаний и догадок, даже и с этой задачей и не оказал непосредственно почти никакого влияния на дальнейшее развитие математики, хотя это развитие, как мы уже показали, стихийно шло диалектическими путями.

Конечно в этом нельзя винить одного только Гегеля. Еще большую вину за то, что диалектика Гегеля не оказала никакого влияния на развитие естественных наук и математики, несет ограниченность буржуазных ученых, третировавших его, как «дохлую собаку», так что в результате из творений Гегеля сохранилось и продолжало жить только то, что Маркс и Энгельс как идеологи пролетариата, извлекли из его теорий и, перевернув с головы на ноги, поставили на службу пролетарской революции.

Материалистическое преодоление идеалистической диалектики позволило Марксу, Энгельсу, Ленину высказать в противоположность Гегелю ряд истинно научных, т. е. адэкватных материальной действительности, практике, теоретических суждений и в области математики — суждений, которые служат нам путеводными вехами для исследования, для научного предсказания и творчества. Узловыми точками являются здесь марксистско-ленинские взгляды на происхождение и движущие силы развития математики, на ее сущность и на связь и значение ее частей, на диалектические моменты в самой математике, на роль, которую она должна играть по отношению к другим наукам.

В чистой математике,—говорил Энгельс,—рассудок отнюдь не имеет

---

[1]) Что впрочем весьма важно для Гегеля и характерно для его точки зрения. Не функция «производная» от данной есть функция, производная, выведенная, развившаяся из нее, а диалектического характера этого развития Гегель, для которого вся операция разложения функции в ряд носит чисто внешний, произвольный характер, не хочет видеть. Тем более, что у самого Лагранжа (как и вообще при получении производной через разложение ф-ий в строки) это развитие замаскировано формальной исходной установкой.

во

дела только со своими собственными творениями и фантазиями. «Понятия числа и фигуры заимствованы именно из действительного мира... Для счета необходимы не только об'екты счета, но также уже и способность при рассмотрении этих об'ектов отвлекаться от всех свойств, кроме их числа, а эта способность — продукт долгого исторического эмпирического развития. Понятие фигуры, как и понятие числа, заимствовано исключительно из внешнего мира, а не возникло вовсе в голове из чистого мышления. Раньше, чем люди могли прийти к понятию фигуры, должны были существовать вещи, которые имели форму, и форму которых сравнивали... Как и прочие науки, математика возникла из потребности человека: из измерения земли и вместимости сосудов, из исчисления времени и механики. Но, как и во всех областях мышления, отвлеченные из действительного мира законы на известной ступени развития отрываются от действительного мира, противопоставляются ему, как нечто самостоятельное, как явившиеся извне законы, по которым должен направляться мир. Так было с обществом и государством; так, а не иначе, применяется впоследствии чистая математика к миру, хотя она и заимствована из этого мира и представляет только часть его составных форм, и собственно только поэтому она вообще применима к нему» [1]).

И далее: «Тайна, окружающая еще и в наше время применяемые в исчислении бесконечно малых величины, диференциалы и бесконечные разных порядков, является лучшим доказательством того, что и поныне еще воображают, будто здесь имеют дело с чистыми, свободными творениями и созданиями человеческого духа, для которых нет ничего соответственного в об'ективном мире. Между тем справедливо как раз обратное. Мы встречаем для всех этих мнимых величин прообразы в природе» [2]). При этом взгляд этот не имеет, разумеется, ничего общего со взглядом эмпириков вроде Дж. Ст. Милля, ибо он не ограничивает подобно им все познание одной индукцией, но в противоположность этим осмеянным Энгельсом «пан-индукционистам» рассматривает логическое как переработанное историческое.

Таким образом математические понятия и закономерности рассматриваются не как абсолютно неизменные, вечные истины, а как исторически связанные с судьбой человеческого общества части его идеологической надстройки, и отсюда прямо вытекает, что основной закон общественного развития, закон классовой борьбы, не может остаться без влияния на математику. «Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу» [3]). Эта точка зрения, не имеющая ничего общего с мнением Каутского и Кунова, будто математика и естествознание должны быть целиком отнесены к производительным силам, что равносильно отрицанию в них классовой борьбы, отвергает таким образом разделение наук на точные — математика, естественные науки — и неточные — общественные науки.

Классовая точка зрения в математике не означает однако, что вся прежняя математика должна быть отброшена и заменена другой, построенной на совершенно новых принципах из совсем новых элементов. Мы стоим на той точке зрения, что развитие математики определяется развивающимися производительными силами (при чем сама математика воздействует обратно на развитие производительных сил) и что поэтому она отражает материальную действительность. Но производительные силы воздействуют на математику большей частью косвенно, через промежуточное звено про-

[1]) Энгельс, Анти-Дюринг, 1878 г.
[2]) Энгельс, Примечания к Анти-Дюрингу, 1878 г.
[3]) Ленин, Марксизм и ревизионизм, 1908 г.

производственных отношений, которые в классовом обществе являются классовыми и налагают на математику свою классовую печать. «Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизичного. Наоборот с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное, überschwengliches (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный... Познание человека не есть (resp. не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующего класса)... А у поповщины (=философского идеализма) конечно есть гносеологические корни, она не беспочвенна, она есть пустоцвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, об'ективного, абсолютного человеческого познания» [1]. Стало быть буржуазную математику тем более нельзя просто отбросить, а необходимо реконструировать, ибо она изображает действительность,—хоть и односторонне и в искаженном виде.

Но если математика обязана своим возникновением практике, если она отображает реальные отношения и связи, заимствованные из материальной действительности (хотя отображает их в совершенно абстрактной, а в буржуазном обществе и искаженной форме),—то в таком случае она должна быть диалектичной. Ибо так называемая об'ективная «диалектика царит во всей природе» [2], и «диалектика в нашей голове есть только отображение действительного развития, которое происходит в мире природы и человеческого общества и которое подчиняется диалектическим формам» [3]. «У самого Гегеля это мистично, потому что категория у него предшествует, и диалектика реального мира оказывается ее простым отблеском» [4]. И действительно, Энгельс, как уже было сказано, считал математический анализ диалектичным, так как в него вместе с введенной Декартом переменной величиной вошло движение, а следовательно и диалектика. Гегель правильно заметил, что при этом в математику проникли новые качественные и диалектические (внутренне противоречивые) моменты, но он прошел мимо того, что подчеркивает Энгельс, именно, что в результате сама математика оказалась вынужденной, хотя и бессознательно и против воли, стать диалектичной и что поэтому диалектику развития ее основных понятий и методов следует искать в ней самой, следует внедрять в нее самое. Однако и элементарная математика совершенно так же, как формальная логика, не чепуха; она отражает нечто действительное и должна, стало быть, содержать в себе некоторые элементы диалектики. И в противоположность Гегелю Энгельс в самом деле их видит: «Число есть чистейшее известное нам количественное определение. Но оно полно качественных различий... 16 не есть просто сумма 16-ти единиц, оно также квадрат 4-х и биквадрат двух... Поэтому то, что говорил Гегель о бессмысленности арифметики неверно...» [5]. Энгельс видит уже в элементарной алгебре и арифметике «превращение из одной формы в другую, противоположную», при чем это превращение «вовсе не праздная игра, а «один из самых могучих рычагов математического знания, без кото-

[1] Ленин, К вопросу о диалектике, 1915—1916 г.
[2] Энгельс, Диалектика природы.
[3] Энгельс, Письмо Конраду Шмидту, 1 ноября 1891 г.
[4] Энгельс, Диалектика природы.
[5] Там же.

рого в настоящее время нельзя произвести ни одного сколько-нибудь сложного вычисления»[1]).

Маркс не только видел, в согласии с Гегелем, полную несостоятельность всех усилий дать формально-логическое обоснование анализа, а также и ребяческую наивность попыток обосновать его на чувственном созерцании, на графических методах и т. д., он не только отстаивал диалектику в математике, и особенно в анализе, но более того — он сделал самостоятельную попытку построения диалектического фундамента математики, опирающегося на единство исторического и логического момента При этом Маркс не ставит себе задачей,—мы об этом уже вскользь упомянули выше,—свести анализ к арифметике, как это впоследствии пытались сделать, начиная с Вейерштрасса, математики, стоящие на точке зрения теоретико-множественного обоснования анализа, которые пришли, несмотря на все их заслуги в смысле более углубленной постановки математических проблем, к известным парадоксам теории множеств, разрушившим все построенное ими с этой целью не только математическое, но и логическое здание. Маркс хочет показать, как из самой элементарной математики, на ее собственной почве вырастает существенно новое диференциальное и интегральное исчисление, которое является[2]) «своеобразным способом исчисления, уже самостоятельно оперирующим на своей собственной почве», так что «алгебраический метод сам собой переходит в противоположный ему диференциальный метод».

Так же, как и Гегель, Маркс высоко ценит работы Лагранжа по обоснованию диференциального исчисления. Однако его понимание Лагранжа глубоко отличается от гегелевского. Гегель, как мы видели, понимает Лагранжа согласно обычному упрощенному толкованию, для которого Лагранж—типичный формалист и конвенционалист, вводящий в математику основные понятия анализа чисто внешним и произвольным образом. Маркс же ценит в нем как раз обратное, именно то, что Лагранж вскрывает связь анализа с алгеброй, что он показывает, как анализ вырастает из алгебры. «Действительные и потому простейшие связи нового со старым, — пишет Маркс, — открываются всегда к тому времени, когда новое само уже приняло внутренне закругленную форму, и можно сказать, что диференциальное исчисление приобрело такой вид благодаря теориям Тейлора и Маклорена. Поэтому лишь Лагранжу выпало на долю свести диференциальное исчисление к чисто алгебраической основе». Однако Маркс упрекает в то же время Лагранжа за то, что он просмотрел диалектический характер этого развития и задержался слишком долго на почве алгебры, умалив значение собственных закономерностей, собственных методов анализа: «в этом отношении им следует пользоваться только как исходным пунктом». Таким образом Маркс как подлинный диалектик борется и здесь на два фронта: как против чисто аналитического сведения нового к старому, столь характерного для механистической методологии XVIII века, так и против чисто синтетического введения нового извне, которое характерно не только для гегелевской точки зрения на математика, но и для современного интуиционизма, признающего принцип математической индукции за то новое, что приходит извне, и уничтожающего таким образом переход между логикой и математикой. Если для Гегеля однако это новое, которое лишь чужаком могло входить в математическую теорию, было все же заимствовано из внешнего мира, из практики, то для современного математического идеализма его источником снова является лишь кантовское наглядное созерцание—пресловутая интуиция. Буржуазная наука в эпоху империализма идет в своих методологических установках не вперед от Гегеля к Марксу, Энгельсу, Ленину, а назад.

---

1) Энгельс, Диалектика природы.

2) Здесь и в дальнейшем мы цитируем по упомянутым в начале этой статьи математическим рукописям Маркса Э. К. и С. Я.

Из материалистически-деалектического взгляда на математику как на хоть и крайне абстрактное, но все же отображение законов движения материальной действительности следует, что диалектический материализм должен оценивать роль математики гораздо выше, чем Гегель. Энгельс специально подчеркивает, что для «диалектического и вместе с тем материалистического понимания природы необходимо знакомство с математикой» [1], причем он не упускает из виду трудности ее применения в разных отраслях знания и особенно отмечает, что «лишь диференциальное исчисление дает естествознанию возможность изобразить математически процессы, а не только состояния» [2]. Возрастающие трудности, создаваемые для математики сложными формами движения и накапливающиеся скачками при переходе от механики к физике, от физики к химии, от химии к биологии и далее к общественным наукам, не отрезывают однако с точки зрения диалектического материализма, всякий путь к использованию математики в этих более сложных областях и оставляют даже надежду, что можно будет «математически определить основные законы капиталистических экономических кризисов» [3].

Из того, что диалектический материализм рассматривает диалектику понятий лишь как сознательный рефлекс диалектического движения действительного мира, что для него эта связь, определение идеального материальным, теории практикой, есть высшая руководящая инстанция, следует, что его точка зрения на дальнейшее развитие науки вообще, значит в том числе и математики, диаметрально противоположна гегелевской точке зрения. В то время, как Гегель пытается только обосновать наличное математическое знание, задача диалектического материализма — в преобразовании, в сознательном изменении, в реконструкции науки на основе руководящей роли практики. Эта основная установка, которая резко отличает марксизм-ленинизм как от философии Гегеля, так и от всех других идеалистических и эклектических направлений, дает нам возможность видеть новые пути развития отдельных наук, предохранить науку от застоя и упадка.

Современная наука, естествознание, математика капиталистических стран охвачены, подобно всей экономической и социально-политической системе капитализма, тягчайшим кризисом, небывалым по своей глубине и размерам. Этот кризис науки, который сам по себе служит лучшим аргументом против широко распространенного, хотя и совершенно несостоятельного взгляда, будто естествознание не зависит ни от философии, ни от политики, поражает прежде всего философские основы буржуазной науки. Безнадежность и паника, овладевшая умами господствующего класса в общественной области, отражаются в науке в виде бегства большинства ученых в объятия мистики, между тем как «небольшая часть... буржуазных идеологов, поднявшихся до теоретического понимания всего исторического движения... переходит к революционному классу» [4], стремится усвоить и провести в науке его мировоззрение и методологию, т. е. материалистическую диалектику и испытывает естественную тягу к науке победоносного революционного пролетариата. Развивающаяся математика не укладывается в рамки идеалистической философии, посягающей на самое содержание науки, требующей отсечения ряда ее достижений (напр. требование Кронера отказаться от иррациональных чисел, Вейля—от доказательств существования и т. д.). Более того. Современный всеобщий кризис капитализма отнимает у математики материальные средства и рабочие силы, обостряет ее отрыв от практики, ее стихийность и бесплановость, создавая все большую опасность, что самое

1) Энгельс, Диалектика в современном естествознании, 1885 г.
2) Энгельс, Заметки 1881—1882 г.
3) Маркс, Письмо Энгельсу, 31 мая 1873 г.
4) Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест.

орудие научной теории притупится и утратит способность решать проблемы практической жизни.

Так напр. Бутру [1]) исследует пути, которыми современный математик приходит к выбору своих тем, и его безотрадный вывод гласит, что подавляющее большинство новейших математических работ состоит из исправлений, расширений и воспроизведений более старых работ других математиков. Вызывавший уже недовольство Лейбница метод математического исследования, приводящий к чрезмерному обилию статей и к «dégoûter de la science» («отвращение к науке»), продолжает господствовать до сих пор и во все более сильной степени. Бутру находит однако, что никаких других путей математикам указать нельзя и что им остается только полагаться и впредь на «Tendence generale de la science de leur temps» («общие тенденции современной науки»). Причина этого печального положения в принципиальном отрыве теории от практики, свойственном идеалистическому мышлению, в том клейме бесплановости, которым запечатлено все капиталистическое общество в целом. Только философия, ставящая себе целью адэкватно отобразить материальную действительность, может явиться для науки надежным маяком, предохраняющим ее от мертвящего отрыва от практики, отрыва от «вечно зеленого дерева жизни». Только плановый принцип, проведение которого несовместимо с частной собственностью на орудия производства, с диктатурой меньшинства над большинством, может спасти науку от вырождения в пустую абстракцию и, развязав дремлющие в народных массах силы научных дарований, привести ее к новому, небывалому расцвету.

Наука Советского союза, и в том числе советская математика, сильна именно тем, что материалистическая диалектика Маркса—Ленина служит ей путеводною нитью, что социалистические принципы планирования, в свою очередь претворяющие в жизнь учения диалектического материализма, дают ей директивы, что новые, все возрастающие в своей численности кадры пролетарского студенчества, выделяющие из себя свежие научные силы, являются ее носителями. Выполнение пятилетнего плана, электрификация Советской страны, проведение новых железных дорог, создание гигантских металлургических заводов, угольных копей и т. д., индустриализация коллективизированного сельского хозяйства, строительство социалистических городов, политехнизация школы и ликвидация технической безграмотности — все это ставит перед математикой множество задач, которые могут быть успешно разрешены и могут оказать плодотворное действие на дальнейшее развитие математической теории при условии плановости в работе, при коллективном участии всех ее отраслей в общем труде, под руководством единственно научной методологии материалистической диалектики.

[1]) Boutroux, L'idéal scentifique des mathématiciens, 1920.

Борьба на два фронта в философии и гегелевская диалектика

П. Юдин

Вопрос об отношении к диалектике Гегеля имеет непосредственное и важное отношение к материалистической диалектике. Ленин писал, что источниками марксизма были английская политическая экономия, с одной стороны, французский социализм, с другой стороны, и немецкая классическая философия — с третьей. Как видите, вопрос об источниках марксизма, вопрос об отношении к классическому немецкому идеализму в частности и вопрос об отношении к Гегелю в особенности являются актуальными вопросами и в настоящее время. Ни Маркс, ни Энгельс никогда не отрицали того, что они были учениками Гегеля.

В 1873 г. в послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс отметил, что в то время как вся образованная Германия третировала Гегеля, как «мертвую собаку», он, Маркс, «открыто заявил себя учеником этого великого мыслителя». Маркс и Энгельс видели историческую заслугу Гегеля в том, что он, как никто другой до него,—правда, в крайне абстрактной форме и на идеалистической основе,— разработал теорию диалектики.

Диалектика Гегеля является синтезом всей предшествующей философии, синтезом, хотя и на идеалистической основе, всего предшествующего знания. Существо противоречий гегелевской философии состоит совсем не в том, как думают некоторые, что, с одной стороны, у Гегеля была идеалистическая система, а с другой—диалектический, подразумевая при этом материалистический, метод. И система Гегеля, и метод гегелевский от начала до конца идеалистические. Суть противоречий состоит в том, что идеализм, даже диалектический, не мог быть последовательным в решении коренных вопросов бытия, в решении коренных вопросов соотношения бытия и мышления, в объяснении основных законов внешнего мира. Гегель лишь смутно угадывал действительные противоречия вещей, выражая это в мистической форме. Противоречия таким образом сводятся к тому, что гегелевская идеалистическая система вступила в конфликт с тем рациональным, что было в гегелевской диалектике.

Гегелевская диалектика есть идеалистическая диалектика. Отсюда и вытекается коренное расхождение Маркса с Гегелем. В основе гегелевской диалектики лежит саморазвитие вечно существующего понятия,— абсолютного духа, который проходит ряд ступеней в своем саморазвитии. И наконец достигает самопознания. Исходным же пунктом диалектики Маркса и Энгельса является признание об'ективного материального мира, существующего независимо от человеческого сознания.

Энгельс в рецензии на «Критику политической экономии» Маркса писал: «С одной стороны, имелась гегелевская диалектика в той совершенно абстрактной форме, в которой оставил ее после себя Гегель. С другой стороны, обычный, снова сделавшийся модным, по существу вольфовски-мета-

физический метод... Гегелевский метод в той форме, в какой он находился, был совершенно негоден. Он был по существу своему идеалистическим, а здесь требовалось развитие мировоззрения, которое было бы более материалистичным, чем все предыдущие. Он исходил из чистого мышления, а здесь надо было исходить из самих упрямых фактов. Метод, который, по собственному признанию, «из ничего через ничто пришел ни к чему», был в таком виде здесь не у места... Прежде всего надо было следовательно подвергнуть гегелевский метод основательной критике».

В послесловии ко 2-му изданию «Капитала» Маркс также писал, что его метод в корне отличен от гегелевского метода и составляет его прямую противоположность. И эту противоположность Маркс опять-таки видит в том, что если для Гегеля исходным пунктом был абсолютный дух, понятие, идея, то для него исходным пунктом является об'ективный материальный мир.

В одном из писем к Кугельману Маркс пишет:

«Он (Дюринг) знает очень хорошо, что мой метод исследования не тот, что метод Гегеля, ибо я материалист, а Гегель—идеалист» [1]).

Вот эту сторону вопроса о соотношении диалектики Гегеля и диалектики Маркса не всегда понимают, и особенно не понимают ее меньшевиствующие идеалисты. Когда Деборин, Карев и др. пишут о диалектике Гегеля и диалектике Маркса, то для них само собой подразумевается, что Маркс заимствовал диалектику Гегеля, заимствовал в том виде, в каком она была у Гегеля. Но Энгельс неоднократно подчеркивал, что Гегель извращал диалектику. Он писал: «Извращение диалектики у Гегеля основано на том, что она должна быть у него «саморазвитием мысли» и поэтому диалектика вещей — это только ее отблеск. А на самом деле диалектика в нашем мышлении — это только отображение действительного развития, которое совершается в мире природы и человеческого общества и подчиняется диалектическим формам» [2]).

В другом месте Энгельс писал:

«Ошибка заключается в том, что законы эти не выведены из природы и истории, а навязаны последним как законы мышления».

Деборин в своей статье «Маркс и Гегель» пишет, что «даже у Гегеля диалектика выведена из законов развития внешнего материального мира». Тем самым Деборин коренным образом извращает действительное положение вещей и стирает грани между идеалистической диалектикой Гегеля и материалистической диалектикой Маркса, Энгельса и Ленина. «У Гегеля,— пишет Энгельс,—в диалектике наблюдается то же самое извращение всех реальных отношений, как и во всех прочих частях его системы» [3]).

Таким образом для основоположников марксизма-ленинизма является совершенно бесспорным то, что идеалистическое извращение имеется не только в системе Гегеля, но и в его методе. Встает вопрос, как же они все-таки решали вопрос о соотношении диалектики Гегеля с их диалектикой. Решение этого вопроса для меньшевиствующих идеалистов сводится к тому, что, мол, Маркс позаимствовал диалектику у Гегеля, что диалектика Гегеля вошла составной частью в марксизм. Карев в одной из своих статей в журнале «Под знаменем марксизма» за 1924 год писал, что «марксизм составлялся (так он пишет.—*П. Ю.)*, с одной стороны, из диалектики Гегеля, с другой — из материализма Фейербаха». Выходит так, что Маркс и Энгельс просто взяли диалектику Гегеля и материализм Фейербаха, соединили их и получился диалектический материализм. Совершенно иначе решали этот вопрос основоположники марксизма. Энгельс писал: «Гегелевская диалек-

[1]) Маркс, Письмо к Кугельману, стр. 101—102.
[2]) Письмо Энгельса к К. Шмидту от 1/XI 1891 г.
[3]) Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 342.

…так относится к рациональной диалектике, как теория теплорода к …ческой теории теплоты, как теория Флогистона к теории Лавуазье» [1]).

Энгельс этим указывает на историческое место гегелевской диалек… в развитии человеческого познания, рассматривая гегелевскую диалек… как необходимую ступень в этом историческом развитии. Но в диа… материалистической, в диалектике Маркса и Энгельса эта истори… ступень является уже превзойденной: она снимается как превзойден… момент, не включается, не входит составной частью в диалектику Марк… подвергается коренной переработке на материалистической основе, т. е. это принципиально иная диалектика.

Но таким решением вопроса Энгельс отметает и ту вульгарную, упро… постановку проблемы, которую дают механисты. Для механистов все … в том, что идеалистическая диалектика отметается, отбрасывается, как … как нечто ненужное. Марксизм-ленинизм отвергает эту точку зрения. … не просто отбрасывает ту или иную философскую систему, а критически ее … тем самым поднимаясь на более высокую ступень по сравне… с предыдущей философской системой. В противоположность гегелевской … диалектике, диалектика Маркса-Энгельса исходит из приз… реально существующего внешнего мира и об'ективных законов этого … мира, отражающихся в нашем сознании. Энгельс пишет: «Моя … была не в том, чтобы внести диалектические законы в природу извне, … в том, чтобы найти их в ней и из нее их развить» (там же, стр. 11). «Диа… ведь представляет из себя не более, как науку о всеобщих законах … и развития природы, человеческого общества и мышления» (там же, стр. 141). «Диалектика есть наука о наиболее общих законах всякого раз…» (там же, стр. 344). И когда марксизм-ленинизм подходит к вопросу … категориях материалистической логики, то он подходит именно с той … зрения, что законы логики, категории логики есть лишь отра… в нашем сознании законов самого об'ективного, реального мира. Эн… пишет, что в основе бытия и в основе сознания лежат общие законы, … законы. Ленин писал: «Логика есть учение не о внешних формах …, а о законах развития «всех материальных, природных и духов… вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания …, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира» [2]). Ленин указывает, … логика и теория познания должны быть выведены из развития всей … природы и духа. «Категории надо выводить, а не произвольно или … взять, не «рассказывая», не «уверяя», а доказывая» [3]).

Ленин со всей решительностью подчеркивает, что речь идет о диалек… самих вещей, самой природы, самого хода событий. Когда деборинцы, … идеалисты трактуют вопрос о категориях материалисти… логики, то они исходят по существу из гегелевского решения этого … согласно которому получается, что логика есть лишь учение о … мышления и что категория логики привносится в об'ективную дей… разумом.

Деборин в своем «Введении» к первому тому собрания сочинений Ге… так и пишет: «категории имеют своей задачей обобщение и установле… отношений, связи и порядка явлений» (стр. XIX).

Марксу и Энгельсу еще при жизни пришлось вести борьбу с вульгарным … материалистической диалектики, с вульгарным пониманием диа… Гегеля. В «Нищете философии» Маркс со всей решительностью, со … последовательностью разоблачает, как пользование абстрактными кате…

[1]) Архив Маркса-Энгельса, т. II, стр. 133.
[2]) Лен. сб. IX, стр. 41.
[3]) Там же, стр. 48.

гориями гегелевской диалектики приводит Прудона в идеалистический тупик, как Прудон, пользуясь диалектикой Гегеля, не умея ее материалистически понять, по существу не выходит за пределы идеализма. В «Анти-Дюринге» Энгельс дает решительную и последовательную критику вульгарного, позитивистского понимания материализма и сплошного вульгарного отрицания диалектики.

Если сейчас поставить вопрос о том, что нового, принципиально нового и принципиально иного дают современные ревизионистские течения в области философии,— механисты, с одной стороны, и меньшевиствующие идеалисты, с другой,— то надо со всей решительностью и определенностью заявить, что ни механисты, ни меньшевиствующие идеалисты ничего принципиально нового не вносят. Наши механисты остаются на позициях механистов домарксистского материализма и на позициях материализма Дюринга. Меньшевиствующие же идеалисты по существу остаются на позициях гегелевской идеалистической диалектики. Они только приносят ряд современных, опосредствующих моментов, искажают достижения современной науки, современного естествознания, современного учения об обществе, учения Маркса и Ленина, искажают и то, что мы имели до Маркса, т. е. извращают и старое и новое. Разница также еще в том, что их питает иная социальная быза, иные классовые условия. Что же касается принципиальной постановки вопроса, то здесь они решительно ничего нового не дают.

Возьмем отношение механистов к диалектике Гегеля. Прежде всего надо оговориться: нельзя представлять дело так, что механисты и меньшевиствующие идеалисты до конца и во всем расходятся. Расходясь в основных исходных пунктах в отношении диалектики Гегеля и, с другой стороны, диалектики Маркса, они тем не менее в ряде весьма существенных вопросов сходятся и даже можно сказать переходят друг в друга. Для механистов характерно сплошное вульгарное отрицание Гегеля. Они не понимают существа взаимоотношения диалектики Гегеля и диалектики Маркса. Аксельрод в своей книге «В защиту диалектического материализма» пишет: «Вошедшая в диалектический материализм диалектика Гегеля связана теснейшим образом с мистическими и абсолютно идеалистическими основами этой системы». Следовательно для Аксельрод так же, как и для Деборина, диалектика Гегеля в х о д и т в философию марксизма, сохраняясь в марксизме «с мистическими и абсолютно идеалистическими основами этой системы». Механисты не в состоянии со своих позиций преодолеть Гегеля, и когда они пытаются поставить перед собой проблему — как же Маркс, Энгельс, Ленин решают вопрос о соотношении гегелевской диалектики и диалектики Маркса, — они по существу принимают диалектику Гегеля в том виде, как она дана Гегелем. Эклектизм механистов достигает здесь крайних пределов: вульгарно отрицая диалектику вообще, с одной стороны, с другой — они целиком отождествляют диалектику Гегеля с диалектикой Маркса.

Сарабьянов пишет: «Мы, материалисты, считаем, что об'ективный идеализм в целом, например, Гегеля, есть не что иное, как непоследовательный материализм. И действительно, стоит только из гегелевской схемы (идея — немыслящая материя — мыслящая материя) выкинуть первое звено, ничем не мотивированное идеалистами, просто декретированное, доказательству не подлежащее,—и останется доподлинный материализм»[1]). Мы видим, что с позиций механистического материализма невозможно понять истинного взаимоотношения диалектики Маркса и диалектики Гегеля. Сарабьянов приходит здесь по существу к такому же приятию Гегеля, как и деборинцы.

Для деборинской трактовки материалистической диалектики и ее основного закона характерно то, что Деборин по существу принимает геге-

---

[1]) Сарабьянов, Введение в диалектический материализм, стр. 11—12.

...ную схему ступеней познания. Он говорит, что в начале существует тождество, затем различие и только после этого возникает противоречие.

Интересно, что Аксельрод, стоявшая на позициях вульгарного материализма и в ряде мест в основном отрицающая материалистическую диалектику, выбрасывающая целиком за борт Гегеля, в сущности развивает примерно такую же схему. Она пишет: «Исходный пункт — единство, следующий — единство противоположностей, и третья фаза — борьба противоположностей» [1]).

Не понимая и отрицая диалектику, механисты заменяют диалектику Маркса-Энгельса-Ленина ползучим эмпиризмом и буржуазным позитивизмом. Они становятся на точку зрения всеобщего сведения всех сложнейших форм движения материи к самым простейшим. Сарабьянов пишет, что «сведение и есть нахождение общего в бесконечном разнообразии». Став на точку зрения всеобщего сведения, механисты приходят к пресловутой теории равновесия, которая и является для них основной методологической категорией. Бухарин, Сарабьянов и все механисты в целом, став на позицию теории равновесия, об'ективно в наших условиях являются главными поставщиками методологической базы правого уклона.

Возьмем политические взгляды Бухарина, хотя бы его теорию мирного врастания кулака в социализм. Теория Бухарина о врастании кулака в социализм целиком построена, с одной стороны, на отрицании материалистической диалектики Маркса-Энгельса-Ленина, а с другой стороны, на механистическом понимании диалектики. Как он рисует себе врастание кулака в социализм? В книжке «Рабоче-крестьянский блок и путь к социализму» Бухарин пишет: «С одной стороны, существует среда кооперативная, с другой стороны, существует частнокапиталистическая система, кулацко-кооперативные гнезда», и кулаку все равно из этой системы некуда податься. Бухарин устанавливает известные моменты равновесия между системой и средой и уверяет, что путем приспособления к среде кулацкие кооперативные гнезда целиком войдут в социализм.

Материалистическая диалектика учит, что мир надо изучать в процессе движения, в процессе развития, что мир надо изучать, как процесс, как движение, как развитие. Из теории же равновесия, к которой приходят механисты, следует, что мир надо изучать, как покой, как момент равновесия, т. е. изучать не то, как мир движется, а как он не движется, не развивается.

Посмотрим теперь, какое понимание материалистической диалектики дают меньшевиствующие идеалисты. Деборин в своей книге «Введение к философии диалектического материализма», вышедшей недавно еще одним изданием, пишет:

«Таким образом диалектический материализм заключает в себе в качестве подчиненных моментов и феноменализм с его психологическим методом, и трансцендентальный идеализм... и метафизический идеализм»... Диалектический материализм, словом, примиряет и об'единяет в высшем философском синтезе все течения философской мысли и представляет собою результат развития всей новой философии» (стр. 229).

Диалектический материализм по Деборину — это нечто вроде закрытого распределителя, где имеется все. Там и феноменализм, и трансцендентальный идеализм, и метафизический идеализм,—и все это об'единяется в высшем философском синтезе диалектического материализма. Конечно при таком понимании диалектики Маркса и Энгельса можно всех об'явить диалектическими материалистами. Так Деборин и поступает.

Что собой представляют деборинские писания по истории философии? С одной стороны, каждого мыслителя XIV, XV, XVI, XVII и XVIII веков ста-

[1]) Аксельрод. В защиту философии марксизма, стр. 215.

раются подогнать под материалистов-диалектиков. Вся история философии в освещении Деборина представляет собой искажение действительных исторических предпосылок, исторических корней философии Маркса и Энгельса. Поднимая всех предшествующих мыслителей до уровня диалектического материализма, деборинцы тем самым снижают и умаляют значение философии марксизма.

Для деборинской трактовки диалектики характерно то, что диалектику деборинцы понимают как абстрактную науку, как чистую методологию. Деборин пишет:

«Диалектический материализм представляет собой синтез диалектического метода с материалистическим пониманием природы и истории» [1]). «Для всякого революционного марксиста является аксиомой, что диалектика представляет собою всеобщий метод познания природы, истории и человеческого мышления» [2]). Диалектика же как целое и есть не что иное, как общая методология и является вместе с тем теоретической наукой, теорией научного знания вообще» (там же, стр. 3). «Диалектика таким образом представляет собой всеобщую методологию. К методологии и сводится в основном содержании и предмет философии как особой науки» (там же, стр. 31).

Это — абстрактная методология, оторванная от всякого конкретного содержания, чуждая всякому конкретному содержанию, это — законченная система логических категорий, самих в себе существующих, самих в себе развивающихся. «Научная логика, — пишет Деборин, — имеет дело с категориями в их подлинной чистоте... Освобождение или отделение логических категорий от конкретного предметного содержания делает возможным превращение логики в самостоятельную науку» [3]). Деборин здесь просто-напросто слово в слово повторяет Гегеля, который говорил, что потребность предаться чистому рассмотрению предполагает чистую историю и т. д. Все это — перепевы гегелевского идеализма. По Гегелю, «Логику следует понимать как систему чистого разума, как царство чистой мысли». Такова сущность деборинской трактовки диалектики.

Неудивительно после этого, что Деборин чрезвычайно последовательно, — надо отдать ему справедливость в этом отношении, — проводит во всех своих работах ту мысль, что исходным пунктом диалектики Маркса является диалектика Гегеля. Он пишет: «Потребность в теории материалистической диалектики, во всяком случае, давно назрела. Гегелевская «Логика» вполне удовлетворить эту потребность не может, но она должна служить исходным пунктом и для материалистической диалектики [4]).

Гегелевская диалектика с ее идеалистической основой должна служить исходным пунктом и для материалистической диалектики!

Вслед за этим утверждением Деборин весьма последовательно говорит о том, что все разделы гегелевской «Логики» не нуждаются в сколько-нибудь существенной переработке и что вся переработка гегелевской «Логики» должна свестись к частичным поправкам. «Если отвлечься от указанных нами основных недостатков гегелевской «Логики», — пишет он, — то мы должны признать, что в общем гегелевское построение надо считать правильным и с материалистической точки зрения» (стр. V). «Что касается учения о бытии и сущности, то нам представляется, что эти два отдела не нуждаются в радикальной переработке в смысле устранения тех или иных отдельных частей» (стр. LXVIII). «Прежде всего не подлежит сомнению, что структура гегелевской «Логики», поскольку она касается взаимного отношения бытия и сущ-

---

[1]) Деборин, статья в т. I Архива Маркса и Энгельса, стр. 14.
[2]) Деборин, Диалектика и естествознание, стр. 1.
[3]) Вступительная статья к т. I. Собр. сочин. Гегеля, стр. XVII.
[4]) Там же, стр. CIII.

ности, в общем должна быть признана вполне соответствующей действительному ходу процесса познания» (стр. LXIX). «С нашей точки зрения категории бытия развиты Гегелем почти с исчерпывающей полнотой, так что они не нуждаются, пожалуй, в серьезной переработке». (LXX). «Не имея возможности остановиться на категориях действительности, считаем, однако, необходимым подчеркнуть, что и эта часть «Логики» Гегеля не может вызвать принципиальных возражений, поскольку речь идет об ее общей структуре, а не о тех или иных частностях» (стр. LXXXIX).

Только частности могут вызвать возражения, основные же гегелевские категории бытия, сущности, действительности принимаются Дебориным без каких принципиальных возражений. Поскольку речь идет об ее общей структуре, гегелевская «Логика» вполне приемлема, с точки зрения Деборина, и для материалиста.

Маркс, Энгельс и Ленин подходят к вопросу о структуре материалистической «Логики» с той точки зрения, что категории «Логики», их связь и последовательность должны отобразить в себе об'ективные закономерности, об'ективные связи внешнего мира. Гегелевскую «Логику», построенную на идеалистическом принципе, нельзя признать правильной и не нуждающейся в коренной и решительной переделке.

Характерно дальше для Деборина и то, что Гегеля он целиком старается подделать под диалектического материалиста. Деборин пишет: «Историческая точка зрения противопоставляется, таким образом, Гегелем логической точке зрения. Гегель не только не отрицает, но определенно признает, что исторически бытие предшествует сознанию... как синтез бытия и сущности».

По мнению Деборина, Гегель признает, что бытие предшествует сознанию. Что же, таким образом, остается от Гегеля идеалиста? Что остается от Гегеля, положившего в основу всей своей системы и всей своей диалектики саморазвитие абсолютного духа? Ничего. С точки зрения такого «понимания» вполне естественно утверждение Деборина, что диалектика Гегеля входит как составная часть в философию марксизма.

Поскольку в нашей печати достаточно останавливались на критике деборинского понимания отдельных категорий диалектики, то здесь мы эту сторону вопроса рассматривать не будем. Отметим лишь ту невероятную схоластику, то гегельянство, которые наполняют все работы Деборина. Деборин пишет: «Частность есть определенная общность, единичность — определенная частность. Единичность должна мыслиться как общность в ее определенной частности или особенности. Общность распадается или определяется как бесконечный ряд частных или особенных... В единичности общность вполне и исчерпывающе определила себя. Единичность есть граница, предел общности... Так как в единичном общность приобретает истинную действительность, то единичность есть также действительная всеобщность. В индивиде или в единичности снимается различие и противоположность между общностью и частностью. Именно единичность есть единство общности и частности. Такова диалектика понятия» (Деборин, Маркс и Гегель).

Деборин настолько увлекается Гегелем, настолько принимает Гегеля, что стираются грани между тем, что он сам говорит, и тем, что говорит Гегель. Но Гегель открыто заявляет, что он стоит на позициях идеализма, Деборин же говорит, что он стоит на позициях материализма и вместе с тем лишь несколько по-иному, более витиевато перелагает Гегеля.

У Маркса имеются замечательные высказывания по поводу бессодержательности и пустоты «диалектической» схоластики в гегелевском стиле. Критикуя Прудона, вскрывая идеализм и абстрактность его «абсолютного метода», Маркс пишет: «Итак, что же такое абсолютный метод? Абстракция движе-

ния. Что такое абстракция движения? Движение в абстрактном виде. Что такое движение в абстрактном виде? Чисто логическая формула движения, или движение чистого разума. В чем состоит движение чистого разума? В том, что он полагает себя; противополагает себя самому себе и слагается с самим собою, в том, что он формулируется в тезис, антитезис и синтезис, или наконец в том, что он себя утверждает, отрицает и отрицает свое отрицание. Но каким же образом полагает себя разум, каким образом он ставит себя как определенную категорию? Это уже дело самого разума и его апологетов. Но раз он поставил себя как тезу, эта теза, эта мысль, противополагаясь сама себе, разделяется на две мысли, противоречащие одна другой, — на положение и отрицание, на **да** и **нет**. Борьба этих двух заключающихся в антитезе противоположных элементов образует диалектическое движение. **Да** превращается в **нет**, **нет** превращается в **да**, **да** становится одновременно и **да** и **нет**, **нет** становится одновременно и **нет** и **да**. Таким путем противоположности взаимно уравновешиваются, нейтрализуются и парализуются. Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль — их синтезис. Эта новая мысль опять разделяется на две противоположные мысли, которые в свою очередь сливаются в новом синтезисе. Этот процесс рождения создает группу мыслей. Группа мыслей подчиняется тому же диалектическому движению, как и простая категория, и имеет в качестве своей антитезы другую, противоположную ей группу. Из этих двух групп мыслей рождается новая группа мыслей — их синтезис» [1]).

Эта характеристика, сделанная Марксом по поводу Прудона, целиком подходит и к Деборину.

Гассенди писал: «Философы скажут, что в солнце — форма и содержание, в воздухе — форма и содержание, в дожде — форма и содержание.. все имеет форму и содержание... для чего же нам стараться изучать природу?»

По существу Гассенди задолго до наших дней дал критику подобного рода схоластики.

Выше говорилось, что меньшевиствующие идеалисты и механисты, отправляясь в основном от различных позиций (деборинцы главным образом от гегельянства, тогда как механисты — от вульгарного материализма), тем не менее сходятся друг с другом в ряде важнейших вопросов. Так Аксельрод по существу солидаризируется с Дебориным в понимании отношения диалектики Гегеля к диалектике Маркса, в понимании существа законов диалектики. Деборин в свою очередь примыкает к механистам в коренном вопросе, по которому он так много и так долго спорил с механистами. Деборин все время выставлял себя борцом за философию. Механисты, мол, упраздняют философию, а он, Деборин, отстаивает ее. Посмотрим же, что пишет сам Деборин: «Умозрительные элементы вытесняются все больше чисто научными, и мировоззрение в целом приобретает ныне более научный характер. Философия обнаруживает тенденцию к слиянию с наукой. Значительная доля чисто философских вопросов поглощена уже в настоящее время положительными науками».

Энгельс, правда, в свое время писал, имея в виду идеалистическую философию, претендующую заменить собою все конкретные науки, что философия ныне все больше и больше сливается с содержанием конкретных наук. Но Энгельс, Маркс и Ленин дали вместе с тем совершенно ясное и четкое определение предмета философии. Говорить после этого, что философия ныне все больше сливается с конкретными науками, значит стоять на точке зрения механистов, на точке зрения упразднения философии диалектического материализма.

---

[1]) **Маркс**, Нищета философии, Соч., т. V, стр. 362—363.

Механисты и деборинцы много спорили между собой по вопросу о сведении. Механисты вытаскивали положение Энгельса о том, что в различных видах движения присутствует и механическая форма движения...

«Мы несомненно сведем когда-либо, экспериментальным путем, мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но исчерпывается ли этим сущность мышления?» [1]).

Взяв это положение Энгельса, механисты заявляют: теперь уже можно свести мышление к химическим и молекулярным процессам в мозгу. Деборинцы, споря с механистами, по существу стоят на другой точке зрения, на точке зрения агностицизма. Они абсолютизируют вопрос об отношении мышления и бытия, материи и сознания и ставят в сущности предел безграничной возможности развития научного познания. Правильного решения этого вопроса не дают ни механисты с их вульгарным материализмом, ни деборинцы, сползающие на позиции идеализма. Энгельс прямо говорит, что сведением человеческого мышления к химическим и молекулярным процессам в мозгу не исчерпывается сущность мышления.

Возьмем еще другой вопрос. Деборин в своей статье «Наши разногласия» пишет:

«Карл Маркс впервые показал, что общественный класс существует, движется, изменяется, переживает историю, рождается, борется и умирает, что общественный класс, словом, не отвлеченное понятие, а живое коллективное существо».

Спрашивается, чем это деборинское определение класса отличается от любого буржуазного социологического определения? Решительно ничем. Это — внеисторическое, внеконкретное, внеклассовое, абстрактное, формально-схоластическое определение. Механисты, цепляясь за это формально-схоластическое, немарксистское определение классов, критикуя за это деборинцев, сами развивают вульгарную точку зрения на понимание общественного класса, в корне искажая взгляды марксизма по этому вопросу.

Деборинцы и механисты немало спорили о причинности. К чему же сводится их взаимная критика? Механисты критикуют деборинцев с позиции грубого, вульгарного, недиалектического понимания причинности, деборинцы критикуют механистов с позиции абстрактного идеалистического понимания причинности, по существу юмовского понимания причинности.

Энгельс в свое время писал: «Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, это — взаимная связь отдельных движений, отдельных тел между собой, их обусловленность друг другом... Благодаря деятельности человека и создается представление о причинности, представление о том, что одно движение есть причина другого. Правда, одно правильное чередование известных естественных явлений может дать начало представлению о причинности: теплота и свет, получаемые от солнца, но здесь нет настоящего доказательства, и в этом смысле Юм со своим скептицизмом был прав... Но деятельность человека дает возможность проверки причинности» [2]).

Критикуя механистическое понимание причинности, деборинцы никогда не доходили до критики механистов именно с этой точки зрения, с точки зрения человеческой практики. Самую же практику они понимают по-фейербаховски, созерцательно, не действенно. Они сами оставались на позициях абстрактного идеалистического понимания причинности.

Борьба на два фронта за диалектику Маркса, Энгельса и Ленина включает также борьбу со всякого рода вульгаризаторами марксизма-ленинизма.

---

[1]) Архив М. и Э., т. II, стр. 29.
[2]) Там же.

За последнее время на теоретическом фронте мы имеем немало попыток такого вульгаризаторства. Все, кому не лень, пишут о диалектике.

Профессор Галаган решил провести диалектику в счетоведении. В своем курсе по счетоведению он пишет: «Баланс предприятия можно рассматривать и с точки зрения диалектической. Берут сразу актив и пассив баланса в целом. Актив баланса дает количественное определение предприятия, пассив баланса дает качественное определение предприятия. Таким образом актив и пассив баланса предприятия представляют из себя единство количества и качества, что носит название меры определенного явления» и т. д.

«Итоги по дебету и кредиту каждого счета дают количественную характеристику этого счета. Сальдо конечного счета проверочного баланса дает качественную характеристику. Иначе говоря, записи по дебету и кредиту какого-либо счета естественно переходят в сальдо этого счета. Таким образом в проверочном балансе имеет место переход количества в качество». Это — грубое вульгаризаторство, прямое извращение материалистической диалектики.

Имеются такие вульгаризаторы и среди естественников. А. Подгорный написал книгу «История и законы движения вселенной». Я не буду указывать на все те перлы, которые здесь имеются. Автор например пишет, что теорию Дарвина надо отбросить, что можно предположить, что с самого начала в мире было такое же количество видов, которое существует сейчас. Но вот выводы, к которым он приходит: «В результате оказалось возможным нижеследующим образом формулировать всеобщий закон движения жизни во всей вселенной. В естественном отправлении своей жизни миры вселенной вступают между собой в определенные, от их воли не зависящие отношения, отношения обмена веществ, которые для каждого мира строго соответствуют определенной ступени их развития в общем круговороте движения жизни вселенной» (стр. 49, Воронеж, 1930 г.).

Борьба на два фронта—против механистов как главной опасности и против меньшевиствующих идеалистов — включает как необходимый момент борьбу со всякого рода упрощенчеством, со всякого рода вульгаризаторством.

Борьба на два фронта в философии находится в непосредственной и прямой связи с борьбой на два фронта в области политики. Однако нельзя упрощенно понимать взаимоотношение фронтов в области философии с фронтами в области политики. Нельзя так подходить к вопросу, что раз такой-то человек является механистом в области философии, то значит он будет обязательно правым уклонистом, или что раз такое-то лицо является деборинцем, меньшевиствующим идеалистом в области философии, то он обязательно будет троцкистом, «леваком» в области политики. Нельзя так упрощенно трактовать этот вопрос. Но как правило, конечно механистическая методология является теоретической базой правого оппортунизма, а меньшевиствующий идеализм является теоретической базой всякого рода «левацких» и контрреволюционных троцкистских взглядов. Переход уклонов из области теорий в область политики имеет много опосредствований, обусловленных, как и сама теория, той или иной классовой подкладкой. Вспомним отношение Ленина к махистам, в частности к Богданову. В одном из своих писем к Горькому Ленин говорит, что начиная с 1904 года он следил за философией Богданова и что уже в первой книжке Богданова («Исторический взгляд на природу») имелось неправильное понимание марксизма. Ленин пишет: «По мере выхода в свет писания Богданова я все больше и больше убеждался в том, что Богданов все дальше и дальше отходит от диалектики Маркса». Но только после революции 1905 г., в эпоху жесточайшей реакции, теоретические заблуждения Богданова перешли в политические. И тогда Ленин

со всей решительностью выступил против политических взглядов Богданова. С его же теоретическими взглядами Ленин все время вел решительную борьбу.

И Бухарин, будучи механистом, самым последовательным и вульгарным механистом, тем не менее до поры до времени отстаивал позиции генеральной линии партии; но в конце концов его теоретические взгляды срослись и переросли во взгляды политические. Сталин поэтому правильно говорит, что правые в борьбе за генеральную линию партии были по существу всего лишь попутчиками.

Если тот или иной мыслитель свои теоретические взгляды не доводит до логического конца и не делает из них соответствующих политических выводов, то это идет уже за счет логики самого мыслителя, но ни в коем случае не за счет об'ективного хода вещей, не за счет об'ективного значения этих теоретических взглядов.

Борьба на два фронта в истории партии составляет один из коренных моментов борьбы пролетариата за пролетарскую революцию, борьбы партии за овладение массами. На всех крутых поворотах истории Ленину приходилось выступать то против прямых предателей партии рабочего класса (ликвидаторы, экономисты), то против завуалированных предателей, идущих якобы с левых позиций против линии партии, против интересов революционного пролетариата. Все работы Ленина от начала до конца пронизаны идеей борьбы на два фронта. Возьмите любой вопрос в любую эпоху,—Ленин никогда не упускает из виду обеих опасностей. Несмотря на то, что на первый план выступает то одна, то другая опасность, — всегда и на всех этапах Ленин ведет последовательную борьбу на два фронта.

После Ленина разработка вопросов материалистической диалектики нашла и находит наибольшее и блестящее выражение в работах т. Сталина. Если подойти к работам т. Сталина с точки зрения разработки категорий материалистической диалектики, то мы увидим, какое громадное значение они имеют и с этой стороны. Основным законом материалистической диалектики является закон единства и борьбы противоположностей. Взглянем в свете этого коренного закона диалектики на данный т. Сталиным анализ современного капитализма, анализ международного положения. Т. Сталин анализирует отношения внутри капиталистических стран, между капиталистическими странами, между метрополиями и колониями, между капиталистическими странами и СССР. Переходя к анализу классовых отношений в СССР, т. Сталин также оперирует основным законом диалектики Маркса — Энгельса — Ленина. Сущность ленинского этапа в развитии марксизма заключается в том, что Ленин изучил и обобщил новые закономерности в области общественных отношений. Империализм есть новая фаза в развитии капитализма, а ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Ленин изучил и обобщил также и то новое, что дало развитие естествознания за время после Энгельса. Тем самым Ленин двинул дальше разработку материалистической диалектики, потому что материалистическая диалектика есть не что иное, как отражение закономерностей об'ективного мира. А т. Сталин, изучая в наших условиях новые закономерности, то новое, что дает развитие классовой борьбы после Ленина, в эпоху всеобщего кризиса капитализма, в эпоху победы социализма в нашей стране, тем самым дает дальнейшую разработку основных законов материалистической диалектики.

Возьмем с этой точки зрения борьбу т. Сталина на два фронта. За «левой» видимостью т. Сталин вскрывает правую сущность троцкистов. Категории сущности и явления находят новую разработку и дальнейшую конкретизацию в наших условиях в борьбе Сталина на два фронта. Учение о соотношении всеобщего и особенного, учение о сведении, разработанное

Лениным, продолженное после Ленина Сталиным, представляет собою лучший пример действительной, подлинной разработки материалистической диалектики.

Наконец последнее письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» имеет громадное теоретическое значение, непосредственно относящееся и к вопросам философии. Возьмем следующие стороны содержания этого письма:

Во-первых, т. Сталин вновь со всей решительностью ставит вопрос о ленинском этапе в марксизме. Все пороки, все ошибки, все несчастья ряда историков состоит в том, что они до сих пор не поняли ленинского этапа в области истории. И вся прошлогодняя дискуссия у историков по существу прошла мимо этого вопроса. Она шла поэтому в значительной степени на холостом ходу. Историки не поняли того, что Ленин вносит новое во все вопросы марксизма, в том числе и в область исторической науки.

Второй вопрос, который т. Сталин ставит в своем письме,—это проблема партийности, большевистской воинственности. Коренной особенностью ленинизма является то, что он последовательно проводит точку зрения большевистской партии, точку зрения большевистской воинственности решительно во всех вопросах теории и практики. Эти вопросы на историческом фронте точно так же не были должным образом поставлены. Отсюда гнилой либерализм, отсюда возможность того, что троцкистская контрабанда получила возможность гулять в течение ряда лет и проникла в писания даже таких большевиков, как т. Ярославский.

И еще один вопрос необходимо нам, работникам в области философии, поставить перед собой в связи с письмом т. Сталина. Тов. Сталин упоминает об «архивных крысах», которым не важно, что делается в действительности, как развертывается действительная борьба, и которых интересует только то, что в бумажке написано. Маркс в своей критике «Философии права» Гегеля писал, что «нас интересует не дело логики, а логика дела». Сталин со всей решительностью, со всей четкостью и ясностью ставит этот вопрос. И для него марксистская диалектика — не дело логики, а логика дела

Задача в области марксистско-ленинской философии заключается в дальнейшей разработке материалистической диалектики. Мы не согласны с утверждением деборинцев о том, что у нас до сих пор еще нет теории материалистической диалектики и что перед нами только стоит задача ее создать. Материалистическая логика в основном дана в произведениях Маркса — Энгельса — Ленина. Перед нами стоит задача дальнейшей ее разработки на основе нового материала, на основе новых закономерностей в области естественных наук и общественных явлений. Эта задача со всей прямотой и ясностью поставлена в философском завещании Ленина, в его письме в редакцию «Под знаменем марксизма». Мы должны изучать закономерности классовой борьбы, изучать опыт пролетарской революции, опыт строительства социализма. Мы должны материалистически перерабатывать Гегеля. Эта дальнейшая работа в области материалистической диалектики невозможна без последовательной борьбы, с одной стороны, против тех, кто огульно вульгарно отвергает всякую диалектику и заменяет ее буржуазным позитивизмом, как это делает Аксельрод, писавшая, что «материалистическая диалектика от начала до конца эмпирична», а с другой стороны, против тех, кто под видом разработки материалистической диалектики пытается подменить диалектику Маркса диалектикой Гегеля. Борьба на два фронта в области философии есть коренное условие дальнейшей победы материалистической диалектики на теоретическом фронте.

Гегель и Кант

В. Вандек и В. Тимоеко

Энгельс в «Людвиге Фейербахе», давая оценку немецкому классическому идеализму, пишет: «Подобно тому, как во Франции восемнадцатого века, в Германии девятнадцатого столетия философская революция служила введением к политическому перевороту. Но как не похожи одна на другую эти философские революции! Французы ведут открытую войну со всей официальной наукой, с церковью, часто даже с государством, их сочинения печатаются по ту сторону границы, в Голландии или в Англии, а сами они нередко переселяются в Бастилию. Напротив, немцы-профессора—государством назначенные наставники юношества, их сочинения — одобренные начальством руководства, а система Гегеля — венец всего философского развития — как бы возводится даже в чин королевско-прусской государственной философии. И за этими профессорами, в их педантически-темных словах, в их неуклюжих, скучных периодах скрывалась революция».

Настоящая статья ставит своей задачей показать в историко-философском разрезе отношение философии Гегеля к философии Канта и осветить, что является общим в философских концепциях обоих мыслителей и каковы характерные особенности и существенные различия их учений.

Разбирая вопрос о преемственности между философией Канта и философией Гегеля, необходимо рассмотреть, в чем заключается гегелевская критика Канта, что воспринято Гегелем из философии Канта, что отвергнуто, преодолено, развито, преобразовано, и показать то новое, что внесено в философию Гегелем.

На идеалистическом учении обоих этих философов базируется целый ряд направлений современной буржуазной философии. Поэтому философия Канта и Гегеля не только представляет для нас интерес с точки зрения исторического развития философской мысли, но и имеет актуальное значение в нашей борьбе с буржуазией на теоретическом фронте. Философия Канта в XVIII в. была для тогдашней Германии прогрессивным явлением, и, как известно, Маркс характеризовал ее как «немецкую теорию французской революции». Если юмовский скептицизм представляет реакцию буржуазии против ее материалистического прошлого, то философия Канта отражает чаяния немецкой буржуазии, начинающей утверждать в борьбе с феодализмом свою действительность. Совершенно иначе обстоит дело с неокантианством. Современные разновидности кантианской философии являются сугубо реакционным явлением. Неокантианство — продукт упадка, заката буржуазии и деградации ее науки. Современная буржуазная философия цепляется за Канта и реставрирует его философию по той причине, что философия эта содержит в себе такие черты, которые дают теоретическое обоснование буржуазной ...

Особенно большим успехом пользуется неокантианство среди социал-фашистов, выставляющих Канта своим идеологическим знаменем.

Основные положения философии Канта сводятся к следующему: разграничение между «формой» познания и его «содержанием», учение об априорности форм познания, разрыв между вещами в себе и явлениями, утверждение непознаваемости вещей в себе, учение о «трансцендентальной» идеальности и наряду с этим об эмпирической реальности предметов познания, утверждение автономии разума и спонтанейности мышления, этический формализм, учение о примате «практического разума» и этическое обоснование религии, дуализм веры и знания. В общем и целом система Канта была антидиалектической и выражала своеобразный компромисс между материализмом и идеализмом.

«Основная черта философии Канта, — пишет Ленин, — есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений» [1]).

Кант и Гегель, стоя на общей почве идеализма, представляют два различных типа идеализма. У Канта мы имеем ярко выраженный дуализм, эклектизм с перевесом в сторону суб'ективного идеализма и с некоторыми материалистическими элементами. У Гегеля мы имеем грандиозную систему абсолютного, об'ективного идеализма, пронизанную идеалистической диалектикой. Как представители различных типов идеализма, Кант и Гегель противостоят друг другу и не могут быть соединены в одну систему, как это пытаются делать многие современные буржуазные и социал-фашистские философы.

Нужно особо подчеркнуть, что реставрация обеих систем, а также попытка их синтеза носит ярко выраженный реакционно-мистический характер, соответствующий всеобщему развалу капиталистической системы и всеобщему кризису в области идеологии.

Современное неогегельянство — явление сугубо реакционное. Особенно тесно связывается оно с фашизмом, который пытается использовать Гегеля для оправдания фашистской практики и для борьбы с марксизмом-ленинизмом, с революционной материалистической диалектикой. Так например идеолог итальянского фашизма Джентиле является неогегельянцем, при чем гегельянство его заключается в том, что он, с одной стороны, всю диалектику переносит в область суб'ективного «духа», лишая ее всякого предметного содержания, а с другой стороны, всячески раздувает наиболее реакционные стороны гегелевского учения о государстве и о нации. Государство обожествляется в качестве вечной и якобы надклассовой организации нации, в качестве абсолютной самоцели, ради которой рабочий класс обязан итти на всевозможные жертвы. Этим путем Джентиле желает доказать вечность буржуазного господства и идеологически «обосновать» фашистскую диктатуру.

Вслед за буржуазией к Гегелю обращает свои взоры и современный социал-фашизм, который подобно национал-фашистам пытается использовать реакционную сторону Гегеля для прикрытия своей гнусной буржуазной практики. Для социал-фашистов неприемлема материалистическая диалектика. Поэтому Каутский в своем двухтомнике заявляет, что в важнейших вопросах трактовки диалектики он больше согласен с Гегелем, чем с Энгельсом. А социал-фашистский министр Гримме пытается стереть всякое различие между материализмом Маркса и идеализмом Гегеля, чтобы тем самым удобнее было извратить революционную теорию революционного пролетариата.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., изд. 3-е, т. XIII, стр. 162.

Смелое и великое здание гегелевской диалектической философии выросло из критики кантовской системы под влиянием крупнейших социально-политических сдвигов, происшедших в Европе и в частности в Германии того времени. Проблемы, над которыми бьется Гегель, являются в основном теми же проблемами, которые были поставлены Кантом или вытекали из его постановки вопросов. Исходя из Канта, Гегель через Фихте и Шеллинга приходит к своей системе, которая и по содержанию и по замыслу является самым грандиозным построением в истории идеализма.

Гегель не просто предпринял отрицательную работу по критике и исправлению недостатков кантовской философии. Исправлением непоследовательности и противоречий кантовской философии в значительной степени занимались еще Фихте и Шеллинг, но наиболее глубокую критику Канта с последовательно - идеалистических позиций мы имеем только у Гегеля. Это преимущество Гегеля лежит в его идеалистической диалектике. Обосновывая свой абсолютный идеализм, Гегель никак не мог мириться с кантовской философией, раздираемой внутренними противоречиями.

Первое основное различие между Кантом и Гегелем заключается в том, что Кант был, если отбросить его «вещь в себе», в основном суб'ективным идеалистом, Гегель же — об'ективным. И Гегель и Кант как идеалисты стоят на точке зрения тождества суб'екта и об'екта. Но Гегель как диалектик видит ограниченность суб'ективного идеализма, признающего только индивидуальное, человеческое сознание. Для Гегеля было ясно, что последовательно проведенный суб'ективный идеализм приводит к солипсизму, к абсурду, к отрицанию реального внешнего мира. Чтобы спасти идеализм от нелепости солипсизма, Гегель рассматривает эмпирический мир как необходимое самоотчуждение абсолютного духа. Этот абсолютный дух (т. е., как выражается Ленин, боженька) и является для Гегеля творцом всей действительности. А единичный, конечный человеческий дух рассматривается у Гегеля как одно из проявлений абсолютного духа. Поэтому Канта Гегель критикует прежде всего с этой позиции.

Далее одной из задач Канта было обосновать религию и раз навсегда освободить ее от всяких посягательств со стороны науки. Он разграничивает эти области друг от друга и хочет отвести каждой свое место. Он так и формулирует свою задачу: «Я должен был ограничить область знания, чтобы дать место вере» [1]). Кант стремился устранить противоречие между верой и знанием и, как известно, разрешал это противоречие таким образом, что научное знание он ограничил областью явлений, а область «вещей в себе» он предоставил разумной вере, которую выводил из нравственных требований.

«Разрушая догматическую философию, — пишет Меринг, — Кант в то же время не совершил решительного натиска на религию. Он рекомендовал властям свою критику разума — именно как средство сохранить религию в народе... Кант всецело придерживался христианского дуализма, различая чистый разум и разум практический, мир эмпирический и мир интеллигибельный. Поэтому разумные духовные лица христианской церкви охотно присоединились к Канту, как например гермезианцы в католической церкви, рационалисты, а позднее ричлианцы в церкви протестантской».

Таким образом совершенно неправильно думать, будто Кант руководился «стремлением сокрушить религию в ее основаниях» [2]), как это представляется меньшевиствующему идеалисту Деборину. Только отсутствие исторического подхода и эклектизм, характерные для меньшевиствующего идеализма, способны до такой степени извратить действительность.

---

[1]) Кант, Критика чистого разума, стр. 18.
[2]) Деборин, Марксизм и философия, стр. 270.

Кант боролся против феодальной идеологии — против догматической метафизики и догматической религии. Этого требовали интересы восходящей немецкой буржуазии. Кант боролся против определенной исторической формы религии, но никак не «сокрушал ее в ее основаниях».

Гегель приходит к обоснованию религии другим путем, чем Кант. Он не согласен с теми путями, какими идет Кант. Гегель не соглашается с кантовским утверждением, что «разум не может познать истинного содержания» и что «абсолютная истина доступна только вере».

Ленин, сопоставляя этих двух идеалистов и приводя это место из Гегеля, замечает на полях своего «конспекта «Наука логики» Гегеля: «Кант ограничить «разум» и укрепить веру» [1]). В другом месте Ленин пишет: «Кант принижает знание, чтобы очистить место вере, Гегель возвышает знание, знание есть знание бога. Материалист возвышает знание материи, природы, отсылая бога и защищающую его философскую сволочь в помойную яму» [2]).

Своей «Критикой чистого разума» Кант имел в виду не только «укрепить веру», но и дать гносеологическое обоснование науки. Эту задачу Кант пытался разрешить путем соединения эмпиризма и рационализма, материализма и идеализма. Нужно особенно подчеркнуть, что вся философия Канта является дуалистической системой, и решение данной проблемы особенно выпукло иллюстрирует это. Сам Кант говорит про свою философию, что она подобна третейскому суду, который, слушая обе стороны, выносит свое примиряющее решение. Эти половинчатость и примиренческий характер не являются индивидуальными особеностями Канта, а являются отражением классового положения тогдашней немецкой буржуазии, которая вследствие экономической отсталости Германии того времени была слишком слаба для практической реализации своих революционных стремлений в борьбе с феодализмом.

Маркс пишет, что философия Канта «вполне соответствует бессилию, подавленности и ничтожеству немецких буржуа, мелочные интересы которых никогда не были способны развиваться до общих национальных интересов класса и которые благодаря этому постоянно эксплоатировались буржуазией всех остальных наций. Этим мелочным местным интересам соответствовали, с одной стороны, действительная местная и провинциальная ограниченность немецкого буржуа, с другой стороны, его чванство космополитизмом... Кант, как и немецкие буржуа, адвокатом которых он был, не замечал, что в основе этих теоретических мыслей буржуа лежали материальные интересы и воля, определенная и обусловленная материальными производственными отношениями» [3]).

В дальнейшем, когда немецкая буржуазия несколько укрепилась, ее философская идеология приобрела более решительный и уверенный характер, как это имеет место в философии Гегеля.

Основной задачей своей философии Кант ставил исследование понятия науки и проблемы возможности знания, т. е. проблемы теории познания.

Решение этой проблемы рационализмом и эмпиризмом не удовлетворяло его. Эмпиризм не мог удовлетворить Канта, поскольку в результате своего развития идеалистический эмпиризм в лице Юма пришел к признанию невозможности обоснования науки посредством опыта, к отрицанию науки, к безнадежному агностицизму и скептицизму.

Рационализм также не мог удовлетворить Канта. Признавая правоту рационализма, поскольку последний обосновывал возможность познания

---

[1]) Лен. сб. IX, стр. 53.
[2]) Там же, стр. 185.
[3]) Маркс и Энгельс, Святой Макс. Москва, 1919 г., стр. 159.

мира, об'ективную значимость познания, Кант считал традиционный рационализм бессодержательным, пустым, так как этот рационализм хотел вывести из чистого разума все разнообразие эмпирического мира, а также и все свойства мира «сверхэмпирического».

Борясь против одностороннего эмпиризма и против одностороннего рационализма, спасаясь от скептицизма Юма, Кант искал выхода в примирении эмпиризма и рационализма, в соединении априорного, независимого от опыта «принципа» познания с эмпирическим содержанием, доставляемым чувствами.

Проблему рационализма и эмпиризма Кант стремится разрешить следующим положением: «Мысли без содержания пусты, наглядные представления без понятий слепы» [1]. Однако, начиная конкретизировать это положение, Кант приходит к явно идеалистическому выводу. С одной стороны, он признает, что «наше знание начинается с опыта, ибо чем же пробуждалась бы к деятельности способность познания, если не предметами, которые действуют на наши чувства». А с другой стороны, Кант утверждает: «Хотя наше знание начинается с опыта, но из этого вовсе не следует, что оно все происходит из опыта» [2], как учат эмпирики. Согласно учению Канта априорные формы познания существуют именно для того, чтобы оформлять чувственное содержание ощущений.

Если Юм ограничивал априорное познание областью математики, то Кант воздвигает грандиозное здание априорного познания, распространяя его на всю область человеческого знания, об'являя все без исключения категории априорными, суб'ективными формами сознания и рассматривая их как логические предпосылки или условия возможности познания.

Таким образом, выступая против рационализма, Кант сам остается на почве рационализма, поскольку он принимает априорное познание, независимое от опыта по своей значимости и по своему происхождению.

Гегель, как и Кант, является рационалистом, он также бился над проблемой рационализма и эмпиризма и не мог ее правильно разрешить. Он принял кантовское отрицание эмпиризма, но вместе с тем его не удовлетворяла та форма рационализма, которую развил Кант. Гегель видел, что идеалистический эмпиризм не в состоянии отразить развития познания и развития предмета и не может показать необходимую связь явлений. Гегель в решении проблемы познания пошел дальше Канта, но не мог ее правильно решить. Гегелевский шаг вперед заключается в том, что он трактует проблему познания с точки зрения диалектики познания. Однако, будучи идеалистом, он мог только «угадать» (как говорит Ленин)— не больше чем угадать — диалектику вещей в диалектике понятий.

Основной методологический порок Канта и Юма заключается в том, что они не поняли диалектического единства всеобщего и единичного. Гегель дал диалектическое учение о взаимоотношении всеобщего и единичного, однако это учение было дано в идеалистической форме, вследствие чего получилось извращение и неверное решение проблемы. Хотя Гегель требовал, чтобы всеобщее содержало в себе единичное и особенное, но он как идеалист и вдобавок рационалист думал, что «всеобщее неслышимо и невидимо, доступно одному уму». Гегель не мог как идеалист понять диалектического перехода от ощущений к мышлению. «Сторонник диалектики, Гегель не сумел понять *диалектического* перехода *от* материи к движению, *от* материи к сознанию — второе особенно. Диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения — к мысли и т. д.» [3]).

[1]) Кант, Критика чистого разума, стр. 62.
[2]) Там же, стр. 25.
[3]) Лен. сб. XII, стр. 235

Охватить одним принципом все содержание кантовской философии, преодолеть ее дуализм и поставить во весь рост проблему диалектики, отдельные элементы которой имелись у Канта, — такова историческая задача Гегеля.

Прежде всего Гегель отбрасывает кантовское деление мира на мир явлений и мир вещей в себе. Идеализм Канта «останавливается на двойственности существования и бытия для себя», у него нет перехода вещи в себе к явлению, философия Канта «представляет себе отношение «между тремя терминами» (мы, мышление, вещи), так что мы стоим «посредине» между вещами и мышлением, что эта середина «разделяет» нас «вместо того, чтобы соединить» [1]).

Гегель как идеалист согласен с Кантом, что надо отбросить материализм, но он хочет провести идеализм последовательнее и отбросить всякий намек на материализм. Для Гегеля нет никакой нужды в делении мира на вещи в себе и явления. Гегель указывает, что кантовские вещи в себе суть те же идеи, только взятые в абстракции. Выступая против кантовской непознаваемой вещи в себе, Гегель одновременно дает сокрушительную критику, с точки зрения идеализма, суб'ективному идеализму вообще. Он доказывает несостоятельность разрыва между вещью в себе и явлением, ибо «явление есть не просто несущественное, а обнаружение сущности» [2]).

Гегель правильно критикует Канта за его разрыв между явлением и вещью в себе. Но его собственный основной порок заключается в том, что у него самого эта вещь есть та же мысль, только об'ективированная, абстрагированная от человека. Преимущество Гегеля перед Кантом заключается в том, что он был монистом. Однако его монизм был идеалистический и потому он, как и все идеалисты, берет только одну черточку действительности и превращает ее в абсолют. «Идеализм есть одностороннее, преувеличенное, чрезмерное развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный» [3]).

Из суб'ективного идеализма Канта естественным образом вытекает то, что он все свое внимание сосредотачивал на анализе суб'екта и его познавательной способности, при чем суб'ективные условия познания рассматривались им совершенно отдельно и изолированно от действительного исторического процесса познания. Здесь проявляется метафизичность Канта, который прежде, чем познавать, хотел исследовать способы и границы познания. В этом пункте Гегель особенно резко отличается от Канта. Он дал беспощадную и меткую критику такой постановки вопроса. Он показал, что границы познания познаются в самом процессе познания. Гегель пишет: «Есть несомненно верная мысль в том, что мы должны сделать предметом познания сами же формы мышления. Но здесь же прокрадывается ошибочная мысль, что мы должны познавать до того, как приступим к познанию, что мы не должны войти в воду раньше, чем научимся плавать. Нет сомнения, что не надо пользоваться формами мышления, не подвергнув их исследованию. Но само это исследование есть уже познание. В познании, следовательно, должны соединиться друг с другом деятельность форм мышления и их критика» [4]).

Далее Гегель подверг беспощадной критике кантовский разрыв между формой и содержанием. Кант проблему рационализма и эмпиризма разрешил таким образом, что опыт доставляет материал, а разум — форму, что зако-

---

[1]) Лен сб. XII, стр 37.
[2]) Лен. сб. IX, стр. 187.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 304.
[4]) Гегель, Малая логика, стр. 85.

мерность вносится в мир рассудком. Рассудок, по Канту, есть законодатель природы. Ошибка Канта, пишет Ленин, в том, что «конечный, преходящий, относительный, условный характер человеческого познания (его категорий, причинности и т. д.) Кант принял за субъективизм, а не за диалектику идеи (самой природы), оторвав познание от об'екта» [1].

Поэтому Кант и не мог показать перехода категорий друг в друга. Категории для Канта не являются отражением об'ективного мира, а только субъективными формами рассудка, данными в готовой форме и раз навсегда. Идея развития совершенно отсутствует в «Критике чистого разума» Канта, являющейся евангелием современных социал-фашистских «теоретиков».

Противоположность между Кантом и Гегелем — это противоположность между дуализмом и идеалистическим монизмом. Конечно настоящий монизм представляет собою только диалектический материализм, поскольку настоящая, до конца проведенная диалектика несовместима с идеализмом. Поэтому Гегель и не смог до конца преодолеть кантовского дуализма. Этого не понимали меньшевиствующие идеалисты. Они ставили знак равенства между идеалистическим монизмом и материалистическим. Им казалось достаточно поставить на место гегелевского абсолютного духа материю, чтобы получить диалектическо-материалистический монизм. Они не понимали, что недостаточно одного словесного признания единого начала. Такое словесное признание только по видимости монизм, а по существу это дуализм, ибо нельзя ограничиться простым декларированием единого начала, но необходимо провести его так, чтобы нигде не пришлось прибегать к допущению сил и принципов, не вытекающих из основного начала и его развития. У Гегеля монистический принцип не может быть последовательно выдержан именно потому, что этим принципом провозглашается абсолютная идея. Точно так же и механистический материализм XVII—XVIII вв. не есть монизм, ибо для того, чтобы об'яснить многообразие, которое имеется в действительности, он вынужден притти к допущению первого толчка. Недостаточным является также и плехановское определение монизма, которое ограничивается формальным признаком единого начала. Монистичным до конца может быть только диалектический материализм, который не ограничивается простым признанием одного единого начала, но и показывает его развитие путем раздвоения и борьбы противоположностей.

Один из основных пороков кантовского дуализма заключается в том, что он проводит разрыв между конечным и бесконечным, между относительным и абсолютным, противопоставляя их друг другу как самостоятельные миры. У Канта нет взаимопроникновения этих противоположностей. Кант не понимает, что, вынося безусловное за пределы опыта, он лишает человека возможности его познания, превращает в нечто абсолютно оторванное от мира и лишенное всякого содержания. Ибо если не показывается связь безусловного с обусловленным, это безусловное перестает быть таковым. Отрывая условные отдельные предметы от безусловного, Кант превращал это условное, относительное в нечто неистинное, зависимое лишь от суб'ективного произвола; всеобщее и единичное оказывались у него разорванными.

Только метафизическое мышление способно было так омертвить эти противоположности. Гегель как диалектик мог поэтому не без успеха критиковать Канта. Гегель пишет: «Взятое формально и поставленное наряду с особенным всеобщее само также превращается в некое особенное; несоответствие и несуразность такого отношения в применении к предметам обиходной жизни сами собою бросились бы в глаза, если бы, например, кто-либо тре-

[1] Лен. сб. IX, стр. 247.

бовал себе фруктов и отказывался затем от вишен, груш, винограда, потому что это вишни, груши, виноград, а не фрукты» [1]).

По этой линии проходит один из основных водоразделов между Гегелем и Кантом, отделявшим всеобщее от особенного, абсолютное от конечного, вещь в себе от явления и не видевшим их диалектического взаимопроникновения. Без единства и взаимопроникновения абсолютного и конечного мы никогда не поймем ни конечного, ни абсолютного. Не понимая, что конечное есть нечто противоречивое, Кант абсолютизирует как конечное, так и бесконечное. Это является характерной чертой философии Канта. Перед нами закоренелый метафизик и дуалист. Гегель правильно отмечает несостоятельность такого рода концепции. Он пишет: «В каждой дуалистической системе, и особенно в кантовской, основной ее недостаток обнаруживается в ее непоследовательности, в том, что она соединяет то, что за минуту до этого она об'являла самостоятельным и следовательно несоединимым» [2]).

Однако необходимо подчеркнуть, что гегелевская критика Канта недостаточна, ибо критика эта идет с позиций абстрактного рационализма и мистицизма. Задача не только в том, чтобы показать связь между конечным и бесконечным и их единство, но также и в том, чтобы понять, что познание бесконечного через конечное происходит необходимым образом при посредстве чувств, что ощущение есть начало всякого познания. Гегелевская критика является недостаточной потому, что только абсолютное является у него чем-то активным, а конечное рассматривается им как нечто пассивное и подчиненное, как отблеск абсолютного. Хотя Гегель и выступал против Шеллинга, обвиняя его в том, что его абсолют подобен «ночи, когда, как говорят, все коровы черны [3]) или все кошки серы,—однако, вследствие своего идеализма Гегель не смог до конца преодолеть эту точку зрения и так или иначе растворял конечное в абсолютном (абсолютная идея, мистический мировой дух). С точки зрения Гегеля конечное есть только саморазличение абсолютной идеи. Поэтому вся эмпирическая наука и логика бытия представляют собою всего лишь низшие этапы в движении абсолютной идеи. Гегель пишет: «Истинное познание бога начинается тем, чтобы знать, что вещи в своем непосредственном бытии не имеют никакой истины» [4]).

В конечном счете Гегель должен притти вследствие своего идеалистического учения об абсолютном к иллюзорности эмпирического мира, хотя этот мир и рассматривается им как выражение и проявление абсолютного духа. Поэтому и категории диалектики для Гегеля являются замкнутой системой развертывания абсолютной идеи, т. е. божества. Сам Гегель пишет: «Можно поэтому выразиться так, что это содержание есть изображение бога, каков он есть в своей вечной сущности до сотворения мира и конечного духа» [5]).

Настоящее разрешение диалектики конечного и бесконечного дает только диалектический материализм. Полемизируя с Негели, Энгельс пишет: «Мы можем познавать только конечное и т. д.». «Это совершенно верно лишь постольку, поскольку в сферу нашего познания попадают лишь конечные предметы. Но это положение нуждается в дополнении: «по существу мы можем познавать только бесконечное». Действительно, всякое реальное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях извлекаем единичное из его единичности и переводим его в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим бесконечное в конечном, вечное в преходящем. Но форма всеобщности есть форма в себе

---

[1]) Гегель, Малая логика, стр. 32.
[2]) Гегель, Малая логика, стр. 110.
[3]) Гегель, Феноменология духа, стр. 7.
[4]) Гегель, Наука логики.
[5]) Гегель, Наука логики, кн. 1-я, стр. 6.

замкнутости, а следовательно, бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное» [1]).

В основе гегелевской критики Канта по вопросу о конечном и бесконечном лежала гегелевская критика формальной логики. Гегель справедливо показал, что формальная логика абсолютизирует односторонние, абстрактные определения и, применяя их к вещам, превращает их в застывшие, мертвые схемы, упуская из виду их движение и не будучи в состоянии понять основной закон их развития — закон единства противоположностей.

Гегель берет у Канта его учение о «трансцендентальном единстве апперцепции», т. е. о единстве «чистого» доопытного мышления, в котором создаются понятия. Постановку вопроса о трансцендентальном единстве апперцепции Гегель считал величайшей заслугой Канта. Но решение Кантом этой проблемы ни в какой мере не удовлетворяло Гегеля. Существенный недостаток кантовской трактовки вопроса заключается, по Гегелю, в суб'ективизме и односторонности. Гегель ищет выхода на путях абсолютного идеализма: на место «я мыслю» Канта он ставит абсолютную идею. Как отмечает Ленин, «идеализм Канта Гегель поднимает из суб'ективного в об'ективный и абсолютный» [2]).

Суб'ективизмом пронизана вся философия Канта сверху донизу, и против этого решительно выступает Гегель. Он видит, что это ведет к скептицизму. Скептицизм Канта (так же, как и Юма), как пишет Ленин, «Гегель видит в том, что Юм и Кант в «явлениях» не видят являющейся вещи в себе, отрывают явления от об'ективной истины, сомневаются в об'ективности познания, все эмпирическое отрывают от вещи в себе» [3]). Гегель показывает, почему нельзя явление свести к суб'екту: «Мир есть явление не потому, что он существует для сознания, т. е. что его бытие только относительное для сознания, но и в равной мере он есть явление в себе», и Гегель правильно сближает Канта с Протагором. Ленин так и отмечает «Кант и Протагор», а в другом месте — «Кант и софисты» [4]).

Сопоставляя Канта и Гегеля, мы должны подчеркнуть, что если Кант отрывает мир явлений от мира вещей в себе, то Гегель в конечном находит бесконечное, в явлении открывает сущность, показывает переходы и переливы этих категорий. Кант доказывает бессилие человеческого разума, а Гегель — всесилие, и Ленин, отмечая это, пишет: «Кант умаляет силу разума» [5]). Гегель прямо заявляет, что условием философствования является вера в силу мысли. Кант устанавливает абсолютные границы познания, Гегель опровергает такую постановку вопроса, заявляя, что если мы знаем о границах разума, мы уже тем самым перешагнули эти границы. Гегель признает, что Кант, подвергая исследованию познание, сделал тем самым большой и важный шаг вперед. Прежде всего заслуга Канта в том, что он признал недостаточность старой логики и пытался построить знание на началах новой логики, и это является одним из важных отличий его от Локка, Юма, Лейбница и Вольфа, которые служили точками отправления для его философии. Все эти философы в основном не выходили за пределы формальной логики и оставались по существу в рамках средневекового формализма. Такая логика действительно не могла, по справедливому замечанию Канта, сделать ни шага вперед со времени Аристотеля. Но хотя Кант критикует формальную логику, он в основном остается на ее почве. Ибо что другое означает его утверждение, что логика не «органон», а «канон»? Логика — наука не об употреблении разу-

[1]) Архив Маркса и Энгельса, т. II, стр. 149.
[2]) Лен. сб. IX, стр. 179.
[3]) Лен. сб. IX, стр. 245.
[4]) Лен. сб. XII, стр. 215.
[5]) Лен. сб. IX, стр. 183.

ма, а о формах разума. Таким образом мы видим, что он стоит на позиции формальной логики, и не случаен тот факт, что Кант в течение всей своей жизни читал специальный курс формальной логики. Известно также, что он находился под большим влиянием формализма вольфовской философии. Для Канта характерен отрыв формы от содержания, понятия от воззрения, формы чувственности (пространства и времени) и рассудка (категорий причинности и др.) от эмпирического содержания. Философия Канта является метафизической философией, и хотя Кант много потрудился над исследованием структуры рассудка, но установленные им категории и основоположения рассудка выступают у него разрозненно, изолированно, отдельными сторонами, не говоря уже о том, что сама постановка вопроса была у него в корне неправильна... Гегель возвышается над Кантом благодаря тому, что он прослеживает диалектическую связь между отдельными категориями. Для Гегеля истина — это целое. Но это целое превращено Гегелем в абсолютную идею и тем самым оторвано от реальной действительности. У Канта форма и содержание находятся в чисто внешней корреляции, внешнем соотношении. Эта корреляция не есть взаимопроникновение. Познающий суб'ект, согласно учению Канта, сам создает предметы познания, накладывая свои априорные формы на содержание, даваемое чувствами.

Гегель видит заслугу Канта в том, что он обратил внимание на диалектическую природу разума. Но вместе с тем Гегель упрекает Канта за то, что разуму Кант приписывает главным образом отрицательную роль, что идеи разума имеют, по Канту, лишь «регулятивное», а не «конституитивное» значение. Гегель эту отрицательную критику превращает в положительную и «критику разума» развивает в «систему разума». Коренной порок самого Гегеля заключается в том, что он обожествляет этот разум и видит в нем творца действительности, вместо того, чтобы понять, что диалектика познания представляет собою отражение диалектики действительного материального мира.

Кант считал, что «чистые понятия» рассудка или категории являются формами связи, он свою таблицу категорий выводит из таблицы суждений формальной логики. А это означает, что понятия создаются в логическом суждении и выражают некоторые связи, некоторые отношения. Он придавал категориям чисто суб'ективный характер. Гегель же ставит себе задачей опровергнуть кантовский суб'ективизм, ему необходимо было обосновать свой идеалистический об'ективизм, об'ективизм категорий. Он считал, что категории являются не выражением суб'ективной деятельности мышления, а выражением мышления абсолютной идеи и потому носят об'ективный характер. И Гегель и Кант извращают действительное положение вещей. Хотя Гегель делает шаг вперед по сравнению с Кантом, но он дает идеалистическое решение вопроса, не понимая того, что категории выражают реальные вещи, процессы и отношения материального мира и именно в силу этого об'ективны. Абсолютная идея Гегеля есть та же мысль, хотя и об'ективированная Гегелем и возведенная в абсолют.

Большая заслуга Канта в том, что он у диалектики отнял «кажущуюся произвольность». Кант выдвинул целый ряд диалектических моментов. Например он ввел «категорию модальности» (возможность, действительность, необходимость). Но у Канта, замечает Гегель, «значение этой категории состоит в том, что она указывает на отношение предмета к мышлению» [1]), т. е. имеет только суб'ективное значение. Хотя Кант признает диалектику «необходимым» свойством «разума», но он не мог понять всю ее глубину. Он «не показал перехода категорий друг в друга» [2]). Он не понял «всеобщего закона

[1]) Лен. сб. IX, стр. 89.
[2]) Лен. сб. IX, стр. 251.

диалектики» вещей. Говоря об антиномиях разума, Кант разрешает их все одинаковым образом, его доводы являются пустыми. Доказательства повторяют, то, что нужно доказать.

Дуализмом пронизана вся система Канта. Особенно характерен для него дуализм между бытием и долженствованием. Долженствование относится Кантом в область потустороннего — в область недостигаемых идеалов. Отсюда следует, что социализм с этой точки зрения есть только прекрасная идея, которая никогда не станет действительностью. Реакционный смысл этого учения хорошо усвоили все ревизионисты, начиная с Бернштейна («движение — все, цель — ничто») и кончая новейшими социал-фашистами.

Непоследовательность и недомыслие Канта особенно бросаются в глаза, когда он трактует о познании. «Кант, с одной стороны, вполне ясно признает об'ективность» мышления («тождество понятия и вещи»), а с другой стороны, опять-таки точно так же утверждает, что мы не можем познавать вещи, каковы они в себе и для себя» [1]). «У Канта «психологический идеализм», у Канта «категории» суть только определения, проистекающие из самосознания». Поднимаясь от рассудка к разуму, Кант понижает значение мышления, отрицая за ним способность «достигнуть полной истины» [2]). В своем учении об антиномиях Кант пытался разрешить противоречие между конечным и бесконечным. Гегель показал бессилие Канта, поскольку Кант подходит к диалектически.

Как уже не раз подчеркивалось, Гегель критикует Канта с позиций диалектического идеализма. Критикуя и развивая Канта на свой идеалистический лад, Гегель вместе с тем борется против материалистических тенденций, имеющихся в философии Канта. Ленин отмечает, что Гегель разоблачает «колебания Канта между эмпиризмом (материализмом) и идеализмом, при чем ведет эту аргументацию всецело и исключительно с точки зрения более последовательного идеализма» [3]).

Сопоставляя Канта и Гегеля, нельзя не отметить, что у Канта имеется известное преимущество перед Гегелем. Это преимущество обусловлено материалистическими элементами, которые имеются в ранних работах Канта, тогда как у Гегеля нет развития природы. Кант в своей работе «Всеобщая естественная история и теория неба» доказывает развитие материи. Вот что говорит по этому поводу Энгельс: Гегель «не признавал за природой никакого развития во времени, ничего, идущего «одно за другим», но лишь существующее «одно возле другого». Причины этого коренились, с одной стороны, в самой гегелевской системе, которая только «духу» приписывала историческое развитие, а с другой стороны, и в тогдашнем общем состоянии естествознания. Таким образом в этом отношении Гегель стоит далеко позади Канта, который в своей теории о происхождении миров предполагал, что солнечная система имела начало, а своим открытием влияния морских приливов на замедление вращения земли предвещал ее гибель» [4]).

Суммируя, мы получаем следующие выводы: «Гегелевская система как система была колоссальным недоноском, но зато и последним в своем роде» [5]). Гегель, признавая об'ективность мира, логизирует его тем, что выставляет свой абсолютный дух в качестве творца действительности. Хотя Кант мистическое переводит в потусторонний мир, однако и он не в меньшей мере мистифицирует эмпирический мир, пытаясь доказывать, что разум есть творец и законодатель природы. Гегель дал с позиций идеалистической диалек-

[1]) Лен. сб. IX, стр. 187.
[2]) Лен. сб. IX, стр. 85.
[3]) Лен. сб. IX, стр. 181.
[4]) Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 7—8.
[5]) Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 19.

тики классическую критику суб'ективного идеализма вообще и в частности системы Канта. Великое значение Гегеля в истории философии заключается в том, что им впервые была дана всеоб'емлющая, хотя и мистифицированная картина общих форм диалектического движения. Ленин подвергал беспощадной критике Гегеля — идеалиста и мистика. Но вместе с тем он высоко ценил то революционное, рациональное зерно, которое скрывается под мистической оболочкой гегелевской философии. Ленин пишет: «Гегелевскую диалектику как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии». Маркс, Энгельс и Ленин не реставрировали гегелевской идеалистической диалектики, как это делают представители меньшевиствующего идеализма, а также не отбрасывали ее как ненужную ветошь, как этого требуют наши механисты, а дали сокрушительную критику Гегеля и вместе с тем, использовав рациональное зерно, имевшееся у Гегеля, создали свою материалистическую диалектику, которая в корне противоположна идеалистической диалектике Гегеля: «Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный суб'ект, есть демиург (творец) действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное» [1]).

[1]) Маркс, Капитал, т. I. Послесловие ко второму изданию.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс
„Немецкая идеология“

(Отрывки из подготовляющейся к печати рукописи)

Печатающиеся здесь несколько отрывков из рукописи Маркса и Энгельса, «Немецкая идеология», должны дать известное представление о характере рукописи и о громадном теоретическом значении этой ранней работы, в которой основоположники научного коммунизма произвели «расчет со всей тогдашней философской совестью» (Маркс, «К критике политической экономии», Предисловие, 1859 г. Энгельс, Предисловие к «Л. Фейербах», 1888 г.).

В первой половине этой работы дан критический разбор отдельных представителей германской послегегелевской философии (Б. Бауэр, М. Штирнер, Л. Фейербах). Во второй половине—критика представителей немецкого или «истинного социализма». Отрывки здесь даны только из первой части.

Маркс и Энгельс, выступающие здесь как материалисты-диалектики, вскрывают классовую сущность гегельянской и фейербахианской философии, служившей теоретической основой так называемого «истинного социализма». Критикуя гегельянцев, Маркс и Энгельс критикуют вместе с тем и Гегеля. Эта критика завершает ту переработку гегелевской философии, которую Маркс начал в 1843—1844 гг. («Критика гегелевской философии права»; «Святое семейство»). Если в «Святом семействе», как писал позднее Маркс Энгельсу (24 апреля 1867 г.), еще видны следы поклонения Фейербаху, то в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс выступают уже с борьбой на два фронта. Они беспощадно критикуют и высмеивают идеализм гегельянцев Б. Бауэра и М. Штирнера. Но в то же время они показывают непоследовательность, недостаточную всесторонность материализма Фейербаха, его созерцательность, метафизичность, неумение «достроить материализм доверху», т. е. быть материалистом не только при изучении вопросов природы, но и при изучении вопросов общества, и быть материалистом не «отвлеченным», а «практически-критическим», т. е. диалектическим, выработать материализм исторический.

Создавая свое мировоззрение, диалектический материализм, Маркс целиком стал на сторону пролетариата, он занялся изучением противоречий капиталистического общества и в середине 40-х годов начал уже готовить к опубликованию работу по экономике, в которой он в противовес апологетике буржуазных экономистов давал действительно научное изображение и объяснение законов развития капиталистического общества, давал научное обоснование своему открытию — исторической роли пролетариата, который должен, завоевав политическую власть, создать коммунистическое общество.

Изучая общественные явления материалистически, Маркс вел в то же время борьбу против представителей буржуазного мировоззрения. В одном

из писем 1846 г. (к издателю Леске) Маркс писал о том, что наряду с работой по экономике он хочет дать критику мировоззрения и метода представителей буржуазной науки.

«Мне казалось,—писал Маркс,—что очень важно положительному изложению предпослать полемическое сочинение против немецкой философии от Фейербаха до Штирнера и против существующего с тех пор немецкого социализма. Это необходимо для того, чтобы подготовить публику к точке зрения моей экономики, диаметрально противоположной точке зрения немецкой науки, как она существовала до сегодняшнего дня». «Точка зрения экономики» Маркса получила полное свое развитие в его «Капитале», а тем «полемическим сочинением», о котором говорится в приведенном здесь письме, была «Немецкая идеология», которая до сих пор оставалась неопубликованной целиком. Маркс и Энгельс в свое время не нашли издателей, а социал-демократические филистеры держались своей особой тактики по отношению к произведениям Маркса и Энгельса.

Рукопись «Немецкой идеологии» в основном была закончена к началу лета 1846 г., но издателя для нее найти не удавалось. В декабре 1846 г. Маркс писал Анненкову: «Я хотел бы послать вам вместе с этим письмом мою книгу о политической экономии, но до сих пор я не мог напечатать этой работы и критики германских философов и социалистов, о чем я вам говорил в Брюсселе. Вы не можете себе представить, какие затруднения такое издание встречает в Германии, во-первых, со стороны полиции, во-вторых, со стороны издателей, являющихся заинтересованными представителями всех тех направлений, на которые я нападаю. А что касается нашей собственной партии, то она не только бедна, но и значительная часть немецкой коммунистической партии кроме того сердита на меня за то, что я протестую против их утопий и против их декламаций».

Структура той части, и зкоторой мы даем отрывки, следующая: краткое предисловие, вводная часть, озаглавленная «I. Фейербах» и две неодинакового об'ема рукописи: «II. Святой Бруно» и «III. Святой Макс». К двум последним рукописям относится предпосланное им юмористическое введение «Лейпцигский собор».

В предисловии Маркс и Энгельс определяют тему «Немецкой идеологии»: разоблачение гегельянских и фейербахианских теоретиков—«овец в волчьих шкурах», ведущих воображаемую борьбу против иллюзий. Эти представители радикальной мелкобуржуазной интеллигенции стараются изобразить себя крайне революционными, на деле же они в силу своей классовой природы мелких буржуа оказываются совершенно неспособными понять истинную основу современного исторического движения, существо капиталистических отношений, существо классовой борьбы в капиталистическом обществе и порождаемую этим всемирно-историческую задачу пролетариата—завоевание коммунизма.

Во введении, которое к сожалению осталось незаконченным и необработанным, Маркс и Энгельс дают характеристику своего собственного метода диалектического материализма и излагают основы своего материалистического понимания истории. Русский перевод его был в свое время опубликован Рязановым в I томе Архива Маркса и Энгельса. Здесь мы даем отрывок из этого введения в новом переводе, так как старый весьма не точен.

Для того, чтобы подчеркнуть всю поповщину той философской полемики, которую вели Б. Бауэр и М. Штирнер против Л. Фейербаха, а отчасти и против Маркса и Энгельса (против «Немецко-французских ежегодников» и «Святого семейства»), эти последние окрестили третий том «Вигандовского трехмесячника» (Wigands Vierteljahrschrift) за 1845 г., где были

статьи Бауэра и Штирнера, «Лейпцигским собором» (по аналогии с Лейпцигским собором германо-католиков, происходившим в конце марта 1845 г.), а Б. Бауэра и М. Штирнера святыми отцами церкви: «Святой Бруно» и «Святой Макс». Отсюда заглавия рукописей.

Из рукописи «Святой Бруно», состоящей из четырех небольших глав, мы даем здесь перевод первой главы, характеризующей отношение Бруно Бауэра к Л. Фейербаху, как оно выразилось в его статье «Характеристика Людвига Фейербаха», напечатанной в «Вигандовском трехмесячнике». Наряду с критикой Б. Бауэра, Маркс и Энгельс дают критику Фейербаха и Гегеля.

Маркс и Энгельс называют младогегельянцев «фабрикантами истории». В помещенном здесь отрывке из введения показано, как производится эта фабрикация. В об'емистой рукописи «Святой Макс» дан подробнейший разбор сочинения, «Единственный и его собственность», одного из таких фабрикантов», Макса Штирнера. В заключении рукописи разбирается статья Штирнера из «Вигандовского трехмесячника». М. Штирнер в своей книге создает видимость, будто он излагает историю развития человечества. У Штирнера фигурируют негры и монголы, идет речь о древней и новой истории, разбирается либерализм и коммунизм и т. д. На самом же деле автор вовсе не занимался изучением действительной истории. Действительными источниками его сведений являются Гегель и Фейербах

Штирнер, стоящий целиком на почве идеализма, делает вид, что прослеживает в самых общих чертах развитие человеческого индивида в разделе «Человек», первой части его книги. В развитии человека он как будто видит только борьбу за существование. Но в конце концов оказывается, что вся эта борьба ведется в области сознания. Все дело сводится к смене различных ступеней сознания, при чем сознание каждой последующей ступени доверчиво принимает иллюзии предыдущей и, обогатив таким образом старые иллюзии новой иллюзией, воображает себя высшим единством предыдущих ступеней сознания. Устранив действительную историю, младогегельянец дает волю своему спекулятивному коню» и свои собственные идеалистически искаженные конструкции выдает за подлинную историю.

«Этот способ сочинять историю, — писали Маркс и Энгельс в начале рукописи «Святой Макс», — мы находим у него в самой наивной, самой классической простоте. Три простые категории: реализм, идеализм, абсолютная отрицательность как единство обоих (именуемая здесь «эгоизмом»), уже встречавшиеся нам в образе ребенка, юноши и мужа, кладутся в основу всей истории и украшаются различными историческими вывесками; со своей скромной свитой вспомогательных категорий они составляют содержание всех изображаемых, якобы исторических фаз. Святой Макс вновь обнаруживает здесь свою гигантскую веру. Он больше чем кто-либо из его предшественников верит в умозрительное содержание истории, изготовленное немецкими философами».

Из того многочисленного количества различных отделов, подотделов и глав, в которых Маркс и Энгельс дают критический разбор гегельянских конструкций Штирнера, мы публикуем два цельных отрывка. В одном из них дается критика логической конструкции: «Дух», в другом — исторической: «Гуманный либерализм».

Сейчас конечно никто не будет читать книгу Штирнера «Единственный и его собственность». Но полемика Маркса и Энгельса в «Святом Максе» воскрешает это забытое произведение берлинского школьного учителя. Для современного читателя изучение «Санкт Макса» несомненно представляет большой интерес. В «Санкт Максе» мы имеем образец марксистской критики, добросовестного, основательного разбора критикуемого

10*

произведения, как бы нелепо оно ни было, раз политическая необходимость заставляет заниматься этим. Маркс и Энгельс вскрывают классовую природу штирнеровской идеологии, и на этом примере читатель может вынести полезные уроки, как критиковать мелкобуржуазных идеологов. Критикуя «Единственного», Маркс и Энгельс идеалистической фантастике Штирнера противопоставляют свое материалистическое понимание общественно-исторических явлений. В рукописи мы встречаем ряд ценных заметок по истории философии, по искусству, по языкознанию и по истории вообще.

Германская социал-демократия, в руки которой попало литературное наследство Маркса и Энгельса, преступно прятала и продолжает прятать ценнейшие рукописи великих вождей пролетариата, и только теперь, когда стало известно, что в нашем издании «Немецкая идеология» выходит полностью, германские социал-демократы всего лишь несколько недель тому назад опубликовали наконец до сих пор неопубликованные части рукописи «Немецкой идеологии». Но сделали они это так безграмотно, что потребуется особая статья, чтобы показать все ошибки, всю недобросовестность и халтурность этой публикации. Таким образом наше издание все же будет первым **полным** изданием этой рукописи, из которой до сих пор публиковались только отдельные части.

Институт Маркса — Энгельса — Ленина

Отрывки из „Немецкой идеологии“

Фейербах

Из «I. Фейербах» (вступление)

Как сообщают немецкие идеологи, Германия за последние годы проделала беспримерную революцию. Начатый Штраусом процесс разложения гегелевской системы превратился во всемирное брожение, которым охвачены все «силы прошлого». Во всеобщем хаосе возникали мощные державы, чтобы тотчас же снова исчезнуть, появлялись на миг герои, которых более смелые и могучие противники вновь низвергали во мрак. Это была революция, по сравнению с которой французская революция — лишь детская игра, это была мировая борьба, перед которой борьба диадохов кажется мелкой. С неслыханной поспешностью одни принципы вытеснялись другими, одни герои мысли низвергали других, и за три года (1842—1845) в Германии была произведена чистка более основательная, чем прежде за три столетия.

Все это будто бы произошло в области чистой мысли.

Во всяком случае мы имеем дело с интересным событием: с процессом разложения абсолютного духа. Когда угасла последняя искра жизни, различные составные части этого caput mortuum стали распадаться, вступили в новые соединения и образовали новые вещества. Философские промышленники, существовавшие до той поры эксплоатацией абсолютного духа, набросились теперь на новые соединения. Каждый с величайшей старательностью стал заниматься сбытом доставшейся ему доли. Дело не могло обойтись без конкуренции. Вначале она носила довольно солидный, купечески-добропорядочный характер. Но затем, когда немецкий рынок оказался перенасыщенным, а на мировом рынке, несмотря на все усилия, товар не находил себе спроса, все дело по немецкому обычаю было испорчено фабричным и дутым производством, ухудшением качества, софистикацией [подделкой] сырья, подделкой этикеток, фиктивными закупками, плутнями с векселями и лишенной всякой реальной почвы кредитной системой. Конкуренция превратилась в ожесточенную борьбу, которую нам теперь расхваливают и конструируют как переворот всемирно-исторического значения, как причину, порождающую величайшие результаты и достижения.

Для того, чтобы оценить по достоинству всю эту рыночную рекламу наших философов, рекламу, вызывающую даже в груди степенного немецкого бюргера приятное чувство национальной гордости, чтобы показать наглядно мелочность, местную ограниченность всего этого младогегельянского движения, в особенности же для того, чтобы обнаружить трагикомический контраст между действительными деяниями этих героев и иллюзиями по поводу этих деяний,—необходимо взглянуть на весь этот балаган с позиции, находящейся вне Германии.

Из «I. Фейербах» (отрывок)

История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, из которых каждое эксплоатирует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями, в силу чего оно, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся обстоятельствах, а с другой —видоизменяет старые обстоятельства посредством совершенно измененной деятельности. Умозрительно это можно извратить так, будто задача предшествующей истории состоит в том, чтобы создавать позднейшую историю — будто например задача открытия Америки заключалась в облегчении победы французской революции,—благодаря чему история приобретает свои особые задачи, становится «лицом наряду с другими лицами» (как-то: «Самосознание, Критика, Единственный» и т. д.). На самом же деле то, что обозначают словами «назначение», «задача», «зародыш», «идея» прежней истории, есть не что иное, как абстракция от позднейшей истории, абстракция от того активного влияния, которое оказывает предшествующая история на последующую. Но чем более расширяются в ходе этого развития отдельные воздействующие друг на друга круги, чем более уничтожается первоначальная замкнутость отдельных национальностей благодаря усовершенствованному способу производства, общению и вызванному в силу этого естественно возникшему разделению труда между различными нациями, тем более история становится всемирной историей, так что например, если в Англии изобретена машина, которая в Индии и Китае лишает хлеба бесчисленное множество рабочих и производит переворот всей формы существования этих государств, то это изобретение становится всемирно-историческим фактом; или же — например сахар и кофе обнаружили в XIX веке свое всемирно-историческое значение тем, что вызванный наполеоновской континентальной системой недостаток в этих продуктах толкнул немцев на восстание против Наполеона и таким образом стал реальной основой славных освободительных войн 1813 г. Из этого следует, что такое превращение истории во всемирную историю не есть одно только абстрактное деяние «Самосознания», Мирового Духа или еще какого-нибудь метафизического призрака, а есть совершенно материальное, эмпирически осязаемое действие, такое действие, доказательства которого дает каждый индивид тем, каков он есть, как он ест, пьет и одевается.

В каждую эпоху мысли господствующего класса есть господствующие мысли, т. е. тот класс, который есть господствующая материальная сила общества, есть в то же время его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, в силу этого располагает средствами духовного производства, так что ему благодаря этому в то же время, в среднем, подчинены мысли тех, у кого нет средств для духовного производства. Господствующие мысли есть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, выраженные как мысли господствующие материальные отношения, следовательно [идеальное выражение] тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, следовательно мысли его господства. Индивиды, составляющие господствующий класс, обладают между прочим также и сознанием, а потому и мыслят; в той мере, в какой они таким образом господствуют как класс и определяют данную историческую эпоху на всем ее протяжении, само собой разумеется, что они это делают во всех ее областях, значит господствуют также и как мыслящие, как производители мыслей, регулируют производство и распределение мыслей своего времени; а это значит, что их мысли есть господствующие мысли эпохи. В такое время например и в такой стране, где королевская власть, аристократия и буржуазия спорят из-за господства, где таким образом господство разделено, там господствующей

мыслью оказывается учение о разделении властей, которое высказывают как «вечный закон». Разделение труда, в котором мы уже выше нашли одну из главных сил предшествующей истории, теперь проявляется также и в господствующем классе в виде разделения духовного и материального труда, так что внутри этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса (его активные, способные к обобщениям [konzeptiv] идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе), в то время как другие относятся к этим иллюзиям более пассивно и воспринимающе, потому что в действительности именно они и есть активные члены этого класса и имеют меньше времени для составления себе иллюзий и мыслей о самих себе. Внутри этого класса такое расщепление может разрастись даже до некоторого противоположения и вражды обеих частей, что однако само собой отпадает при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому классу, когда таким образом исчезает также и видимость, будто господствующие мысли не есть мысли господствующего класса и обладают властью, отличной от власти этого класса. Существование революционных мыслей в определенную эпоху предполагает уже существование революционного класса, о предпосылках которого необходимое сказано уже выше.

Когда однако при рассмотрении исторического движения отделяют мысли господствующего класса от самого господствующего класса, когда наделяют их самостоятельностью, когда, не принимая во внимание условий производства и производителей этих мыслей, упорно настаивают на том, что в данную эпоху господствовали те или иные мысли, — когда таким образом совершенно пренебрегают основой этих мыслей — индивидами и исторической обстановкой, — то можно например сказать, будто в то время, когда господствовала аристократия, господствовали понятия: честь, верность и т. д., а во время господства буржуазии — понятия: свобода, равенство и т. д. В среднем сам господствующий класс обычно так и воображает. Свойственное преимущественно с XVIII века всем летописцам, это понимание истории по необходимости натолкнется на то явление, что господствовать начинают все более и более отвлеченные мысли, т. е. мысли, которые все более принимают форму всеобщности. Дело в том, что всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствующего до него,—вынужден, хотя бы ради осуществления своей задачи, изобразить свой интерес как общий интерес всех членов общества, т. е. выражаясь идеально: придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые. Класс, производящий революцию—уже по одному тому, что он противостоит к л а с с у,— с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества; он кажется всей массой общества в противовес единственному господствующему классу. Происходит это оттого, что вначале его интерес действительно более связан еще с общим интересом всех остальных, не господствующих, классов,[1]) не успел еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, разрастись в особый интерес особого класса. Поэтому многим из индивидов прочих классов, не достигающих господства, его победа также идет на пользу, — но лишь постольку, поскольку она ставит этих индивидов в положение, позволяющее им подняться в ряды господствующего класса. Когда французская буржуазия свалила господство аристократии, перед многими пролетариями в силу этого открылась возможность подняться над пролетариатом, — но лишь постольку, поскольку они делались буржуа. В силу этого основа, на которой каждый новый класс устанавливает свое

[1]) Пометка Маркса на полях: «(Всеобщность соответствует 1) классу contra [против] сословие, 2) конкуренции, мировому общению (Weltverkehr) и т. д., 3) большой численности господствующего класса, 4) иллюзии общих интересов. В начале эта иллюзия правдива, 5) самообману идеологов и разделению труда)».

господство, шире той основы, на которую опирается класс, господствовавший до него; зато впоследствии и развивается противоположность между негосподствующим и господствующим классом тем более остро и глубоко. Тем и другим обусловлено, что борьба, которую приходится вести против этого нового господствующего класса, в свою очередь направлена на более решительное, более радикальное, чем это могли сделать все прежние классы, добивавшиеся господства, отрицание общественного строя, существовавшего до тех пор.

Вся эта видимость, будто господство определенного класса есть только господство известных мыслей, исчезает конечно сама собой, как только господство классов перестает вообще быть формой общественного устройства, как только следовательно не нужно будет больше представлять особый интерес как всеобщий, или «Всеобщее» как господствующее.

И вот после того, как отделили господствующие мысли от господствующих индивидов, а главное, от отношений, порожденных данной ступенью производства, и таким образом пришли к результату, будто в истории неизменно господствуют мысли,—очень легко отвлечь себе из этих различных мыслей «Мысль», Идею и т. д. как то, что господствует в истории, и тем самым определять все эти отдельные мысли и понятия как «Самоопределения Понятия, «которое в истории развивает себя. В таком случае только естественно, что все отношения людей могут быть выведены из понятия человека, из воображаемого человека, из существа человека, из Человека. Это и сделала спекулятивная философия. Гегель сам признает в конце «Философии истории», что он «рассматривал поступательное движение одного только понятия» и в истории изобразил «истинную теодицею». После этого можно весь путь пройти обратно до производителей «Понятия», до теоретиков, до идеологов и философов, и тогда достигаешь того результата, что-де философы, мыслители как таковые, испокон веков господствовали в истории — результат, который, как мы видим, также высказан уже Гегелем. Итак, весь фокус, посредством которого на историческом материале доказывают верховное господство духа (иерархия у Штирнера), сводится к следующим трем «потугам» (Efforts).

№ 1. Мысли господствующих, притом господствующих в силу эмпирических оснований, при эмпирических условиях и в качестве материальных индивидов, надо отделить от этих самых господствующих и тем самым признать в истории господство мыслей или иллюзий.

№ 2. В это господство мыслей надо внести некий порядок, вскрыть существование некоей мистической связи между следующими друг за другом господствующими мыслями; достигается это тем, что они рассматриваются как «Самоопределения Понятия» (возможно это потому, что мысли эти действительно связаны друг с другом при посредстве своей эмпирической основы и еще потому, что взятые т о л ь к о как мысли, они становятся саморазличениями, различиями, которые сделаны мышлением).

№ 3. Чтобы устранить мистический вид этого «понятия, определяющего самого себя», его превращают в некое лицо — «Самосознание», или же, чтобы показаться очень материалистическим, — в ряд лиц, являющихся в истории представителями «Понятия», — в «Мыслящих», в «Философов», в идеологов, которых в свою очередь определяют как фабрикантов истории, как «совет стражей», как Господствующих. Таким путем удается устранить из истории все материалистические элементы и можно теперь, спокойно отпустив поводья, дать волю своему спекулятивному коню.

В то время как в обыденной жизни любой лавочник отлично умеет различать между тем, за что выдает себя кто-нибудь, и тем, что он есть в действительности, наша историография еще не дошла до этого плоского познания. Она на слово верит каждой эпохе, что бы та ни говорила и ни воображала о себе.

Этот исторический метод, который господствовал (и почему преимущественно) в Германии, надо об'яснить из его связи с иллюзией идеологов вообще, например, с иллюзиями юристов, политиков (среди них также и практических государственных деятелей), из догматических мечтаний и извращений этих типов. Их практическое положение в жизни, их профессия и разделение труда очень просто об'ясняют этот метод.

II.

Святое бруно

1. «Поход» против Фейербаха

Прежде чем мы рассмотрим торжественное об'яснение бауэровского самосознания с самим собой и с миром, мы должны разоблачить одну тайну. Святой Бруно вызвал войну и воинственные клики только потому, что он должен был «обезопасить» самого себя и свою застоявшуюся, прокисшую критику от неблагодарной забывчивости публики, потому что он должен был показать, что и при изменившихся условиях 1845 г. критика непреклонно осталась равной самой себе и неизменной. Он написал второй том «Доброго дела и своего собственного дела»; он удерживает свою собственную территорию, он сражается pro aris et focis [за свой алтарь и очаг—в собственных интересах]. Но как настоящий богослов он прикрывает эту самоцель видимостью, будто ему хочется «охарактеризовать» Фейербаха. О бедняге совсем забыли, как это лучше всего доказала полемика между Фейербахом и Штирнером, в которой он совершенно не был принят во внимание. Именно поэтому и вцепился в эту полемику, чтобы иметь повод провозгласить себя противоположностью антагонистов, их высшим единством, святым духом.

Святой Бруно открывает свой «поход» артиллерийским огнем по Фейербаху, c'est á dire [т. е.] исправленным и увеличенным переизданием одной из статей, появившихся в «Norddeutsche Blätter» [«Северо-немецких листках»]. Фейербах посвящается в рыцари «субстанции», чтобы ярче оттенить бауэровское «самосознание». При этом пресуществлении Фейербаха, якобы доказываемом на основании всех сочинений последнего, наш святой муж перескакивает от книг Фейербаха о Лейбнице и Бейле сразу же к «Сущности христианства», пропуская статью против «позитивных философов» в «Hallische Jahrbücher» [«Галлеских ежегодниках»]. Этот «недосмотр» — «уместен». Дело в том, что в этой статье Фейербах раскрыл перед позитивными представителями «субстанции» всю премудрость о «самосознании» в такое время, когда Святой Бруно еще умозрительно философствовал о непорочном зачатии.

Едва ли нужно упоминать, что Святой Бруно все еще гарцует на своем старо-гегельянском боевом коне. Прослушайте только первые же фразы его новейших откровений из царства божия:

«Гегель сочетал воедино субстанцию Спинозы и фихтевское Я; единство обоих, соединение этих противоположных сфер и т. д. составляют своеобразный интерес, но вместе с тем и слабость гегелевской философии... Это противоречие, в котором билась гегелевская система, надо было разрешить и уничтожить. Но уничтожиться оно могло только благодаря тому, что постановка вопроса: как относится самосознание к абсолютному духу... была сделана навсегда невозможной. Это было возможно в двух направлениях. Либо самосознание должно снова сгореть в жаре субстанции, т. е. должна установиться и сохраниться чистая субстанциональность, ибо должно быть показано, что личность есть творец своих атрибутов и своей сущности и что в понятие личности вообще входит полагать самое себя» (что, — «понятие» или «личность»?) «ограниченно и это ограничение, пола-

гающее себя благодаря своей всеобщей сущности, опять отменять, так как эта сущность есть только результат своего — внутреннего саморазличения, своей деятельности». Виганд, стр. 87, 88.

Гегелевская философия была изображена в «Святом семействе», стр. 220, как единство Спинозы и Фихте, и в то же время было подчеркнуто содержащееся в этом противоречие. Специфическая особенность святого Бруно в том, что он в отличие от авторов «Святого семейства» считает вопрос об отношении самосознания к субстанции не «вопросом спора в пределах гегелевского умозрения», а всемирно-историческим и даже абсолютным вопросом. Это единственная форма, в которой он способен высказывать коллизии современности. Он действительно верит, что победа Самосознания над Субстанцией имеет существеннейшее влияние не только на европейское равновесие, но и на все будущее развитие вопроса об Орегоне. В какой мере от этого зависит отмена хлебных законов в Англии, пока что не стало еще достоянием широкой гласности.

То отвлеченное и заоблачное выражение, в какое действительная коллизия исказилась у Гегеля, приобретает для этой «критической» головы значение самой действительной коллизии. Он принимает спекулятивное противоречие и утверждает одну его часть в противовес другой. Философская фраза о действительном вопросе есть для него сам действительный вопрос. У него таким образом на одной стороне вместо действительных людей и их действительного сознания о своих якобы самостоятельно противостоящих им общественных отношениях голая отвлеченная фраза: «Самосознание», так же, как вместо действительного производства, представленная самостоятельной деятельность этого Самосознания; а на другой стороне вместо действительной природы и действительно существующих социальных отношений — философская сводка всех философских категорий или имен этих отношений в выражении: Субстанция, так как он вместе со всеми философами и идеологами ошибочно принимает мысли, идеи, представленное самостоятельным мысленное выражение существующего мира, за основу этого мира. Само собой разумеется, что с этими двумя абстракциями, сделавшимися бессмысленными и бессодержательными, он может проделывать всевозможные фокусы, ничего решительно не зная о действительных людях и их отношениях. (См. впрочем о субстанции то, что сказано в отделе о Фейербахе и в отделе о Святом Максе по поводу «гуманного либерализма» и «Святого»). Для того, чтобы разрешить противоречия умозрения, он следовательно не покидает умозрительной почвы; он маневрирует, оставаясь на этой почве, и сам еще настолько стоит на специфически гегелевской почве, что отношение «Самосознания» к «абсолютному Духу» все еще не дает ему спать. Одним словом, здесь перед нами та философия самосознания, которая была возвещена в «Die Kritik der Synoptiker» [«Критике синоптиков»], осуществлена в «Das entdeckte Christentum» [«Раскрытом христианстве»] и, как ни жаль, давно предвосхищена в гегелевской Феноменологии. Исчерпывающий разбор этой новой философии Бауэра был дан в «Святом семействе» на стр. 220 и сл. и 304—7. Святой Бруно ухитряется здесь однако создать карикатуру на самого себя, протаскивая контрабандой «Личность», дабы быть в состоянии вместе с Штирнером изобразить отдельного индивида «своим собственным изделием», а Штирнера — изделием Бруно. Этот шаг вперед заслуживает, чтобы его вкратце отметить.

Прежде всего пусть читатель сравнит эту карикатуру с ее оригиналом, с об'яснением самосознания в «Раскрытом христианстве», стр. 113, а затем это об'яснение с его пра-оригиналом, с гегелевской Феноменологией, стр. 575, 583 и др. (Оба эти места перепечатаны в «Святом семействе», стр. 221, 223, 224). Но обратимся к карикатуре! «Личность вообще»! «Понятие»! «Всеоб-

… сущность»! «Полагать самого себя ограниченным и снова отменять это ограничение»! «Внутреннее саморазличение»! Какие гигантские «результаты»! «Личность вообще» — это либо «вообще» бессмыслица, либо отвлеченное понятие личности. Стало быть, «в понятии» понятия личности заключено полагание самого себя ограниченным». Это ограничение, заключенное в «понятии» ее понятия, она тотчас вслед за этим полагает «своей всеобщей сущностью». И после того, как она опять сняла это ограничение, оказывается, что «эта-та самая сущность» есть всего лишь «р е з у л ь т а т ее внутреннего саморазличения». Весь колоссальный результат этой замысловатой тавтологии сводится таким образом к давно известному гегелевскому фокусу саморазличения человека в мышлении, саморазличения, которое несчастный Бруно упорно проповедует как единственную деятельность «Личности вообще». Святому Бруно было показано уже довольно давно, что нет никакого толка от личности, деятельность которой ограничивается этими логическими прыжками, ставшими тривиальными. В то же время эта выдержка содержит наивное признание, что сущность бауэровской «Личности» есть понятие понятия, абстракция от абстракции.

Критика Фейербаха Бруно [Бауэром], поскольку она нова, ограничивается тем, что упреки Штирнера по адресу Фейербаха и Б а у э р а лицемерно изображаются как упреки Бауэра по адресу Фейербаха. Например, что сущность человека есть сущность вообще и нечто святое», что «человек есть бог человека», что человеческий род есть «абсолютное», что Фейербах раскалывает человека «на существенное и несущественное Я» (хотя Бруно постоянно объявляет отвлеченное существенным и в своем противоположении критики и масс представляет себе этот раскол еще более чудовищным, чем Фейербах), что борьбу следует вести против «предикатов бога», и т. д. По вопросу о корыстной и бескорыстной любви Бруно, полемизируя с Фейербахом, списывает у Штирнера почти дословно три страницы (стр. 133—135), точно так же, как он весьма нескладно копирует фразы Штирнера: «каждый человек — свое собственное творение», «истина — призрак» и т. д. При этом творение (Geschöpf) превращается еще у Бруно в «изделие» (Machwerk). Мы еще вернемся к тому, как Санкт-Бруно эксплоатирует Штирнера.

Итак, первое, что мы нашли у Санкт-Бруно, — это его постоянная зависимость от Гегеля. На его замечаниях, списанных у Гегеля, мы конечно дальше останавливаться не будем. Мы приведем только еще несколько мест, из которых станет ясно, как непоколебимо он уверовал в могущество философов и как он разделяет их иллюзию, будто благодаря изменению сознания, благодаря тому, что истолкованию существующих отношений придается новое направление, можно перевернуть весь мир, существовавший до сих пор. В этом убеждении Санкт-Бруно и выдает себе в IV томе вигандовского Трехмесячника через одного своего ученика аттестацию, будто его вышеприведенные фразы о личности, провозглашенные им в третьем томе, представляют собой миропотрясающие мысли».

Санкт-Бруно говорит (Виганд, стр. 95): «Философия никогда не была чем-либо иным, как только богословием, приведенным к своей наиболее общей форме, к своему разумнейшему выражению». Это место, направленное против Фейербаха, почти дословно списано из фейербаховской «Философии будущего», стр. 2: «Спекулятивная философия есть истинное, последовательное, р а з у м н о е богословие». Бруно продолжает: «Философия в союзе с религией всегда стремилась к абсолютной несамостоятельности индивида и ф а к т и ч е с к и о с у щ е с т в и л а е е, благодаря тому, что она требовала и добивалась растворения единичной жизни во всеобщей, акциденции в субстанции, человека в абсолютном духе». А разве не «требует» «философия» Бруно «в союзе» с гегелевской и его все еще продолжающимся запретным общением с богословием «растворения человека» в представлении

одной из его «акциденций»— самосознания, как «субстанции», хотя она и не «добилась» этого. Из всего этого места впрочем, видно с какой радостью «витийствующий» отец церкви все еще исповедует свою «миропотрясающую» веру в чреватую тайнами мощь святых богословов и философов. Разумеется,— «в интересах доброго дела свободы и своего собственного дела».

На стр. 105 наш богобоязненный муж имеет наглость упрекать Фейербаха в том, будто «Фейербах с д е л а л из индивида, из обесчеловеченного человека христианства, не человека, не истинного» (!), «действительного» (!!), «личного» (!!!) «человека» (эти предикаты обязаны своим происхождением «Святому семейству» и Штирнеру), «а оскопленного человека, раба» и утверждать между прочим ту бессмыслицу, что он, Святой Бруно, «г о л о в о й» может «д е л а т ь людей».

Далее мы читаем там же: «У Фейербаха индивид должен подчиниться роду, служить ему. Род Фейербаха—это абсолют Гегеля, он тоже нигде не существует». Здесь, как и во всех других местах, Санкт-Бруно не лишен славы ставить действительные отношения индивидов в зависимость от их философского истолкования. Он и не подозревает, в какой связи находятся представления гегелевского «абсолютного духа» и фейербаховского «рода» с существующим миром.

На стр. 104 святой отец находит страшно скандальной ту ересь, благодаря которой Фейербах превращает божественное триединство разума, любви и воли в нечто, «существующее в индивидах н а д индивидами»,—точно в наше время любые задатки, любое влечение, любая потребность не утверждают себя, как сила «в индивиде н а д индивидом», раз только обстоятельства препятствуют ее удовлетворению. Если святой отец Бруно почувствует например голод, не имея средств утолить его, то даже его желудок станет силой «в нем н а д ним». Ошибка Фейербаха не в том, что он высказал этот факт, но в том, что он на идеалистический лад наделил его самостоятельностью вместо того, чтобы понять его как продукт определенной ступени исторического развития, которую можно преодолеть.

Стр. 111: «Фейербах — холоп, и его холопская натура не позволяет ему выполнить дело ч е л о в е к а, познать сущность религии» (нечего сказать, ну и «дело человека»!)... «Он не познает сущности религии, потому что не знает м о с т а, по которому доберешься до и с т о ч н и к а религии». Санкт-Бруно все еще всерьез верит, что в религии есть собственная «сущность». А что касается «моста», «п о к о т о р о м у» добираются до «и с т о ч н и к а религии», то эта шпаргалка[1]) непременно должна быть а к в е д у к о м. Санкт-Бруно в то же самое время устраивается в качестве забавно модернизированного и, благодаря построенному мосту, получившего отставку Харона: в качестве сборщика он требует полагающуюся ему медную монету с каждого человека, проходящего по мосту в призрачное царство религии.

На стр. 120 святой замечает: «Как мог бы Фейербах существовать, если бы не было — и с т и н ы, и истина была бы лишь призраком» (Штирнер, выручай!), «которого человек боялся до сих пор». «Человек», боящийся «призрака» «истины», есть не кто иной, как сам достопочтенный Бруно. Уже десятью страницами раньше, на стр. 110 он перед «призраком» истины испустил следующий миропотрясающий крик ужаса: «Истина, которую нигде нельзя найти в виде особого готового об'екта, и которая только в развитии личности развивает и соединяет с е б я в единство». Итак, истина, этот призрак, здесь не только превращена в лицо, которое себя развивает и соединяет, но еще сверх того этот фокус произведен вне ее — на манер гностиков, внутри третьей личности. О прежней любовной связи святого мужа с истиной, когда он был еще молод и вожделения плоти в нем бурно кипели, см. «Святое семейство», стр. 115.

---

[1]) Eselsbrücke — шпаргалка; дословно: ослиный мостик. — Ред.

Каким очищенным от всякой плотской похоти и мирских вожделений предстает ныне святой муж, показывает его запальчивая полемика против фейербаховской чувственности. Бруно вовсе не выступает против того, в высшей степени ограниченного способа, каким Фейербах признает чувственность. Для него неудавшаяся попытка Фейербаха уже просто, как попытка выпрыгнуть из идеологии, является — грехом. Конечно! Чувственность — похоть очей, похоть плоти и высокомерие, ужас и мерзость перед господом! Разве вы не знаете, что помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир; потому что плотские помышления суть вражда к критике и все плотское — от мира сего, и разве вы не знаете, что написано: дела плоти известны, они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, ереси, ненависть, убийства, пьянство, обжорство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так — царство Критики не унаследуют; горе им, потому что идут путем Каиновым, предаются обольщению мзды, как Валаам, и в упорстве погибают, как Корей. Эти поганцы бессовестно обжираются за счет ваших подаяний, без страха утучняют себя. Это безводные облака, носимые ветром, осенние деревья, бесплодные, дважды умершие, исторгнутые, свирепые морские волны, пенящиеся срамотами своими, звезды блуждающие, которым блюдется мрак тьмы на веки. Ибо мы читали, что в последние дни наступят времена тяжкие. Появятся люди, много мнящие о себе, хулители, невоздержанные, более любящие сластолюбие, чем Критику, образующие отдельные шайки — одним словом, плотские. Таких отвергает Святой Бруно, который помышляет о духовном и гнушается оскверненным одеянием плоти; и посему Фейербаха, которого считает Кореем шайки, он осуждает на то, чтобы оставаться ему вне, где псы и чародеи и любодеи и убийцы. «Чувственность», тьфу, гадость! Она не только повергает святого отца церкви в жесточайшие судороги, но даже доводит его до пения, и он поет на стр. 121 «песню о конце и конец песни». Чувственность — да знаешь ли ты, несчастный, что такое чувственность? Чувственность — это «дубинка», стр. 130. Охваченный судорогами, святой Бруно борется даже в одном месте с одним из своих собственных предложений, как некогда Иаков боролся с богом, с той лишь разницей, что бог вывихнул Иакову бедро, а наш святой эпилептик сокрушает все суставы и связки своего предложения и тем раз'ясняет тождество суб'екта и об'екта на нескольких разительных примерах:

«Пусть, если ему угодно, Фейербах говорит... он все-таки уничтожает» (!) «Человека, потому что он превращает слово человек в голую фразу.., потому что он не делает» (!) «и не творит» (!) «человека целиком, но возводит все человечество в абсолют, потому, что он об'являет органом абсолютного также не человечество, а чувство, признает абсолютным, несомненным, непосредственно достоверным — об'ект чувств, созерцания, ощущения, словом — чувственное», чем Фейербах — таково мнение святого Бруно — «хотя и может сотрясти слои воздуха, но не может сокрушить явлений человеческой жизни, потому что его сокровеннейшая» (!) «сущность и его животворящая душа уже разрушают внешний» (!) «звук и делает его пустым и дребезжащим» (стр. 121).

Святой Бруно сам дает нам таинственное, но решающее об'яснение относительно причин своей противочувственности: «Как будто мое Я не обладает также и вот этим определенным полом, единственным, по сравнению со всем прочими, и этими определенными единственными половыми органами». (Кроме своих «единственных половых органов» сей витязь обладает еще обособленным «единственным полом»). Этот единственный пол пояснен на стр. 121 в том смысле, что «чувственность, вы-

сасывающая, как вампир, весь мозг и всю кровь из жизни человека, есть та непреодолимая грань, о которую человек должен нанести себе смертельный удар».

Но и святейший тоже не чист! Все они грешники и лишены той славы, которая требуется от них перед «Самосознанием». Внимание святого Бруно, который в полночь в одинокой келье бьется над «Субстанцией», развратные писания еретика Фейербаха обращают на женщину и на женскую красоту. Внезапно взор его омрачается; чистое самосознание оскверняется и недостойная чувственная фантазия осаждает испуганного критика сладострастными образами. Дух бодр, но плоть немощна. Он спотыкается, он падает, он забывает, что он — та власть, которая «своей силой вяжет и разрешает и царит над миром», что эти исчадия его фантазии — «дух от его духа», он теряет всякое «самосознание» и опьяненно лепечет дифирамб женской красоте «в мягком, в изнеженном, в женственном», дифирамб «пышным округлым членам» и «бурлящему, колышущемуся, кипящему и шипящему, волнообразному строению тела» женщины. Невинность однако всегда выдает себя даже там, где она грешит. Кто же не знает, что «бурлящее, колышущееся, волнообразное СТРОЕНИЕ тела» есть нечто такое, чего ни один глаз не видел, ни одно ухо не слышало? Посему — тише, дорогая душа, дух скоро возьмет верх над мятежной плотью и поставит перед кипящими через край страстями непреодолимую «грань», «о которую» они скоро нанесут себе «смертельный удар».

«Фейербах» — к этому святой наконец пришел при помощи критического понимания «Святого семейства», — «это разбавленный и разложенный гуманизмом материалист, т. е. такой материалист, который не в силах выдержать пребывания на земле и на ее бытии» (Санкт Бруно известно бытие земли, отличающееся от земли, и он умеет ухитриться таким образом, чтобы «выдержать пребывание на бытии земли!»), «но хочет одухотвориться и взойти на небо; такой гуманист, который не может мыслить и построить духовный мир, но наполняется материализмом и т. д.» (стр. 123). Как у Санкт Бруно гуманизм заключается в «мышлении» и «построении духовного мира», так материализм состоит в следующем: «Материалист признает только имеющуюся в настоящем, действительную сущность, материю» (точно человек со всеми его свойствами, включая и мышление, не есть «имеющаяся в настоящем действительная сущность») «и признает ее, как деятельно распростирающую и осуществляющую себя во множестве, как природу» (стр. 123). Сперва материя есть имеющаяся в настоящем действительная сущность, но только сама по себе, в скрытом виде; лишь когда она «деятельно распростирает и осуществляет себя во множестве» («имеющаяся в настоящем действительная сущность» «осуществляет себя» !!), лишь тогда она становится природой. Сперва существует понятие материи, отвлеченность, представление, и это последнее осуществляет себя в действительной природе. Дословно гегелевская теория о предсуществовании творческих категорий. С этой точки зрения также становится вполне понятным, что Санкт Бруно принимает философские фразы материалистов о материи за действительное ядро и содержание их мировоззрения

Из „III. Святой Макс"

А. Дух (чистая история духов)

Первое, что мы узнаем о «духе», это—что не дух, а «царство духов необычайно велико». Святой Макс может сразу сказать о духе только то, что существует «необычайно большое царство духов», точно так же, как и о средневековье он знает только, что это было «долгое время». После того

как это «царство духов» предположено уже существующим, его существование затем доказывается задним числом с помощью десяти тезисов.

1) Дух—не есть свободный дух до тех пор, пока он не занялся одним собой, пока он не «стал иметь дело только» со своим, «с духовным миром» (сначала с одним собой, а потом со своим миром);

2) «Он есть свободный дух лишь в собственном своем мире»;

3) «Только через посредство духовного мира дух есть действительно дух»;

4) «До тех пор пока дух не создал себе свой мир духов, он не дух»—

5) «Его творения делают его духом» —

6) «Его творения есть его мир» —

7) «Дух — это творец духовного мира» —

8) «Дух существует, лишь когда творит духовное» —

9) «Он действителен только вместе с духовным своим творением» —

10) «Но творения или чада духа суть не что иное, как — духи» (стр. 38—39).

«Духовный мир» в тезисе 1 сразу же предположен существующим, вместо того, чтобы его развить, и этот тезис 1 проповедуется затем снова в тезисах 2—9 в восьми новых превращениях. В конце тезиса 9 мы все там же, где были в конце тезиса 1, — и тут в тезисе 10 одно «но» внезапно вводит «духов», о которых до сих пор еще не было речи.

«Так как дух существует, лишь когда творит духовное, то мы ищем его первых творений» (стр. 41). Но согласно тезисам 3, 4, 5, 8 и 9 дух есть свое собственное творение. Это выражается теперь таким образом, что дух, т. е. первое творение духа, «должен возникнуть из ничего» — «он должен еще сотворить себя» — «его первое творение есть он сам, дух» (там же). «Когда этот творческий акт совершен, то далее следует уже естественное размножение творений подобно тому, как и согласно мифу, стоило только создать первых людей, как остальной род человеческий стал размножаться сам собой» (там же).

«Как мистически это ни звучит, мы однако переживаем это в повседневном опыте. Бываешь ли Ты мыслящим прежде, чем Ты мыслишь? Творя свою первую мысль, Ты творишь и себя, мыслящего, ибо Ты не мыслишь, пока не мыслишь какую-либо мысль, т. е.» ... т. е. ... «пока ее не имеешь. Не делает ли Тебя певцом лишь Твое пение, говорящим человеком — лишь Твоя речь? Вот так и созидание духовного впервые делает Тебя духом».

Наш святой фокусник подставляет то положение, что дух созидает духовное, чтобы заключить отсюда, что он созидает самого себя, как духа, а с другой стороны, он подставляет его в виде духа, чтобы дать ему возможность создавать свои духовные творения (которые «согласно мифу размножаются сами» и становятся духами). До сих пор все это — давно знакомые, правоверно-гегельянские фразы. Подлинно «единственное» изложение того, что святой Макс хочет сказать, начинается лишь с приводимого им примера. А именно, когда Jacques le bonhomme не может сдвинуться с места, когда даже безличные обороты не в состоянии сделать так, чтобы его севшая на мель ладья снова поплыла, тогда «Штирнер» призывает на помощь своего третьего крепостного, «Ты», который уж никогда его не выдаст и на которого он может положиться в крайней нужде. Этот «Ты» — индивид, встречающийся нам не в первый раз, скромный и преданный раб, прошедший на наших глазах сквозь огонь и воду и медные трубы, работник в вертограде своего господина, не пугающийся ничего, — одним словом: Шелига[1]). Когда «Штирнер» испытывает наибольшие затруднения развития, он взывает:

[1]) Ср. «Святое семейство или Критика критической критики», где уже были воспеты прежние геройские подвиги этого божьего человека.

Шелига, выручай! — и верный Эккарт-Шелига тотчас подставляет спину, чтобы вытащить из грязи завязший в ней навоз. Об отношении Санкт Макса к Шелиге нам еще многое предстоит сказать.

Все дело в духе, который создает самого себя из ничего, — т. е. в Ничем, которое из Ничего делает себя духом. Святой Макс превращает это в сотворение шелиговского духа из Шелиги. И от кого еще, как не от Шелиги, мог бы «Штирнер» ждать, что он таким образом, как это выше происходит, согласится заменить собою ничто! Кому, как не Шелиге, мог бы импонировать такой фокус, — Шелиге, который в высшей степени польщен уже тем, что ему вообще разрешается выступать в качестве действующего лица? Санкт Макс должен был доказать не то, что данное «Ты», т. е. данный Шелига, становится мыслящим, говорящим, поющим лишь с того момента, когда он начинает мыслить, говорить, петь, — он должен был доказать, что Мыслитель творит себя из ничего, когда начинает мыслить, Певец творит себя из ничего, когда начинает петь, и т. д.; и даже не Мыслитель и не Певец, а мысль и пение, как суб'екты, творят себя из ничего, благодаря тому, что начинают мыслить и петь. «Штирнер» выставляет лишь «крайне простое соображение» и высказывает лишь ту «крайне популярную» мысль (ср. Виганд, стр. 156), что Шелига проявляет одно из своих свойств, когда он его проявляет. Правда, совсем нет ничего «удивительного» в том, что Санкт Макс не может даже правильно «выставить» «подобные простые соображения», а высказывает их неправильно, чтобы таким путем доказать еще гораздо более неправильное положение с помощью самой что ни на есть неправильной логики.

Неверно не только утверждение, будто я «из ничего» делаю, напр., себя «говорящим», но кроме того и ничто, лежащее здесь в основе, есть весьма многообразное Нечто, — а именно: действительный индивид, его органы речи, определенная ступень физического развития, наличные язык и наречия, уши, способные слушать, и человеческое окружение, которое дает пищу слуху, и т. д. Стало быть при развитии какого-либо свойства нечто создается из чего-то чем-то, а вовсе не приходит, как в гегелевской логике, от ничего через ничто к ничему.

Теперь после того, как у святого Макса под руками оказался его верный Шелига, все опять идет, как по маслу. Мы увидим, как он с помощью своего «Ты» снова превращает дух в юношу, — точно так, как раньше он превратил юношу в дух; мы снова найдем здесь всю историю о юноше почти дословно, лишь с некоторыми маскирующими перестановками, — как уже впрочем и «необычайно большое царство духов» на стр. 37 было не чем иным, как «Царством духа», основать и распространить которое было на стр. 17 целью духа юноши.

«Как Ты, однако, отличаешь себя от мыслителя, певца, рассказчика, так отличаешь Ты Себя и от духа, и прекрасно чувствуешь, что Ты еще нечто другое, чем дух. Однако, подобно тому, как мыслящее Я в энтузиазме мышления легко теряет слух и зрение, так и Тебя охватил энтузиазм духа, и Ты стремишься изо всех сил стать всецело духом и раствориться в духе. Дух — Твой идеал, недостигнутое, потустороннее: духом называется Твой бог — «бог есть дух»... Ты ополчаешься против самого себя, поскольку Ты не можешь избавиться от остатков недуховного. Вместо того, чтобы сказать: «Я больше, чем дух, — Ты говоришь с сокрушением: Я меньше, чем дух, и дух, чистый дух, или дух, который есть только дух, я могу только мыслить, но не могу быть им, а раз Я не этот дух, то им является кто-то Другой, он существует как Другой, которого Я называю «богом».

После того как выше мы долго занимались фокусом, как из Ничего сделать Нечто, мы теперь вдруг совершенно «естественно» приходим к индивиду, который есть еще нечто другое, чем дух, т. е. нечто и хочет стать чистым духом, т. е. ничем. С этой гораздо более легкой задачей (обратить нечто в ничто) перед нами тотчас же снова возникает вся история о юноше, который «еще только должен искать совершенного духа», и нам стоит лишь снова вытащить старые фразы со стр. 17—18, чтобы выйти из всякого затруднения. Особенно, когда имеешь такого послушного и верующего слугу, как Шелига, которому «Штирнер» может навязать представление, что подобно тому, как он, «Штирнер», в энтузиазме мышления «легко» (!) теряет слух и зрение», так и его, Шелигу, «охватил энтузиазм духа» и что он, Шелига, «стремится изо всех сил стать духом, вместо того, чтобы стать остроумным» [1]), т. е. что он должен теперь играть роль юноши со стр. 18. Шелига верит этому и повинуется в страхе и трепете; он повинуется, когда святой Макс вещает ему громовым голосом: Дух есть Твой идеал—Твой бог, Ты у меня сейчас будешь делать то-то и то-то, теперь Ты «усердствуешь», теперь Ты «говоришь», теперь Ты «можешь мыслить», и т. д. Когда «Штирнер» навязывает ему, что «чистый дух есть Другой, ибо он» (Шелига) «не дух», то ведь право же только Шелига в состоянии поверить этому и болтать вслед за ним слово в слово весь этот вздор. Впрочем метод, с помощью которого Jacques le bonhomme сочиняет эту бессмыслицу, уже был подробно разобран нами, когда речь шла о юноше. Так как Ты очень даже чувствуешь, что Ты не только математик, то Ты стремишься стать всецело математиком, раствориться в математике, математик — Твой идеал, математиком называется Твой бог, Ты говоришь с сокрушением: «Я меньше чем математик,—и Математика я могу себе только представить, а раз Я не он, то им является Другой, он существует как Другой, которого Я называю «богом». Другой на месте Шелиги сказал бы: Араго.

«Теперь наконец», показав, что разбираемое положение «Штирнера» есть лишь повторение «юноши», «могут высказать», что он «поистине искони не ставил себе иной задачи», кроме как отождествить дух христианского аскетизма с духом вообще и фривольное остроумие (Geistreichtheit), напр., XVIII века с христианским скудоумием (Geistlosigkeit).

Стало быть, вопреки утверждению Штирнера, не «тем, что Я и дух суть различные имена для различных предметов, что Я не дух и дух не Я» (стр. 42), об'ясняется необходимость, чтобы дух жил в потусторонней обители, т. е. был богом, — а об'ясняется она из совершенно без всяких оснований навязанного Шелиге «энтузиазма духа», превращающего его в аскета, т. е. в человека, который хочет стать богом (чистым духом), и тем, что в виду невозможности стать им, полагает бога вне себя. Но ведь речь шла о том, что дух сначала создает себя из ничего, а потом духов из себя. Вместо этого Шелига производит теперь бога (единственного духа, который здесь встречается) — не потому, что он, Шелига, есть дух как таковой, а потому, что он есть Шелига, т. е. несовершенный дух, недуховный дух, т. е. одновременно и не-дух. О том же, как возникает христианское представление о духе в виде бога, святой Макс не говорит ни слова; хотя понять это теперь совсем не так уж трудно; он предполагает его существующим, для того, чтобы его об'яснить.

История о сотворении духа «поистине искони не ставит себе иной задачи», кроме как вознести на небо (unter die Sterne zu versetzen) желудок Штирнера.

---

[1]) Geist zu werden, statt Geist zu bekommen — игра слов. — Ред.

«Именно потому, что мы не дух, который обитает в нас, как раз поэтому мы должны были его	«Именно потому, что мы не желудок, который обитает в нас, как раз поэтому мы должны были его

поместить вне нас, он был не Мы, и поэтому мы не могли мыслить его существующим иначе, как вне нас, по ту сторону от Нас, в потустороннем мире» (стр. 43).

Речь шла о том, что дух должен сперва создать себя, а потом из себя нечто отличное от себя; вопрос заключался в том, что такое это иное? На этот вопрос не дается ответа, но после вышеприведенных «различных превращений» и оборотов он перевертывается в следующий новый вопрос: «Дух есть нечто иное, чем Я. Но чем же является это иное?» (стр. 45). Таким образом теперь спрашивается, чем отличается дух от «Я», между тем как первоначальный вопрос гласил: чем отличается дух, благодаря своему творчеству из ничего, от самого себя? И тут святой Макс перескакивает в следующее «превращение».

Б. Одержимые (нечистая история духов)

Святой Макс, сам того не зная, до сих пор только и делал, что давал руководство к «духовидению», поскольку он рассматривал древний и новый мир лишь как «призрачное тело духа», как призрачное явление, и видел в нем лишь борьбу духов. Теперь же он сознательно и ex professo [по должности] дает руководство в искусстве созерцать призраки.

Наставление в духовидении. Прежде всего надо превратиться в круглого дурака, т. е. стать Шелигой, а потом сказать самому себе, как святой Макс говорил, обращаясь к этому Шелиге: «Взгляни вокруг себя на мир и скажи сам, не взирает ли на тебя изо всего какой-нибудь дух». Если довести себя до того, чтобы вообразить нечто подобное, то духи уже «легко» придут сами собой, в «цветке» увидишь только «творца», в горах — «дух возвышенности», в воде — «дух тоски» или тоску духа, будешь слышать, как «из людей говорят миллионы духов». Если дойти до этой ступени, если вместе с Штирнером воскликнуть: «Да, весь мир полон призраков», то «не трудно будет дойти до того» (стр. 93), чтобы вслед за тем воскликнуть: только в нем [в мире]? «Нет, он сам есть привидение» — (ваша речь есть да-да, нет-нет, что сверх этого, то от лукавого, т. е. логический переход) «он — странствующее призрачное тело духа, — он — привидение». Затем спокойно и смело «воззри» «и вблизь себя и вдаль», тебя окружает призрачный мир — Ты видишь духов». Если Ты обыкновенный человек, то можешь на этом успокоиться; но если Ты вздумаешь померяться с Шелигой, то Ты можешь заглянуть и в самого себя, и тогда Ты не должен «удивляться», если в этом случае и на этой высоте шелигства Ты откроешь, что и «Твой дух это есть призрак в Твоем теле», что Ты сам призрак, «чающий спасения, т. е. дух». Этим Ты достигаешь того, что сможешь видеть во «всех» людях «духов» и «призраки», — в чем духовидение и «достигает своей конечной цели» (стр. 46, 47).

Основа этого наставления, только гораздо правильнее выраженная, находится у Гегеля, между прочим в «Истории философии», т. III, стр. 124—125. Святой Макс так верит в свое собственное наставление, что в результате сам становится Шелигой и утверждает: «С тех пор, как слово стало плотью, мир одухотворен, заколдован, призрачен» (стр. 47). «Штирнер» «видит духов».

Святой Макс намеревается дать нам феноменологию христианского духа и по своему обыкновению выдергивает только одну сторону дела. Для христиан мир был не только одухотворен, но в такой же мере обездухо-

ией, как это, напр., совершенно правильно признает Гегель в только-что названном месте, где он приводит в связь обе эти стороны, и точно так же должен был бы поступить святой Макс, если бы он хотел рассуждать исторически. В противовес тому, что мир в христианском сознании отрешается от духа, с одинаковым правом можно рассматривать древних «повсюду видевших богов» как одухотворителей мира — воззрение, которое наш святой диалектик отводит благонамеренным указанием: «Боги, мой милый Новый человек, — это не духи» (стр. 47). Верующий Макс признает духом только святой дух.

Но даже если бы он и дал нам эту феноменологию (что впрочем после Гегеля излишне), то он все же ничего бы нам не дал. Точка зрения, на которой удовлетворяются подобными историями о духах, сама еще есть религиозная точка зрения, потому что, оставаясь на ней, успокаиваются на религии, понимают религию как causa sui [причину самой себя], (ибо «самосознание» — и «человек» также еще религиозны), вместо того, чтобы объяснить ее из эмпирических условий и показать, каким образом определенные промышленные отношения и отношения общения необходимо связаны с определенной общественной формой и тем самым с определенной государственной формой и тем самым с определенной формой религиозного сознания. Если бы Штирнер пригляделся к действительной истории средних веков, то он мог бы понять, почему представление христиан о мире приняло в средние века именно эту форму и каким образом произошло, что оно впоследствии превратилось в другое; он мог бы понять, что у «христианства» вовсе нет никакой истории, и что все различные формы, в которых оно понималось в различные времена, были не «самоопределениями» и «дальнейшими развитиями» «религиозного Духа», а результатом действия причин совершенно эмпирических, от влияния религиозного духа нисколько не зависящих.

Так как Штирнер «не идет по струнке» (стр. 45), то прежде чем говорить подробнее о духовидении, мы можем тут же сказать, что различные «превращения» штирнеровских людей и их мира заключаются лишь в превращении всей мировой истории в плоть гегелевской философии — в призраки, которые только для видимости являются «инобытием» мыслей берлинского профессора. В Феноменологии, этой гегелевской библии, в «Книге», индивиды сперва превращаются в «сознание», а мир в «предмет», благодаря чему, все разнообразие жизни и истории сводится к различному отношению (Verhalten) «сознания» к «предмету». Это различное отношение сводится в свою очередь к трем кардинальным отношениям (Kardinalverhältnisse): 1) отношение сознания к предмету как к истине, или к истине, как к простому предмету (напр., чувственное сознание, естественная религия, ионийская философия, католицизм, авторитарное государство и т. д.; 2) отношение сознания как Истинного к предмету (рассудок, духовная религия, Сократ, протестантизм, французская революция); 3) истинное отношение сознания к истине как к предмету, или к предмету как к истине (логическое мышление, спекулятивная философия, дух как для духа). Первое отношение понимается у Гегеля, как бог-отец, второе как Христос, третье как святой дух, и т. д. Штирнер уже использовал эти превращения, говоря о ребенке и юноше, о древних и новых, затем он повторяет их по поводу католицизма и протестантизма, негров и монголов и т. д. и этот ряд маскировок одной и той же мысли легковерно считает тем миром, против которого он должен утвердить себя как «телесного индивида».

Второе наставление в духоведении. О том, как превратить мир в призрак истины, а самого себя в освященную или призрачную личность. Разговор между Санкт Максом и его холопом Шелигой (стр. 47, 48).

Санкт Макс. — Ты обладаешь духом, ибо у Тебя есть мысли. Что такое Твои мысли?

«Именно потому, что мы не дух, который обитает в нас, как раз поэтому мы должны были его	«Именно потому, что мы не желудок, который обитает в нас, как раз поэтому мы должны были его

поместить вне нас, он был не Мы, и поэтому мы не могли мыслить его существующим иначе, как вне нас, по ту сторону от Нас, в потустороннем мире» (стр. 43).

Речь шла о том, что дух должен сперва создать себя, а потом из себя нечто отличное от себя; вопрос заключался в том, что такое это иное? На этот вопрос не дается ответа, но после вышеприведенных «различных превращений» и оборотов он перевертывается в следующий новый вопрос: «Дух есть нечто иное, чем Я. Но чем же является это иное?» (стр. 45). Таким образом теперь спрашивается, чем отличается дух от «Я», между тем как первоначальный вопрос гласил: чем отличается дух, благодаря своему творчеству из ничего, от самого себя? И тут святой Макс перескакивает в следующее «превращение».

Б. Одержимые (нечистая история духов)

Святой Макс, сам того не зная, до сих пор только и делал, что давал руководство к «духовидению», поскольку он рассматривал древний и новый мир лишь как «призрачное тело духа», как призрачное явление, и видел в нем лишь борьбу духов. Теперь же он сознательно и ex professo [по должности] дает руководство в искусстве созерцать призраки.

Наставление в духовидении. Прежде всего надо превратиться в круглого дурака, т. е. стать Шелигой, а потом сказать самому себе, как святой Макс говорил, обращаясь к этому Шелиге: «Взгляни вокруг себя на мир и скажи сам, не взирает ли на тебя изо всего какой-нибудь дух». Если довести себя до того, чтобы вообразить нечто подобное, то духи уже «легко» придут сами собой, в «цветке» увидишь только «творца», в горах — «дух возвышенности», в воде — «дух тоски» или тоску духа, будешь слышать, как «из людей говорят миллионы духов». Если дойти до этой ступени, если вместе с Штирнером воскликнуть: «Да, весь мир полон призраков», то «не трудно будет дойти до того» (стр. 93), чтобы вслед за тем воскликнуть: только в нем [в мире]? «Нет, он сам есть привидение» — (ваша речь есть да-да, нет-нет, что сверх этого, то от лукавого, т. е. логический переход) «он — странствующее призрачное тело духа, — он — привидение». Затем спокойно и смело «воззри» «и вблизь себя и вдаль», тебя окружает призрачный мир — Ты видишь духов». Если Ты обыкновенный человек, то можешь на этом успокоиться; но если Ты вздумаешь померяться с Шелигой, то Ты можешь заглянуть и в самого себя, и тогда Ты не должен «удивляться», если в этом случае и на это' высоте шелигства Ты откроешь, что и «Твой дух это есть призрак в Твоем теле», что Ты сам призрак, «чающий спасения, т. е. дух». Этим Ты достигаешь того, что сможешь видеть во «всех» людях «духов» и «призраки», — в чем духовидение и «достигает своей конечной цели» (стр. 46, 47).

Основа этого наставления, только гораздо правильнее выраженная, находится у Гегеля, между прочим в «Истории философии», т. III, стр. 124—125. Святой Макс так верит в свое собственное наставление, что в результате сам становится Шелигой и утверждает: «С тех пор, как слово стало плотью, мир одухотворен, заколдован, призрачен» (стр. 47). «Штирнер» «видит духов».

Святой Макс намеревается дать нам феноменологию христианского духа и по своему обыкновению выдергивает только одну сторону дела. Для христиан мир был не только одухотворен, но в такой же мере обездухо-

ним, как это, напр., совершенно правильно признает Гегель в только-что указанном месте, где он приводит в связь обе эти стороны, и точно так же должен был бы поступить святой Макс, если бы он хотел рассуждать исторически. В противовес тому, что мир в христианском сознании отрешается от духа, с одинаковым правом можно рассматривать древних «повсюду видевших богов» как одухотворителей мира — воззрение, которое наш святой диалектик отводит благонамеренным указанием: «Боги, мой милый Новый человек, — это не духи» (стр. 47). Верующий Макс признает духом только святой дух.

Но даже если бы он и дал нам эту феноменологию (что впрочем после Гегеля излишне), то он все же ничего бы нам не дал. Точка зрения, на которой удовлетворяются подобными историями о духах, сама еще есть религиозная точка зрения, потому что, оставаясь на ней, успокаиваются на религии, понимают религию как causa sui [причину самой себя], (ибо «самосознание» — и «человек» также еще религиозны), вместо того, чтобы об'яснить ее из эмпирических условий и показать, каким образом определенные промышленные отношения и отношения общения необходимо связаны с определенной общественной формой и тем самым с определенной государственной формой и тем самым с определенной формой религиозного сознания. Если бы Штирнер пригляделся к действительной истории средних веков, то он мог бы понять, почему представление христиан о мире приняло в средние века именно эту форму и каким образом произошло, что оно впоследствии превратилось в другое; он мог бы понять, что у «христианства» вовсе нет никакой истории, и что все различные формы, в которых оно понималось в различные времена, были не «самоопределениями» и «дальнейшими развитиями» «религиозного Духа», а результатом действия причин совершенно эмпирических, от влияния религиозного духа нисколько не зависящих.

Так как Штирнер «не идет по струнке» (стр. 45), то прежде чем говорить подробнее о духовидении, мы можем тут же сказать, что различные «превращения» штирнеровских людей и их мира заключаются лишь в превращении всей мировой истории в плоть гегелевской философии — в призраки, которые только для видимости являются «инобытием» мыслей берлинского профессора. В Феноменологии, этой гегелевской библии, в «Книге», индивиды сперва превращаются в «сознание», а мир в «предмет», благодаря чему все разнообразие жизни и истории сводится к различному отношению (Verhalten) «сознания» к «предмету». Это различное отношение сводится в свою очередь к трем кардинальным отношениям (Kardinalverhältnisse): 1) отношение сознания к предмету как к истине, или к истине, как к простому предмету (напр., чувственное сознание, естественная религия, ионийская философия, католицизм, авторитарное государство и т. д.; 2) отношение сознания как Истинного к предмету (рассудок, духовная религия, Сократ, протестантизм, французская революция); 3) истинное отношение сознания к истине как к предмету, или к предмету как к истине (логическое мышление, спекулятивная философия, дух как для духа). Первое отношение понимается у Гегеля, как бог-отец, второе как Христос, третье как святой дух, и т. д. Штирнер уже использовал эти превращения, говоря о ребенке и юноше, о древних и новых, затем он повторяет их по поводу католицизма и протестантизма, негров и монголов и т. д. и этот ряд маскировок одной и той же мысли легковерно считает тем миром, против которого он должен утвердить себя как «телесного индивида».

Второе наставление в духоведении. О том, как превратить мир в призрак истины, а самого себя в освященную или призрачную личность. Разговор между Санкт Максом и его холопом Шелигой (стр. 47, 48).

Санкт Макс. — Ты обладаешь духом, ибо у Тебя есть мысли. Что такое Твои мысли?

Шелига. — Духовные существа.

Санкт Макс. — Значит, это не вещи?

Шелига. — Нет, но дух вещей главное во всех вещах, их нутро, их идея.

Санкт Макс. — Стало быть то, что Ты мыслишь, не есть только Твоя мысль?

Шелига. — Наоборот, это—самое действительное, подлинно истинное в мире; это сама истина; когда я воистину мыслю, я мыслю Истину. Я могу, правда, ошибаться насчет истины и не опознать ее; но когда я воистину познаю, тогда предмет моего познания есть истина.

Санкт Макс. — Итак, ты всечасно носишься со стремлением познавать истину?

Шелига. — Истина для меня священна. Истину я не могу отменить; в истину я верю и потому я и ищу в ней; выше нее нет ничего, она вечна. Свята, вечна истина, она есть Святое, Вечное.

Санкт Макс *(озлобленно)*. — Но Ты-то, ты, который преисполняешься этой святыней, Ты сам становишься освященным!»

Итак, когда Шелига воистину познает какой-нибудь предмет, этот предмет перестает быть предметом и становится «истиной». Это—первое производство призраков в крупном масштабе. Дело теперь уже не в познании предметов, а в познании истины; сперва он воистину познает предметы, это он определяет как истину познания и превращает ее в познание истины. Не успел Шелига дать грозному святому навязать себе истину-призрак, как его суровый господин уже наседает на него, требуя ответа по совести, «всечасно» ли он «на сносях» тоской по истине, на что сбитый с толку Шелига несколько преждевременно выпаливает: «истина для меня священна». Но он тотчас же замечает свою оплошность и искупает ее, сконфуженно превращая предметы уже не в истину, а в истины, и абстрагируя, как истину этих истин, «Истину», которую он уже не может отменить, после того как она отличена им от отменимых истин. Тем самым она становится «вечной». Но не довольствуясь тем, что он прилагает к ней такие предикаты, как «святое, вечное», он превращает ее в Святое и Вечное, как суб'ект. После этого Санкт Макс может ему конечно раз'яснить, что «преисполнившись» Святым, он «сам становится освященным» и «не должен удивляться», если теперь он в себе «не найдет ничего, кроме призрака». Затем наш святой начинает проповедь. «Да святое и не для твоих чувств», и весьма последовательно «добавляет с помощью частицы «и»: «никогда не откроешь ты, как чувственный, его следа»— ибо ведь чувственные предметы «все вышли» и их место заняла «истина», «святое». «Но» — разумеется! — «оно существует для Твоей веры или, точнее, только для Твоего ума» (для твоего скудоумия), «ибо оно ведь само есть нечто духовное» (per appositionem) [по методу грамматического приложения], дух (снова per appos.), «это дух для духа». Таково искусство превращения обыденного мира, «предметов», посредством арифметического ряда приложений в «дух для духа». Здесь мы можем еще только восхищаться этим диалектическим методом приложений, — ниже мы будем иметь случай основательно разобраться в нем и изложить его во всей его классичности. Метод приложений может быть и перевернут, — так здесь, где «святое», будучи уже порождено нами, не приобретает дальнейших приложений, а само превращается в приложение к некоторому новому определению; это — сочетание прогрессии с уравнением. Так, «оставшаяся» после некоторого диалектического процесса «мысль о чем-то Другом», чему «Я должен был служить больше чем Себе» (per appos.), «что должно было быть для Меня важнее всего» (per appos.), «словом нечто, в чем я должен был искать Мое истинное благо», (наконец per appos. возвращение к первому ряду) становится «святым» (стр. 48). У нас здесь две прогрессии,

…торые приравниваются друг к другу и могут дать таким образом материал …множества различных уравнений. Но об этом после. С помощью этого …тода «Святое», которое мы знали до сих пор лишь как чисто теоретиче…кую характеристику чисто теоретических отношений, приобрело также но…ый практический смысл, как «нечто, в чем Я должен искать Мое истинное …его», что дает возможность противопоставить Святое эгоисту. А впрочем …ва ли стоит упоминать, что весь этот диалог, с последующей проповедью, …сть не что иное, как новое повторение уже три—четыре раза встречавшейся …тории о юноше.

Здесь, дойдя до «эгоиста», мы перережем «струнку» Штирнера, по…тому что, во-первых, мы должны изложить его конструкцию во всей ее чи…стоте, без всяких вплетенных в нее интермеццо, а во-вторых, потому что эти …термеццо (Санчо по аналогии с «des Lazaroni» (Виганд, стр. 159, должно …ть Lazzarone) сказал бы Intermezzi's) все равно встретятся нам в других …стях книги, ибо Штирнер, вопреки своему собственному требованию, отнюдь …склонен «постоянно возвращаться в себя», а наоборот, постоянно разбра…сывается во все стороны. Упомянем еще только что поставленный на стр. 45 …прос: что такое этот отличный от «Я» дух? — Ответ на него дан теперь в …смысле, что это есть Святое, т. е. чуждое нашему «Я» и что все, чуждое …шему «Я», понимается впредь—в силу некоторых невысказанных приложе…ний приложений «в себе» — без дальнейших околичностей как дух. Дух, …ятое, Чуждое суть тождественные представления, которым он об'являет …йну, как это уже было в самом начале почти буквально также, когда речь …ла о юноше и муже. Мы таким образом еще не подвинулись ни на шаг впе…ред по сравнению со стр. 20.

C. Гуманный либерализм

После того как Санкт Макс приспособил себе либерализм и коммунизм, …к несовершенные способы существования философского «человека», а вме…сте с тем и новейшей немецкой философии вообще (он был вправе это сде…лать, поскольку не только либерализм, но и коммунизм получили в Германии …мелкобуржуазную и в то же время напыщенно идеологическую форму), те…перь ему легко изобразить новейшие формы немецкой философии, то, что он …зывает «гуманным либерализмом», в качестве совершенного либерализма и …коммунизма и вместе с тем в качестве критики того и другого.

При помощи этой святой конструкции получаются следующие три за…мечательных превращения (ср. также экономию ветхого завета):

1) Отдельный индивид не есть человек; поэтому он ничего не зна…чит — никакой личной воли, приказания, — «чье имя нарекут»: «бесхозяй…ный» — политический либерализм, уже рассмотренный выше.

2) Отдельный индивид не имеет ничего человеческого, поэтому нет …места «моему» и «твоему» или собственности: «неимущий» — коммунизм, …уже рассмотренный нами.

3) В критике отдельный индивид должен уступить место обретенному …лишь теперь Человеку: «безбожный» = тождеству «бесхозяйного» и «не…имущего» — гуманный либерализм (стр. 180, 181). Своего классического со…вершенства непоколебимое правоверие Jacques'а достигает на стр. 189 при …подробном изложении этого последнего отрицательного единства: …собственности лишается своего последнего [достояния], если даже …бог станет бессмысленным, и б о» (величайшее «Ибо»!) «бог суще…ствует только в том случае, если его сердцу близко благо отдельного инди…вида точно так же, как этот последний ищет в нем свое спасение». Согласно …французский буржуа только в том случае «лишится» своей «последней»

«собственности», если из языка будет изгнано слово adieu [1]). В полном согласии со всей предшествующей конструкцией собственность на бога, святая собственность в небе, собственность фантазии, фантазия собственности об'является здесь высшей собственностью и последним якорем спасения собственности.

Из этих трех иллюзий о либерализме, коммунизме и немецкой философии он стряпает теперь свой новый — и благодарение «святому» — на этот раз последний переход к «Я». Прежде чем последовать за ним туда, бросим еще один взгляд на его последнюю «горькую жизненную борьбу» с «гуманным либерализмом».

После того как наш честнейший Санчо прошел в своей новой роли caballero andante [странствующего рыцаря] и притом в качестве caballero de la tristisima figura [рыцаря печального образа] всю историю, повсюду сражая и «сдувая» духов и привидения, «летучих змей и страусов, леших и ночные привидения, зверей пустыни и диких кошек, пеликанов и ежей» (ср. Исаию, 34, 11—14), — какое облегчение он должен почувствовать теперь, когда он прибывает наконец из всех этих разнообразных стран на свой остров Баратарию, в «страну» как таковую, где «Человек» разгуливает in puris naturalibus [в совершенно естественном виде = в чем мать родила]! Вспомним еще раз его великий тезис, навязанный ему догмат, на котором покоится вся его конструкция истории, будто «истины, вытекающие из понятия Человека, почитаются и свято блюдутся, как откровения именно этого понятия»; у «откровений этого святого понятия» даже «благодаря отмене некоторых укрепившихся за этим понятием истин, не отнимается их святость» (стр. 51). Нам пожалуй нечего повторять еще раз то, что мы уже доказали святому автору на всех его примерах, именно, что вовсе не святым понятием человека, а действительными людьми в их действительном общении созданы эмпирические отношения, и уже потом, задним числом, люди эти отношения конструируют, изображают, представляют себе, укрепляют и оправдывают, как откровение понятия «человек». Припомним кстати его иерархию и перейдем теперь к гуманному либерализму.

На стр. 44, где Санкт Макс «вкратце» противопоставляет друг другу «богословский взгляд Фейербаха и Наш», Фейербаху ничего не противопоставляется, кроме пустословия. Как мы уже видели при фабрикации духов, где «Штирнер» возносил свой желудок на небо (третий диоскур, ангел-хранитель от морской болезни), потому что он и его желудок—это «различные имена для совершенно различных вещей» (стр. 42), так первоначально сущность появляется здесь: так же и как существующая вещь, а «теперь говорится» (стр. 44): «Высшее существо, безусловно, есть существо человека, но именно потому, что оно есть его существо, а не он сам, то совершенно все равно, видим ли мы это существо вне человека и созерцаем его в виде «бога» или находим его внутри человека и называем «Существом человека» или «Человеком». Я—ни бог, ни «Человек», ни высшее существо, ни Мое существо,—и потому по сути дела все равно, мыслю ли Я существо во Мне или вне Меня». «Существо человека» здесь, как видим, предполагается в качестве существующей вещи, это есть «высшее существо», это есть не «Я», и Санкт Макс вместо того, чтобы сказать что-либо о «существе», ограничивается простым заявлением, что, мол, безразлично [gleichgültig], «мыслю ли Я его во Мне или вне Меня», в той ли или другой местности. Что это безразличие по отношению к существу вовсе не простая небрежность стиля — вытекает уже из того, что он сам делает различие между существенным и несущественным и что у него может даже фигурировать «благородное существо эгоизма» (стр. 72). Впрочем, все то,

[1]) Французское слово - означает «прощай», составлено из двух слов: a = «к» и dieu = «бог».

что до сих пор говорилось немецкими теоретиками о существе и несуществе [Wesen und Unwesen] сказано уже Гегелем в «Логике» гораздо лучше.

Безграничное правоверие «Штирнера» по отношению к иллюзиям немецкой философии сосредотачивается, как мы видели, в том, что он беспрестанно подсовывает истории «Человека» в качестве лица, которое одно только и действует; он воображает, будто «Человек» создал историю. Теперь мы увидим то же самое также и у Фейербаха, иллюзии которого «Штирнер» безоговорочно принимает, чтобы на их основе продолжать свои построения.

Стр. 77: «Вообще Фейербах производит только перестановку подлежащего [суб'екта] и сказуемого [предиката], он отдает предпочтение последнему. Но так как он сам говорит: „любовь священна не оттого, что она есть предикат [сказуемое] бога (и никогда она по этой причине не была для людей священна), а священна она потому, что она божественна сама собой и для себя», — то он мог бы притти к выводу, что борьбу надо было начать против самих предикатов [сказуемых], против любви и всего святого. Как мог он надеяться отвратить людей от бога, раз он оставлял им божественное? И если, как говорит Фейербах, для людей самым главным всегда были предикаты [сказуемые] бога, а не сам бог, то Фейербах со спокойной совестью мог бы оставить им внешний блеск и впредь, так как кукла-то, самая действенная суть дела, несмотря ни на что, оставалась». Оказывается, для нашего Jacques le bonhomme'а достаточным основанием поверить Фейербаху, что люди чтили любовь, якобы потому, что она «божественна сама собой и для себя», — служит одно то, что «с а м» Фейербах так говорит. Если же на самом деле происходило как раз О Б Р А Т Н О Е тому, что говорил Фейербах,—и мы «отваживаемся это сказать» (Виганд, стр. 157),—если для людей ни бог, ни его предикаты никогда не были главным, если и это есть только религиозная иллюзия немецкой теории,—то значит с нашим Санчо приключилось то же самое, что с ним приключилось уже у Сервантеса, когда из-под его седло, пока он спал, подставили четыре кола и вывели из-под него его «серого». Опираясь на эти высказывания Фейербаха, Санчо затевает бой, который точно также предвосхищен уже Сервантесом в девятнадцатой главе, где ingenioso hidalgo [хитроумный гидальго] сражается с предикатами, с рясами, в то время, когда они несут хоронить труп мира и, запутавшись в своих мантиях и саванах, не могут шевельнуться, так что нашему гидальго не трудно опрокинуть их своим шестом и оттузить их вволю. Последняя попытка пожиниться до-нельзя избитой критикой религии как самостоятельной сферы, остановиться в пределах предпосылок немецкой теории и все-таки придать себе вид, будто из нее выходишь, состряпать для «книги» румфордовскую нищенскую похлебку из этой кости, обглоданной до последней жилки,— эта попытка заключалась в том, что борьба велась против материальных отношений не в их действительном виде и даже не в виде мирских иллюзий этих людей, на практике с головой ушедших в современный мир, а против небесного экстракта их земного образа, против них в качестве предикатов, эманаций бога, в виде ангелов. Таким образом царство небесное было снова населено и снова была создана масса нового материала для того, чтобы это царство небесное эксплоатировать попрежнему. Таким образом вместо действительной борьбы была снова подсунута борьба с религиозной иллюзией: с богом. Святой Бруно, который добывает себе хлеб богословием, в своих «трудных жизненных боях» против субстанции делает ту же самую попытку pro aris et focis [за свой алтарь и очаг] в качестве богослова выйти из пределов богословия. Его «субстанция» есть не что иное, как предикаты бога, соединенные в одном имени; за исключением личности, которую он оставляет за собой,—это те предикаты бога, которые опять-таки не что иное, как заоблачные названия представлений людей о своих определен-

ных эмпирических отношениях — представлений, за которые они лицемерно продолжают цепляться в силу эмпирических причин. При помощи унаследованного от Гегеля теоретического оружия эмпирическое, материальное поведение этих людей конечно нельзя даже и понять. Благодаря тому, что Фейербах разоблачил религиозный мир как иллюзию земного мира, который у самого Фейербаха фигурирует только еще как фраза, перед немецкой теорией встал сам собой вопрос, у Фейербаха оставшийся без ответа: как это случилось, что люди «вбили себе в голову» эти иллюзии. Этот вопрос даже для немецких теоретиков проложил путь к материалистическому воззрению на мир, мировоззрению, которому не только не свойственно отсутствие предпосылок, но которое эмпирически руководствуется как раз действительными материальными предпосылками как таковыми и потому есть действительно критическое воззрение на мир. Эта дорога была намечена уже в «Немецко-французских ежегодниках», во «Введении к критике гегелевской философии права» и в статье «К еврейскому вопросу». Но так как это было сделано тогда еще в философской фразеологии, то попадающиеся там по традиции такие философские выражения, как «человеческая сущность», «род» и т. п. дали немецким теоретикам желанный повод к тому, чтобы неверно понять действительный ход развития и вообразить, будто и здесь все дело только в новой перелицовке их истасканных теоретических сюртуков: — вообразил же ведь тогда Dottore Graziano [1]) немецкой философии, доктор Арнольд Руге, что он и дальше сможет попрежнему размахивать своими неуклюжими членами и щеголять своей педантски-шутовской маской. Нужно «оставить философию в стороне» (Виганд, стр. 187, ср. Гесс, «Die letzten Philosophen» [«Последние философы»], стр. 8), нужно выпрыгнуть из нее и в качестве обыкновенного человека взяться за изучение действительности. Для этого и в литературе имеется огромный материал, конечно неизвестный философам. Когда после этого снова очутишься лицом к лицу с людьми, вроде Круммахера или «Штирнера», то находишь, что они давным-давно остались «позади» тебя и ниже тебя. Философия и изучение действительного мира относятся друг к другу, как онанизм и половая любовь. Святой Санчо вопреки своему недомыслию, которое мы констатировали терпеливо, а он сам с пафосом, все же останавливается в пределах мира чистых мыслей. Святой Санчо от этого мира может спастись конечно только посредством морального постулата, постулата «недомыслия» (стр. 196 «Книги»). Он—бюргер, который спасается от торговли посредством banqueroute cochonne [свинского банкротства] [2]), благодаря чему он конечно становится не пролетарием, а малоимущим и обанкротившимся бюргером. Штирнер становится не светским человеком (Weltmann), а лишенным мыслей обанкротившимся философом.

Перенятые от Фейербаха предикат бога, как действительные силы, властвующие над людьми, как иерархи,—вот тот подсунутый эмпирическому миру уродец-оборотень, которого и находит «Штирнер». До такой степени вся его «особенность» покоится на одном лишь «внушенном». Если «Штирнер» (см. также стр. 63) упрекает Фейербаха в том, что-де результат, к ко-

[1]) Dottore Graziano — комическая фигура ученого, один из главных персонажей итальянской народной комедии (comedia dell'arte). — Ред.

[2]) «Свинское банкротство», это—32-й из 36 видов банкротства, которые различает Фурье. Излагая мысль Фурье, Энгельс охарактеризовал «свинское банкротство», как «банкротство новичка, который, вместо того, чтобы действовать на основании испытанных правил, разоряет себя, жену и детей и вдобавок предается себя в лапы правосудия, навлекая на себя презрение всех «друзей коммерции», которые питают уважение только к банкротствам жирным и отвечающим правилам. О таком разорившем себя и семью банкроте на коммерческом воровском жаргоне говорят: «Это же настоящее свинство». Если бы он сумел устроить жирное банкротство, его назвали бы ловким парнем, золотой головой». — Ред.

...ому Фейербах приходит—Ничто, потому что Фейербах превращает пре... ...ат [сказуемое] в суб'ект [подлежащее] и наоборот, то сам он еще ...ные способен притти к чему-нибудь, потому что эти фейербаховские ...икаты [сказуемые], превращенные в суб'екты (подлежащие), он свято при... ...ает за действительные личности, властвующие над миром, эти фразы об ...шениях он принимает за действительные отношения, награждает их ска... ...мым [предикатом] «святы»; превращает это сказуемое [пре... ...икат] в подлежащее [суб'ект]—«Святое»; т. е. делает совершенно ...же, что сам ставит в упрек Фейербаху; и теперь, после того как он совер... ...нно избавился таким путем от того определенного содержания, в котором ...ла вся суть, он против этого «Святого», всегда остающегося конечно все ...м же, открывает свою борьбу, т. е. изливает свое «отвращение». У Фейер... ...а еще есть то сознание, за что святой Макс его и упрекает, что у него ...е дело заключается только в уничтожении одной иллюзии» (стр. 77 «Кни... ...и»), хотя Фейербах придает борьбе против этой иллюзии все еще слишком ...ьшое значение. У «Штирнера» и это сознание «все вышло», он действи... ...льно верит в господство отвлеченных мыслей идеологии в современном ...ре, он уверен, что в своей борьбе с «предикатами», с понятиями, он напа... ...ет уже не на иллюзию, а на действительные силы, властвующие над миром. ...тсюда его манера ставить все на голову, отсюда его чрезвычайное легко... ...рие, с каким он принимает за чистую монету все ханжеские иллюзии, все ...мерные заверения буржуазии. Как мало впрочем «кукла» составляет ...обственно самую суть» «внешнего блеска» и насколько хромает это пре... ...сное сравнение, виднее всего на «кукле» самого «Штирнера»—на его ...иге», в которой нет никакой, ни «собственно», ни не-«собственно» «сути ...а» и где даже то немногое, что имеется на ее 491 страницах, едва ли за... ...живает названия «внешнего блеска». Но уже если непременно нужно ...ти в ней какую-нибудь «суть дела», то эта суть—немецкий ...щанин.

Откуда впрочем взялась ненависть святого Макса к «предикатам», об ...м сам он дает крайне наивные раз'яснения в апологетическом коммента... ...и. Он приводит следующее место из «Сущности христианства» (стр. 31): ...стинный атеист лишь тот, для кого предикаты божественной сущ... ...сти, любовь, мудрость, справедливость,— Ничто, но не тот, для кого ...лько суб'ект этих предикатов—Ничто»—и затем восклицает с торже... ...ующим видом: «Разве не имеется все это у Штирнера?» ...есь мудрость». Святой Макс нашел в приведенном только-что месте намек, ...к устроить так, чтобы пойти «дальше всех». Он верит Фейербаху, ...о вышеприведенное место составляет «сущность» «истинного атеи... ...ма» и заставляет его задать святому Максу «задачу» сделаться «истинным ...еистом». «Единственный», это—«истинный атеист».

Еще более легковерно, чем по отношению к Фейербаху, «орудует» он ...по отношению к святому Бруно или к «Критике». Чего только он не допу... ...ает, чтобы «критика» ему навязала, каким образом он становится под ее ...лицейский надзор, как она внушает ему его образ жизни, его «призва... ...ие»,—все это мы постепенно увидим. Пока же достаточный образчик его ...ры в критику—это то, что на стр. 186 он изображает «Критику» и «Массу» ...к два лица, которые борются друг против друга и «стараются освободиться ...т эгоизма», а на стр. 187 он обеих «принимает за то, за что они... вы... ...дают себя».

Борьбой против гуманного либерализма заканчивается долгая борьба ...тарого завета, когда Человек был детоводителем к Единственному: времена ...сполнились, и евангелие благодати и радости нисходит на грешное чело... ...вечество.

Троцкистская теория кризисов и империализма

И. Дворкин

Книга Преображенского «Закат капитализма», как это уже признано сейчас всеми, является книгой троцкистской, и развитая в ней теория кризисов и империализма — троцкистской теорией, построенной на основе троцкистской методологии.

Известно, что характерной чертой троцкистской методологии является суб'ективный идеализм, переплетающийся с механицизмом.

Кризис, по Троцкому,—лишь нарушение равновесия, в котором якобы находится хозяйство в периоды под'ема и депрессии. «Равновесие капитализма,—говорит он,—сложное явление. Капитализм вырабатывает это равновесие, нарушает его, снова восстанавливает и снова нарушает, раздвигая вместе с тем рамки своего владычества. В области экономической таким постоянным нарушением равновесия и восстановления являются кризисы и под'емы» [1]).

В оценке кризиса как явления, нарушающего равновесие хода капиталистического производства и воспроизводства, Троцкий между прочим сходится с Бухариным. «Закон кризиса, — говорит Бухарин, — есть закон необходимого периодического выведения системы из равновесия и восстановления его» [2]).

Такой взгляд на теорию кризисов является взглядом, ничего общего с марксизмом не имеющим.

Троцкий (как и Бухарин) не понимает основной причины кризиса—противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения продуктов этого общественного производства. Рассматривая кризисы, как нарушение равновесия, что общо для всех буржуазных экономистов, Троцкий по существу видит основную причину кризисов в нарушении равновесия капиталистического производства. На известных ступенях развития под'ем производства, находящегося все время в равновесии, нарушается из-за того, что анархия производства это равновесие нарушила. Не понимая природы основного противоречия капитализма, не понимая того, что анархия капиталистического производства сама — лишь форма проявле-

---

[1]) Троцкий, Пять лет Коминтерна, стр. 138; там же, стр. 318—320.

Механистическая теория равновесия проявляется у Троцкого не только в теории кризисов. Так, мы у него читаем: «В области отношений между классами нарушение равновесия — это война, или в более слабой форме — таможенная экономическая война или блокада. Капитализм имеет, таким образом, равновесие подвижное, которое всегда либо нарушается, либо восстанавливается» (там же, стр. 138).

Таким образом Троцкий и здесь не допускает других форм движения, кроме механического нарушения и восстановления равновесия.

[2]) Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 129.

[...] основного противоречия, Троцкий выступает с позицией буржуазных [эко]номистов.

Из этой же механистической, антидиалектической позиции Троцкого [выт]екает с неизбежностью вывод о возможности уничтожения кризисов в [эпо]ху империализма. При таком подходе пропадает противоречие между [мон]ополией и конкуренцией. Получается, что монополии преодолевают [анар]хию производства, вводят «организованность» общественного произ[вод]ства.

И Троцкий с его теорией абсолютной стагнации производства в эпоху [им]периализма, и Бухарин с его теорией организованного капитализма, и [Г]ильфердинг с той же теорией, — все они исходят из того, что монополия [уст]раняет конкуренцию, что рост монополии равносилен росту организован[но]сти, что этот рост организованности все более и более устраняет возмож[но]сть нарушения равновесия в ходе общественного производства и возник[нов]ения кризисов.

Отсюда с неизбежностью вытекает теория изживания кризисов в эпоху [им]периализма. То же самое вытекает и из теории абсолютной стагнации. [В с]амом деле, если империализму присуще абсолютное загнивание, значит [под]'емы в эпоху империализма исключаются, а кризисы все более и более [стан]овятся невозможными вследствие абсолютно застойного, неподвижного [хар]актера производства. Если же кризисы в эпоху империализма все же [су]ществуют, — а факты упрямая вещь, — то сторонники теории абсолютной [ст]агнации уверяют, что это является следствием того, что анархия произ[вод]ства еще не исчезла совсем.

Эта теория пополняется у Троцкого теорией больших циклов. Сущность [это]й теории заключается в том, что наряду с «малыми циклами», охватываю[щими] под'емы, кризисы и депрессии, существуют еще большие циклы капита[ли]стического производства. Троцкий здесь целиком присоединяется к теории [Кондрат]ьева о больших циклах. В своем письме в редакцию «Вестника ком[му]нистической академии» (книга 4-я за 1923 г.) Троцкий писал: «Периодич[но]сть малых циклов обусловлена внутренней динамикой капиталистических [сил], проявляющих себя всегда и везде, раз налицо рынок. Что же касается... [бол]ьших (50 лет) отрезков капиталистической кривой... то их характер и [дли]тельность определяются не *внутренней игрой* капиталистиче[ск]их сил, а теми *внешними условиями*, в русле которых протекает [кап]италистическое развитие» (стр. 9). Там же он пишет: «Бывают целые [эпохи] капиталистического развития, когда ряд циклов характеризуется ярко [выра]женными под'емами и слабыми, скоро преходящими кризисами. Это дает [в ре]зультате резко повышательное движение основной кривой капиталисти[ческ]ого развития. Бывают застойные эпохи, когда эта кривая через частичное [цикл]ическое колебание сохраняет в течение десятилетий приблизительно [оди]н и тот же уровень. И наконец в некоторые исторические периоды [осно]вная кривая, проделывая, как всегда, циклические колебания, в общем [идет в]низ, знаменуя упадок производительных сил» (там же, стр. 8).

Таким образом, с точки зрения Троцкого, капитализм помимо малых [цик]лов проходит периоды больших циклов, охватывающих ряд десятилетий, [при]чем из этой теории вытекает, что после периода упадка, который может [про]длиться 20—30—50 лет, должен наступить период под'ема капитализма. [Эт]и периоды под'ема и упадка определяются внешними причинами. Смысл [это]й теории заключается по существу (при доведении ее до логического [кон]ца) в утверждении, что на смену периоду упадка должен неизбежно, [рано ил]и поздно, притти период нового под'ема капитализма и его нового [рас]цвета. В этом же и закючается по существу весь смысл теории Кондра[ть]ева, который создал ее с целью доказать, что капитализм все равно пе-

рейдет в полосу длительного под'ема, который будет исчисляться десятками лет. Троцкий этого прямо не утверждает, но по существу из всей теории больших циклов, развитой им вслед за Кондратьевым, это вытекает с абсолютной необходимостью.

Теория больших циклов есть теория буржуазная, теория, увековечивающая капитализм и пытающаяся убедить рабочих в том, что вслед за периодом упадка, переживаемого капитализмом, капитализм перейдет в эпоху бурного под'ема. Между Троцким и вредителем Кондратьевым в вопросе о больших циклах трогательное единодушие, и это далеко не случайно.

Преображенский продолжает и углубляет Троцкого. В полном соответствии с троцкистскими взглядами он строит свою теорию кризисов империализма и кризисов современного капитализма, теорию, являющуюся продолжением и развитием теории Троцкого по всем этим вопросам. По вопросу о равновесии он пишет: «Кризис... означает переход от того специфического временного равновесия, которое создалось под влиянием усиленного строительства в I и заканчивает создание новых предприятий в I—к более плавному процессу производства, когда осваивается вновь созданный основной капитал и все пропорции временно строятся поиному, вплоть до нового под'ема и новой горячки» [1]).

Таким образом усиленное строительство в первом подразделении, по Преображенскому, приводит к кризису, тем самым приводит к нарушению равновесия. Кризис нарушает равновесие, существующее в ходе накопления и расширенного воспроизводства, и в первом и во втором подразделении. Окончание же кризиса, по Преображенскому, означает уничтожение этого нарушения и восстановление нового равновесия.

Защищая троцкистскую теорию кризисов, Преображенский старается изобразить дело так, что Маркс не дает законченной теории кризисов и что защищаемая им—Преображенским—теория кризисов восполняет «пробел» марксовой экономической теории.

Преображенский считает, что у Маркса есть лишь элементы теории кризисов, развить которые в стройное целое он, Преображенский, призван. Он пишет: «Марксова теория кризисов вследствие незаконченности этой его работы, а также марксова теория воспроизводства должны быть развиты и разработаны в смысле приближения анализа к условиям реального капитализма» (стр. 61. Разрядка наша.—*И. Д.).*

В своем выступлении в Комакадемии весной 1931 г. Преображенский выразился еще более определенно. Он заявил: «Если мы возьмем теорию кризисов Маркса, то она напоминает скелет такого животного, у которого сохранилась голова, часть позвоночника и некоторая часть ноги. Вот те элементы, из которых следующее поколение экономистов-марксистов должно восстановить целое, подобно тому, как Кювье в более трудных случаях делал это в отношении остатков допотопных животных».

Таким образом, по Преображенскому, получается, что у Маркса нет теории кризисов как целого, а есть лишь ее обломки. Свою задачу в отношении теории кризисов Маркса Преображенский видит в том, чтобы из этих обломков создать целое, подобно тому, как Кювье из подобных же обломков создал скелет допотопного животного.

Легенда о том, что у Маркса нет теории кризисов, что у него есть лишь отдельные, да к тому же еще противоречащие друг другу места о теории кризисов, пущена в ход задолго до Преображенского. Все ревизионисты и буржуазные экономисты, рассматривавшие марксову теорию кризисов, говорили о том, что таковой у Маркса нет, а есть лишь обломки, обрывки, про-

[1]) Е. А. Преображенский, Закат капитализма, 1931 г., стр. 27.

…речащие друг другу. То же самое утверждала и Роза Люксембург, строя …ю теорию невозможности реализации прибавочной стоимости в пределах …того капитализма. То же утверждал и Туган-Барановский в своей реви… Маркса, заявляя, что второй том «Капитала» противоречит треть… тому. Исходя из этого утверждения, Туган-Барановский создал свою …рию бескризисного развития капитализма, а Роза Люксембург построила …ю теорию воспроизводства и теорию империализма. Преображенский видит …ю задачу в том, чтобы воссоздать марксову теорию кризисов, очищенную …этих противоречий, из отдельных обломков создать законченное здание …рии кризисов.

В чем же видят все ревизионисты противоречие между вторым и …тьим томами «Капитала»? Они исходят из того, что во втором томе …питала» Маркс изложил в своей теории воспроизводства теорию бескри…зного развития капиталистического общества.

По мнению Туган-Барановского и других критиков, а также по мнению …ы Люксембург, марксовы схемы воспроизводства во II томе «Капитала» …ют капиталистическое общество лишенным его противоречий, находя…щимся в постоянном равновесии и способным к безграничному бескризисному …итию. По их утверждению расширенное воспроизводство у Маркса …II томе происходит путем соответствующего обмена товаров в пределах …вого подразделения, между первым и вторым подразделением и в пределах …рого подразделения.

В третьем же томе «Капитала», где Маркс рассматривает теорию …были, кредит и распределение доходов, Маркс, по их мнению, совершен…но незаконно, в полном противоречии со своей теорией воспроизводства, …женной во II томе, рассматривает теорию кризисов, совершенно не счи…ясь с пропорциональностью общественного производства, вводит внеш…ю торговлю и т. д.

На постулировании противоречия между вторым и третьим томами …питала» пытается построить свою теорию кризисов и Преображенский. …хемы, которые представляют собой лишь самый общий анализ пропор…циональности капиталистического воспроизводства, имеют своей задачей …же всего показать, как вообще возможно расширенное воспроизводство. …бы показать, как возможны общие кризисы при капитализме, надо от …, вскрывающих общие отношения пропорциональности, продолжить …следование дальше» («Закат капитализма», стр. 82. Разрядка …ш. — *И. Д.*). Желая преодолеть это мнимое противоречие, Преображен… пытается создать посредствующее звено между вторым и третьим …ами «Капитала», создать мост, который должен устранить противоречия. …к он создает этот мост, мы увидим ниже. Пока же разберем основатель…сть утверждений о противоречиях между вторым и третьим томами «Ка…питала».

Преображенский, Туган-Барановский, Бухарин, Роза Люксембург. …фердинг, Каутский, извращая теорию кризисов Маркса, ищут ее или в …ьем разделе второго тома «Капитала» или в третьем томе «Капитала». …и берут эти части «Капитала» оторванными и вырванными из всего уче… Маркса, то находят мнимые противоречия, которых на деле не окажется, …и подойти к «Капиталу» как к цельному, внутренне связанному произ…ию. Тогда не придется строить мосты, выдумывать якобы недостающие …нья.

Маркс рассматривает периодические кризисы капитализма как выра…, реальный синтез, сочетание всех противоречий капиталисти…ского хозяйства. Нельзя искать изложение марксовой теории кризисов …пределах только одной какой-нибудь части «Капитала» или «Теорий при…

бавочной стоимости». Такие поиски марксовой теории кризисов в одной какой-нибудь части «Капитала» всегда приводили к ревизии марксовой теории кризисов, к искажению и опошлению этой теории, к подмене ее очередной разновидностью буржуазных теорий кризисов.

Каутский видит причины кризисов в противоречии между производством и потреблением. Стоя на точке зрения отрицания теории абсолютного обнищания рабочих масс, он утверждает, что положение пролетариата в капиталистическом обществе улучшается. Каутский неизбежно должен притти и приходит к выводу о возможности устранения кризисов в эпоху капитализма вследствие повышения потребления трудящихся масс

Каутский в своем утверждении, что кризисы порождаются противоречиями между производством и потреблением, или вернее недопотреблением масс, исходит из одного, вырванного из контекста, места в III томе «Капитала», где Маркс пишет о том, что конечной причиной кризисов является недопотребление.

Бауэр (см. сб. «Основные проблемы политической экономии») берет те главы III тома «Капитала», где Маркс говорит о кредите, вырывает их из всего контекста «Капитала», берет движение противоречий в области кредита — этой надстройки над капиталистическим производством, надстройки, которая хотя и имеет огромное, но вовсе не определяющее значение для капиталистического производства, и отсюда выводит свою теорию кризисов. Его теория — теория, об'ясняющая кризис движением кредита и денег.

И Каутский, и Бауэр, и Преображенский, и Гильфердинг — все они клянутся Марксом, все они утверждают, что излагают и развивают марксову теорию кризисов. На деле же они строят свои теории, ничего общего с марксовой теорией кризисов не имеющие.

Марксова теория кризисов изложена не в какой-нибудь отдельной части «Капитала», а на всем протяжении «Капитала» и «Теорий». Для того, чтобы изложить марксову теорию кризисов (изложить, а не исказить и не «добавить»), нужно брать «Капитал» как целое, а не как сборище отдельных кусков.

Марксова теория кризисов

Посмотрим, как же обстоит дело у Маркса в действительности. В I томе «Капитала» в разделе о товаре и деньгах Маркс рассматривает простое товарное хозяйство. Известно, что уже в простой форме стоимости Маркс, как и Ленин, видел зародыши всех противоречий капиталистического хозяйства. Анализируя простое товарное хозяйство, Маркс показывает, что уже в простом товарном хозяйстве заключается возможность кризисов. «Трудно представить что-либо более плоское, чем догмат, что товарное обращение создает необходимое равновесие между покупками и продажами, так как каждая продажа есть в то же время купля и наоборот. Никто не может продать без того, чтобы кто-нибудь другой не купил, но никто не обязан немедленно покупать только потому, что он нечто продал. Обращение товаров разрывает временные, пространственные и индивидуальные границы обмена продуктов именно благодаря тому, что непосредственная тождественность между отчуждением своего продукта труда и получением чужого разделяется им на противоположные акты продажи и купли. Когда внешнее обособление внутренне не самостоятельных, т. е. дополняющих друг друга, актов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно — в форме кризисов. Следовательно уже эти формы заключают в себе возможность, — однако только возможность кризисов. Превращение этой воз-

...ости в действительность требует целого ряда условий, которые в рам... простого товарного обращения вовсе еще не существуют» [1]).

Итак в противоречиях товара, в отношениях простого товарного хо... Маркс видит возможность кризисов.

Уже в простом товарном хозяйстве возможен денежный кризис—этот ...т промышленных и торговых кризисов. «Денежный кризис,—пишет ...с,—возможен лишь там, где цепь следующих одна за другой продаж ...ственная система уравнения их достигает полного развития. При все... нарушениях хода этого механизма, из чего бы они ни возникали, ...и внезапно и непосредственно превращаются из чисто идеальной формы ...их денег в звонкую монету. Теперь они уже не могут быть замещены ...ными товаром. Потребительная стоимость товара теряет свою стои... ...ь и стоимость товара исчезает перед лицом его собственной формы ...ости» [2]).

Уже в простом товарном хозяйстве создается возможность кризисов, ...для превращения этой возможности в действительность, как говорит ...с, необходим целый ряд условий, которых в рамках простого товарного ...ства еще не существует и которые возникают лишь с возникновением ...листических отношений.

Во II томе «Теорий приб. стоим.» Маркс указывает: «Уже при анали... ...ег мы видим, насколько они вообще представляют форму, отличную от ...твенной формы товара, и в своей форме как платежного средства они ...чают в себе **в о з м о ж н о с т ь к р и з и с о в**, но это еще более оче... ...при рассмотрении общей природы капитала» [3]).

Для Маркса товарные отношения только при капитализме получают ...наиболее развитую, всеобщую форму. Совершенно ясно, что если про... ...речия товара и денег образуют возможность кризисов при простом то... ...ом хозяйстве, то в капиталистическом обществе эти противоречия **р е... ...но п р о я в л я ю т с я** в кризисах. «Еще вчера буржуа, опьяненный ...етом промышленности, рассматривал деньги сквозь дымку философии ...явил их простой видимостью: только товар—деньги!». «Только деньги— ...р!»—вопят сегодня те же самые буржуа во всех концах мирового рынка. ...олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь де... ...этого единственного богатства» [4]).

Итак Маркс уже в противоречиях простого товарного хозяйства ви... ...возможность кризисов и показывает, как это противоречие и проти... ...ложность между товаром и деньгами, которые в простом товарном хо... ...ве составляют только возможность кризисов, в кризисах капитали... ...ского хозяйства находят свое **р е а л ь н о е в ы р а ж е н и е**.

Второй и третий отделы I тома «Капитала» Маркс посвящает анализу ...сса производства прибавочной стоимости. Он показывает, как в ре... ...тате разложения простого товарного хозяйства образуется капитали... ...ское общество, как образуются противоречия между классом капита... ...та и рабочим классом.

Уже здесь Маркс прослеживает по существу процесс образования ос... ...ного противоречия, противоречия между общественным характером про... ...сса и частным способом присвоения продуктов этого общественного ...водства.

---

[1]) К. Маркс, Капитал т. I, стр. 64—65. Разрядка наша.—И. Д.
[2]) К. Маркс, Капитал, том I, стр. 85—86.
[3]) К. Маркс, Теории, том II, ч. 2-я, стр. 167.
[4]) К. Маркс, Капитал, том I, стр. 86.

Противоречие между рабочим классом и классом капиталистов является **первой формой** проявления противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения.

В главах о превращении рабочей силы в товар, о производстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости Маркс показывает, как это противоречие между буржуазией и пролетариатом возникает, развивается и обостряется.

В отделе IV, посвященном производству относительной прибавочной стоимости, в главах о кооперации, мануфактуре, машинах и крупной промышленности Маркс показывает и прослеживает процесс образования и развития общественного производства, крупной промышленности. Капиталистический способ производства уничтожает простое товарное производство, на место производства отдельных мелких, раздробленных товаропроизводителей ставит общественное по своему характеру производство. Обобществляя труд в гигантских, все более и более возрастающих размерах, он соединяет огромные, все более растущие массы рабочих в пределах фабрик и заводов. Производство товаров является уже результатом труда многих (сотен и тысяч) рабочих, при чем рабочий не может сказать: это товар мой, это продукт моего труда. Крупная промышленность, основанная на машинном производстве, способна к безграничному расширению.

Однако форма присвоения продуктов общественного производства остается частной. В простом товарном хозяйстве наряду с частным производством существовало частное присвоение продуктов общественного производства. Простой товаропроизводитель, произведя товар в своем индивидуальном частном хозяйстве, сам этот продукт своего производства и присваивает. В капиталистическом обществе присвоение продуктов общественного труда остается по форме частным, хотя меняется **характер** присвоения. Раньше товаровладельцы присваивали продукт **своего** труда, теперь капиталист присваивает продукт **чужого** труда в форме прибавочной стоимости.

Противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения, присущее капитализму и порождающее с необходимостью на известной ступени своего развития кризис, существует до самого конца капиталистического общества. Это основное противоречие включает в себя все остальные противоречия капитализма. Именно в главе о машинах, о крупной промышленности Маркс и формулирует основное противоречие, порождающее кризисы.

«Колоссальная, скачкообразная расширяемость фабричного производства и его зависимость от мирового рынка необходимо порождают лихорадочное производство и следующее за ним переполнение рынков, при сокращении которых наступает паралич, промышленная жизнь превращается в последовательный ряд периодов своего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя. Ненадежность и непостоянство, которым машинное производство подвергает заработок, а следовательно и существование рабочего, становятся нормальным явлением, когда устанавливается такая смена периодов промышленного цикла... снова и снова обнаруживается стремление достигнуть удешевления товара посредством насильственного понижения заработной платы, опускающего ее ниже стоимости рабочей силы...» [1]) Маркс показывает здесь, как в результате скачкообразной расширяемости производства и его зависимости от мирового рынка, при ограниченном потреблении масс с неизбежностью наступают кризисы. Способ-

[1]) К. **Маркс**, Капитал, т. I, стр. 349—351.

...капиталистической промышленности к безграничному развитию дол... достигнуть известной ступени развития для того, чтобы наступили ре...рно повторяющиеся кризисы.

Периодические промышленные кризисы начинаются с 1825 года в Ан..., в стране, где крупная промышленность, основанния на машинном про...водстве, достигла большой степени развития раньше, чем где бы то ни ...о в других странах. И неслучайно Маркс именно в главе о машинах и ...пной промышленности вслед за приведенным нами выше местом, раскры... природу и основные причины, порождающие кризисы в капитали...ском обществе, дает историю кризисов английской промышлен...ги.

Главы о кооперации, машинах и крупной промышленности, которые до ...го последнего времени были у экономистов в загоне, как раз и заклю... в себе анализ и описание возникновения и развития основного проти..., противоречия между общественным характером производства и ... способом присвоения продуктов этого общественного производства.

В отделе шестом, посвященном теории заработной платы, Маркс пока...ет, как влияет кризис на движение и состояние заработной платы. В ... разделе, посвященном процессу накопления капиталов, где Маркс ...тривает процесс простого воспроизводства и накопления капитала, он ...ывает, как законы собственности простого товарного производства ...дят в законы капиталистического присвоения. «В той самой мере, в ... товарное производство, развиваясь сообразно своим собственным за..., превращается в производство капиталистическое, в такой же самой ... законы собственности, свойственные товарному производству, перехо... законы капиталистического присвоения» [1]).

Он показывает, как «капиталисты обогащаются не пропорционально ... личному труду или урезыванию своего личного потребления, как со...тели сокровищ, но пропорционально количеству той чужой рабочей ..., которую они эксплоатируют» [2]). Он показывает, как капиталисти...кому производству с неизбежностью присуще накопление, как «конку... навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентный за... капиталистического способа производства, как внешне принудительный ...» [3]).

Законы капиталистической конкуренции как «внешне принудитель... законы» заставляют капиталиста накоплять, превращать прибавочную ...ость в капитал. С развитием капитализма растет накопление, неиз... расширяется капиталистическое производство. «Чем больше растет ка... благодаря непрерывному накоплению, тем сильнее возрастает и та ... стоимости, которая распадается на фонд потребления и фонд накоп... Капиталисты могут поэтому жить более роскошно и в то же ... усиливать свое «воздержание». И в конце концов все движущие ... производства действуют тем энергичнее, чем сильнее расши... вместе с массой авансированного капитала масштаб производ...» [4]).

Накопление капитала сопровождается его концентрацией и централи... Растет органический состав капитала. Накопление капитала в то же ... сопровождается увеличением пролетариата. Оно означает расширен... воспроизводство капиталистических отношений производства. Оно раз... общественное производство, создает новые массы капитала, с силой ... природы заставляет капиталиста все больше и больше расширять ...водство, развивать его до максимальных размеров.

[1]) К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 462.
[2]) Там же, стр. 468.
[3]) Там же, стр. 467.
[4]) Там же, стр. 481.

Расширенное воспроизводство, воспроизводство в неограниченных размерах наталкивается на низкий уровень потребления масс, на их растущую нищету. В главе о всеобщем законе капиталистического накопления Маркс и показывает, как капитал образует промышленную резервную армию, как с ростом капитализма неизбежно происходит абсолютное и относительное обнищание масс. С развитием капитализма кризисы становятся все более и более тяжелыми и острыми, так как производство становится все более и более развитым, в то время как обнищание масс растет.

«С накоплением и с сопровождающим его развитием производительной силы труда возрастает сила внезапного расширения капитала...

...Во всех таких случаях необходимо, чтобы возможно было разом и без сокращения размеров производства в других сферах бросить в важнейшие пункты огромные массы людей. Их доставляет перенаселение. Характерный жизненный путь современной промышленности, представляющий форму прерываемого небольшими колебаниями десятилетнего цикла периодов среднего оживления производства под высоким давлением кризиса и застоя, покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и снова образовании промышленной резервной армии, или перенаселения. Превратности промышленного цикла в свою очередь увеличивают перенаселение и становятся одним из энергичных факторов его воспроизводства»[1].

Маркс показывает, как накопление приводит к расширению производства, к росту технического усовершенствования, к расширению общественного производства, к росту его способности, к безграничному расширению, наталкивающемуся на узкие границы низкой покупательной способности масс. «Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машиной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую «резервную» рабочую армию», «относительный избыток» рабочих или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающие возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию кризисов перепроизводства, периодически наступавших в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени». (Ленин, том XX, часть 1, стр. 483—484, изд. 1-е). Маркс показывает, как с ростом накопления растет техника, растет промышленное производство, создается крупная машинная индустрия. Противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения и все порожденные им противоречия неизбежно приводят к циклическому ходу развития капитализма. Этот циклический ход развития капитализма с его депрессиями, под'емами и кризисами возникал и развивался исторически.

«Своеобразный жизненный путь современной промышленности, которого мы не наблюдаем ни в одну из прежних эпох человечества, был невозможен и в период детства капиталистического производства. Внезапное и конвульсивное расширение масштаба производства является предпосылкой его внезапного сокращения; последнее в свою очередь вызывает первое, но первое невозможно без доступного эксплоатации человеческого материала, без увеличения численности рабочих, независимо от абсолютного возрастания населения. Вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего населения в незанятые или полузанятые руки...

---

[1]) К. Маркс, Капитал, том I, стр 503–504 Разрядка наша —И. Д.

Только с того времени, когда механическая промышленность пустила [свои] глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние [на] национальную промышленность; когда благодаря ей внешняя торговля [начинает] брать перевес над внутренней торговлей и когда мировой рынок [захватывает] для себя колоссальные области в Америке, Азии, Австралии; ког[да] наконец промышленные нации, вступившие в конкуренцию друг с другом, [сделались] достаточно многочисленными, — только с того времени высту[пают] те, все снова и снова повторяющиеся циклы, последовательные фазы ко[торых] охватывают годы и которые каждый раз ведут ко всеобщему кризи[су], завершающему один цикл и начинающему новый... Производство отно[сит]ельного перенаселения, т. е. населения избыточного по сравнению с сред[не]й потребностью капитала в самовозрастании, является условием суще[ствования] современной промышленности»[1]).

Итак уже в первом томе «Капитала» Маркс рассматривает процесс [возникновения], развития и усложнения противоречия между общественным [характером] производства и частным способом присвоения, порождающим [кризисы].

Он рассматривает противоречия, связанные с образованием крупной [промышленности] и развитием машин, противоречия между пролетариатом и [буржуазией], и показывает, как эти противоречия в своем развитии неиз[бежно] приводят к кризисам и находят в кризисах свое концентрированное [выражение]. Капиталистическое производство в своем развитии неизбежно [создает] промышленную резервную армию, увеличивает нищету на одной сто[роне] и богатство небольшой кучки капиталистов на другой.

Маркс показывает противоречия между общественной формой и со[держанием] капиталистического производства, противоречия внутри обще[ствен]ной формы и наконец противоречия, порождаемые материальным [содер]жанием капиталистического производства. Маркс показывает, как все [эти] противоречия неизбежно порождают кризисы и выражаются в кризисах.

Смешно утверждать, что Маркс изложил свою теорию кризисов толь[ко] в III томе «Капитала» или только в последней части второго тома «Ка[питала]». Мы видим, как на каждой ступени исследования первого тома [«Капитала»] Маркс, рассматривая отдельные стороны капиталистического [произ]водства, показывает, как противоречия, порождаемые каждой сто[роно]й этого капиталистического производства, порождают кризисы и в [эти]х кризисах выражаются.

Те, кто утверждает, что Маркс изложил свою теорию кризиса только [в] III томе или только во II томе, не понимают ни марксова метода иссле[дования], ни марксовой экономической теории, не понимают марксизма.

Думать, что Маркс дал лишь обрывки, кусочки, клочки теории кризи[са], не дал теории кризиса в целом, значит думать, что Маркс не дал [те]ории капитала, не дал развернутого исследова[ни]я и изложения законов движения капиталисти[че]ского хозяйства.

Маркс систематически рассматривает противоречия, порождаемые хо[дом] капиталистического производства и воспроизводства и находящие свое [выра]жение в кризисах, не только в I томе «Капитала». Второй том «Ка[пита]ла» точно так же представляет собой развернутое изучение противо[речи]й, порождающих кризисы и в этих кризисах выражающихся.

Во втором томе «Капитала» Маркс рассматривает процесс обращения [кап]итала и здесь, рассматривая кругооборот денежного, производительного

---

[1]) К. Маркс, Капитал, том I, стр. 504—505

и товарного капитала, Маркс раскрывает здесь те противоречия, которые имеют место в процессе оборота и кругооборота капитала.

Рассматривая общий оборот авансированного капитала и показывая, как противоречия, порождаемые движением оборотного капитала, находят свое выражение в кризисе, Маркс открывает в обороте основного капитала один из важных моментов кризиса.

Таким образом в противоречиях, порождаемых движением материального содержания производственного процесса, раскрывается один из очень важных моментов, порождающих кризисы.

«Жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь, скажем, средним счетом в десятилетнюю жизнь.

В этом, охватывающем целый период лет, цикле взаимно связанных между собой оборотов, к которым капитал прикреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем предприятие последовательно переживает периоды ослабления, средней деятельности, стремительного размаха, кризиса... Кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборота» [1]).

«Для меня важно, — пишет Маркс Энгельсу, — что в непосредственных местных предпосылках крупной промышленности имеется один из моментов, определяющих кризисы» [2]).

Итак противоречия, порождаемые обращением общественного капитала, связаны и являются выражением противоречий, порождаемых движением общественного производства. В материальных основах производства Маркс находит *один из моментов*, порождающих кризисы.

В последней части второго тома «Капитала» Маркс рассматривает процесс реализации. В этом разделе Маркс показывает и раскрывает противоречия, которые вытекают из процесса воспроизводства и обращения общественного капитала как целого.

Уже простое воспроизводство общественного капитала, необходимость обмена V и M первого подразделения на C второго подразделения, обмена V и M внутри второго подразделения и обмена C внутри первого подразделения связано с целым рядом трудностей, противоречий, таящих в себе кризисы.

Когда же речь заходит о расширенном воспроизводстве и обращении всего общественного капитала, эти трудности возрастают. Маркс показывает, что даже в пределах чистого капиталистического общества возможна реализация прибавочной стоимости и прибавочного продукта, но конкретный ход реализации общественного продукта при расширенном воспроизводстве, смена основного капитала, обмен внутри отраслей, производящих средства производства, обмен между первым и вторым подразделениями, обмен внутри второго подразделения связаны с целым рядом трудностей и противоречий, которые неизбежно находят свое выражение в кризисах. Таким образом и во втором томе «Капитала» Маркс рассматривает *на каждой ступени* своего исследования те противоречия, которые порождают кризисы.

Наконец *в третьем томе* «Капитала» Маркс рассматривает процесс капиталистического производства в целом. Он показывает, как в погоне за

[1]) К. Маркс, Капитал, том II, стр. 122. Разрядка наша. — И. Д.

[2]) Маркс и Энгельс, Сочинения, том XXII, стр. 316. Подчеркнуто Марксом.

…капиталист вынужден все в большей и большей степени накоплять. …органического строения капитала приводит к падению нормы … Закон тенденции нормы прибыли к понижению приводит к развитию … противоречий, порождающих кризисы и находящих свое выражение в …: «Понижение нормы прибыли и ускоренное накопление лишь по… являются различными выражениями одного и того же процесса, по… то и другое является выражением развития производительной …»[1]).

«Понижение нормы прибыли… способствует перепроизводству, спе…, кризисам, появлению избыточного капитала наряду с избыточным …» (там же).

В законе тенденции нормы прибыли к понижению находят свое раз… выражение все противоречия, рассмотренные Марксом в первом и … томах «Капитала». Условия эксплоатации и условия реализации этой … не тождественны Условия эксплоатации ограничены произ…ными силами общества, условия реализации — пропорциональностью … отраслей производства и потребительной силой общества. Но по…ная сила общества, его потребительная способность основаны на …ческих отношениях распределения, сводящих потребление по… большинства общества к очень низкому уровню. Эта потреби… способность общества ограничена стремлением к накоплению, к … капитала, к воспроизводству прибавочной стоимости в расту… масштабах.

«Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоян… революциями в самих методах производства, обесценением имеюще… капитала, постоянно сопровождающей такой прирост всеобщей конку… борьбой, необходимостью совершенствовать производство, расши… его масштабы, ради одного только сохранения и под угрозой гибели. … рынок должен постоянно расширяться, так что взаимозависимость … отношений и определяющих ее условий все больше принимает … независимого от производителей и естественного закона, все боль… ускользает от контроля. Внутреннее противоречие стремится найти себе … в расширении внешнего поля производства. Но чем больше раз… производительная сила, тем больше впадает она в противоречие с … базисом, на котором покоится потребление. Но этой основе, пол… противоречий, отнюдь не противоречит то явление, что избыточность … связана с возрастающим избытком населения; потому что, хотя … избытка капитала с избытком населения масса произво… прибавочной стоимости возросла бы, но именно потому возросло бы … между теми условиями, при которых эта прибавочная стои… производится и теми условиями, при которых она реализуется»[2]).

Капитал и его самовозрастание являются исходным и конечным пунк… и целью производства. Капитал стремится к безграничному рас… «Противоречие этого капиталистического способа производства за… именно в его тенденции к абсолютному развитию производствен…, которое постоянно вступает в конфликт с теми специфическими … производства, в которых двигается и только и может двигаться …»[3]).

В законе тенденции нормы прибыли к понижению обнаруживается … развития капиталистического общества. Падение нормы прибыли … в препятствие, которое может при капиталистическом обще…

[1]) К. Маркс, Капитал, том III, ч. 1-я, стр. 181 и 182.
[2]) Там же, стр. 184.
[3]) Там же, стр. 195.

стве временно преодолеваться только путем кризисов. В погоне за прибылью капитал развивает производительные силы, но падение на известной ступени развития цикла нормы прибыли становится препятствием к дальнейшему развитию. Это противоречие находит свое выражение в перепроизводстве, в кризисах, в сокращении производственного процесса, в гибели мелких капиталистов.

Кризисы вместе с тем выражают противоречие между общественной силой, в которую превращается капитал и частной властью капиталистов над общественными условиями производства. Они свидетельствуют о том, что разрешение этого противоречия предполагает превращение условий производства в коллективные условия производства, предполагает уничтожение капиталистического способа производства путем пролетарской революции.

«Огромная по сравнению с населением производительная сила, развивающаяся при капиталистическом способе производства, и возрастание капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), которые увеличиваются хотя и не в такой пропорции, но все же быстрее, чем население, противоречат все более суживающейся по сравнению с ростом богатства основанием для которой действует эта огромная производительная сила и условиям увеличения стоимости этого все нарастающего капитала» [1].

В тех главах первой и второй части третьего тома «Капитала», где Маркс дает свою теорию кредита, он рассматривает противоречия, которые порождаются кредитными отношениями, кредитной системой капитализма и которые также находят свое выражение в кризисах.

Функцией кредитной системы является собирание, концентрация, соединение в небольшом количестве рук всех свободных масс капитала общества. Эти свободные массы капитала концентрируются в руках кредитных учреждений, которые предоставляют его в распоряжение класса промышленных капиталистов. Кредит является таким образом той силой, которая ускоряет накопление капитала, содействует развитию материальных производительных сил общества до максимальных пределов. Но кредитная надстройка — только надстройка. Противоречия, порожденные движением кредита, также находят свое выражение в кризисах. Имеют место кредитные денежные кризисы, которые могут не совпадать с кризисом перепроизводства, но в период общего торгово-промышленного кризиса кредитный кризис является лишь «фазой», моментом общего торгово-промышленного кризиса.

«При такой системе производства, когда все взаимоотношения процесса воспроизводства покоятся на кредите, в случае внезапного прекращения кредита и необходимости производить все продажи лишь наличными деньгами должен очевидно наступить кризис, необычайная погоня за платежными средствами. Поэтому на первый взгляд все кризисы представляются только кредитным и денежным кризисом. И в самом деле, вопрос заключается только в том, как превратить векселя в деньги. Но эти векселя представляют в большинстве случаев действительные купли и продажи, расширение которых далеко за пределами общественной потребности, и лежат в конце концов в основе всего кризиса» [2].

Кредитный кризис — момент в общем ходе промышленного кризиса — является лишь выражением общего кризиса перепроизводства. В момент кризиса процент достигает чудовищной высоты и наступает погоня за деньгами. «Как только кредит потрясен... вдруг оказывается, что все реальное богатство должно быть действительно и немедленно превращено в деньги» [3].

Таким образом в главах, посвященных кредиту, Маркс дает анализ

[1]) К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1-я, стр. 203.

[2]) Там же, ч. 2-я, стр. 28—29.

[3]) Там же, стр. 113.

ление того, как проявляется кризис в кредитной сфере и как противоречия самой кредитной системы, этой сложной надстройки, выражаются в кризисах и способствуют вызреванию противоречий, порождающих эти кризисы. Маркс указывает, что конкретное изложение кризисов может быть дано лишь в процессе изложения конкретного движения конкуренции и кредита.

Наконец в седьмом разделе третьего тома «Капитала» Маркс дает анализ классовых отношений, анализ отношений капиталистического производства и распределения и показывает исторический, преходящий характер этих отношений. Капиталистический способ производства — лишь, собою, исторически ограниченная ступень в развитии человеческого общества.

Противоречия в отношениях производства и распределения неизбежно должны выражаться в кризисах, при чем самые кризисы являются ярким показателем исторически преходящего характера этого общества.

Капиталистическое производство не может не развивать производительных сил. Но это производство в своем развитии неизбежно наталкивается на ограниченную покупательную способность масс, обусловленную антагонистическим характером производственных отношений. Без классовых противоречий в капиталистическом обществе, без отношений между классами нельзя понять кризисы.

Итак, мы коротко очертили, как излагается Марксом теория кризисов на каждой ступени исследования в «Капитале». Если так подойти к вопросу, а только так и можно подходить к изучению марксовой теории кризисов, то ни о каком противоречии между первым и вторым, между вторым и третьим, между первым и третьим томами «Капитала» не может быть и речи вопреки многим «популяризаторам» и «развивателям» марксовой теории кризисов.

Ленин в ряде своих работ последовательно развивал и углублял теорию кризисов Маркса. В борьбе с народниками он раскрыл значение марксовой теории реализации и показал, какое место она занимает в марксовой теории кризисов. Он раскрыл значение марксовых схем воспроизводства. Он развил и объяснил с исчерпывающей полнотой значение противоречия между производством и потреблением в теории кризисов и место этого противоречия во всех противоречиях капитализма. В статье, посвященной тридцатилетию со дня рождения Маркса, Ленин дал классические по ясности формулировки о значении накопления и противоречий, с ним связанных. Ленин дал всестороннюю оценку значения и роли основного противоречия, порождающего кризисы, и противоречий вытекающих из основного противоречия. Ленин показал значение теории обнищания в теории кризисов Маркса. Опираясь на Маркса, Ленин блестяще разработал теорию кризисов в условиях эпохи империализма и т. д. Поэтому марксисты-ленинцы с полным правом говорят о марксо-ленинской теории кризисов.

Мы не имеем возможности здесь обстоятельно и всесторонне изложить все богатство и многообразие марксо-ленинской теории кризисов. Подведем лишь краткие итоги.

Кризисы являются выражением, реальным синтезом всех противоречий капитализма: и противоречий между формой капиталистического производства и его содержанием, и противоречий внутри общественной формы этого производства, и противоречий внутри самого материального содержания этого производства при определяющем характере основного противоречия.

Маркс на всех ступенях своего исследования и в «Капитале» и в «Теориях» вскрывает конкретное содержание этих противоречий. Определяющим противоречием является противоречие между формой и содержанием, но и противоречия внутри общественной формы и противоречие внутри самого материального процесса производства не являются оторван-

ными от основного противоречия. Эти противоречия взаимно проникают друг друга, взаимно переходят друг в друга при определяющем характере основного противоречия. Противоречие между буржуазией и пролетариатом — основная форма выявления противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения продуктов этого производства. Противоречие между анархией производства во всем обществе и организацией производства в пределах отдельного предприятия — другая форма проявления этого противоречия. Противоречие между производством и потреблением также является одной из форм проявления этого основного противоречия.

• Теория кризисов Маркса является стройной, необычайно богатой и многосторонней теорией, развитой на всем протяжении всех трех томов «Капитала» и всех томов «Теорий». Поэтому ни о каких противоречиях марксовой теории кризисов не может быть и речи.

Смешными и мелкими являются потуги Е. Преображенского изобразить марксову теорию кризисов, как смесь жалких обломков, которые он — Преображенский — должен скрепить воедино, дополнить недостающие части и воссоздать как нечто целое. Ничего кроме опошления, искажения и ревизии Маркса, ничего кроме полного отказа от марксовой теории кризисов у Преображенского не получается и получиться не может.

Теория кризисов Е. Преображенского

По мнению Преображенского, исходным пунктом теории кризисов должны быть схемы воспроизводства II тома «Капитала». Больше того. Он считает, что, если построить соответствующие схемы и из них вывести перепроизводство и кризисы, этим самым в основном задача создания теории кризисов решена. «Задача, — пишет он, — заключается в построении схем воспроизводства и схем цикла, которые исходят из законов пропорциональности, установленных в схемах II тома «Капитала» и из неравномерности восстановления и увеличения основного капитала. Тогда анализ капиталистического цикла, произведенный под этим углом зрения, даст картину назревания типичного периодического общего хозяйственного кризиса, который неустраним для капиталистической системы именно потому, что эта система не способна на расширение общественного потребления в соответствии с ростом производительных сил. А это значит, что между II и III томами «Капитала» нет никакого противоречия» («Закат капитализма», стр. 82).

Для того, чтобы устранить мнимые противоречия между II и III томами «Капитала», Преображенский считает необходимым дополнить схемы воспроизводства Маркса новыми схемами, в которых: 1) основной капитал амортизируется не в течение года (как это принято в схемах), а в течение 10 лет, 2) исходить из того, что основной капитал восстанавливается и увеличивается неравномерно. «Чтобы показать, как возможны общие кризисы при капитализме, надо от схем, вскрывающих общее отношение пропорциональности, продолжить исследование дальше и исходить, во-первых, из того, что основной капитал не амортизируется в течение одного года, во-вторых, исходить из неравномерности восстановления и увеличения его во времени» (там же, стр. 82).

Разберемся во всем этом. Преображенский по существу исходит из того, что между II и III томами «Капитала» «в вопросе о причине общих экономических кризисов» (там же, стр. 82) существует противоречие. Для того, чтобы это противоречие устранить, необходимо пополнить схемы воспроизводства Маркса, «усложнить» их. Только это вмешательство и «помощь» Преображенского устраняют это противоречие. Как мы уже указывали выше, Преображенский стоит по существу в вопросе о противоречиях

жду II и III томами «Капитала» на позициях Люксембург, Туган-Барановского и др. Подобно Тугану и другим ревизионистам, он взялся это противоречие устранить путем «пополнения» схем Маркса. Так как, по мнению Преображенского, у Маркса по теории кризисов есть лишь отдельные случайные замечания» (стр. 54), «отдельные места» в III томе (стр. 61), то его, Преображенского, задача состоит в том, чтобы устранить эти противоречия ежду марксовыми схемами воспроизводства и отдельными замечаниями о кризисах, имеющимися в III томе.

Мы уже видели, каковы эти «отдельные замечания». Мы показали, что теория кризисов Маркса не находится в каком-либо одном томе «Капитала», что это— не отдельные разбросанные, разрозненные замечания. Мы показали, что теория кризисов Маркса проходит через все три тома «Капитала» и «Теорий».

Если так подойти к рассмотрению «Капитала» как единого цельного произведения, то никакого противоречия, как мы видели выше, между II и III томами «Капитала» не получится и нет никакой необходимости выдумывать какие-то новые, дополненные схемы для того, чтобы эту теорию кризисов воссоздать.

Преображенский не понял ни значения схем Маркса, ни «Капитала» в целом. Нужно ли для того, «чтобы показать, как возможны общие кризисы при капитализме» (стр. 82), строить новую схему? Поступать так, значит сводить, как это и сделал Преображенский, весь вопрос о кризисах к схемам. Между тем задача заключается вовсе не в том, чтобы только свести кризисы к вопросу о пропорциональности и реализации прибавочного продукта, а в том, чтобы выяснить, исследовать все противоречия капитализма так, как они выражаются в кризисах. Попытка свести теорию кризисов к схемам или непосредственно вывести ее только из схем неизбежно приводит к отказу от марксовой теории кризисов, к повторению одного из вариантов многочисленных буржуазных теорий кризисов, построенных для того, чтобы опровергнуть Маркса, замазать, скрыть противоречия капитализма, по-буржуазному об'яснить кризисы.

По мнению Преображенского, схемы II тома «Капитала» так, как они даны у Маркса, дают «гармоническое развертывание производства» (там же, стр. 83, примечание). Чтобы это гармоническое развертывание производства, которое имеется якобы у Маркса, устранить, надо «лишь» ввести в схемы условие, что основной капитал амортизируется в течение года лишь частью, а не целиком, как это предположено в схемах воспроизводства, «что воспроизводится и расширяется он неравномерно, что условия его воспроизводства отличны от воспроизводства оборотной части постоянного капитала и что в этой неравномерности лежат ближайшие причины общих кризисов и главные причины их периодичности» (там же, стр. 83).

Совершенно неправильно думать, что марксовы схемы представляют собою теорию гармонического развертывания производства. Здесь Преображенский стоит целиком на позициях Туган-Барановского, который «в подражание» Марксу и построил такие схемы. Схемы воспроизводства Маркса вовсе не призваны об'яснить марксову теорию кризисов в целом. Конечно основные противоречия капиталистического производства лежат в основе схем, но задача схем заключается вовсе не в том, чтобы быть единственным об'яснением кризисов. Сводить кризисы только к схемам или их «варианту», как это пытается сделать Преображенский, значит выхолостить марксову теорию кризисов, опошлить ее, обескровить, значит, превратить ее из мощного, стройного и цельного здания, которое она собой представляет, в кучу обломков, воистину проделать работу, противоположную работе Кювье,— живое тело уничтожить и оставить только кусочек ноги и частичку позвоночного столба.

Преображенский пытается создать теорию кризисов, исходя из неравномерности восстановления основного капитала и его амортизации не в течение одного года, а в течение ряда лет. Из этого же он хочет вывести и теорию цикла. «Неравномерность восстановления и особенно увеличение основного капитала в буржуазном обществе является главной, непосредственной и ближайшей причиной общих экономических кризисов» (Преображенский, стр. 81).

В действительности же кризисы порождаются противоречием между общественным характером производства и частным способом присвоения. Все остальные противоречия заложены в этом основном противоречии. Задача заключается в том, чтобы раскрыть конкретное содержание всех противоречий капитализма и то, как они связаны с основным противоречием и из него вытекают. Это и сделал Маркс в «Капитале». Вместо этого Преображенский свел всю теорию кризисов только к неравномерности смены основного капитала.

Преображенский утверждает, что «Маркс. зная о такой неравномерности (т. е. о неравномерности смены основного капитала.—*И. Д.*), ею об'яснил периодичность кризисов» (Преображенский, стр. 82). При этом он ссылается на известное, приведенное уже нами выше в другой связи, место из II тома «Капитала».

Чтобы покончить с легендой о том, что Маркс сводил теорию кризисов и видел основную причину кризисов в неравномерной смене основного капитала, рассмотрим этот вопрос подробнее. Маркс писал Энгельсу в письме от 2 марта 1858 г.: «Средний срок, в течение которого обновляется машинное оборудование, является важным моментом для об'яснения тех многолетних циклов, через которые проходит промышленное развитие с тех пор, как создалась крупная промышленность» (Маркс и Энгельс, Сочин., т. XXII, стр. 312).

Таким образом обновление машинного оборудования для Маркса является лишь моментом, хотя и важным, в об'яснении циклов. «Для меня важно, — писал Маркс Энгельсу, — что в непосредственных материальных предпосылках крупной промышленности является один из моментов, определяющих эти циклы» (Маркс, Сочин., т. XXII, стр. 316). Для Маркса важно в материальных предпосылках крупной промышленности найти один из моментов, определяющих циклы, тем самым — один из моментов, выражающихся в кризисе.

Мы уже видели выше, какое значение в общей теории кризисов Маркса играет противоречие, вытекающее из противоречий движения непосредственного материального процесса производства. Для Маркса в обороте основного капитала, в смене и возмещении средств производства дана лишь материальная основа периодических кризисов. Но нельзя цикличность сводить только к возмещению основного капитала, как это делает Преображенский. Причины периодичности кризисов лежат не только в том, что основной капитал неравномерно возмещается. «Периодичность цикла и кризисов» об'ясняется не только обновлением основного капитала. «Как небесные тела, раз они приведены в известное движение, постоянно повторяют его, — совершенно так же и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его, когда следствия в свою очередь становятся причинами изменяющейся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, принимает форму периодичности» (примеч., «Капитал», т I, стр. 504). Цикличность вовсе не об'ясняется только возмещением основного капитала. Накопления в больших размерах при наличии крупной промышленности, погоня за прибылью вызывают расширение масштаба производства до максимальных пределов. «Внезапное конвульсивное

расширение масштаба производства является предпосылкой его внезапного сокращения; последнее в свою очередь вызывает первое» (примеч. к I тому «Капитала», стр. 504).

Таким образом основная суть дела не в неравномерной смене основного капитала, а во внезапном и конвульсивном расширении производства, вызываемом сущностью крупного капиталистического производства. Это конвульсивное расширение производства, при ограниченной покупательной способности масс, неизбежно приводит к его внезапному резкому сокращению. Резкое сокращение в свою очередь приводит — через фазу депрессии — к дальнейшему расширению. Иными словами, противоречия капитализма, порождающие кризисы и в этих кризисах выражающиеся, неизбежно принимают, и не могут не принять, форму периодичности. Противоречия нарастают в ходе под'ема и расширения капиталистической промышленности. В ходе под'ема они достигают исключительной остроты. Они неизбежно должны разразиться кризисом. Кризисы являются таким образом способом существования, способом движения и развития капиталистического общества. Это — лишь способ катастрофического разрешения — на момент — противоречий, выражающихся в кризисе, путем сокращения производства, роста безработицы, падения прибылей, роста товарных запасов, падения цен, чем обеспечивается новое дальнейшее расширение производства. Таким образом причины периодичности нужно искать в противоречиях капитализма и в характере их движения, надо искать в характере капиталистического накопления, в порождающих это накопление противоречиях, в противоречиях, обостряемых ходом самого накопления. Конечно обновление основного оборудования является материальной основой цикла кризисов. Но сводить и циклы и кризисы только к смене основного капитала — значит ничего не понять ни в марксовой теории цикла, ни в марксовой теории кризисов. Преображенский сваливает в одну кучу и цикличность и кризисы, не понимая ни различия между ними, ни связи.

Преображенский по существу создал законченную троцкистскую теорию кризисов, применив троцкистское понимание закона неравномерности развития капитализма к теории цикла и кризисов. В самом деле, как мы уже показали в другой статье о Преображенском (см. «Правду» за 14 дек. 1931 г.), Преображенский об'являет, что неравномерность износа основного капитала в период империализма замедляется. Об'являя, что причина кризисов лежит в действии закона неравномерности капиталистического развития на смену основного капитала, Преображенский тем самым применяет троцкистскую теорию об ослаблении неравномерности капиталистического развития в период империализма к теории кризисов. Троцкизм, как известно, об'являет, что в период империализма неравномерность не усиливается, а ослабляется. То же получается и у Преображенского со сменою основного капитала в период империализма. Контрреволюционный троцкизм, превратившийся в передовой отряд контрреволюционной буржуазии, должен быть благодарен Преображенскому за такое идейное вооружение, за такую теоретическую помощь.

Теория Преображенского имеет насквозь механистический характер. Преображенский превратил схему в доказательство, тогда как схемы могут быть лишь иллюстрацией. «Анархия производства, — пишет Преображенский, — при частном руководстве предприятиями, но при общественном характере производства в его целом и в сложности отношений пропорциональности, неизбежно создает предпосылки не только для вышеуказанной причины (т. е. неравномерности смены основного капитала. — *И. Д.*), но и для других причин кризисов. Однако эти другие диспропорции обычно оказывают свое действие в рамках сложившейся цикличности всего процесса и либо усиливают, либо уменьшают процесс рас-

ширения или сжатия производства» («Закат капитализма», стр. 84, примечание).

Об'явив неравномерность восстановления и увеличения основного капитала «главной», непосредственной и ближайшей причиной общих экономических кризисов» (стр. 81), Преображенский в полном соответствии с целым рядом буржуазных экономистов свел кризисы к анархии капиталистического производства, к нарушению пропорциональности. Преображенский об'являет анархию производства предпосылкой кризисов. Основного противоречия — противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения — для него не существует. Но, об'явив анархию производства «основной предпосылкой» кризисов, Преображенский целиком воспринял троцкистское понимание кризисов как нарушение равновесия общественного производства.

В то время как для Маркса и Ленина характерной чертой капитализма является диспропорциональность, равновесие же устанавливается лишь на момент в кризисе, для Преображенского «кризис... означает переход от специфического временного равновесия, которое создалось под влиянием усиленного строительства в 1-м подразделении и заканчивается созданием новых предприятий в 1-м, к более плавному процессу производства» («Закат капитализма», стр. 27). Теории, выводящие кризис из анархии производства, неизбежно имеют своей предпосылкой утверждение, что капиталистическое производство все время находится в равновесии, анархия же производства, бесплановость приводят к тому, что на известной ступени развития цикла наступает кризис, который выводит производство из равновесия с тем, чтобы после окончания кризиса капиталистическое производство снова вступило в состояние равновесия.

Социал-демократические экономисты также стоят на той точке зрения, что кризисы порождаются анархией капиталистического производства. Устраните анархию, — говорят они, — и исчезнут кризисы. При этом самая анархия производства понималась ими вульгарно. И они действительно приходят к утверждению того, что анархия капиталистического производства в период империализма уменьшается, исчезает, а следовательно исчезают и кризисы вследствие роста организованности капиталистического хозяйства. Между Преображенским и социал-демократическими и буржуазными экономистами в вопросе о теории кризисов по существу нет различия. Мнимо «оригинальная» формулировка о неравномерности смены основного капитала при ближайшем рассмотрении оказывается вульгарнейшей теорией, сводящей кризисы к нарушениям пропорциональности, к нарушению равновесия.

Преображенский не знает основного противоречия, противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения. Вместо этого он выдумывает новое основное противоречие. Он пишет: при империализме «остается основное противоречие капиталистической системы как производство на рынок для получения прибыли» («Закат капитализма», стр. 85. Разрядка наша. — *И. Д.*). Основным противоречием у Преображенского таким образом оказывается производство на рынок для получения прибыли. Почему производство на рынок для получения прибыли само по себе является основным противоречием капитализма, составляет секрет Преображенского. Преображенский скрывает основное противоречие и вместо этого подсовывает мнимое «основное противоречие» для того, чтобы запутать вопрос, скрыть троцкистский характер своей теории, спрятать концы в воду. Такова эта троцкистская теория кризисов, являющаяся не чем иным, как жалким и противоречивым перепевом буржуазных и социал-фашистских теорий кризисов.

Не поняв природы кризисов капитализма, Преображенский не понял и значения прибыли для капиталистического хозяйства. Говоря о периоде империализма, Преображенский пишет: «Без изменения остается основная структурная особенность капиталистической формы производства, как производство на рынок ради прибыли. Только вульгарные апологеты капитализма могут не видеть, что даже в самое лучшее время классического капитализма эта *его структурная особенность* была ГЛАВНЫМ ПРЕПЯТСТВИЕМ для развития производительных сил общества и для наиболее рационального использования уже имеющихся в наличии производительных сил».

Если для Маркса «понижение нормы прибыли и ускорение накопления являются различным выражением одного и того же процесса» [1], если, по Марксу, именно в погоне за прибылью капитализм развертывает производство до неограниченных размеров, чтобы найти предел этому развитию в кризисах; если для Маркса погоня за прибылью является стимулом к развитию капиталистического производства, то для Преображенского производство на рынок ради прибыли является *главным препятствием* для развития производительных сил общества. Говоря о значении нормы прибыли, Маркс пишет: «норма прибыли — это та сила, которая приводит в движение капиталистическое производство; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью» (там же, стр. 195). В падении нормы прибыли обнаруживается, по Марксу, исторически-преходящий характер капиталистического общества, но в то же время погоня за прибылью является стимулом к максимальному расширению производства. В погоне за прибылью капитализм развертывает производительные силы, наталкиваясь в процессе этого развертывания на ограниченный уровень потребления масс. Отсюда кризисы.

Преображенский не понял, исказил, извратил марксову теорию кризисов, и вполне естественно поэтому, что в полном соответствии со своей теорией он не понял значения марксовой теории прибыли и вынужден был от нее отказаться.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1-я, стр. 181.

Состояние антирелигиозной работы на данном этапе

Институт философии Комакадемии (Антирелигиозная секция)

Состояние антирелигиозной работы на данном этапе и намечающиеся перспективы дальнейшей ее постановки должны быть охарактеризованы с точки зрения осуществления решений XVI с'езда партии.

«Партия должна закрепить и развить значительные успехи, достигнутые в деле освобождения масс от реакционного влияния религии».

Именно в настоящий момент, когда мы вступили в период социализма, когда завершено построение фундамента социалистической экономики, завершена в основном в решающих зерновых районах сплошная коллективизация и на этой базе ликвидация кулачества как класса, когда окончательная и полная победа социализма обеспечена в нашей стране и вопрос «кто кого» полностью и бесповоротно решен в смысле победы социализма над капитализмом и в промышленности и в сельском хозяйстве, когда мы, в осуществление решений XVII партконференции, уже приступили к выполнению плана великих работ четвертого года первой пятилетки, года ее завершения—именно теперь — вопрос о закреплении и развитии успехов нашей партии на фронте безбожия приобретает особое значение.

Все силы, классово-враждебные строительству социализма, и в первую очередь остатки и элементы разбитого и ликвидируемого последнего капиталистического класса — кулачества — и его агентуры теперь еще крепче цепляются за религию, находя в религиозных аппаратах, в религиозном дурмане новые формы и способы для попыток сопротивления строительству социализма, социалистическому переустройству сельского хозяйства, дальнейшему организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Несмотря на то, что наиболее глубокие социально-экономические корни религии в основном ликвидированы, религиозный дурман, цепляясь за разного рода пережитки прошлого и приспособляясь к новым условиям, продолжает еще действовать.

Уже наблюдаются многочисленные факты перехода церковников, сектантских руководителей, мулл, шаманов и пр. к новым формам, приемам и методам использования религиозного дурмана в новой классовой обстановке. Давно примелькались отдельные факты «богослужения» попов в красных ризах, выступления их с проповедями, «прославляющими» пролетарскую революцию, диктатуру пролетариата. Еще в 10-ю годовщину Октября проповедник секты евангелистов в Острогожске об'явил Октябрьскую революцию «промыслом божиим», а советскую власть «самой богоугодной властью», не поясняя конечно, почему в период гражданской войны сектанты наряду с другими контрреволюционными элементами боролись с оружием в руках против этой власти.

В настоящее время эти столь очевидно и глубоко лживые формы при...обления в ряде случаев уступают место другим, более действительным в ...ие обманного «показа». Так в ЦЧО, с ее быстрым ростом безбожных ...хозов, в селе Усмань-Собакино поп ввел «классовую» сетку платежей за ...ебы» с полным освобождением бедноты от обязательной платы и с допол...тельной накладкой на зажиточных, при чем эта «классовая» тарификация ...вна по инициативе кулаков, надеющихся таким способом завлечь бед...ту и при помощи своего агента, попа, подчинить ее своему влиянию. Если ...ь все же кулачество и поп выступают в очевидном контакте, то есть и ...е тонкие случаи. В Россошанском районе той же ЦЧО, где коллективи...вано около 100% крестьянских хозяйств, епископ разослал по прихо...м распоряжение, в котором под страхом лишения сана и отлучения от ...кви приказывает попам прекратить всякую связь с кулаками. Эти «отре...ия» попов от кулаков нисколько не смущают последних, так как пред...ляют собой лишь политический маневр в целях сохранения остатков вли...я попов на колхозников. В том же Россошанском районе в с. Лизаньки поп ...уне «благовещения» призывал всех работоспособных мужчин в празд...быть на полях и работать, чтобы подготовиться к севу. В Фатежском ...не (ЦЧО) постановление правления колхоза об отведении беднякам-еди...никам худших земель под посевы отменено риком по ходатайству де...ции, организованной и инструктированной попом. Сектант-адвентист ...обров, Ракитинского района (ЦЧО), проповедует, что «ликвидация кула...ва как класса дело рук божьих», ибо в «писании», мол, сказано, что ...е вам, богатые». Поп с. Кувшинова, Курского района, об'явил раскулачи...е делом, «благословенным богом».

Ясен конечно подлинный смысл всех этих новых подходов и способов ...стороны агентов классового врага — в рясах и без ряс. Ленин учил, что ...ди всегда были и будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в ...итике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, ...тическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями, разыски...ь интересы тех или иных классов». Ясно, что и в вышеприведенных ...мерах перед нами явные ухищрения поповства замаскировать свое ...дное лицо буржуазной, кулацкой агентуры и подделаться к новой, чуж...й и враждебной всякой поповщине обстановке социалистического строи...ства. Перед нами в действии интересы остатков разбитого и ликвидируе...о последнего капиталистического класса—кулачества, политику которого ...ается творить поповство. Перед нами здесь сопротивление обреченных на ...ель элементов капитализма. Перед нами попытки классового ...га, сопротивляясь, приспособить оружие буржуазной реакции ...хозной деревне, использовать щели и трещины, отыскать для ...гии хотя бы временные позиции в тех или иных новых ...ных условиях, попытки в отдельных случаях использовать, как мы это ...ли на примере Фатежского района, те или другие промахи и ошибки ...их местных работников.

Перебирая сведения, полученные в порядке той или иной связи с места...можно убедиться в крайней редкости действительно конкретных мате...лов, говорящих о непосредственном положении дел на местах, в низовой ...ктике классовой борьбы на антирелигиозном фронте. Все же некоторые, ...е и разрозненные факты представляют значительный интерес.

Так например в материалах Нижневолжского крайсовета мы имели ...ение на пленуме представителя Баландинского района о том, что в се...Михайловке 50% сектантов вошли в колхоз и что Михайловка «теряет ...сектантское лицо». В других материалах, полученных от того же край...та, мы имеем информационную сводку за тот же период, где говорится,

что в этой же Михайловке сектанты протащили в предсельсовета конокрада, а его заместителем—человека с уголовным прошлым. Наш безбожник—представитель района, утверждая, что Михайловка «теряет свое сектантское лицо», явился несомненно той «жертвой обмана и самообмана», о которой говорит Ленин. «Лицо» сектантское в Михайловке было лишь по-новому искривлено, скрывая определенную новую практику классового врага, который попытался от сопротивления перейти в наступление новыми методами, отыскав для религии новые, кратковременные конечно позиции благодаря недостатку классовой бдительности и чуткости наших местных работников на этом участке низовой работы.

Ясно конечно, что все подобные попытки классового врага обречены на неуспех. Важно отметить неослабевающую активность классового врага на данном участке борьбы, новые формы и способы этой борьбы и тот факт, что религия, теряя под собою старую социально-экономическую почву, ищет, усиленно ищет новых, хотя бы временных позиций, на которых она могла бы закрепиться.

Что она ищет их на самых различных путях классовой борьбы, можно видеть хотя бы из следующего материала, тоже случайного и отрывочного. «Поп села Петруны, Горно-марийского района, Марийской автономной области, пользуясь тем, что в ряде учреждений района недопустимо слабо проходит обучение марийскому языку, перевел всю церковную службу со славянского языка на марийский, стремясь при помощи этого сохранить свое влияние среди населения». Наряду с этим, доходящий из ряда мест (из отдельных сел ЦЧО, Нижней Волги, Татреспублики, Западной Сибири), уже не случайно и разрозненный, а более систематический материал, свидетельствует о том, что поповство самых различных «толков» ищет новых идеологических позиций для религии путем извращения марксистско-ленинского учения, проводя усиленно ту идею, что учение коммунизма совпадает якобы с «правильно истолкованным» «евангелием» или «кораном». Многие молокане Западной Сибири доходят даже в своей пропаганде до утверждения, что безбожие есть «правильный» посредствующий путь к пониманию «истинного духа христова».

Наряду с этими уже определенно выявившимися формами и способами борьбы представители самых различных религий на территории нашего Союза используют и старые способы прямой и открытой или полускрытой контрреволюционной борьбы против нового, социалистического строя: ведут агитацию против строительства на новостройках, пытаются пролезть в ударные бригады, борются против организации колхозов или стараются проникнуть внутрь колхоза в целях его разложения, усиленно используют религиозные праздники, пользуясь в большинстве случаев старыми и испытанными способами религиозного одурачивания отсталых слоев трудящихся: «пророчествами», «чудесами», «письмами» христа, богородицы, Магомета.

На новостройках религиозники ведут агитацию против строительства. На Днепрострое сектанты проповедуют:

«На все воля божия, мир недолговечен. Незачем тратить миллионы на строительство: одно слово божье — и все в пепел превратится. От плотины и камня не останется. Вода затопит все колхозы, фабрики и заводы».

Религиозники придумывают способы отпугивания рабочих от строительства, чтобы создать на стройках недостаток рабочей силы.

Для того, чтобы сорвать в с. Матюшине стройку эфиро-перегонного завода, поп пустил по селу слух: «Приехали из Москвы церковь ломать».

Поповская сплетня была разоблачена безбожниками. Церковники теперь агитируют среди населения: «Не работайте на стройке, завод скоро пустят, и он своими удушливыми газами задушит всех окружающих жителей, бежать надо подальше».

Сектантские проповедники пробираются на производстве даже в ряды ударников, чтобы втереться в доверие рабочих и успешнее вести свою пропаганду. Обычно они яростно выступают против ударничества.

На Бобриках в бараке № 64 сектанты пробовали устроить читку евангелия. От сектантов там слышны такие заявления: «Ударники — это Иуды-предатели». «Не подписывайтесь на заем, потому что пойдет он на «антихристово дело».

Осенью 1931 г. было обнаружено «письмо Магомета» против пятилетки, которое мулла Хайдар распространял среди татар-грузчиков Стальгрэса.

Приведем несколько фактов о борьбе религиозников против организации колхозов. Наиболее богомольные села являются наименее коллективизированными.

Новокустовский сельсовет Сампурского района (ЦЧО), пораженный сектантством, был коллективизирован только на 18,7% при среднем проценте коллективизации по области свыше 60.

В с. Воскресенске, Задонского района (ЦЧО), при наличии всего шести [illegible] семей, ведущих противоколхозную агитацию, коллективизация составляет всего 30%, тогда как другие села района коллективизированы на [illegible]—80%. Одним из методов религиозной агитации против колхозов являются «письма от бога», угрожающие всякими карами вступающим в колхоз.

В этих листовках говорится, что тот, кто пойдет в колхоз, после смерти будет мучиться в аду, что сейчас надо не работать, а молиться, чтобы [illegible] свою жизнь, так как скоро придет «христос» или «антихрист».

Антиколхозную агитацию еще больше продвигают в массы всякие [illegible] странники» и «чернички».

Такую например агитацию по селам Ивановской области вела б. помещица Меркулова, об'явленная «святой Верой безногой». Во время своих [illegible] области (на паре лошадей) «святая» давала советы: «В колхозы не вступайте—скоро им конец». Про Меркулову распространялись слухи, что [illegible] имеются документы от самого римского папы.

Фабрикуются всякие чудеса, вроде «обновления» икон, появления «святых источников», «знамений» на небе и т. д., которые должны запугать [illegible] и удержать ее от вступления в колхозы. Летом 1930 г. в одном только Рязанском округе, Московской области, «обновилось» 1.300 икон.

Кулаки пускают слухи о скором конце мира, о появлении «антихриста», [illegible], что колхозникам будут на лбы ставить печати. Они используют [illegible] для организации заговоров и убийств активистов колхозного [illegible].

От православной поповщины и сектантских проповедников не отстают [illegible]. При приближении осенних еврейских праздников в 1931 г. [illegible] «агитпроп» заметно усилил свою работу. В некоторых городах и [illegible] местечках и колхозах появились проповедники, выступавшие в синагогах и молельнях с агитацией — провести эти дни не на работе, а в [illegible].

В Новозлатопольском районе (УССР) колхоз предоставил [illegible] [illegible], нужные в это время в колхозной работе, для поездки с целью [illegible] убоя птиц к «судному дню». Тракторы и сеялки бездействовали [illegible] этот праздник.

В колхозе «Вперед» никто кроме председателя не вышел на работу. [illegible], Фрайдорского района, на время праздников была открыта молельня.

У баптистов есть прямые письменные директивы их руководителей о [illegible] в колхозы, но вместе с кулаками, с пресвитерами, при условии [illegible] религии.

В колхозе «Первый путь», Арсеньевского района, Московской области, «техноруки» — из «духовных»: один поп управляет пасекой, другой — охраняет скирды, а дьячок — бригадир по полевым работам.

Вот что получается, когда церковные агенты пользуются влиянием в колхозе. В деревне Силищи, Максатихинского района, Московской области, председателем колхоза был избран церковный староста. Он всю свою энергию направил на возвращение сбежавшего попа и оживление церкви. Самодуровский колхоз «Красный пахарь», Уваровского района, Московской области, куда проникли члены церковного совета, во всем отстает. В каждый религиозный праздник самодуровские колхозники не выходят на работу. В колхозе «Огородный гигант», Лежинского района, Московской области, празднуются все религиозные праздники.

Часто для того, чтобы пробраться в колхоз, попы и сектантские пресвитеры прикидываются ярыми сторонниками коллективизации.

В Шахтинском районе, Северокавказского края, поп официальным заявлением просит у Мелеховского сельсовета разрешить ему проводить беседы по коллективизации. Поп «гарантировал», что этим путем он поможет успехам коллективизации.

Религиозники агитируют среди колхозников против сдельщины. Сектанты приспособляют тексты «священного писания» для защиты уравниловки и обезлички. Религиозники подрывают социалистическую организацию труда в колхозах. Они на свой лад перетолковывают решения партии и правительства.

В колхозе им. Сталина, в Кореневском районе, сектантская группа выбились распределения дохода по душам, а теперь ведут агитацию за вых из колхоза.

В колхозе им. Сталина в Кореневском районе, сектантская группа выступала за подушное распределение доходов, а когда предложение сектантов было отвергнуто, они бросили работу.

Даже и в совхозах кулак через своих религиозных агентов ведет агитацию за уравниловку.

В совхозе «Индустрия», Верхнетеплянского района (УССР) баптисты распространяют вредительские бредни о том, что в колхозах сдельщина уничтожена и что в совхозах также не надо переходить на сдельную оплату и ликвидировать обезличку.

В связи с проводившимся месячником укрепления колхозов в Хворостинском районе (ЦЧО) кулаки и сектантские активисты стали усиленно распространять вредительские бредни о том, что «в колхозах закрепляют на пятьдесят лет» и на этот же срок «колхозники закрепляются в антихристовой вере».

«Выписывайтесь из колхозов, пока не поздно»,—призывали они. В результате подобной агитации в колхозе «Комсомолец» было подано 18 заявлений о выходе из колхоза.

Религиозники стараются сорвать колхозную работу путем всяких провокационных слухов. Особенно много их было во время уборки урожая.

В с. Канаде, Средневолжского края, распространялся слух о том, что солнце скоро померкнет; в с. Высокие поляны, Петелинского района, Московской области, многие верующие со страхом ждали «огненного дождя» перед «казанской»; в Муравлевском сельсовете, Курского района, распространялся нелепый слух о том, что голуби унесли стог колхозного сена, убранного до «петрова дня». В Курском районе (ЦЧО) распространялись слухи о том, что солнце стало все в «дырках» и скоро померкнет, что всюду пересыхает вода и что все равно «скоро все умрем».

При выполнении плана по взмету зяби в Нижневолжском крае в среднем на 51,9% (на 15 октября) баптистское село М. Журавка, Аркадакского района, выполнило план только на 2%, хлыстовские села Чигана — на 9% и …иновка — на 3%.

Классовый враг, пробравшийся в колхозы, плохим уходом старается довести к падежу скот. В колхозе им. Буденного (с. Елизаветинское, Липецкого района) проник бывший кулак и церковный староста Коротков, при котором дело в колхозе было поставлено так, что скот падал от истощения. В правление колхоза «Путь к социализму» (пос. Баркаловский, Пясковского района) пролез в качестве завхоза сектант Попов, который гоняет целые дни колхозных лошадей, не давая им корма, и таким образом выводит их из строя.

Религиозники всех родов ведут среди колхозников и единоличников *кампанию по срыву мероприятий партии и советской власти и по отказу от выполнения государственных обязательств.*

В с. Шеряково, Льговского района (ЦЧО), церковники агитировали против хлебозаготовок, призывая население не сдавать хлеба «на кормление врагов рода христианского», и запугивали отсталых верующих близкой войной. В с. Бегичевке, Обоянского района, они вели вредительскую агитацию против хлебозаготовок, уговаривая верующих женщин: «Не давайте везти хлеб коммунистам-антихристам. Скоро будет конец света».

Мулла Утербеев в Кзыл-ордынском районе Казакской АССР на собрании колхозников, обсуждавших вопрос о хлебозаготовках, выступил с речью, полной упреков по адресу колхозников, которые отстают в хлебозаготовках. Но мулла скоро был пойман: оказывается в частных беседах он уговаривал колхозников не сдавать государству ни фунта хлеба.

На «рождество» и на «пасху» кулак проводит усиленную кампанию против социалистического строительства и колхозов.

Даже менее значительные религиозные праздники приносят огромный вред промышленности и колхозам. В затоне Сопчино (Нижний-Новгород) в «петров день» не вышли на работу только из одной первой смены 250 человек. На Петровском заводе в Калуге на «троицу» прогуляло 140 рабочих. На Полойском кирпичном заводе возле Вятки «троица» и «духов день» ознаменовались невыработкой кирпича в количестве 60 тыс. штук. Баташевский литейный завод в Туле на «троицу» по вине только восьми прогульщиков недоработал полторы тонны чугунного литья и около 100 кг. медного литья. Ударная фабрика ВЗОК (там же) по вине 11 прогульщиков недодала продукции: 800 замков и 1 тыс. пар скоб; по 250—300 вагонов угля недодала шахта № 30 в Сталине в дни масленицы. На постройке Воткинского завода в «семенов день» не вышло на работу около 40% рабочих.

По данным Северного крайсовета, попы вели усиленную агитацию против лесозаготовок, говоря, что это, мол, «отрыв от бога». Во время религиозных праздников сотни лесорубов уходили из леса.

Все вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что вопрос о борьбе с религией не только не может быть снят с очереди, но на нем особо должно быть заострено внимание на данном этапе социалистического строительства, ввиду того, что наш классовый враг, разбитый на основных участках борьбы, усиленно активизируется на этом именно фронте.

Необходимо не только попрежнему со всей беспощадностью вскрывать контрреволюционное лицо всех и всяческих религиозных организаций, но и в ходе борьбы работу по изучению новых форм и методов контрреволюционной работы противника и тех возможностей и позиций, за которые так

или иначе может цепляться религия. Как показали процессы «Промпартии» и других вредителей, процесс «Союза освобождения Украины», как показали следственные материалы по ряду раскрытых заговоров, процессы разных контрреволюционных сект, контрреволюционная деятельность религиозной агентуры нашей буржуазии и кулачества связана с заграницей, со странами мировой контрреволюции. Если враг в виде попов, раввинов, мулл и т. д. теперь делает вид, что он «разоружается», если он прикидывается сторонником соввласти, социалистического строительства, то это несомненно осложняет нашу борьбу и делает ее еще более ответственной, усиливает ее значение, требует еще больше настойчивости и твердости в проведении генеральной линии партии на этом фронте.

Силы, которыми мы располагаем здесь, огромны. Нужно только их правильно организовать, активно выявить их действительно огромное превосходство над разбитыми силами противника. Но именно для этого мы и не должны недооценивать этих последних, а такая недооценка возможна и к сожалению имеет место в виде тех или других уклонов от генеральной линии партии в антирелигиозной пропаганде, так или иначе снижающих ее значение.

В связи с достижениями строительства социализма, в связи с тем, что плановое начало проникло в общественную жизнь, начиная от плана пятилетки и кончая планом отдельной ударной бригады, в связи с тем, что планы осуществляются в успешной борьбе за них пролетариата и колхозных масс, что старое, рабское отношение к труду отходит в прошлое и «труд становится делом чести, делом славы, делом доблести и геройства», — в общественном сознании пролетариата и широких масс трудящихся нашего Союза произошли огромные сдвиги. Мы не располагаем точными цифровыми данными о числе или проценте неверующих в СССР или в отдельных его областях, но тот факт, что создание безбожных ударных бригад и безбожных колхозов опережает в ряде мест организационную и пропагандистскую работу СВБ (например Дальневосточный райсовет с изумлением узнал, что на его территории возник первый безбожный колхоз), говорит за то, что число неверующих в СССР во много раз превышает ту цифру — 5 миллионов, которая является несомненным успехом и достижением СВБ в проведении в жизнь решений XVI партс'езда.

Мы имеем рост числа организованных безбожников в два с половиной раза со времени XVI партс'езда и в 57 раз с начала реконструктивного периода, когда количество членов СВБ измерялось цифрой в 87.033 чел. на весь СССР. Эти пять миллионов членов СВБ на 1/I 1932 года, в том числе шестьсот тысяч организованных безбожников Московской области, 400.000—в Ленинградской, 1.610.000—на Украине, конечно являются невиданной в истории по своим размерам армией добровольно-массового общества активного наступления на религию, с которой когда-либо приходилось иметь дело нашим классовым врагам. Но эти цифры во много раз ниже тех, которые должны соответствовать общему размаху антирелигиозного движения в нашей стране.

Как нужно оценивать это несомненное отставание роста СВБ от общего роста безбожия среди широких масс трудящихся? Прежде всего как сигнализацию того, что в работе СВБ имеются крупные недочеты и ошибки. То, что сделано им в осуществление решений XVI с'езда, ни в какой мере недостаточно для действительной реализации тех задач и перспектив, которые намечены в резолюции XVI партс'езда. Но нужно дать суровый отпор клеветникам на партию, которые в связи с этим расхождением числа действительных безбожников с общим масштабом антирелигиозного движения в стране говорят о «самотеке» этого движения, о невнимании партии к делу антирелигиозной пропаганды. И общий размах антирелигиозного движения и несомненно имеющиеся достижения СВБ в смысле его роста и работы есть

[след]ствия одной и той же причины — неослабного и неусыпного внимания [лени]нской партии под руководством ее ЦК во главе с т. Сталиным ко всем [уча]сткам классовой борьбы, в том числе и к росту безбожия и отходу масс [от] религии.

СВБ должен расти гораздо быстрее, чем в настоящее время. Рост этот [дол]жен закрепляться значительно лучше поставленной, чем в данный момент, [ра]ботой. Но при всех возможных достижениях в этом направлении и воз[мож]ном укреплении СВБ он не будет охватывать всех неверующих ввиду [массов]ости отхода от религии широких масс трудящихся. Задача СВБ — быть [в да]нный момент армией непосредственного боя с религией на специальном [фро]нте борьбы. В этой борьбе СВБ опирается на более широкие безбожные [ре]зервы, непрекращающийся поток которых обеспечен общей политикой [па]ртии на главных фронтах нашей борьбы и строительства.

Нужно, чтобы в своей работе СВБ вел беспощадную борьбу за проведе[ние] генеральной линии партии, борясь со всякими проявлениями контррево[люци]онного троцкизма и ведя непримиримую борьбу на два фронта как про[тив] правого оппортунизма — главной опасности в настоящей период, так [и] против всяких «левацких» загибов, и против гнилого либерализма и [прими]ренчества во всех его формах. Попытки сваливать вину за свою собст[вен]ную слабость на партийные организации наблюдались в отдельных орга[низа]циях СВБ, например в западносибирской организации. Руководство [Ц]С поступило правильно, дав решительный отпор этим попыткам и двинув [ту]да инструкторов для непосредственного налаживания работы. Наряду с те[м] непосредственным проникновением классово враждебных тенденций [в с]реду организованного безбожия здесь, как и везде, в первую очередь мы [име]ем дело с главной опасностью настоящего периода — с правым оппорту[низ]мом во всех его разновидностях, начиная от правых теориек о ненуж[но]сти антирелигиозной пропаганды — «раз, мол, мы и так идем к атеизму, [вы]теснится религия социализмом» — и кончая правооппортунизмом на прак[ти]ке, складывающим руки и отказывающимся от работы в тех районах СССР, [гд]е организованная, систематическая антирелигиозная работа наиболее за[тру]днена классовым сопротивлением враждебных нам элементов и потому [на]иболее нужна. Как на пример здесь можно указать на снятие в 1930 г. [пра]вооппортунистического руководства Сталинградского горсовета СВБ, на [ро]спуск ряда правооппортунистических советов СВБ на Сев. Кавказе в 1931 г.

Ведя и дальше с еще большей беспощадностью борьбу против правого [ук]лона как главной опасности, СВБ должен быть готов к решительному от[по]ру против всех «левых» загибов, подменяющих голым администрированием [слож]ное дело борьбы с религией. Тот факт, что на двух наиболее удаленных [дру]г от друга территориях СССР—в Верхнеудинском районе Вост. Сибири [и в] польских советах Белоруссии—имели место в 1930 и 1931 гг. факты такой [«лев]ацкой» административной борьбы с религией, обязывает все организа[ции] СВБ наряду с ЦС к постоянной классовой чуткости и бдительности [в] отношении этой оппортунистической опасности.

В какой мере справился союз безбожников в условиях обострения клас[сов]ой борьбы и ее усложнившихся формах с задачей, выдвинутой решениями XVI партс'езда, — задачей закрепления и дальнейшего развития успехов орга[низо]ванного безбожия? Союз воинствующих безбожников, как показывают [реше]ния III пленума ЦС (3—8 VI 1931 г.) и последующие решения испол[бю]ро и президиума, дает себе ясный отчет в ошибках и слабых сторонах про[дела]нной работы и ведет борьбу за их скорейшее исправление.

К числу этих слабых сторон работы относится отставание от темпов [социа]листического строительства как в общем руководстве, так и в работе [отдел]ьных организаций союза; опаздывание со включением в очередные кам[пани]и, недостаточная проработка вопросов о содержании, формах и мето-

дах антирелигиозной работы в связи с поворотом СВБ лицом к производственным и культурным задачам пятилетки; отставание в деле осуществления в работе организаций СВБ шести условий т. Сталина. Наряду с производственными победами безбожных ударных бригад недостаточно развернута ударная работа в области антирелигиозной пропаганды и еще слабо вовлечение женщин в безбожные ячейки; отсутствует достаточно диференцированный подход к различным слоям и группам населения в агитмассовой работе; недостаточный удельный вес и место отведены работе среди верующих. К числу недочетов относится также неудовлетворительное руководство со стороны ячеек и советов СВБ детским безбожным движением, недостаточное внимание к работе по внедрению нового быта. Антирелигиозную работу среди национальностей СВБ не сумел еще сделать действительно ударным участком работы. Научно-исследовательская антирелигиозная работа отличается недостаточным методологическим уровнем, недостаточной идеологической выдержанностью; она оторвана еще от практики, в ней встречаются проявления гнилого либерализма. Недостаточна связь научно-исследовательского отдела ЦС и антирелигиозного сектора ИКП философии с местами. ЦАМ до сих пор не превращен в действительный центр методического и организационного руководства делом антирелигиозной музейной работы в центре и на местах. Нужно отметить также недостаточную приспособленность краевых и областных советов к руководству работой в районах; слабое развертывание самокритики внутри организации; попытки руководить через аппарат без достаточного привлечения актива к руководству.

При всех этих недостатках Союз воинствующих безбожников имеет несомненные достижения в проведении в жизнь основного лозунга, выдвинутого третьим пленумом ЦС: «Борьба против религии есть борьба за пятилетку в 4 года, за темпы, за качество, за международное революционное движение». СВБ поставил свою работу лицом к производственным задачам 3-го, решающего года пятилетки, — сейчас насчитывается свыше 4 тыс. безбожных ударных бригад, безбожники включились в работу по ликвидации прорыва на транспорте, в борьбу за овладение техникой. Так например безбожники г. Камышлова (Урал) дали интереснейший опыт работы на транспорте: райсовет СВБ создал особые ударные бригады безбожников в поезде, который был назван «безбожным» ударным поездом». Бригада с честью выполнила поставленную перед нею задачу — вести поезд без опоздания, задержек. Кроме того бригада вела агитационно-пропагандистскую работу среди пассажиров и проводила в депо изучение религиозности рабочих-железнодорожников.

Спаренная безбожная бригада машинистов в Златоустинском ж.-д. узле является лучшей на линии. Бригада проводит поездки точно по расписанию и совершенно не имеет прогулов.

Призыв т. Сталина об овладении техникой подхвачен безбожниками. Так например безбожная ударная бригада завода № 10 в Туле выросла с 12 до 23 чел. и перестроилась в сквозную с охватом нескольких цехов. За пять месяцев производительность труда повышена на 20%. Ударники организовали кружок по изучению технологии, прокатки металла и обратились ко всем рабочим завода с призывом изучать технику. Безбожники Днепростроя выступили инициаторами создания кружков технической учебы. Сто механизмов на строительстве об'явлены безбожными, обслуживающие их безбожные бригады полностью охвачены технической учебой и т. д.

Посылкой раз'ездных бригад СВБ добился закрепления дела безбожного ударничества и безбожного строительства в ряде колхозов. Так например на Днепрострое имеется 65 безбожных бригад. Бригада плотников т. Волкова (47 ч.) получила переходное знамя за выполнение в 22 дня рассчитанной

в 26 дней работы по установке сводок. Смена Ботвинова, объединяющая 16 ударных безбожных бригад, на монтаже турбины гидростанции вместо полагающихся 200 заклепок сделала за 8 ч. 340 заклепок. 5.000 безбожников Днепростроя охвачены технической учебой. Безбожниками поднята кампания за создание безбожных культурных бараков, являющихся очагами нового быта. За год активистами-безбожниками проведено 989 докладов и бесед, распространено через библиотеки-передвижки 65.000 книг и выпущено в бараках 200 стенгазет. Безбожные бригады устраивали субботники, и деньги, заработанные на них (около 3.000 р.), переданы на усиление антирелигиозной работы.

Пример героической работы и борьбы за пуск магнитогорских домен в срок показывает аварийная штурмовая бригада им. ЦС СВБ, бросающая свои силы туда, где есть прорыв. Работая на ответственных участках, безбожная бригада выполняет задание в среднем на 200—220%, в то время как другие бригады на этих работах дают 80—91%.

Сравнение сведений о «пасхальных» прогулах на заводе им. Марти в 1930/31 г. лучше всего свидетельствует о громадном производственном значении проделанной ударниками-безбожниками антирелигиозной работы: так в шаблонно-разметочном цехе на «пасху» в 1930 г. было 200 прогулов, а в 1931 г. в том же цехе, ставшем безбожным, не было ни одного прогула, по остальным цехам достигнуто снижение прогула на 85—90%.

От безбожного города не отстают и безбожники деревни. Старейшая безбожная коммуна «Безбожник» имени т. Ярославского (с. Верхнее Толучеево, Воробьевского района, ЦЧО) была организована в 1925 г. как ТОЗ. В настоящее время коммуна является рассадником безбожия во всем Воробьевском районе ЦЧО. О религиозных обрядах в коммуне забыли. На все село имеется только одна верующая женщина. В хозяйственном отношении коммуна является образцовой. Она имеет хорошо поставленные СТФ и МТФ, целый ряд подсобных предприятий, несколько тракторов и сложных с.-х. машин. Хлебозаготовки выполнены досрочно на 108%. Все работы переведены на сдельщину с образцово поставленным учетом труда. Благодаря массовой антирелигиозной работе коммунаров окрестные села коллективизированы на 100%, и часть колхозов переименована в безбожные колхозы.

Колхоз «Воинствующий безбожник» им. т. Ярославского в с. Лягушево, Уральской области, Горошанского района, на посевной и уборочной кампаниях взял невиданные в районе темпы работы и во время посевной и уборочной кампаний держал на буксире окружающие отстающие колхозы. План хлебозаготовок перевыполнен. Колхоз сдал 1.666 цент., т. е. вдвое больше, чем сдавало раньше все село. Построены усовершенствованные конюшни, силосохранилища и т. д.

Безбожный колхоз в селе Безбожном (бывш. Петровское), Панинского района, выполнил годовой план в сентябре на 116%, расширив посевную площадь на 50%, и в то же время имеет большие достижения в борьбе с религиозностью в своем селе, которое было переименовано в Безбожное. Колхоз охватывает массовой работой окружающие села, в результате чего колхозы переименовываются в «безбожные». Колхоз премирован переходящим знаменем на районном конкурсе и знаменем облсовета СВБ на областном смотре безбожных колхозов.

В деревне Дмитровской, Кондавского района, Ивановской области, из года в год праздновали крестьяне праздник «Фрола и Лавра», пили, дрались и ходили в церковь. В этом году в этот день крестьяне под руководством ячейки СВБ выехали с красным обозом на ссыпной пункт и выполнили план хлебозаготовок на 100%. Софроновские колхозники в Буденновском районе, ЦЧО, объявили через газету, что у них празднования «Фролова дня» не будет, а

предложили «праздношатающейся публике к ним не приходить». Колхозники колхоза «Красное Байзиково», Михайловского р-на, Московской области, через газету же известили «родных и знакомых», что в день «Ивана постного» они по-ударному работают на картофельном поле.

Наряду с решительным поворотом к задачам строительства социализма СВБ в тесной увязке с ними добивается в настоящий момент одновременного заострения внимания безбожных организаций на содержании, формах и методах антирелигиозной пропаганды.

В области подготовки кадров антирелигиозников произошел некоторый сдвиг, но работа в этом направлении все же еще слабо развернута, и проблема кадров антирелигиозного движения продолжает оставаться острой. Необходимо отметить, что СВБ прилагает значительные усилия в этой области, не встречая зачастую необходимой поддержки со стороны ОНО, профсоюзов и научных работников. СВБ развернул сеть антирелигиозных университетов (66 рабочих и 3 колхозных университета к настоящему времени), готовящих ячейковые и районные кадры безбожников. Работает сеть антирелигиозных курсов в центре и на местах; два года существует подготовка антирелигиозников высшей квалификации в вузах и аспирантурах в научно-исследовательских институтах; для подготовки кадров используется радио.

Благодаря этим мероприятиям СВБ подготовка безбожных кадров приняла за последние два года более систематический характер, хотя лишь на отдельных участках учебы имеются некоторые успехи в этом направлении. Необходимо указать, что программы антирелигиозных курсов и университетов преодолели узость специального уклона и все более насыщаются вопросами диалектического материализма, истории классовой борьбы, текущей политики партии и советской власти и вопросами марксистско-ленинского естествознания. Ввиду обнаруженных в программах по диамату проявлений гнилого либерализма по отношению к троцкизму все программы должны быть тщательно проверены. Можно отметить успехи антирелигиозного факультета Радиоуниверситета, который два года тому назад имел всего 400 слушателей, а теперь имеет уже 32.777, из которых 9.000 националов. Развернуты антирелигиозные отделения в вузах и в педтехникумах.

Глубина и размах антирелигиозного движения с особой остротой выдвинули перед организованным безбожием задачи изучения социальных причин отхода верующих от религии и причин, тормозящих этот отход. Если раньше научные работники занимались преимущественно вопросами истории религии, то теперь на первый план выдвигается разработка марксистско-ленинского учения о религии, борьба с извращением этого учения механистами, разработка вопросов ленинского этапа атеизма, изучение социальных корней религии в СССР, изучение тактики врага и форм его влияния, вредительства и приспособления в условиях современной классовой борьбы.

Антирелигиозный сектор Института философии Комакадемии в конце 1930 года провел первую всесоюзную конференцию научных организаций, занимающихся изучением вопросов атеизма. Таких организаций в СССР насчитывается до 25. Эта конференция оказала организующее влияние на научную работу по вопросам атеизма, наметив единый план этой работы на ближайшие годы. Конференция дала несомненный толчок делу подготовки кадров научных работников, и в настоящее время в крупнейших центрах СССР, в Москве и Ленинграде, имеется антирелигиозная аспирантура, правда, по количеству еще очень незначительная (в Москве всего 4 человека).

Необходимо признать, что имеется налицо отставание теоретической работы от запросов самого безбожного движения. Перед нами стоит задача ликвидации этого отставания в кратчайший срок, задача борьбы с весьма прочно укоренившимся прошлым индивидуализмом и кустарщиной в научной работе, задача борьбы с искажениями марксизма-ленинизма, борьбы с

...либерализмом по отношению ко всем теориям, враждебным марксист-
...скому учению о религии, проявление чего встречается как в научных
...тах, так и в популярной антирелигиозной литературе, в антирелигиоз-
...х программах и учебных пособиях. В атеистической литературе имеются
...сильного влияния механистов-вульгаризаторов всякого толка.

Несомненные успехи антирелигиозного движения можно отметить среди
...ональностей СССР. В настоящее время организации СВБ охватили 96 на-
...стей. Издается 15 антирелигиозных журналов и газет на нац. языках.
...ются антирелигиозные учебники также на ряде нац. языков. Националь-
...организации СВБ ведут борьбу за выполнение пятилетки в 4 года, за ор-
...ционно-хозяйственное укрепление колхозов, разоблачая классовые
...ки церковников. Большую работу проделывают организации СВБ на
...токе по раскрепощению женщин (борьба за снятие чадры и паранджи, за
...бу и ликвидацию неграмотности женщин-националок, привлечение жен-
... к общественно-политической деятельности и т. п.).

Наконец необходимо остановиться на той роли, которую играет в на-
...ее время СВБ в международном пролетарском движении. В 1930 г. на
...международном конгрессе ИПФ были исключены из Интернационала со-
...фашисты Гартвиг, Сиверс и др., бывшие до этого непосредственными ру-
...телями ИПФ. При новом революционном руководстве ИПФ, в котором
...средственное участие принимает СВБ, широко развертывается работа. В
...ящее время в его рядах состоят организации 20 стран, в то время как
...назад их было всего 8. Одной из важнейших задач СВБ является распро-
...ение опыта его антирелигиозной работы среди заграничных организа-
... ИПФ — широкое освещение успехов социалистического строительства,
...ба против влияния буржуазных, троцкистских, социал-фашистских уста-
...к и идей, которые проникают иногда в иностранные организации свобо-
...щих, борьба на два фронта — против правой опасности как главной
...ости на современном этапе и «левых» загибов.

В связи с вышеизложенным перед антирелигиозным движением наме-
...ся следующие перспективы и задачи.

Дальнейшие успехи социалистического строительства — завершение
...ной коллективизации и на этой основе полная ликвидация кулачества
...класса, выполнение плана великих работ 1932 г. и завершение пятилетки
...нением, четвертом ее году—вызовут значительный рост антирелигиоз-
...движения. Еще более широкие перспективы для антирелигиозного дви-
... открываются в связи с осуществлением всемирно-исторических задач
...ого пятилетия, намеченных директивами XVII партконференции. Завер-
... реконструкции всего народного хозяйства, создание новейшей техни-
...кой базы для всех его отраслей, ликвидация капиталистических элементов
...классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые
... и эксплоатацию, преодоление капитализма не только в экономике,
... в сознании людей и превращение всего трудящегося населения страны
...ательных и активных строителей бесклассового социалистического
...тва будет сопровождаться огромным ростом безбожия. В отдельные
...ты, особенно в отдельных районах и на отдельных участках социали-
...ской стройки, неизбежно обострение классовой борьбы. Необходимо
... дать беспощадный отпор попыткам гибнущих капиталистических эле-
... использовать в целях сопротивления диктатуре пролетариата реак-
...ю силу религии в наиболее утонченных и замаскированных формах.

В условиях отмирания религии, в условиях борьбы за преодоление бур-
...х и мелкобуржуазных предрассудков среди трудящихся и настойчивой
... по социалистическому перевоспитанию масс дальнейшее развитие
...гиозной пропаганды и необходимость поднятия ее на большую теоре-
...скую высоту выдвигают еще более остро задачу подготовки кадров по

всем линиям антирелигиозной работы и требуют еще более быстрых темпов ее разрешения. Наряду с этим необходимо также, в осуществление решений III пленума СВБ, дальнейшее, еще более значительное улучшение форм и методов антирелигиозной учебы. Антирелигиозные учебники и пособия должны быть перестроены на основе ленинского этапа воинствующего атеизма и на основе самой тесной увязки в них политических и мировоззренческих вопросов и тем с задачами и перспективами строительства социализма и его текущей практикой.

В силу всего этого в настоящее время особенно необходима борьба за марксистско-ленинскую выдержанность антирелигиозной пропаганды на основе письма т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции», необходима разработка ленинского этапа воинствующего атеизма (выпуск сборников, монографий, популярных изданий), проработка всего наследства Маркса и Энгельса по вопросам борьбы с религией. Необходима внимательная проверка всей выпущенной за последние годы антирелигиозной литературы как периодической, так и непериодической. Перед нами стоит задача — развернуть на основе марксизма-ленинизма борьбу против троцкистских вылазок в антирелигиозной пропаганде, борьбу на два фронта — против механистического материализма как главной опасности на данном этапе и меньшевиствующего идеализма, против гнилого либерализма и примиренчества к каким бы то ни было проявлениям оппортунизма. Нужно дать также критику учения Плеханова о религии, разоблачить социал-фашистские учения о религии Каутского, Кунова, Гартвига и др.

Большое внимание необходимо уделить научно-исследовательской работе в деле изучения процесса отхода масс от религии, процесса отмирания религии. Необходимо изучить, как активное участие в классовой борьбе, социалистические формы труда (ударничество, соцсоревнование и т. п.), коллективизация, внедрение в социалистическое сельское хозяйство высокой машинной техники воздействуют на сознание рабочих и колхозников, на выработку у них новых взглядов на природу и общество, благоприятствующих усвоению ими диалектически-материалистического мировоззрения, и тем ускоряют процесс отмирания религии. Такое изучение должно проводиться в ходе и на базе качественно повышающейся массовой антирелигиозной работы и служить в то же время основой дальнейшей соответствующей ее перестройки.

Антирелигиозная пропаганда должна быть поднята на новую, высшую ступень. Наряду с усилением качественно высокой работы среди верующих СВБ в тесном контакте с ОВМД должен перейти к развертыванию широкой сети диалектико-материалистических кружков, к широкой массовой пропаганде диалектического материализма, марксизма-ленинизма, через систему докладов, лекций, массово-периодическую и непериодическую печать, к увязке этой работы с развитием научно-технической общественности. Вся эта работа должна быть направлена на преодоление идеалистических пережитков «религиозного тумана» в сознании трудящихся, отходящих и уже отошедших от религии, и подчинена задаче их социалистического перевоспитания.

Необходим самый тесный контакт СВБ и ВЛКСМ в совместной активной работе по руководству неудержимо растущим детским безбожным движением, по осуществлению антирелигиозного воспитания в школе, согласованного с качественным улучшением учебы и с задачами политехнизации школы, по об'единению борьбы за внедрение нового быта с борьбой за антирелигиозное воспитание детей дошкольного возраста.

В области антирелигиозной работы среди национальностей стоит задача подготовки кадров антирелигиозников из националов, выпуск программ, методразработок, антирелигиозных учебников на национальных языках и

…ляется особенно важным, выпуск массовой марксистско-ленинской ан… …лигиозной литератур… на национальных языках.

В области международной работы необходимо усилить руководство в международном антирелигиозном движении, добиться выпуска на всех …олее распространенных языках работ Маркса, Энгельса, Ленина о ре… …и борьбе с нею, повести непримиримую борьбу против просачивания …революционного …роцкизма, социал-фашистских и прямо буржуазных …й и идей в теорию и практику антирелигиозной работы организаций …тарских свободомыслящих. Перед организациями СВБ стоит задача— …вуть революционное соревнование с заграничными организациями без… …ков и таким образом влиять на усиление антирелигиозной работы за …ней и на ее идеологическую выдержанность. Особо ударной задачей …наряду с укреплением международных связей через организацию про… …ющих свободомыслящих является развертывание пропаганды успехов …листического строительства перед пролетариатом и широкими массами …щихся капиталистических и колониальных стран.

Проводя во всем антирелигиозном движении беспощадную борьбу со …идами оппортунизма, со всеми уклонами от генеральной линии пар… …примиренчества к ним, необходимо повести дальнейшую работу по еще …широкому привлечению СВБ как организации в целом к непосредст… …му участию в социалистическом строительстве, к созданию и укрепле… …безбожных колхозов, к борьбе за овладение техникой и агротехникой, …рьбе за культурную революцию, к участию во всех решительно полити… …хозяйственных кампаниях, проводимых партией и советской властью, …рьбе за выполнение плана великих работ 1932 г. и завершение первой …летки в этом, четвертом году ее.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

О некоторых вопросах философии марксизма в изложении меньшевиствующего идеализма

О книге С. Гоникмана „Исторический материализм".

«Если на клетке слона видишь надпись буйвол — не верь глазам своим»,— сказал некогда Козьма Прутков.

Это старое изречение поневоле приходит в голову по прочтении книги С. Гоникмана, приходит в голову потому, что в этом изречении дана квинтэссенция одной чрезвычайно характерной черты нашей эпохи: черты, заключающейся в том, что все враждебные марксизму течения в своей борьбе против него облачаются в марксистские одежды, выступают под марксистским флагом. Поэтому нужны величайшая бдительность и умение отличать видимость от сущности. чтобы понять действительный, настоящий смысл таких теоретических построений. При чем здесь нельзя всех стричь под одну гребенку, ибо сплошь и рядом мы встречаемся не только с сознательной маскировкой, но очень часто и с неумением понять подлинный дух марксизма при искреннем желании стать на его позиции. Однако, отмечая эту суб'ективную сторону дела, мы не можем забывать того, что результат одинаково плох как в том, так и в другом случае: искажение марксизма по образу вульгарнейших буржуазных теорий, притупление его революционного острия. Непримиримая борьба со всеми построениями подобного рода, разоблачение их настоящего смысла есть поэтому обязанность каждого марксиста.

Деборинская школа, одним из виднейших представителей которой является С. Гоникман, выступила на литературно-философскую арену с колоссальнейшей помпой. Собравшись в поход против механистов: Аксельрод, Степанова, Тимирязева и их единомышленников, сторонники этого философского направления об'явили себя источником истины, представителями основоположников марксизма, единственными истолкователями их духовного наследства.

Работы этого философского направления пестрят цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина и вместо марксизма преподносят продукцию своего собственного производства, являющуюся по существу не чем иным, как переодетым в марксистский костюм идеализмом Гегеля.

Работа С. Гоникмана является ярким памятником этой поры. Написанная высоким штилем, она может быть смело названа одной из самых характерных работ деборинской школы.

Если Маркс говорил о себе, что его заслугой является материалистическая переработка гегелевской диалектики, то С. Гоникман может смело сказать, что он Маркса «перевернул с ног на голову, и вновь придал диалектике мистическую форму.

Этот переворот был произведен под флагом защиты марксизма от нападок ревизионизма. Но то, что в истории один раз происходит как трагедия, в другой раз совершается как фарс. Возврат к идеализму имел своим следствием эклектизм и привел к гипертрофии слабых мест гегелевской диалектики на новой основе.

Подобно тому, как месье Журден говорил прозой, не зная этого, С. Гоникман, очевидно, сам того не замечая, в ряде вопросов скатился на позиции своих противников — механистов, этим еще раз подтвердив справедливость того тезиса, который утверждает, что нельзя быть подлинным диалектиком, оставаясь на механистических позициях. В ряде случаев его высказывания не только трудно, но и прямо невозможно отличить от высказываний механистов.

Так как по Гоникману исходным пунктом определения предмета исторического материализма является решение проблемы «соотношения всеобщего и единичного» (!), то с ее изложения мы и начнем.

По его мнению всеобщее есть сущность. «Формально-логическому пониманию всеобщего буржуазной наукой,—пишет он,—мы должны противопоставить и бессмысленный эклектический отказ от всеобщего, а его диалектическое понимание. Всеобщее, закон, есть не сумма отдельных общих признаков, а внутренняя связь, сущность исследуемых явлений», (стр. 43). Однако в дальнейшем всеобщее — сущность С. Гоникмана отрывается от единичного, от качества и количества, а в результате эта категория превращается в самое обычное формально-логического типа понятие, в некую непротиворечивую духовную сущность и открытие этого всеобщего об'является основной задачей диалектического материализма.

Но кто сказал А, тот должен сказать и Б. Превратив всеобщее в непротиворечивую духовную сущность формально-логического типа, С. Гоникман сводит единичное, конкретное лишь к случайной форме проявления этой непротиворечивой сущности и конструирует категорию абсолютной материи.

«Исследуя конкретное явление, мы исследуем специфические своеобразия проявления всеобщего закона», — пишет он на стр. 46 своего сочинения.

По его мнению есть абсолютная материя, материя как таковая, имеется также и движение как таковое, которые проявляются в виде конкретных предметов и конкретных видов движения.

«В чем, — спрашивает он, — мы можем мысленно пощупать абсолютную материю и абсолютное движение? — Только в единичном». «Эта абсолютная действительность абсолютной материи не имеет никакого иного выражения, кроме того, которое она находит в единичных вещах в относительных формах». «Значит,—пишет он,—мир представляется нам раздвоенным. С одной стороны, мир есть мир абсолютной материи и абсолютного движения этой материи... с другой стороны — мир есть мир относительных форм движущейся материи» (стр. 67). С одной стороны, единичное есть проявление абсолютного движения материи; с другой стороны, единичное есть конечная форма проявления этого абсолютного движения материи, этой абсолютно движущейся материи».

Но какую цену при таких высказываниях имеют возражения Гоникмана Бриньяду и Платону? Какое значение, спрашиваем мы, имеет борьба С. Гоникмана с механистами, когда он в иной форме, но по существу тождественным по содержанию выдвигает тезис об изменяемости лишь формы? Чем отличается абсолютная материя Гоникмана от материи как таковой т. Степанова и его сторонников? Очевидно ничем.

Ко всем этим противоречиям С. Гоникман пришел именно потому, что он, начитавшись Гегеля, не переварил его, что он отождествил гегелевскую диалектику с диалектикой Маркса, Энгельса и Ленина. В основе его построений лежит именно гегелевское, а не марксистско-ленинское понимание категории «сущность», точно так же как и всех прочих категорий.

По мнению Маркса, Энгельса и Ленина нет абсолютной материи и абсолютного движения, существующих вне основных определенных форм движения материи, нет материи как таковой и движения, как такового. Категории «материя», «движение» и т. д. отражают факт существования вне нашего сознания изменяющихся, развивающихся предметов, видов материи. Это абстракции, но абстракции реальные, т. е. отражающие действительность. Общее, по мнению Маркса,

Энгельса и Ленина, существует лишь в отдельном и через отдельное. «Материя как таковая,—пишет Энгельс в «Диалектике природы»,— это — чистое создание мысли и абстракция. Подводя вещи, рассматриваемые нами как телесно существующие, под понятие материи, мы отвлекаемся от всех качественных различий в них. Поэтому материя как таковая в отличие от определенных существующих материй, не является чем-то чувственно-существующим. Естествознание, стремящееся отыскать единую материю, материю как таковую, стремящееся свести качественные различия к чисто количественным различиям состава тождественных мельчайших частиц, поступает так, как оно поступало бы, если бы вместо вишен, груш, яблок оно искало плод как таковой, вместо кошек, собак, овец и т. д. искало бы млекопитающее как таковое, газ как таковой, металл как таковой, химическое соединение как таковое, движение как таковое. Теория Дарвина требует подобного первого млекопитающего, Prommamalia Геккеля, но должна в то же время признать, что если оно содержало в себе в зародыше всех будущих и современных млекопитающих и было совершенно грубым, а поэтому и более преходящим, чем все они». «...Эта односторонняя математическая точка зрения, согласно которой материя определима только количественным образом, а качественно искони одинакова, является именно точкой зрения французского материализма XVIII столетия. Она является даже возвратом к Пифагору, который уже рассматривал число, количественную определенность, как сущность вещей»[1].

Эту же мысль Энгельс проводит в одном из своих писем к Марксу. Так например в письме от 19 ноября 1874 года он пишет: «Мы должны всеобщее выводить из единичного, а не из себя или из воздуха, как Гегель»[2].

Было бы конечно совершенно неверно полагать, что у С. Гоникмана наряду с вышеприведенными местами нет мест правильных. Они у него есть. Ведь недаром же он читал и перечитывал Маркса, Энгельса и Ленина, недаром же он трудился, переписывая в виде цитат целые страницы из их произведений. Беда не в этом, а в том, что наряду с этим он мысли Гегеля отождествил с мыслями Маркса и Энгельса, беда в том, что он классиков марксизма превратил в гегельянцев. В результате Гегель был превращен в своего рода божественное откровение марксизма, а Маркс гегельянизирован. Однако эта незаконная амальгама дала себя знать вопреки правоверным заявлениям и клятвам в верности марксизму, и в книге Гоникмана под марксистской фразой наряду с гегельянством выступил механический материализм, являющийся неизбежным следствием гегельянской трактовки категорий материалистической диалектики. Однако переход на механистические позиции не есть особенность одного лишь Гоникмана. Это характерная черта всей школы А. М. Деборина. Отметим мимоходом, что показ того, как деборинцы, независимо от собственной воли и желания, в силу идеалистического извращения марксизма, полемизируя с механистами, очень часто становились на их же позиции, составляет очень существенную задачу современной критики деборинщины.

Таким образом то понимание соотношения всеобщего и особенного, которое С. Гоникман развернул в своей книге, является не только идеалистическим, но заключает в себе несомненные элементы механицизма. И в этом ничего удивительного нет. Нельзя быть последовательным диалектиком, не будучи материалистом.

Справедливость этого нашего утверждения подтверждает вся книга С. Гоникмана. Так, он сводит всякое внутреннее противоречие к противоречию формы и содержания. «Противоречие между конечной формой и бесконечным движением содержания, — пишет он, — есть сущность всякого внутреннего противоречия. Всякое внутреннее противоречие есть специфическая форма осуществления и проявления противоречия между формой и содержанием». «Противоречие формы и содержания является сущностью всякого внутреннего противоречия. Нет никод-

---

[1]) Энгельс, Диалектика природы, 1930 г., стр. 103—104.

[2]) Маркс — Энегельс, Собр. соч., т. XX, стр. 7.

...явления в природе и обществе, которое не было бы единством абсолютной ...ьности материи и относительной формы осуществления этой деятельности» ...р. 66—67).

Противоречие между буржуазией и пролетариатом есть внутреннее проти... буржуазного общества? Очевидно да. Во всяком случае против этого до ...пор никто из лагеря марксистов не возражал. Но что здесь является формой ...то будет содержанием? Буржуазия есть относительная, конечная форма, про...риат — бесконечно деятельное содержание этой формы или наоборот? Неле...ть такого подхода слишком очевидна и совсем не нуждается в раскрытии.

Другой пример — товар есть единство противоположностей: потребительной ...мости и стоимости. Противоположность потребительной стоимости и стои...ти есть внутреннее противоречие товара, но можно ли сказать, что стоимость ...форма потребительной стоимости или наоборот потребительная стоимость ...форма проявления стоимости? Нельзя, потому что собственная потребитель...стоимость товара А не может быть формой проявления заключенной в данном ...ре стоимости. Формой проявления стоимости товара А может быть потреби...ая стоимость товара В и всякого другого товара, но не своя собственная ...ребительная стоимость. Но когда стоимость товара А выражается в виде ...деленного количества потребительной стоимости товара В, то здесь мы уже ...м выражение внутреннего противоречия через посредство внешних противо...ложностей, к которым внутреннее противоречие, заключенное в товаре, сведено ...ь не может.

Маркс по этому поводу в первом томе «Капитала» пишет следующее: «...гда мы говорим: как стоимости, товары есть простые сгустки человеческого ...да, то наш анализ сводит товары к некоей абстракции стоимости, но не выра...ет их ни в какой форме стоимости, отличной от их натуральной формы. Не то ...отношении одного товара к другому по стоимости. Характер товара, как стои...ти, обнаруживается здесь благодаря его собственному отношению к другому ...ру». «Только выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает ...ифический характер труда, созидающего стоимость, так как разнородные ...ы труда, заключающиеся в разнородных товарах, оно действительно сводит ...к общей основе, к человеческому труду вообще»[1]). «Для того, чтобы выразить ...мость холста, как сгусток человеческого труда, необходимо выразить ее, как ...ую субстанцию, которая вещественно отлична от холста и в то же время обща ...с другим товаром»[2]).

Но меновая стоимость есть не только форма проявления стоимости. Мено...отношение товара А к товару В не только вскрывает заложенное в товаре ...воречие, а одновременно с этим замаскировывает его и развивает дальше. ...им образом развитие от простой формы стоимости к денежной есть не толь...процесс выделения денег из среды товарного мира, а также и саморазвитие ...а.

Таким образом мы приходим к выводу, что внутреннее противоречие не ...т быть сведено к противоречию формы как внешнего и содержания, как внут...ннего, как это делает С. Гоникман, тезис которого по существу содержит в себе ...ание непротиворечивости самого содержания. Внутреннее противоречие за...ючается в противоречии формы и содержания, но не сводится только к нему. ...но для каждого, кто хоть однажды прочел «Капитал» Маркса и вдумался ...го содержание.

Утверждение С. Гоникмана вне всякого сомнения находится в тесном ...зи с деборинской трактовкой закона борьбы и единства внутренних проти...положностей. У него, как и у Деборина, противоречие — не исход-

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 14.
[2]) Там же, стр. 14.

ный пункт, а результат. У него содержание само по себе непротиворечиво. По существу Гоникман, как и Деборин, исходит из признания наличия некоего этапа простого тождества, из которого потом возникают противоречия. По его мнению очевидно может иметь место развитие без противоречий.

Эта точка зрения ничего общего с марксизмом не имеет, она по существу является отрицанием противоречивости сущего. Но для С. Гоникмана эта точка зрения не является случайностью. Наоборот, при его концепции случайностью было бы иное понимание закона борьбы противоположностей.

Итак, Гоникман, отрывая форму от содержания, приходит к утверждению, что содержание абсолютно, изменчива лишь та форма, в которой это содержание является. «В чем, — спрашивает он, — заключается процесс развития мировой истории человечества? — В том, что одни формы, в которых протекает развитие производительных сил, сменяются другими формами».

Это действительно перл, «глубже» которого выдумать что-либо трудновато. Теперь нам совершенно понятно, для чего ему нужно было об'явить всякое внутреннее противоречие осуществлением противоречия между формой и содержанием, ибо по Гоникману «нет ни одного явления, которое не было бы единством абсолютной деятельности материи и относительной формы осуществления этой деятельности» (стр. 67). Невероятно, нелепо, но факт!!

Таким образом всякое развитие по С. Гоникману сводится лишь к смене форм. И сколь бы он ни цитировал Маркса, Энгельса и Ленина, сколь бы он ни клялся в верности марксизму, — клятвы остаются клятвами, а цитаты — цитатами, лишь замаскировывающими истинные взгляды нашего автора.

Отрыв формы от содержания у него сопровождается также превращением формы в основание содержания. «Форма, — пишет он, — определяет характер развития содержания». Признание пассивности формы уживается наряду с чрезвычайным преувеличением ее роли. Форма отождествляется им даже с законом, между тем как всем известно, что Маркс, Энгельс и Ленин никогда не сводили закон только к форме. Они показали, что закон — это сущность предмета, которая не может быть ни в коем случае отождествлена с формой.

Было бы в высшей степени нудно и скучно, если б мы стали разбирать все другие «основные положения» С. Гоникмана, ибо они ничего не обнаруживают в авторе, кроме путаницы и неумения разбираться в самых элементарных философских вопросах.

Он критикует Г. В. Плеханова за отрыв теории познания от логики марксизма, от диалектики и даже посвящает этому вопросу целую главу. Но критика Плеханова для него является лишь ширмой, под прикрытием которой он углубляет и развивает деборинские взгляды по основным вопросам философии марксизма.

«Для диалектического материализма, — пишет он, — не существует абстрактной теоретико-познавательной проблемы: теория познания является стороной истории познания. История познания показывает, как практически разрешается или вернее, осуществляется единство бытия и мышления. Вот этой сути марксистского решения теоретико-познавательной проблемы Плеханов не понимал. Проблему единства суб'екта и об'екта он ставил не на уровне Гегеля, Маркса и Энгельса, а на уровне Фейербаха, абстрактно, метафизически. Хотя он неоднократно говорил об историзме, о критерии практики, но применить эти понятия к теории познания диалектического материализма он не мог. Ленин, — пишет С. Гоникман: «не остановился на многообразном фейербаховско-плехановском повторении: «я» есть суб'ект для себя и об'ект для другого и т. д., но развернул энгельсовское учение об относительной и абсолютной истине, учение, полностью забытое Плехановым» (стр. 82—83).

Таким образом здесь С. Гоникман делает попытку показать роль практики в теории познания марксизма, ставит проблему отношения диалектики и теории познания.

Процитировав огромнейшее количество высказываний Ленина о диалектике и теории познания, о роли практики и т. д., заявив, что диалектика и теория познания одно и то же, С. Гоникман замечает: «правда, и Ленин лишь в процессе углубленной работы над Гегелем пришел к конкретному и развернутому пониманию теорико-познавательной стороны истории науки и практики».

Стоит только внимательно вдуматься в его вышеприведенные положения, чтобы сказать, что здесь в замаскированной форме мы имеем проведение деборинских воззрений на роль практики в процессе познания, на соотношение диалектики и теории познания.

По Гоникману Гегель оказывается стоял на точке зрения единства суб'екта и об'екта... вместе с Марксом и Энгельсом. Более того, он оказывается понимал роль практики лучше Фейербаха, а Маркс и Энгельс ни на одну йоту не поднялись выше его.

Гоникман смешал Маркса и Гегеля, подкрасил Гегеля под марксиста, с одной стороны, и разрисовал Маркса под ортодоксального гегельянца, с другой стороны.

Гоникману стыдно не знать, что Гегель стоял не на точке зрения единства суб'екта и об'екта, а на точке зрения их тождества. Это показал с достаточной степенью ясности еще Людвиг Фейербах. В предварительных тезисах к реформе философии он писал: «Гегелевская философия является отрицанием противоречия между мышлением и бытием, в особенности как его выражает Кант; но заметьте — отрицанием этого противоречия внутри самого противоречия, внутри одного из его элементов, внутри мышления. Мысль у Гегеля является бытием. Мысль, это — суб'ект, бытие — предикат. Логика — это мышление в элементах мышления, или сама себя мыслящая мысль — мысль, как суб'ектов, лишенных предикатов, или мысль, являющаяся одновременно и суб'ектом и предикатом себя самой»[1]).

Это видел очень хорошо и Г. В. Плеханов. «Система Гегеля, — писал он в своей работе «От идеализма к материализму», — была лишь дальнейшей разработкой шеллинговской философии тождества»... «идеалистический монизм, получивший в системе Гегеля самое стройное свое выражение, яснее, чем где-нибудь обнаружил в ней свою крайне односторонюю природу. Абсолютное есть суб'ект — об'ект, тождество мышления и бытия. Так учил Шеллинг. И в то же время абсолютное есть я, бесконечный суб'ект духа. На таком его понимании энергично настаивали и Шеллинг и Гегель. Оба они осуждали Спинозу, который, по их словам, не сумел возвыситься от понятия субстанции до понятия самосознания. Однако субстанция Спинозы, имевшая два атрибута — мышление и протяжение — имела то преимущество, что в самом деле было суб'ект — об'ектом, единством мышления и бытия. «Возвыситься от нее до самосознания, т. е. представить ее себе, согласно требования Шеллинга и Гегеля, как абсолютное я, как дух, значило свести ее к одному из ее атрибутов именно — к мышлению»[2]).

Фейербах и Плеханов абсолютно правы в вопросе соотношения суб'екта и об'екта у Гегеля, и тот, кто, подобно С. Гоникману думает, что Гегель так же, как и Маркс стоял на точке зрения единства суб'екта и об'екта, тот совершает грубейшую ошибку, обнаруживая отсутствие элементарного умения различать видимость и сущность, познавать различия за внешним сходством.

Грубо ошибочной, ревизионистской является и другая попытка С. Гоникмана — попытка отождествить гегелевское понимание практики с марксистским.

---

[1]) Л. Фейербах, Соч., т. I, стр. 70—71.
[2]) Г. В. Плеханов, Собр. соч., т. XVIII, стр. 164—165.

Гегелевское понимание практики не идентично марксистскому. У Гегеля понимание практики не противоречит его идеализму. У него имеет место лишь практическая идея, абстракция практики, но не конкретно-чувственная практика, не практика в форме общественно-производственной деятельности. И здесь С. Гоникман попросту следует манере Деборина: стричь под одну гребенку все эпохи и народы, об'являть всех предшественников Маркса 99-процентными марксистами.

Тезис о том, что диалектика есть теория познания в книге Гоникмана, имеет значение лишь ширмы, прикрывающей истинные взгляды нашего философа, заключающиеся в отрыве диалектики от теории познания, в противопоставлении теории познания диалектике. Доказательством справедливости этого утверждения является изложение С. Гоникманом этой важнейшей проблемы.

С. Гоникман ни в одном месте своей книги, в том числе и в главе, посвященной определению соотношения диалектики и теории познания, не критикует Гегеля, не показывает того, как Маркс и Энгельс относились к диалектике Гегеля. Он даже не упоминает о том, что они считали необходимой ее материалистическую переработку, а излагает мысли Гегеля о диалектике параллельно изложению мыслей Маркса, ни словом не указывая на различия, существующие между ними. Более того, он категорически заявляет, что «попытка рассмотрения порядка категорий в науке диалектики, как воспроизведения порядка становления этих категорий в об'ективной действительности есть закрученный идеализм похуже гегелевского» (стр. 89).

Интересно, почему же это есть идеализм, да еще закрученный? Потому, видите ли пишет Гоникман, что «представление о том, что об'ективная действительность начала свое существование, как качество, за сим превратилась в количество, и т. п. чепуха предполагает превращение категорий диалектики из отражения сторон и законов конкретной материальной действительности в самостоятельные об'ективности, т. е. типичный идеалистический выверт наших понятий хуже гегелевского сей идеализм потому, что у Гегеля об'ективность предоставлена все же абсолютным духом в целом; становление категорий у него лишь становление самосознания абсолютного духа» (стр. 89).

Но именно здесь-то и видны ослиные уши идеалиста, скрывающегося за материалистической фразеологией.

Кто сказал Гоникману, что изложение категорий диалектико-материалистической логики (теории познания тож) мы должны начинать и вести с категории качества, не решив предварительно вопроса об отношении мышления к бытию?

У Энгельса на этот счет имеются вполне ясные указания, дополненные и развитые Лениным.

Если для нас диалектика и есть теория познания, то начинать изложение категорий материалистической логики (диалектики, теории познания тож) мы должны именно с решения вопроса об отношениях бытия и мышления. Категория «качество» не может рассматриваться вне решения основного вопроса философии, ибо «качество» может быть понимаемо двояко: материалистически и идеалистически.

Этот тезис С. Гоникмана с неопровержимой убедительностью говорит за то, что он до сих пор не понимает необходимости переработки гегелевской диалектики, недопустимости для человека, именующего себя марксистом, восприятия категорий гегелевской «Науки логики». По существу С. Гоникман считает, что гегелевская диалектика ни в какой переработке не нуждается. Но зачем тогда громы и молнии против Гегеля и Плеханова? Очевидно это не более, как «тактический ход». Это во-первых. Но это утверждение С. Гоникмана имеет еще и другую сторону. Он, с одной стороны, указывает на то, что порядок категорий «должен отражать диалектически обработанную историю становления и развития этих категорий в действительном процессе развития общественной науки и практики» (стр. 88), а с другой стороны, заявляет: «Попытка рассмотрения порядка категорий в науке диалектики, как воспроизведение порядка становления этих катего-

рий в об'ективной материальной действительности есть закрученный идеализм похуже гегелевского» (стр. 89).

Неужели история общественной науки и практики не находится ни в какой связи со становлением действительности? Какое же значение в таком случае имеет расположение категорий в том порядке, в каком они возникали в процессе развития науки и общественной практики? Очевидно никакого.

С. Гоникман подошел к этому вопросу очень просто, настолько просто, что выхолостил из проблемы все ее реальное содержание. Это содержание надо восстановить. Конечно нелепо думать, что закон всемирного тяготения не существовал до того, как он был открыт Ньютоном. Закон всемирного тяготения действовал и до Ньютона. Точно так же закон сохранения вещества действовал до открытия этого закона Лавуазье, и земля вращалась вокруг солнца задолго до того, как Коперник возвестил миру свое открытие. Это несомненно.

Но это только одна сторона проблемы. Если б мы на ней поставили точку, следуя примеру С. Гоникмана, то по существу признали бы, что мир сам по себе неизменен, но нам в силу неполноты наших знаний, он представляется изменчивым, т. е. встали бы, независимо от собственной воли и желания, на метафизические позиции. Именно на этих позициях и стоит С. Гоникман, не видящий другой стороны проблемы.

В чем эта другая сторона заключается? В признании исторического характера всех законов. Законы тоже имеют свою историю. Это ярко показано Фр. Энгельсом.

«Вечные законы природы, — пишет он в «Диалектике природы», — все более и более превращаются в исторические законы. Что вода от 0 до 100° жидка, это вечный закон природы, но чтобы он мог иметь силу, должны быть: 1) вода, 2) данная температура и 3) нормальное давление. На луне нет вовсе воды, на солнце имеются только элементы, и к этим небесным телам наш закон неприменим. Законы метеорологии тоже вечны, но только для земли или же для тела, обладающего величиной, инертностью, наклоном оси и температурой земли, и при предположении, что оно обладает атмосферой с одинаковой пропорцией кислорода и азота и с одинаковыми массами испаряющегося и осаждающегося водяного пара. На луне нет совсем атмосферы; солнце обладает атмосферой из раскаленных металлических паров, на луне поэтому нет совсем метеорологии, на солнце же она совершенно иная, чем у нас. Вся наша официальная физика, химия и биология исключительно геоцентричны и рассчитаны для земли. Мы совершенно не знаем формы электрических и магнитных напряжений на солнце, на неподвижных звездах и туманностях и даже планетах, обладающих иной плотностью. Законы химических связей элементов прекращаются на солнце благодаря высокой температуре или же имеют временное действие на границе солнечной атмосферы, при соединении снова разлагаются при приближении к солнцу. Но химия солнца находится в становлении, и она неизбежно иная, чем химия земли; она не опровергает последней, но находится вне ее». «Итак, если мы желаем говорить о всеобщих законах природы, применимых ко всем телам, начиная с туманного пятна и кончая человеком, то нам остается только тяжесть и, пожалуй, наиболее общая формулировка теории превращения энергии, — механическая теория теплоты. Но сама эта теория превращается, если применить ее ко всем явлениям, в историческое изображение происходящих в какой-нибудь мировой системе, от ее возникновения до гибели, изменений, т. е. превращается в историю, на каждой ступени которой существуют другие законы, т. е. другие формы проявления одного и того же универсального движения — и, таким образом, абсолютно всеобщим значением обладает лишь одно — движение» [1]).

Далее, разве историчность политической экономии в узком смысле слова, изучающей буржуазный способ производства не является результатом историч-

[1]) Энгельс, Диалектика природы. Изд. 4-е, стр. 59—60.

ности самого этого способа производства? Разве мог например Аристотель написать «Капитал»? Этого не мог сделать даже Адам Смит. Почему? Не в силу слабости своих умственных способностей, а в силу неразвитости буржуазного способа производства. По этой же самой причине марксизм не мог вырасти в древнем Вавилоне или древнем Египте.

Таким образом и в этом вопросе С. Гоникман нагородил ошибок, нагородил немало идеалистического метафизического вздора под видом критики идеализма. Вообще этот «философ» обладает удивительной способностью запутывать самые ясные положения и отнюдь не потому, что он глубоко разбирается в этих вопросах, а просто потому, что он в них ничего не понимает. Из всей философской литературы, прочитанной им, С. Гоникман запомнил только одни слова, не поняв их содержания. Но это особенность не одного С. Гоникмана, а всей школы А. М. Деборина. Твердя на всех перекрестках о том, что логическое есть очищенное и переработанное историческое, А. М. Деборин и его сторонники по сути дела преподносят гегелевское, т. е. идеалистическое понимание логического и исторического. Ни А. М. Деборин, ни его ученики Гегеля не преодолели. Вместо материалистической переработки гегелевской диалектики они дали гегелевско-идеалистическую интерпретацию марксизма.

В самом деле, что является характерным для гегелевского понимания логического и исторического? То, что у него последовательность категорий была не чем иным, как конкретизацией идеи, т. е. ее становлением, ибо для него процесс познания идентичен процессу развития действительности. Отсюда вытекло и его, целиком воспринятое А. М. Дебориным, отождествление логического с историческим.

Однако в этом вопросе взгляды С. Гоникмана не только восстанавливают гегелевскую систему, но и исправляют ее в смысле соответствующей обработки Гегеля под марксиста. У Гегеля логическое совпадает с историческим, ибо для него процесс становления идеи есть не что иное, как процесс становления предмета. У С. Гоникмана же логическое отражает лишь историю познания, но история познания не имеет никакого отношения к истории предмета познания. По его мнению диалектика только «воспроизводит во всеобщей форме историю все более конкретного отражения мышлением законов об'ективной действительности, все более конкретного осуществления единства познающего суб'екта и об'ективного мира» (стр. 87). Таким образом по Гоникману диалектика присуща лишь нашему познанию, а не действительности.

Таким образом С. Гоникман полностью историю познания отрывает от истории развития действительности.

Но это действительно хуже Гегеля, хуже в том смысле, что такое решение проблемы логического и исторического возвращает нас назад от Гегеля к Канту. Кантианизм—таков итог «глубоких» изысканий С. Гоникмана. Этим еще раз подтверждается справедливость того положения, которое утверждает, что меньшевиствующий идеализм есть не просто гегельянская ревизия марксизма, а гегельянская ревизия с налетом кантианства.

Эта основная линия выступает у С. Гоникмана, как и у других учеников А. М. Деборина, под прикрытием марксистской фразеологии, которая оказала известное влияние и на содержание их высказываний. Гегель у них очень часто выступает подновленным, подкрашенным под марксиста. Происходит своеобразная модернизация Гегеля. В этом—своеобразие формы меньшевиствующего идеализма.

Эта черта присуща и С. Гоникману. Так например он заявляет, что «Гегель показал, что история познания идет от абстрактного, недостаточного, одностороннего познания ко все более полному, глубокому, всестороннему познанию об'екта. Пружиной этого движения вперед является практика. Практика обнаруживает несоответствие наших представлений и понятий об'екту, их недостаточность и заставляет двигаться дальше» (стр. 80). Неужели у Гегеля практика играл

кую роль? Мы полагали, что у него имела место лишь идея практик Далее, разве у Гегеля речь идет о познании предметов, а не о познании само себя абсолютным духом?

Наряду с многочисленными разговорами о роли практики у него выпл ает и такой тезис: «наших чувств и мышления достаточно для познания об'е ктивного мира». Но чем это отличается от разносимого им фейербахизма? — Ниче Марксизм с этой точки зрения С. Гоникмана не имеет ничего общего. Он счита общественно-производственную практику той основой, на которой зиждется п ние мира.

Оставив в стороне другие вопросы общефилософского порядка, затронуть в книге С. Гоникмана, на этом мы закончим первую часть нашей статьи, посв щенную вопросам диалектики в истолковании С. Гоникмана.

Этим предварительным общефилософским введением С Гоникман пр определил пути решения проблем исторического материализма.

Раз общее есть сущность, раз единичное и особенное есть лишь случайна форма проявления этой сущности, раз противоречие есть не исходный пунк развития всего сущего, а лишь его результат, то совершенно очевидно, что поз ние человеческого общества должно стремиться к охвату того общего, чт присуще всякому обществу. С. Гоникман определяет исторический материали как науку об общих законах общественного развития. Но эти общие законы о нимает так же, как все буржуазные социологи, а не по-марксистски. Поэтому задача этой науки сводится им лишь к вскрытию за конкретной формой, принима емой им случайной, вечного общего содержания.

Но при таком подходе самое существенное в историческом материализм Маркса, Энгельса, Ленина—теория общественно-экономической формации—выпа дает, становится совершенно ненужным и излишним.

Если для Маркса и Энгельса общее не существует вне единичного и осо бенного и потому может быть познано лишь через познание особенного, есл для Ленина «всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные пред меты», если для него «всякое общее существует лишь в отдельном и через от дельное», то для С. Гоникмана отдельное—лишь случайная форма проявлени общего. Если для Ленина теория общественно-экономической формации как совокупности производственных отношений есть то новое, что характеризуе диалектический материализм в его применении к истории, то С. Гоникмана он совершенно не удовлетворяет и не интересует. Он в этом отношении следуе целиком за буржуазными социологами. Но он проделывает это в чрезвычайн своеобразной форме. Так как отделаться от теории общественно-экономическо формации простым кивком невозможно, то С. Гоникман пытается доказать, что развиваемая им концепция теории общественно-экономической формации н противоречит. «Чистой эклектикой было бы, конечно, представление,—пишет он,— будто учение об общественных формациях снимает исторический материализм как науку об общих законах общественного развития». «Законы исторически определенной общественно-экономической формации специфичны. Но это н абсолютная специфичность. Они качественно своеобразны. Но это не абсолютно качественное своеобразие. Они не отменяют законов исторического материализма, но являются специфической, частной, исторически-определенной их формой. Законы одной общественно-экономической формации отличаются от законов другой исторической общественной формации не абсолютно, а относительно. И те и другие суть единств всеобщих законов общественного развития и частной их формой, и те и другие суть исторически-определенные формы всеобщих законов. Только исторический материализм, учение об общих законах общественного раз вития, дает ключ к пониманию общественной формации, законов ее возникно вения, развития и гибели» (стр. 196—196).

Мы конечно не собираемся отрицать наличия законов, присущих в равно мере феодализму и капитализму (например и там и тут люди едят, трудятся

и т. д.). Вопрос не в этом, а в том, как понимать эти общие закономерности, можно свести закономерности, присущие например буржуазному обществу, лишь к форме проявления некоторых всеобщих закономерностей. Именно это и делает С. Гоникман, именно поэтому его концепция ничего общего с марксизмом не имеет. Не правильнее ли будет считать эти всеобщие закономерности лишь абстракциями, указывающими на факт существования ряда общественно-экономических формаций? Конечно да.

Думать так, как думает С. Гоникман, это значит разрывать форму и содержание, считать преходящей лишь форму, увековечивать содержание. Но что это значит? Брать содержание независимо от формы, считать лишь форму изменчивой, сводить всякий конкретный исторический закон к форме проявления всеобщих законов? Это значит ликвидировать марксистско-ленинскую теорию общественно-экономической формации, ибо она построена на признании изменчивости **и формы и содержания**, на признании их единства, на признании закона внутренним состоянием материи. Нельзя брать содержание оторванно от формы, точно так же как нельзя познать форму независимо от содержания. Это—азбука марксизма. Поступать так, как поступает С. Гоникман, это значит переходить на позиции кантианизма, на позиции буржуазной социологии. Тот, кто не понимает этого, тот вообще ничего не понимает.

Стоять на позициях С. Гоникмана, это значит считать стоимость, деньги, прибавочную стоимость, заработную плату, среднюю норму прибыли, ренту, процент и т. д. лишь формой проявления внеисторических, свойственных всякому обществу законов. Это значит, с другой стороны, ревизовать марксистское понимание закона.

Надо ли доказывать, что эта точка зрения ничего общего с марксизмом не имеет? Надо ли доказывать, что это есть не что иное, как кантианизм, одетый в марксистские одежды? Марксизм учит, что законы историчны и по форме и по содержанию. Это мы выяснили еще в начале этой статьи. Поэтому политическая экономия в узком смысле слова показывает не только законы развития буржуазного общества, но и законы его гибели. Марксова политическая экономия имеет возможность делать это лишь благодаря тому, что она стоит на почве теории общественно-экономической формации, на почве признания законов историческими не только по форме, но и по содержанию.

Таким образом у С. Гоникмана есть своя логика, которую он проводит на протяжении всей своей книги. Именно в силу этого он теории общественно-экономической формации посвятил две страницы, а разговорам об обществе вообще—сорок страниц.

Итак, если Маркс на место разговоров об обществе как таковом поставил теорию общественно-экономической формации, то С. Гоникман заменил теорию общественно-экономической формации обществом вообще, обществом как таковым.

Но было бы конечно сугубо неверно полагать, что общество как таковое у С. Гоникмана полностью тождественно обществу Спенсера или Риккерта. Нет! В отличие от буржуазных социологов С. Гоникман говорит о производительных силах и производственных отношениях и этим самым создает некоторую видимость марксистского подхода. Однако эти категории у Гоникмана не идентичны соответствующим категориям Маркса, Энгельса и Ленина.

С. Гоникман полагает, что, исходя из категории труда, понимаемого как процесс между человеком и природой, он получает в свои руки нить для об'яснения исторического развития. «Развитие общественного человека, —пишет он, —и все те изменения, которые общественный человек и общество в целом претерпевают в процессе своего развития, должны быть об'яснены в последнем счете из воздействия общественного человека на природу, т. е. из процесса труда». В этой формулировке не было бы большой ошибки, если бы она была конкретизирована т. е. если бы была указана граница применения этого тезиса, если бы было пока-

нию, что самодвижение человеческого общества, борьба заключенных в нем противоположностей не сводятся к борьбе человеческого общества с природой. Но для того, чтобы сделать это, надо было покинуть общество «вообще» и перейти к теории общественно-экономической формации. Этого С. Гоникман не сделал, да и сделать не мог. Если для Маркса труд есть не только процесс между человеком и природой, а и определенное взаимоотношение людей друг к другу, то С. Гоникман ограничивается лишь первой частью и, отбрасывая вторую, по существу целиком скатывается на позиции А. А. Богданова и Н. И. Бухарина. Получается почти стопроцентная теория энергетического баланса. «Процесс общественного развития,—пишет он,—является по своей сути процессом развития общества в борьбе с окружающей природой за свое существование» (стр. 179).

О внутренних противоречиях — ни слова. Для С. Гоникмана они просто не существуют. Он сводит их целиком и полностью к противоречиям внешним.

В полном соответствии с этим он разделяет производственные отношения на технические и социально-экономические. При чем первые у него решительно довлеют над вторыми и по существу везде, где он говорит о производственных отношениях, у него речь идет о первых, вторые существуют просто как украшение. Таким образом производственные отношения сводятся к отношениям технического сотрудничества.

«Технические производственные отношения,—пишет он,—являются непосредственной формой движения производительных сил... Простейшие технические производственные отношения суть отношения простого сотрудничества. Простое сотрудничество заключается в том, что каждый член производственной группы производит те же операции, выполняет те же функции, что и другой. Совместная охота первобытной орды является простейшей формой простого сотрудничества. Эта форма применения производительных сил определяется примитивной техникой первобытной орды. Орудия первобытного человека просты и однообразны, их применение требует соединения совместных усилий членов социальной группы и допускает только элементарнейшие формы труда между ними. Всюду, где основным орудием труда выступает простое недифференцированное орудие или инструмент, основная форма его применения—простое сотрудничество».

Прося у читателя извинения за длинные выписки, мы приведем еще одно место, выписанное С. Гоникманом без всякого стеснения у Богданова: «Простое сотрудничество, — продолжает С. Гоникман, — в наиболее чистом виде имеет место в первоначальных стадиях мануфактурного производства и в предшествующем ему ремесленном производстве». «Однако и на самой первоначальной стадии мануфактуры мы уже имеем разделение организаторского и исполнительского труда. Капиталист—организатор производственного процесса мануфактуры в целом, рабочие—исполнители. Простое сотрудничество имеет место также и в первобытной орде, однако далеко не в чистом виде. Бедность и недифференцированность орудий первобытной орды исключает закрепленное разделение труда между различными ее членами». Но разделение труда все же имеется и там. И там выделяются организаторы и исполнители. «Совместные действия орды во время крупной охоты или войны требовали хотя бы временного выделения организатора-вождя».

У Маркса есть категория мануфактурное разделение труда. Но, как показывает даже сам термин, это означает не что иное, как разделение разделения труда внутри капиталистического предприятия от того разделения, которое существует во всем капиталистическом обществе. Таким образом эта категория есть категория сугубо историческая. «Мануфактурное разделение труда требует уже достигшего известной зрелости разделения труда внутри общества. Наоборот, мануфактурное разделение труда в свою очередь оказывает влияние на общественное разделение труда, развивая и расчленяя его дальше».

Мануфактурное разделение труда и так называемое общественное разделение труда—это единство противоположностей, характеризующее собою капита-

лизм как общественно-экономическую формацию. Разделение труда в будущем, коммунистическом обществе ничего общего с этим, свойственным капиталистическому обществу, разделением труда иметь не будет. Это будет совершенно новое качество. Точно так же ничего общего с разделением труда в капиталистическом обществе не имело то разделение труда, которое существовало в рамках феодализма античного общества или в обществе первобытно-коммунистическом. «Мануфактурное разделение труда предполагает концентрацию средств производства в руках одного капиталиста, общественное разделение труда — раздробление средств производства между многими независимыми друг от друга товаропроизводителями». «Мануфактурное разделение труда предполагает безусловный авторитет капиталиста по отношению к работам, которые образуют простые члены принадлежащего ему совокупного механизма; общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов». «Анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда взаимно обусловливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства». «Мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства»[1]).

Богданов, Бухарин, Кон, Бессонов, с одной стороны, и Рубин, с другой стороны, с этим несогласны. Мануфактурное разделение труда под названием технического они считают присущим всякому обществу. У Рубина это выразилось даже в очень яркой формуле. «Последовательно проведенное Марксом различие между материально-техническим процессом производства и его общественной формой,— пишет он,— дает нам в руки ключ для понимания всей его экономической системы»[2]). Это различие является плодом работы лишь Рубина и ему подобных и ничего общего с марксизмом не имеет. Оно насквозь проникнуто антиисторизмом и эту-то антимарксистскую точку зрения проводит в своей работе С. Гоникман. Однако тот, кто подумает, что Гоникман просто списывает у Рубина и Богданова, «синтезирует» их, тот очень сильно ошибается. С. Гоникман разрабатывает их установки дальше, создавая термины «социально-экономических» и «технических производственных отношений». Таким образом в работе С. Гоникмана мы имеем синтез Рубина и Богданова на некотором новом этапе. В соответствии с этим метафизический характер его концепции выясняется еще полнее. Еще полнее обнаруживается несостоятельность подобного подхода.

По мнению Маркса, производственные отношения — это такие отношения, в которые люди становятся друг в отношении друга в общественном производстве своей жизни. «В общественном производстве своей жизни,— писал он в предисловии «К критике политической экономии»,— люди вступают в определенно необходимые, от их воли не зависящие отношения, производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания». «Всякое производство есть присвоение индивидуумом благ природы внутри определенной общественной формы и посредством нее. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства», — развивает он эту же мысль во «Введении к критике политической экономии». Эта же мысль развивается им во втором томе «Капитала», где он пишет: «Отношения распределения суще-

---

[1]) Маркс, стр. 334 и далее.

[2]) Рубин, Очерки, изд. 4-е, стр. 6.

...но тождественны с производственными отношениями», представляющими лишь ...ую сторону последних» [1]).

Таким образом производственные отношения—это, по Марксу, отношения людей друг к другу в общественном производстве своей жизни, включающие в качестве своего момента распределение средств производства, во-первых, и (в зависимости от этого распределения) распределение результатов производства, во-вторых. «По отношению к отдельному индивидууму распределение выступает как общественный закон, определяющий его положение в сфере производства, внутри которой он производит, а следовательно предшествующий производству [2]). Прежде чем распределение становится распределением продуктов, оно есть распределение орудий производства, и второе, что представляет собою дальнейшее определение того же отношения, распределение членов общества по различным видам производства (подведение индивидуумов под определенные производственные отношения). Распределение продуктов есть очевидно результат этого распределения, которое включено в самый процесс производства и которое обусловливает организацию этого последнего» [3]).

Таким образом никаких намеков насчет разделения производственных отношений на технические и социально-экономические мы у Маркса не находим. Такого разделения нет и у Энгельса, нет его и у Ленина, нет потому, что они были настоящими, подлинными диалектиками. Для них всякое производственное отношение есть отношение «социально-экономическое», если уж употреблять этот излишний термин. Для них нет точно так же и производственных отношений, как трудовой расстановки людей в пространстве и времени», хотя само собою разумеется, что никто из них не думал отрицать того, что люди живут, воздействуют на природу в пространстве и времени. Различение, произведенное Гонигманом, является не чем иным, как кантианской ревизией Маркса, попыткой свою собственную дребедень приписать Марксу.

Если б на этих позициях стоял лишь один Гонигман, то в этом не было бы большой беды. Однако есть ряд товарищей, стоящих на партийных позициях в философских вопросах и в то же время разделяющих эту точку зрения. Мы имеем в виду авторов «Очерков исторического материализма» [4]), которые пишут по этому поводу следующее: «пытаясь восстановить и развить правильное, ортодоксально-марксистское понимание вопроса, Плеханов предложил различать два вида производственных отношений: технические производственные отношения и имущественные производственные отношения». «Различение этих двух видов производственных отношений Плеханов установил правильно» [5]).

В том-то дело и заключается, что это различение Плеханов установил на кантианский манер. Оторвав эти два момента друг от друга, он особенность производственных отношений буржуазного общества сделал атрибутом всяких производственных отношений. Деборинская школа эту ошибку Плеханова углубила и потому сомкнулась в этом вопросе (как и в ряде других) с кантианцем Рубиным. Принятие этого разграничения ведет с неизбежностью к превращению производственных отношений в надстройку, ведет к отрыву производительных сил от производственных отношений. Родство Деборина и Рубина с Плехановым здесь несомненно. Столь же несомненен и кантианский характер этой концепции. Но жестоко ошибается тот, кто предположит, что концепция Богданова, Бухарина, Кона, Бессонова в этом вопросе принципиально отлична от позиций деборинской школы и Рубина. Сводя производственные отношения к расстановке людей в пространстве и времени, Бухарин сходится с Рубиным в трактовке так называемого технического и общественного разделения труда. Таким образом и у механистов мы

[1]) К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 10.
[2]) К. Маркс, К критике политической экономии.
[3]) Там же.
[4]) Очерки исторического материализма под ред. А. Медведева и М. Шир-..., «Прибой», 1931 г.
[5]) ... сборник, стр. 144.

имеем, с одной стороны, отождествление отношения людей к природе с отношениями людей друг к другу, а с другой стороны, кантианский разрыв этих двух моментов. Правильное марксистско-ленинское понимание производственных отношений основано на изучении первобытного коммунизма, рабства, феодализма и капитализма как определенных совокупностей производственных отношений. Оно не имеет ничего общего ни с позициями Богданова, Бухарина, ни с позициями Рубина и деборинской школы.

Неправильное, антимарксистское решение проблемы «производственных отношений» сочетается у С. Гоникмана со столь же неверным, антимарксистским пониманием соотношения производственных отношений с производительными силами. Производительные силы оторваны у него от производственных отношений и механически противопоставлены друг другу, как причина и следствие. Производительные силы у него движутся сами по себе, очевидно лишь в силу присущего им внутреннего «беспокойства». «Процесс общественного развития является по своей сути процессом развития общества в борьбе с окружающей природой за свое существование. Но поскольку орудием человеческого общества в борьбе с природой являются его производительные силы, их развитие лежит в основании человеческого общества в целом»,—заявляет он в главе «Марксистское учение об обществе» и как будто бы нарочно для того, чтобы у читателя не оставалось никаких сомнений в действительном характере его концепции, добавляет: «Каждое общество отличается от другого общества в первую очередь тем, как, посредством каких орудий труда протекает производство. *Основное отличие различных общественных формаций заключается как правило в уровне производительных сил. Уровень производительных сил показывает, как данное общество производит, в отличие от того, как производит другое общество. Решающим элементом производительных сил, тем элементом, который об'ясняет изменение и развитие как двух остальных элементов производительных сил, так и изменение всего характера производства являются орудия труда*» (стр. 181—182. Разрядка наша, — А. К.).

Для того, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, каковы действительные взгляды С. Гоникмана по этому вопросу, мы приведем еще одно место из его книги. «Ведущим элементом или гегемоном, как мы выражаемся, производительных сил, — пишет он, — являются орудия или средства труда. Изменение средств труда влечет за собой изменение рабочей силы и предмета труда, т. е. с изменением средств труда происходит изменение производительных сил в целом. С изменением производительных сил происходит также изменение производственных отношений» (стр. 181—182).

Несмотря на свой архимарксистский костюм, эта механистическая схема Гоникмана является абсолютно-антимарксистской схемой, ведущей прямо в лоно идеализма. Здесь мы имеем уже установленный нами однажды отрыв производительных сил от производственных отношений, превращение последних в надстройку. Это, во-первых. Во-вторых, С. Гоникман, разрывая форму и содержание (производственные отношения и производительные силы), не может понять источника самодвижения общественно-экономических формаций и механистически сводит их развитие к развитию орудий труда, как первопричины развития человеческих обществ. Он предусмотрительно не ставит вопроса о том, чем об'ясняется *развитие самих орудий* труда, ибо постановка этой проблемы вскрыла бы полностью идеалистический характер его концепции.

В самом деле, почему же орудия труда развиваются? Может быть С. Гоникман согласен с Г. С. Тымянским в этом вопросе и об'яснит развитие орудий труда присущим им «беспокойством»? Эта «категория» у С. Гоникмана не фигурирует. Но тогда чем же?— Очевидно развитием изобретений. Но ведь это *идеализм чистейшей воды*. Однако этот финал С. Гоникмана смущает очень мало. Как

...идеи, у С. Гоникмана дело этим далеко не исчерпывается. Он считает возможным различать различные общественно-экономические формации не по типу их производственных отношений, но по употребляемым ими орудиям труда. Интересно, как с этой точки зрения С. Гоникман проведет различие между социализмом (в особенности первым периодом) и капитализмом. Очевидно, что с этой точки зрения различие провести совершенно невозможно, очевидно никакого отличия капитализма от социализма, стоя на этих позициях, не найдешь. Итак, капитализм идентичен социализму. Да здравствует «марксист» С. Гоникман, сделавший это великое открытие!!

Впрочем полностью лавры этого открытия С. Гоникману мы отдать не можем. Гораздо раньше его, только иными словами, эту же идею высказал С. Бессонов. «Наиболее забытой является та часть учения Маркса о производительных силах, которая должна осветить роль и значение орудия труда в развитии производительных сил»,—писал он в 1925 году. «Если по отношению к природе и фактору истории и по отношению к человеку мы имеем вполне законченное теоретическое освещение вопроса в работах Плеханова, Ленина, Аксельрод, Бухарина, то в отношении орудия труда немногочисленные замечания Маркса остались неразвитыми и неразработанными до сих пор. Между тем техника и техническая наука накопили богатый фактический материал, который позволяет дать вполне законченную теорию орудия труда как фактора развития производительных сил уже на теперешней ступени наших знаний по истории техники» [1]. По его мнению Маркс выдвигал орудия труда как конституирующий и решающий элемент производительных сил». Почему?—«Потому, что только они составляют материальную связь одного накопления с другим, наследуются от поколения, постепенно развиваясь». «Именно они представляют из себя тот костяк, на котором новое поколение людей формирует самого себя, они являются тем материальным базисом, на основе которого усваивается опыт предшествующих поколений, организационно-технические, социальные навыки. Потому, что только орудия труда представляют из себя наиболее устойчивую часть производительных сил, передаваемых одним поколением другому. Предмет труда по самой своей природе текуч... Рабочие поколения также сменяют одно другое — **единственным опорным пунктом** преемственной связи этих поколений в материальном, духовном, организационном отношении является фабрика, мастерская, сооружение, машина, инструмент, книга, — словом, система орудий труда, передаваемых одним поколением другому» [2].

Таким образом — С. Гоникман списал у С. Бессонова, не указав даже источника своей премудрости. Правда, эта книга С. Бессонова до последнего времени была очень мало известна. Так что мимо этого могли пройти, не заметив, рецензии, но С. Гоникману скрыть свое родство с Бессоновым в этом вопросе не удается, несмотря на то, что «Развитие машин» до сих пор не подвергалось развернутой марксистской критике. До сих пор не показана связь этих высказываний С. Бессонова с меньшевистской теорией врастания капитализма в социализм.

Таким образом идеалист и механист сошлись в одном из важнейших вопросов исторического материализма. Для обоих из них характерна гипертрофия орудий труда, отрыв производительных сил от производственных отношений. Оба они стоят по существу на той точке зрения о соотношении производительных сил и производственных отношений, которая в дискуссии среди экономистов в 1929 году получила название «точки зрения шотландских коттеджей». Эта точка зрения свойственна наряду с Бессоновым и Гоникманом также Рубину и

---

[1] С. Бессонов, Развитие машин стр. 61—62.
[2] Там же, стр. 65

социал-фашистам вообще. Меньшевистский, социал-фашистский характер этой «теории» не подлежит сомнению.

Совершенно иначе стоит вопрос о соотношении производственных отношений и производительных сил у Маркса. Для него это неразрывное единство. Поэтому он всегда берет производительные силы не в голом виде, а как общественные производительные силы, т.-е. в их оформленном виде. Поэтому связь в истории, по его мнению, создается не только орудиями труда, а и общественной формой, взятой, как форма развития производительных сил в целом, т. е. наряду с орудиями труда, предметом труда, рабочей силой и т. д. При чем основной производительной силой для него является сам общественный человек.

В этом отношении очень много дает для понимания взглядов Маркса его письмо к Анненкову 1846 г. «Люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые являются основой всей их истории, — пишет он в этом письме, — потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия ограничена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существующей раньше (разрядка наша.—А. К.), которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти прозводительные силы служат ему сырым материалом для нового производства; благодаря этому факту возникает связь человеческой истории, образуется человеческая история, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно и их общественные отношения».

Философские взгляды С. Гоникмана и С. Бессонова на эти проблемы имеют определенные политические следствия. Они самым явным образом смыкаются с социал-демократическими теориями мирного врастания капитализма в социализм, с социал-демократическими взглядами на Октябрьскую революцию, они являются теоретическим обоснованием правого оппортунизма.

Так как наша статья чрезвычайно удлинилась, то поэтому мы принуждены ограничиться рассмотрением еще лишь одной проблемы. проблемы классов, в той постановке, которую ей дает С. Гоникман.

И здесь, точно так же как и в других частях своей книги, т. С. Гоникман нагромождает наряду со своей действительной концепцией груду цитат из Маркса, Энгельса, Ленина. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет понимание его действительных взглядов. Но обильное цитирование классиков марксизма имеет ту свою оборотную сторону, что еще более увеличивает противоречивость и без того богатой противоречиями (отнюдь не в диалектическом смысле этого слова) позиции нашего автора. Эта противоречивость и непоследовательность есть об'ективный результат его неумения преодолеть идеализм Гегеля.

С. Гоникман критикует богдановско-бухаринскую теорию общественных классов, но в то же время сам проводит ее установки в своей работе.

Разделив производственные отношения на технические и социально-экономические, метафизически противопоставив их друг другу и по существу считая, что отношение людей к природе и разделение людей на командиров и исполнителей, определяет их отношение к средствам производства, С. Гоникман не имеет возможности понять действительную природу категории «профессия». Он считает профессиональные отношения следствием того, что в обществе имеется техническое разделение труда.

Таким образом проблема профессии берется независимо от проблемы распределения средств производства, независимо от проблемы общественно-экономических формаций. Профессии по Гоникману оказываются обусловленными отношениями человеческого общества к природе и ничего общего с распреде-

ния средств производства, с классовыми отношениями не имеют. Эта «теория» С. Гоникмана является не чем иным, как богдановщиной, возрождаемой в 1931 г. деборинской школой.

Как бы С. Гоникман ни пытался отгородиться от Богданова и Бухарина, весь он стоит целиком на их позициях. Критика богдановщины является лишь маскировкой, под прикрытием которой протаскиваются собственные взгляды.

Согласно учению К. Маркса, Энгельса и Ленина появление профессий есть результат возникновения товарной формы производства. В средневековом городе мы находим классические формы профессиональных отношений, но они вытекали из возникновения и роста товарного производства, а не из отношений людей к природе. Именно поэтому средневековый город лишь положил начало профессиональному делению людей. Развитие буржуазного способа производства, перерастание простого товарного хозяйства в хозяйство капиталистическое профессий не уничтожило, а развило их дальше. Следовательно профессиональное расчленение общества связано с особенностями определенной общественно-экономической формации. Это категория сугубо историческая, историческая отнюдь не в том смысле, в каком ее делает исторической С. Гоникман, связывающий категорию «профессия» с разделением труда без всяких дальнейших определений.

Но то же самое разделение производственных отношений на технические и социально-экономические «привело С. Гоникмана на позиции» богдановско-бухаринской теории классов. «Переход от ремесленной формы труда к капиталистической, — пишет он, — совершался как переход от индивидуального к коллективному, кооперированному труду. Но кооперированный труд, труд многих участников производства требовал организатора — организатора средств производства, всего процесса производства, сбыта. Таким образом коллективный труд при исторически определенном уровне развития производительных сил требовал разделения организаторских и исполнительных функций, умственного и физического труда. Господство капиталистов как организаторов производства было необходимо для того, чтобы процесс кооперированного труда мог совершиться» (стр. 226).

Здесь дана богдановская концепция классов в чистом виде. Этот факт является несомненным, несмотря на все попытки С. Гоникмана скрыть свои истинные взгляды за грудой цитат из Маркса, Энгельса и Ленина.

С. Гоникман, подобно А. Богданову и Н. И. Бухарину, выводит классы из отношений людей к природе, из отношений технического сотрудничества, из разделения людей на командиров и исполнителей. Цитаты для него — лишь украшение, лишь форма прикрытия своих действительных воззрений.

Совершенно иначе к этому вопросу подошли К. Маркс и Ф. Энгельс. Как мы отметили выше, для них нет производственных отношений технических и социально-экономических», для них все производственные отношения — «социально-экономические» отношения. Для них производственные отношения — это единая категория, включающая в себя в качестве своего момента отношение к средствам производства или, выражаясь иначе, распределение средств производства. Поэтому основа классового деления человеческих обществ для них дана именно распределением средств производства, а не простым фактом разделения труда. Именно поэтому проблему классов Маркс, Энгельс и Ленин ставят в историческом разрезе. У них логическое не оторвано от исторического, а отражает его.

У Гоникмана же теория классов и история классов отделены друг от друга китайской стеной. Надо ли указывать еще раз, что это не имеет ничего общего с марксизмом? — Думаем, что нет. Мы полагаем, что этой книгой С. Гоникман полностью разоблачил себя, как теоретика-ревизиониста. Но вместе с этим он показал внутреннее идейное убожество деборинской школы, разоблачил полностью ее антимарксистскую сущность, враждебность марксизму.

Мы оставляем в стороне ту критику, которую С. Гоникман дал Риккерту, Спенсеру, Богданову и Бухарину, надеясь рассмотреть ее особо.

В заключение мы намерены показать политический смысл этого выступления С. Гоникмана.

Разделение производственных отношений на технические и социально-экономические, кантианский отрыв отношения людей к природе от их отношений друг к другу, переоценка роли орудий труда с неизбежностью ведут С. Гоникмана к отрицанию возможности построения социализма в нашей стране, с одной стороны, и к социал-фашистской теории мирного врастания капитализма в социализм, к теории организованного капитализма, с другой стороны. Таким образом усвоение богдановско-рубинских воззрений в одном из решающих пунктов материалистического понимания истории обусловливает определенные выводы в вопросах теории империализма и в политических вопросах.

Выведение классов из разделения людей на командиров и исполнителей с неизбежностью приводит С. Гоникмана к троцкистско-зиновьевскому пониманию социальной природы наших предприятий как предприятий госкапиталистических. Эти же самые теоретические предпосылки заставили С. Гоникмана квалифицировать колхоз просто как орудие форм кооперации труда многих людей. Но подойти так — это значит дать пародию на колхоз, ревизовать марксистско-ленинское учение о колхозе как о форме социалистического типа.

Во всех этих пунктах меньшевиствующий идеализм непосредственно смыкается с меньшевизмом, с социал-фашизмом и оппортунизмом. Книга С. Гоникмана не только не преодолела ошибок Плеханова, но она продолжила и развитие их дальше. В ней изложена система взглядов, враждебных марксизму-ленинизму, которая должна быть немедленно разоблачена.

С. Гоникман не только не преодолевает ошибок Плеханова, но в ряде чрезвычайно существенных вопросов в скрытой форме проводит явно меньшевистские взгляды. Укажем хотя бы на то, что он различает общественно-экономические формации не по типу производственных отношений, а непосредственно по уровню развития производительных сил. Всем известно, какую роль в «теоретических» построениях меньшевизма и в его политической борьбе с пролетариатом, Октябрьской революцией и Коминтерном имело это «теоретическое» положение. Оно является одним из краеугольных камней всей теории и политики социал-фашизма, оно является базой той концепции, которая трактует Октябрьскую революцию как роды на втором месяце беременности. Сюда же ведет С. Гоникмана и преувеличение роли орудий труда.

Трактовка же законов определенных общественно-экономических формаций как случайной формы проявления общих всем формациям законов, идеалистическая в своем существе, ведет с неизбежностью к утверждению того, что закономерности советского хозяйства те же, что и закономерности капиталистического хозяйства, что они лишь по видимости отличаются от закономерностей капиталистического хозяйства. А это значит, что С. Гоникман становится явным образом на позиции так называемого закона трудовых затрат Н. И. Бухарина с вытекающей из него теорией равнения на узкие места и врастания кулака в социализм. Хочет т. Гоникман этого или нет, такой вывод будет совершенно неизбежным, если он последовательно до конца продолжит нить своих рассуждений. Но этот вывод является не более, как следствием того основного положения С. Гоникмана, которое утверждает, что общее всегда есть сущность и не может быть не чем иным, кроме сущности. С этой точки зрения установки т. Бухарина и Богданова надо признать архисправедливыми. С этой точки зрения теория, известная под названием «закона трудовых затрат» т. Бухарина должна быть названа гениальнейшим открытием, ибо она исходит именно из того, что всякое общее есть сущность, что всякий конкретно-исторический закон (например закон стоимости) есть лишь случайная форма, костюм, который напяливает на себя вечный, присущий всякому обществу, закон трудовых затрат.

...ичего общего с этими теориями диалектический материализм не имеет. ...ином примере марксизм не отрицает наличия закономерностей, присущих в ...ой мере рабству, капитализму, феодализму и социализму. Но он считает эти ...е закономерности лишь абстракциями от факта существования закономерно... ...определенных общественно-экономических формаций.

С. Гоникман снабжает свой «труд» бесчисленным количеством цитат из клас... ...марксизма, оговорок всякого рода и деклараций о том, что механицизм есть ...ическая база оппортунизма. Но эти цитаты, оговорки и декларации не свя... ...ы с основными идеями книги, они противоречат им и на наш взгляд являют... ...ишь прикрытием явно контрабандного товара. Меньшевиствующий идеализм ...философия таким образом приводит к оппортунизму и прямому меньшевизму ...нике.

...оркьян. „Заметки по диалектическому материализму“ ...для медиков и биологов). Изд. АЗГНИ и АМИ, Баку, 1931 г.

Тов. Кеворкьян в своих заметках ставит задачу дать нечто вроде ком... ...нтария к марксистско-ленинским первоисточникам по диалектическому мате... ...изму. Для того, чтобы придать большую авторитетность своим заметкам, ...оркьян сообщает читателю, что его заметки есть «продукт 7 лет преподава... ...я в вузах Москвы и Азербайджана».

Однако семилетнее преподавание не помогло т. Кеворкьяну освободиться от ...ошибок меньшевиствующе-идеалистического характера. Поэтому и критика ...меньшевиствующего идеализма в заметках Кеворкьяна носит большей частью ...й формальный характер

Первая глава книжки т. Кеворкьяна «Естествознание и классовая борьба» ...ме показательна в этом отношении. В этой главе говорится вообще о классовой ...рьбе в естествознании, но нет таких разделов, как «Классовая борьба в СССР и ...естествознание», «Ленин и естествознание», «Партийность философии и науки».

Говоря о кризсе естествознания, Кеворкьян ни слова не сказал о роли Ле... ...на в анализе корней этого кризаса и в выяснении перспектив развития естество... ...ния. Автор заметок совершенно отрицает ленинский этап в развитии естество... ...ния. Он находит место и время излагать взгляды буржуазных ученых об отно... ...шении естествознания к классовой борьбе, но не находит нужным дать изложение ...взглядов Ленина по вопросу о классовом, партийном характере науки.

Кеворкьян считает, что вопрос о классовости естествознания решен всего ...лее Плехановым. Поэтому он считает нужным делать ссылки по этим вопро... ...сам только на Плеханова (см. стр. 6). Между тем известно, что Плеханов по во... ...просу о классовости и партийности науки стоял на немарксистской точке зрения. ...Плеханов считал, что наука в прямом смысле непартийна.

Кеворкьян совершенно обошел классовую борьбу в СССР и влияние ее на ...естествознание. Ему как будто неизвестны прямые вредительские акты представи... ...телей науки, которые были выражением классовой борьбы на данном этапе.

Зависимость науки от классовой борьбы Кеворкьян излагает в духе анти... ...марксистской «теории взаимодействия» различных факторов общественного раз... ...вития. «Наука,—пишет Кеворкьян,—оказывает обратное действие на производитель... ...ные силы, и таким образом создается сложное взаимодействие всех общественных ...явлений, каждое из которых обладает качественным своеобразием» (стр. 9). Можно ...ли примириться с такой формулировкой в понимании классовости науки? Конечно ...обратное влияние науки на базис бесспорно имеется, но на этом основании ...нельзя игнорировать или упускать из виду решающий, определяющий в конечном

счете характер базиса по отношению к развитию надстроек. Из дальнейших рассуждений Кеворкьяна видно, что определяющим моментом в отношении содержания и направления в развитии науки он считает не классовую борьбу, а сложное взаимодействие общественных явлений. Выступая против упрощенного представления о классовости науки, Кеворкьян противопоставляет этому упрощенчеству не марксизм, а разбитую теорию взаимодействия факторов.

В главе «Философия, ее предмет и значение» Кеворкьян совершенно не увязывает задач разработки марксистско - ленинской философии — задач диалектического материализма—с социалистическим строительством. Кеворкьян обходит ленинские указания о предмете и задачах диалектического материализма. Он не считает нужным останавливаться также и на указаниях т. Сталина по вопросам марксистско-ленинской философии, предпочитая вращаться в кругу мыслей Дильтея, Паульсена, Челпанова, Вундта и др. Отсюда — общие разговоры о предмете философии вообще. Нет у Кеворкьяна и критики меньшевиствующего идеализма по этому вопросу. Более того, в этих вопросах автор заметок стоит на деборинских позициях. Он считает например, что диалектический материализм есть синтез материализма с гегелевской диалектикой (стр. 18). Диалектика Гегеля находится, по Кеворкьяну, только в н е к о т о р о й связи с абсолютным идеализмом Гегеля. «В силу того,—пишет Кеворкьян,—что гегелевская диалектика с о ч е т а е т с я с абсолютным идеализмом, то само собою понятно, что это наложило определенный о т п е ч а т о к и на его диалектику» (стр. 18).

Таким образом, по Кеворкьяну выходит, что гегелевская диалектика не была идеалистической по своему существу, а лишь носила на себе «отпечаток» идеализма, как результат своего незаконного «сочетания» с абсолютным идеализмом. Кеворкьян считает, что идеализм Гегеля имеет отношение только к его системе, а не к диалектическому методу. Между тем известно, что диалектика Гегеля так же идеалистична, как и его система, что развитие абсолютной идеи у Гегеля есть развитие и его системы и его метода одновременно. Говорить о н е к о т о р о й сочетании диалектики с абсолютным идеализмом у Гегеля может только тот, кто диалектику Гегеля отождествляет с материалистической диалектикой Маркса—Ленина. С нашей же точки зрения, если и можно в данном случае, говорить о каком либо «сочетании», то лишь о сочетании ошибок Кеворкьяна с меньшевиствующим идеализмом.

Во второй главе т. Кеворкьян искажает также существо ленинского этапа в развитии диалектического материализма. Кеворкьян считает, что ленинизм в философии это есть коренное изменение марксизма. «Ленин, — пишет Кеворкьян, — обозначает собой новый этап в истории развития марксизма, ибо во всех отраслях научного знания ленинизм вносит коренное изменение, обусловливая наступление нового этапа в развитии науки и философии» (стр. 21).

Между тем известно, что ленинизм—это новый этап марксизма, дальнейшее его развитие, но отнюдь не такое коренное изменение, которое бы давало повод противопоставлять ленинизм марксизму, как нечто чуждое последнему. «Ленинизм,—говорит т. Сталин,—есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций». «Ленинизм является дальнейшим развитием марксизма». «Ленинизм включает в себя все, что дано Марксом, плюс то новое, что внес Ленин в сокровищницу марксизма и что необходимо вытекает из всего того, что дано Марксом» («Вопросы ленинизма», стр. 6 и 243).

Определение ленинизма у Кеворкьяна неправильно потому, что оно дает повод толковать ленинизм, как нечто оторванное от марксизма.

Кеворкьян допускает целый ряд искажений также и в вопросах истории философии. Кеворкьян утверждает например, что Фейербах «открещивался от материализма вообще» (стр. 20). Между тем известно, что Фейербах открещивался от материализма Бюхнера, Фохта и Молешотта, т. е. от вульгарного материализма. Открещиваясь от этого материализма, Фейербах однако сам был материалистом

Энгельс упрекает Фейербаха за то, что он смешивал учение бродячих проповедников вульгарного материализма с материализмом вообще, а не за то, что Фейербах отрицал материализм и выступал против материализма вообще. Ленин говорит: Энгельс упрекает Фейербаха за некоторое малодушие, легкомыслие, выразившееся в том, что он к о е - г д е отрекался от материализма вообще из-за ошибок той или другой школы материалистов». Ленин таким образом отмечает, что Фейербах лишь кое-где отрекался от материализма вообще, что он лишь кое-где проявлял малодушие, будучи материалистом. Общеизвестно, что Маркс, Энгельс и Ленин считали Фейербаха материалистом в области об'яснения природных явлений.

В главе «Об основных законах диалектики» т. Кеворкьян защищает по существу ту точку зрения, что три основных закона диалектики — это не об'ективные законы движения и развития природы, общества и человеческого мышления, а только формулировки». «Все три закона диалектической логики, — пишет Кеворкьян,— ..представляют собой только формулировку всеобщих законов развития об'ективного мира» (стр. 36).

Таким образом диалектика как наука об основных законах развития об'ективного мира Кеворкьяном сводится к сумме формулировок.

Говоря о законе единства противоположностей, Кеворкьян не дает изложения ленинского учения об этом законе как «ядре», как «сути» диалектики.

При изложении закона перехода количества в качество Кеворкьян ограничивает рассмотрение этого закона только одной стороной—переходом количества в качество, не давая рассмотрения перехода качества в количество. Вместе с этим в изложении этого закона Кеворкьян искажает марксистско-ленинское учение о качестве и свойствах. Под свойством вещи Кеворкьян понимает не об'ективное проявление качества вещи по отношению к другим вещам, а суб'ективный момент восприятия вещи. Кеворкьян пишет: «Качество, проявляясь по отношению к нам, характеризуется как свойство того или иного явления. Таким образом одно и то же свойство может проявляться различно, в зависимости от строения воспринимающих органов чувств» (стр. 33).

Из этого видно, что свойство, по Кеворкьяну, является не выражением об'ективного качества вещи, а определяется строением воспринимающих органов чувств.

Закон отрицания отрицания Кеворкьян излагает также неправильно. «Третий закон диалектики,—пишет Кеворкьян, — отрицание отрицания. Этот закон дает общую характеристику диалектической закономерности процессов об'ективного мира» (стр. 35). Говоря о том, что закон отрицания отрицания дает общую характеристику закономерностей об'ективного мира, Кеворкьян очевидно считает, что закон единства и борьбы противоположностей и закон перехода количества в качество и обратно дают частную характеристику этих закономерностей и являются чем-то вроде конкретизации или частных моментов проявления закона отрицания отрицания.

Существо закона отрицания отрицания Кеворкьян сводит к триаде. «Смысл его (закона отрицания отрицания),—пишет Кеворкьян,—заключается в том, что в развитии каждого явления следует выделять определенные циклы, которые состоят из трех фаз, при чем первая фаза отрицается второй, а вторая — третьей» (стр. 35). Сведя таким образом закон отрицания отрицания к триаде, Кеворкьян в другом месте пытается различить этот закон от триады, беспомощно путаясь в давно решенных вопросах марксизма-ленинизма. Известно, что закон отрицания отрицания есть один из всеобщих законов диалектики. Движение и развитие всякой [illegible] совершается путем закона отрицания отрицания. Триада [illegible] одна из форм проявления этого закона, не обладает такой же всеобщностью [illegible]ностью, как сам этот закон, хотя мы имеем много случаев подтверждения триады.

Неправильно Кеворкьян «разрешает» также и вопрос о соотношении формальной и диалектической логики. «Формальная логика,—утверждает Кеворкьян,— [illegible] дело с покоем, а покой есть частный случай движения, поэтому диалектиче-

ская логика относится к формальной так, как движение к покою» (стр. 36). То же самое мы имеем и у Плеханова в его предисловии к книге Энгельса «Людвиг Фейербах». Плеханов считает, что «подобно тому как покой есть частный случай движения, так и мышление по правилам формальной логики (согласно «основным законам» мысли) есть частный случай диалектического мышления» (стр. 22). Кеворкьян утверждает, что формальная логика является частью диалектической логики.

«Отсюда в явлениях, находящихся в относительном покое, формальная логика может быть использована, но уже не как всеобщая методология (только этого нехватало!!!—С. Т.), а как момент диалектической логики» (стр. 36). Формальная логика как метод познания и метод мышления—пройденная ступень. Для своего времени она была необходимостью и достижением и потому она «не является чепухой». Но с тех пор, как человек от знания отдельных вещей и явлений переходит к познанию их связи и процессов, наступает, как говорит Энгельс, смертный час метафизики. Странно в наше время, во время широкого развития диалектики природы и общества и господства в условиях диктатуры пролетариата диалектического метода, некритически повторять по существу эклектическое положение Плеханова о необходимости метафизического (т. е. формально-логического) метода познания наряду с материалистической диалектикой, которая, по определению Ленина, является и логикой и теорией познания материализма. Диалектическая логика дает единственно научное познание вещей и явлений, в каком бы состоянии они ни находились, в состоянии ли относительного покоя или в состоянии движения и непосредственного изменения. Формальная логика не может быть неким моментом, равноправным с диалектической логикой.

Применение формальной логики Ленин ограничивает низшими классами школы, где вещи, предметы берутся в их обычном житейском виде и школьникам дается самое элементарное о них представление. «Логика формальная,—пишет он,—которой ограничиваются в школах (и должны ограничиваться—с поправками—для низших классов школы), берет формальные определения, руководствуясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим» (т. XXVI).

Некритически относясь к Плеханову, слепо следуя за ним в вопросе о формальной и диалектической логике, Кеворкьян делает грубую ошибку.

Законы диалектики рассматриваются Кеворкьяном чрезвычайно абстрактно, совершенно не используется естественно-научный материал.

О книжке Кеворкьяна можно сделать следующий вывод. Автор книжки допустил ряд ошибок, идущих по линии меньшевиствующего идеализма. Автор не сумел справиться с задачей последовательной борьбы в философии на два фронта. Поэтому книжка т. Кеворкьяна не может быть рекомендована в качестве учебного пособия, ибо она нуждается в коренной переработке.

С. Терещенко

За воинствующую партийность в философии

(О философском отделе журнала ВКА, №№ 40, 41—42 за 1930 г. и №№ 1—10 за 1931 г.)

Наша большевистская партия всегда непримиримо боролась со всякого рода оппортунизмом и извращениями марксистско-ленинской теории, откуда бы они ни исходили, в каком бы виде ни подносились.

Эту воинствующую непримиримость, обеспечивающую гранитную монолитность нашей партии как одно из основных условий ее непобедимости, воспитал и привил Ленин, последовательно продолжая здесь традиции Маркса и Энгельса. Начиная с первых шагов своей революционной деятельности и до конца своей

жизни, Ленин вел самую беспощадную и последовательно непримиримую борьбу с противниками и врагами рабочего класса.

Еще в своей брошюре «Что делать» Ленин указывал на три основные, органически между собою связанные формы классовой борьбы (экономическую, политическую и идеологическую) и учил нашу партию и рабочий класс вести непримиримую борьбу с классовым врагом и его агентурой как на экономическом, политическом, так и на идеологическом (теоретическом) фронте за чистоту марксистской теории, за последовательное проведение революционных принципов марксизма на практике.

В современный период ожесточеннейшей классовой борьбы за победу социализма в СССР, за международную пролетарскую революцию, когда классовый враг мобилизует против рабочего класса все свои силы, в том числе и на идеологическом фронте, когда уничтожаемые, но еще не уничтоженные капиталистические элементы в нашей стране оказывают бешеное сопротивление социалистическому строительству, когда разбитые и разоблаченные партией троцкисты и всякого рода оппортунисты, боясь и не смея выступать открыто, пытаются скрытым, двурушническим, контрабандным путем протащить свои враждебные партии идейки, — должна быть усилена борьба против контрабандистов контрреволюционного троцкизма, а также против всякого рода извращений марксизма-ленинизма справа и «слева», должна быть повышена партийная бдительность.

На это именно указывает, об этом сигнализирует и последнее, имеющее огромное теоретическое и политическое значение, письмо вождя нашей партии тов. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция». Письмо тов. Сталина, олицетворяющего в себе лучшие традиции Ленина, традиции большевизма, сигнализирует партии о необходимости усиления бдительности и воинствующей партийности на всех участках нашей работы и борьбы. Оно ставит задачу беспощадного разоблачения троцкистской контрабанды, усиления дальнейшей борьбы со всякого рода извращениями марксизма-ленинизма и истории большевистской партии и в особенности требует от нас усиления борьбы со всякого рода гнилым либерализмом, терпимостью и примиренчеством, имеющими место в отдельных звеньях нашей партии, усиления борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории, за четкое проведение генеральной линии партии на деле.

Это требование должно быть особенно пред'явлено к нашим руководящим теоретическим журналам и в частности таким, как «Вестник Коммунистической Академии», который должен быть передовым журналом в борьбе за чистоту марксистско-ленинской теории, за ее воинственность и действенность, должен вести борьбу с отставанием теоретической мысли от задач социалистического строительства.

* * *

Просмотренный нами философский отдел журнала не только является бедным по количеству и качеству статей, но в ряде статей бросается в глаза отсутствие воинствующей партийности, наличие гнилого либерализма, извращений марксизма-ленинизма и полутроцкистской контрабанды. К разбору этих статей мы и переходим, не ставя однако задачи полной и исчерпывающей их критики.

Доклад Новикова «Политическая методология Троцкого» (№ 40—41 и 42 ВКА) представляет образец характерной для меньшевиствующих идеалистов чисто формально-логической, скрытой защиты методологии троцкизма под флагом критики этой методологии. Докладчик обошел историю борьбы большевизма с троцкизмом. Социально-классовая основа и природа троцкизма остались по существу в докладе невскрытыми.

Только рассматривая Троцкого как выразителя буржуазной идеологии в рабочем движении в прошлом, только вскрывая существо его классовой основы и конкретно-исторически подходя к анализу его деятельности, можно разоблачить

до конца контрреволюционную концепцию и контрреволюционную роль троцкизма в настоящее время. Только вскрывая теснейшую связь между политической деятельностью Троцкого и его теоретическими взглядами, можно успешно бороться с обнаруженной за последнее время на различных участках теоретического фронта контрабандой троцкистских идей в нашей прессе.

Меньшевиствующие идеалисты, игнорировавшие задачу борьбы с теоретическими установками троцкизма, по существу сами являлись поставщиками идеологии троцкизма, помогали деятельности троцкистских контрабандистов, пытаясь ослабить бдительность наших подлинно-большевистских теоретических кадров, своим гнилым, насквозь антипартийным утверждением, что Троцкий-де как теоретик совершенно неинтересен и т. п. Однако дело не в том, насколько «интересен» Троцкий как теоретик, а в социально-политическом содержании троцкистской методологии, являющейся методологией контрреволюционной буржуазии. Поэтому явно антипартийной была позиция меньшевиствующих идеалистов, когда под предлогом отсутствия философских работ у Троцкого, под предлогом примитивности его философских взглядов они не подвергали критике методологию троцкизма и не только не принимали участия в той ожесточенной борьбе, которую вела партия по разоблачению контрреволюционной сущности троцкизма, а в лице отдельных своих сторонников были и в политических вопросах на стороне троцкизма

Помещая свой доклад уже после итогов дискуссии и разоблачения меньшевиствующих идеалистов, Новиков продолжает защищать их основной тезис о том, что-де Троцкий — «слабый теоретик», что собственно у него и критиковать нечего тезис, которым они пытались прикрыться и об'яснить отсутствие с их стороны борьбы с троцкизмом.

Эту гнилую антипартийную установку меньшевиствующих идеалистов Новиков стремится обосновать при помощи ссылки на философское завещание Ленина. «В завещании нет,—говорит Новиков,—специальной методологической характеристики Троцкого как «теоретика», там нет указаний на схоластику и абстрактность всей его политической методологии, на его эклектизм и метафизику...» «Почему Ленин не дает методологической характеристики Троцкого в так называемом «завещании»?—вопрошает Новиков. «Потому,—отвечает он,—что Ленин не считал Троцкого теоретиком. С этой стороны Троцкий был ему просто неинтересен, не в этом, не в теории суть Троцкого, а в *политике*» (стр. 169). Меньшевиствующие идеалисты игнорируют ленинскую характеристику Троцкого и его политических и теоретических взглядов, забывая, что Ленин из года в год, от этапа к этапу разоблачал в своих работах антимарксистскую сущность троцкизма. Для Новикова политика очевидно отделена китайской стеной от теории, в то время как в политической деятельности Троцкого, как в фокусе, отражаются его теоретические воззрения. Меньшевиствующий идеалист Новиков, не разоблачая теоретических основ троцкизма, встал на путь клеветы на Ленина, на путь извращения взглядов Ленина и его характеристики троцкизма в угоду собственным непартийным установкам.

Такую же позицию занял выступавший в прениях тов. Разумовский, примыкавший в то время к деборинской группе, пытавшийся эклектически набрать совокупность об'ективных причин, которые бы оправдывали в той или иной степени позицию меньшевиствующих идеалистов по отношению к троцкизму. «Разумеется известная доля правды есть, —писал тогда Разумовский, —и в том указании, что некоторые философы занимали в период борьбы с троцкизмом троцкистские позиции, есть известная правда и в том, что правильному освещению вопроса препятствовало отсутствие философских кадров. Не приходится забывать того, что борьбу с троцкизмом в свое время... и в области философии возглавлял Бухарин». «И кроме всего прочего, — вещал далее Разумовский, — нам нужен был опыт борьбы с механистами... чтобы теперь можно было дать гораздо более глубокую философскую критику троцкизма». Нет необходимости доказывать абсурдность этой бесприн-

тивной аргументации т. Разумовского. Ведь общеизвестно, что в то время, когда партия боролась с троцкизмом, меньшевиствующие идеалисты в лице своих представителей — Карева, Стэна и др., протаскивали троцкистские установки. Выступавший здесь же в прениях Карев не счел нужным признать свои троцкистские ошибки, пытаясь всяческими софизмами прикрыть их антипартийный характер.

Партия еще на XVI с'езде дала политическую оценку троцкизма, как контрреволюционной группы. «Теперь троцкистская группа,—говорил т. Сталин на с'езде,— представляет антипролетарскую и антисоветскую контрреволюционную группу». А между тем весь характер «критики» методологических взглядов Троцкого у Новикова является критикой Троцкого как оппортуниста, находящегося еще внутри марксизма, в пределах коммунизма, а не как главы контрреволюционной группы. Критикуя теорию Троцкого о невозможности построения социализма в СССР, Новиков делает вывод, что «Троцкий обнаруживает прямо социал-демократическое, метафизическое понимание полного круга условий построения социализма». По Новикову выходит, что контрреволюционер, сотрудник буржуазных газет, Троцкий в 1930 г. лишь обнаруживает социал-демократическое понимание проблемы построения социализма. И это излагается уже после того, как в работах т. Сталина троцкизм был разоблачен как идеология насквозь меньшевистская, переросшая в контрреволюционную идеологию. Эта органическая неспособность и нежелание видеть контрреволюционное существо троцкизма особенно проявляется у Новикова, когда он, излагая прямую контрреволюционную клевету Троцкого на политику нашей партии за последнее время (см. стр. 220), ограничивается лишь пустым констатированием, что это-де «сумасшедшие пустяки, которые смешно опровергать».

В своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» т. Сталин пишет: «Некоторые большевики думают, что троцкизм есть фракция коммунизма, правда ошибающаяся, делающая немало глупостей, иногда даже антисоветская, но все же фракция коммунизма. Отсюда некоторый либерализм в отношении троцкистов и троцкистски-мыслящих людей... На самом деле троцкизм давно уже перестал быть фракцией коммунизма. На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма». К числу людей, думающих, что троцкизм есть фракция коммунизма, принадлежит и Новиков, утверждающий, что «троцкистское чувство превосходства общего над частным... — психологическая и логическая основа социально-революционного радикализма, т. е. «левого»-троцкизма как разновидности «левого» коммунизма (стр. 212). Нет нужды доказывать, что новиковская характеристика троцкизма ничего общего не имеет с партийной, с марксистско-ленинской характеристикой. В характеристике троцкизма недалеко ушел от Новикова выступивший тогда в прениях тов. Разумовский, обнаруживший в то время прямое непонимание или нежелание понять решения XVI с'езда партии о том, что троцкизм — антипролетарская, контрреволюционная группа, что он представляет собою передовой отряд контрреволюционной буржуазии, как это подчеркнул тов. Сталин и в последнем своем письме.

На данном этапе (1930 г.), — говорил тов. Разумовский, — «мы имеем постепенное перерождение (!) троцкизма в открытое социал-демократическое течение, смыкающееся (!?) в целом ряде пунктов (!?) с современной социал-демократией». Такова «критика» троцкизма со стороны меньшевиствующих идеалистов. Они пытались изобразить троцкизм как течение, находящееся в пределах коммунизма, в то время, когда троцкизм уже являлся передовым отрядом контрреволюционной буржуазии. К сожалению приходится констатировать, что и редакция журнала ВКА в той или иной мере видимо разделяла такую точку зрения. Она удосужилась поместить только одну статью по вопросам методологии троцкизма, представляющую собой не критику, а меньшевиствующе-идеалистическую скрытую защиту троцкистской идеологии.

С точки зрения актуальности темы большое и ответственное значение имеет доклад тов. Кучерова «Ленин и теория познания Плеханова» и прения по этому

докладу, помещенные в № 2—3 ВКА. Между тем наряду с правильной в основном критикой философских ошибок Плеханова как в докладе, так и в прениях имеется и ряд ошибочных положений.

Вскрывая ревизионистскую несостоятельность утверждения Карева, по которому «отношение Ленина и Плеханова есть отношение двух струй марксизма, выражающих различные степени глубины понимания последнего», тов. Кучеров правильно при этом замечает, «что в марксизме, как и в пролетарской партии, не существует и не может существовать множественность струй, из которых каждая могла бы называться марксистской», что «ошибки и недостатки Плеханова лежат за пределами марксизма» и «должны быть разобраны в тесной связи с политической борьбой между большевизмом и меньшевизмом» (стр. 44) и что, «чем подлее становилась тактика русского меньшевизма, тем больше опошлялись Плехановым основные принципы революционного марксизма, тем существеннее извращались им основные положения материалистической диалектики» (стр. 45).

Но в то же время т. Кучеров утверждает и следующее: «Несомненно, такие произведения Плеханова, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», являются классическими произведениями марксистской литературы» (стр. 45). В конце же своего доклада он идет еще дальше. Он говорит: «Однако, несмотря на всю серьезность философских ошибок Плеханова и их тесную связь с его политическими ошибками, нельзя забывать о высокой ценности философских работ Плеханова для марксизма. Работы Плеханова против народников, кантианцев и Богданова направлены на защиту ортодоксального марксизма и являются классическими произведениями марксистской литературы» (стр. 60).

У т. Кучерова одно с другим решительно не связано. С одной стороны, у Плеханова — совокупность крупнейших философских ошибок, извращений и опошлений основных принципов марксизма и его материалистической диалектики, а с другой, — все его основные философские работы являются классическими установлениями марксистской литературы. С одной стороны, т. Кучеров пытается установить связь политического оппортунизма Плеханова с его философским отходом от марксизма, а с другой, — в области философии он об'являет Плеханова, по крайней мере в отношении всех его основных философских работ, классиком. Тов. Кучеров также противоречит себе и тогда, когда утверждает о классичности и ортодоксальности философских работ Плеханова и в то же время говорит, что «Ленин вскрыл совокупность ошибок марксистской философии Плеханова»..., которые «по своему теоретическому содержанию сближаются с философией современной социал-демократии, с философией Макса Адлера, Форлендера, Каутского» (стр. 60).

Несомненно нельзя забывать об исторической ценности философских работ Плеханова и о его заслугах перед русским и международным рабочим движением, но считать даже лучшие философские произведения Плеханова «классическими произведениями марксистской литературы» будет и принципиально и исторически неверно.

Уже в первый, революционный период своей деятельности и в лучших своих работах, как например «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Плеханов допускал ряд характерных для него принципиальных философских ошибок, развивавшихся в дальнейшем по линии извращения и опошления марксизма и его материалистической диалектики, по линии подмены революционной диалектики Маркса метафизикой, эклектикой и софистикой.

В этой своей работе Плеханов недооценивает диалектики, не понимает ядра, сути диалектики — единства и борьбы противоположностей, как основного закона бытия и познания об'ективного мира. Уже в этой работе из его концепции развития выпадает основное, решающее — внутренний источник самодвижения; единство противоположностей и их борьба. Не случайно, а именно в связи с непониманием диалектики Плеханов в той же работе причины и источник общественного движения ищет не внутри общества, а вне его — в свойствах географической

среды. Не случайно, а в связи с непониманием им основного закона единства пр тивоположностей Плеханов механически разрывает производительные силы производственные отношения вместо того, чтобы их рассматривать в их диале ческом единстве, как единство содержания и формы. Он не понимает учения о общественно-экономической формации и недооценивает классовых противоречи и борьбу, как внутренний источник самодвижения классового общества. Эти ошиб ки, как известно, развивались и углублялись им в дальнейшем. Они органическ связаны с выдвинутой впоследствии Плехановым буржуазно-либеральной теорие сотрудничества классов для защиты общества от внешних нападений, с теорией вне классового происхождения российского государства, изложенной им во введени к «Истории русской общественной мысли».

Плехановские ошибки механистического порядка, вытекающие из понима ния сути диалектики, в дальнейшем были использованы и углублены современным механистами. Так например, наши механисты, аргументируя теорию сведения опирались на известное примечание Плеханова к «Людвигу Фейербаху» Энгельса В этом примечании Плеханов писал о возможности сведения биологии и химии молекулярной механике. Тов. Бухарин в «Теории ист. мат.», особенно в вопросе роли внешней среды и трактовке производительных сил и производственны отношений, также продолжает и углубляет механистические ошибки Плеханова.

Далее, работы Плеханова против народников не могут являться классичес ки-марксистскими, потому что в этих работах он не разоблачает до конца ошибоч ных взглядов народников на судьбы капитализма в России и на движущие силы революции, ибо он сам не понимает особенностей и своеобразия развития капита лизма и классовых противоречий в России. Он не диалектически, а метафизически по-меньшевистски подходит к оценке характера и движущих сил буржуазно-демо кратической революции, оппортунистически оценивает роль буржуазии и тактик пролетариата, отрицает гегемонию пролетариата и революционную роль кресть янства и т. д. Абстрактная логистика, схоластика у Плеханова была вскрыта Лени ным еще до революции в плехановском проекте программы партии и особенно годы революции в оппортунистической тактике меньшевика Плеханова в револю ции 1905 г.

Борьба Плеханова с кантианцами была также непоследовательна. Он напри мер, как это теперь известно из его впервые опубликованной в журнале «ПЗМ статьи «Об экономическом факторе», считал возможным совмещение экономиче ского учения и научного социализма Маркса с философией Канта. Теперь для на становится еще более понятным, почему Плеханов проявил большую нерешитель ность, не вскрыл классового существа струвизма. Плеханов не понимал револю ционной сути диалектики, поэтому он не понимал и партийности философии и по существу сам скатился на позиции буржуазно-струвистского об'ективизма.

В своей борьбе с махизмом Плеханов, в отличие от Ленина, критикуе последний преимущественно с формально-логической, вульгарно-материалистичес кой, а не диалектико-материалистической точки зрения. Он ищет только логи ческих противоречий у противника, но забывает вскрыть классовое существо ма хизма, сам делает уступку махизму в понимании опыта и в некоторых других во просах и не только не видит, а прямо игнорирует связь махизма с состоянием буржуазного естествознания, в частности с кризисом в физике в связи с революцией в естествознании.

В борьбе с махизмом Плеханов во фракционных, меньшевистских интересах обходил анализ социальных корней махизма и игнорировал связь махизма с опре деленными реакционными направлениями в физике. Ленин по этому поводу писал: «Разбирать махизм, игнорируя эту связь, как это делает Плеханов, значит изде ваться над духом диалектического материализма» (т. X, стр. 210).

В другом месте своего доклада т. Кучеров, устанавливая влияние Фейербах а на Плеханова и характеризуя при этом материализм Фейербаха, неправильно у

верждает, что якобы «Маркс берет у Фейербаха целиком и полностью его материализм, но отвергает конкретную характеристику материализма в духе антропологии, ибо в этом заключалась ограниченность и узость фейербаховского материализма» (стр. 49).

Как известно, материализма вообще, без его конкретной характеристики, не существует. Не существовало такого материализма и у Фейербаха. Фейербаховский материализм, это - материализм антропологический, абстрактно-созерцательный, метафизический, не говоря уже о том, что Фейербах был материалистом снизу, т. е. в природе, но идеалистом сверху, т. е. в обществе. Само собой понятно поэтому, что Маркс такой метафизический материалист, — и тем более «целиком и полностью», без соответствующей критической переработки, не взял и не мог взять у Фейербаха, так же как он не мог взять целиком у Гегеля его идеалистический, диалектический метод.

Нечего доказывать, что Маркс и Энгельс подвергли критике как идеалистическую диалектику Гегеля, так и материализм Фейербаха. Они не взяли готовыми, историей философии приготовленными, материализм и диалектику и только их синтезировали, а создали, используя положительные достижения философии и науки, новую философию пролетариата—диалектический материализм, лишенный недостатков и ограниченности старого, в том числе и фейербаховского материализма. Они создали материализм, органически связанный с революционной борьбой рабочего класса за уничтожение капитализма и построение коммунизма.

Некритическое отношение Плеханова к Фейербаху и усвоение им, в частности через работы Чернышевского, ряда недостатков фейербаховского материализма и обусловило как в дальнейшем правильно отмечает т. Кучеров, то, что материализм Плеханова также носит значительные следы ошибок фейербахианского порядка, идущие по линии того же антропологизма, созерцательности, отрыва теории от практики, метафизичности и гуманизма, что в дальнейшем в еще худшую сторону было развито Дебориным и его группой.

В части неправильной оценки философских взглядов Плеханова необходимо отметить выступление тт. Ческиса и Батищева. Выступление тов. Ческиса показательно в том отношении, что он под флагом критики Плеханова вообще пытается замазать и оправдать его определенные философские ошибки. Тов. Ческис говорит, что плехановский «материализм» не является в полной мере диалектическим материализмом» потому, что тогдашняя «конкретная историческая обстановка» обусловила необходимость «вести борьбу главным образом против идеализма» и что в этой «борьбе ему приходилось опираться на крупные материалистические системы предыдущих философов. С одной стороны, он выдвигает Фейербаха, а с другой стороны, все более и более подчеркивает связь марксизма со Спинозой. Он опирается на материализм Фейербаха и Спинозы» (стр. 66—67).

Тов. Ческис, не ограничиваясь этим, идет дальше, отрицая влияние на Плеханова как философа Фейербаха и Чернышевского и пытается, ссылаясь на книгу Плеханова «К вопросу о мон. взгляде на историю», отрицать наличие созерцательности фейербахианского порядка у Плеханова. Вся эта «защита» Плеханова не выдерживает ни малейшей критики, потому что она противоречит фактам. Несостоятельность и противоречивость аргументации т. Ческиса очевидны. С одной стороны, он отрицает влияние Фейербаха на Плеханова, а с другой,—говоря, что Плеханов в борьбе с идеализмом опирался на Фейербаха и Спинозу, тем самым признает, что Плеханов был настолько под влиянием Фейербаха и Спинозы, что предпочитал опираться на их метафизический материализм, а не на марксов диалектический материализм. Ведь Ленин вел борьбу с идеализмом в той же конкретно-исторической обстановке, что и Плеханов, но как известно, он вел эту борьбу действительно последовательно и гораздо успешнее, потому что вел ее с позиций диалектического материализма.

Тов Батищев в своем выступлении опровергает положение тов. Кучерова о том, что Плеханов «никогда не понимал теории отражения», утверждая невер-

ность этого ссылкой на то, что в своей статье о Гегеле и в другом месте Плеханов говорит о том, что «деятельность людей непременно отражается в их головах», и т. д. «Но все дело в том,—говорит тов. Батищев,—что он вместе с тем развивал теорию иероглифов. У него не было ясности в этом вопросе» (стр. 71).

Конечно можно найти у Плеханова отдельные фразы и мысли об отражении бытия в сознании, особенно в связи с изложением и популяризацией им материалистического понимания истории. Но это совершенно не означает того, что в теории познания Плеханов стоит на позиции теории отражения. Наоборот. В своей теории познания Плеханов не только отражает влияние фейербаховского антропологизма, созерцательности и антиисторичности, но и впадает в идеалистический уклон в сторону кантианства, выражающийся в его теории иероглифов, и стоит целиком на базе не теории отражения, а теории соответствия.

Хотя Плеханов и отказался, как известно, от иероглифической терминологии, но по существу целиком стоит, а вслед за ним в наше время меньшевиствующие идеалисты продолжают стоять на базе теории соответствия, согласно которой наши представления и понятия не отражают вещей и предметов, как они существуют в действительности, а только приблизительно соответствуют им. С кантианскими и фейербахианскими ошибками в теории познания у Плеханова связан разрыв диалектики как метода и мировоззрения и непонимание того, что диалектика и есть теория познания марксизма.

Известно, что все эти философские ошибки вскрывал и с ними боролся Ленин с самого начала своей революционной, теоретической и политической деятельности. И в дальнейшем, в связи с растущими и углубляющимися программными, тактическими и организационными разногласиями между большевиками и меньшевиками, Ленин не только непримиримо борется с практическим оппортунизмом меньшевизма и его вождя Плеханова, но вскрывает теоретические ошибки Плеханова, развивающиеся у него на базе углубления оппортунистической практики в сторону все большего извращения и опошления марксизма, вскрывает философские корни тактического оппортунизма меньшевиков и Плеханова. Так, еще в 1904 г. Ленин, как отмечает и тов. Кучеров, упрекает Плеханова в том, что последний сводит диалектику «к сумме намеков» и «сумме примеров». В 1906 г. в статье «Последнее слово искровской тактики» Ленин пишет: «Плохие вы диалектики, товарищи из «Искры», вы не умеете рассуждать диалектически, хотя прекрасно умеете вилять и вертеться, как Плеханов», и в дальнейшем Ленин, всегда с едким сарказмом отмечая, что ни одно почти выступление Плеханова не обходится «без иезуитской ссылки на диалектику», квалифицирует эту плехановскую диалектику как «догматику», «вреднейшую софистику», «издевательство над духом марксизма» и т. д.

В своем докладе тов. Кучеров не только не вскрыл классовой основы и существа философских ошибок и оппортунизма Плеханова, что он должен был сделать прежде всего, но и дал путанную, неправильную трактовку важнейшего вопроса о связи философских ошибок Плеханова с его политическим оппортунизмом. Образчиком такой путаницы являются следующие положения т. Кучерова:

«Тактика меньшевизма не давала возможности поставить проблему диалектики как теории познания. Идеология меньшевизма кромсала и извращала философские взгляды Плеханова» (стр. 55).

«Формализм политической методологии меньшевизма проявляется в кантианских ошибках Плеханова, в непонимании диалектики как теории познания марксизма» (стр. 60).

«Наличие натурализма в философских воззрениях Плеханова является продолжением антиисторизма политической методологии меньшевизма» (стр. 82).

Неправильность и ошибочность этих положений заключается в том, что т. Кучеров не только неправильно понимает связь философских ошибок Плеханова с его практическим оппортунизмом, но в действительности отрывает теорию от

практики меньшевизма, философию от политики, идеологию меньшевизма от его философии и не видит ни их действительной связи и единства, ни их действительных классовых корней как единственной основы и философских (теоретических) ошибок и политического оппортунизма Плеханова, а следовательно не дает и не показывает главного и решающего.

Выступление тов. Бобровникова по этому вопросу вносит такую же эклектическую путаницу. Тов. Бобровников ограничивается указанием, что, с одной стороны, «ошибки Плеханова в области философии вытекают из его политического оппортунизма» (стр. 65), а с другой, что этот же политический оппортунизм и меньшевизм Плеханова об'ясняются неправильным пониманием и применением последним теории познания и диалектики марксизма в политике. Тов. Бобровников не вскрывает основы этого взаимодействия, он не видит классовых корней, лежащих в основе этого взаимодействия.

Между тем тов. Кучеров и тов. Бобровников должны были бы знать, что как философские ошибки Плеханова, так и его политический оппортунизм обусловлены мелкобуржуазным существом меньшевизма и являлись отражением давления буржуазной идеологии и буржуазного влияния на рабочее движение.

Совокупность крупнейших философских ошибок Плеханова, непоследовательное понимание и владение им теорией марксизма отражались в извращении марксизма на практике. Оппортунистическая практика и политика Плеханова и меньшевизма уже с первых своих шагов имеют определенные методологические корни, связаны с его системой философских ошибок, с непоследовательным пониманием и применением марксизма на практике.

История марксизма-ленинизма, история большевизма подтверждает нам то положение, что всякий практический оппортунизм тесно связан с той или другой теоретической ревизией марксизма-ленинизма. Правда, не всякие теоретические отступления от марксизма сразу же, автоматически переходят в оппортунизм на практике, но всякая оппортунистическая политика, платформа, течение уже с самого начала связаны с определенной теоретической ревизией марксизма-ленинизма, с отходом от материалистической диалектики на другие, немарксистские методологические позиции.

То же самое мы имеем и у Плеханова как теоретика меньшевизма. Об этом нельзя забывать. Философия и политика, теория и практика и здесь органически связаны между собой в единство. И думать, как т. Кучеров, что тот же самый Плеханов, с одной стороны, проповедывал ортодоксальный марксизм, а с другой, проводил оппортунистическую политику и что его «философские работы показывают нам, как правильные, марксистские положения вступают в противоречие с меньшевистской политикой, как они искажаются и извращаются вследствие этого» (стр. 60), просто исторически неверно и не соответствует действительности.

При разрешении ряда крупнейших и важнейших вопросов философии марксизма Плеханов с самого начала допускал искажения диалектического материализма. В своей практической работе он уже с 1902—1903 гг. становится на оппортунистический, ревизионистский путь, на путь оппортунистической практики, на базе которой рос его теоретический и в частности философский ревизионизм.

В связи с этим нельзя пройти также мимо неверной характеристики Плеханова как философа, которую дает в своем докладе т. Новиков (№ 40—41 ВКА). «Плеханов, — утверждает Новиков, — был скорее воинствующим материалистом, нежели материалистом-диалектиком». По Новикову выходит, что можно быть воинствующим материалистом, не будучи диалектическим материалистом. Новиков игнорирует ту простую для марксистов-ленинцев истину, что воинствующий материализм со времени зарождения марксизма всегда являлся и мог быть лишь диалектическим материализмом. Марксисты никогда не противопоставляли воинственность диалектике. Наоборот, для марксистов быть воинствующим материалистом значит быть диалектическим материалистом.

Плехановские работы представляли, по оценке Ленина, лучшее в международной литературе марксизма по сравнению с работами руководящих теоретиков II интернационала, пораженных ржавчиной оппортунизма с самого начала еще больше, чем Плеханов. Но даже в лучших философских работах Плеханова содержится ряд крупнейших философских ошибок, по своему содержанию (особенно в части догматического понимания марксизма, отрыва теории от практики) одноименных у него с ошибками теоретиков II интернационала (Каутского, Отто Бауэра, Адлера). Эти ошибки органически связаны с оппортунистической практикой и углублялись вместе с углублением этой практики. Важнейшая из этих ошибок — непонимание решающего в марксизме, его революционной диалектики.

Плехановские философские ошибки в наше время льют воду на мельницу механицизма и меньшевиствующего идеализма и требуют всесторонней и углубленной критики.

Действительным, ортодоксальным, последовательным марксистом, материалистом-диалектиком непосредственно после Маркса и Энгельса был Ленин. Именно Ленин, начиная с первой своей философской, экономической и политической работы «Что такое друзья народа», во всех своих теоретических и политических работах и выступлениях непримиримо боролся с ревизионизмом и оппортунизмом II интернационала, в том числе и с Плехановым, за чистоту марксизма и последовательное проведение его революционных принципов на практике, двигал и развивал дальше марксизм и его философскую основу—диалектический материализм в условиях эпохи империализма на основе новой практики, нового опыта классовой борьбы и последних достижений науки и техники.

В журналах ВКА №№ 2—3 за 1931 г. № 40—41 за 1930 г. помещены статьи тов. Луначарского и тов. Лупола, мимо которых также нельзя пройти.

В статье тов. Луначарского «Новое течение в теории искусства в Западной Европе и марксизм», излагаются и пропагандируются основные принципы марксистской школы искусства, созданной Плехановым и Фриче, и при этом ни единого слова не говорится об ошибках и недостатках плехановской и фричевской концепции искусства и ни единого слова и намека о ленинизме в искусстве, хотя это последнее следовало бы с особой силой подчеркнуть.

В своем восхвалении Плеханова и Фриче как единственных последовательных теоретиков марксистского искусства тов. Луначарский:

а) об'являет Плеханова первым представителем марксистской мысли в области искусства (стр. 123), забывая при этом самого Маркса — основоположника материалистической диалектики и материалистического понимания истории, а следовательно марксисткого искусства;

б) подчеркивая особенно настойчиво утверждение Плеханова о том, «что наука об искусстве не может пользоваться категориями желанного и должного. Она должна быть подлинно об'ективной и описательной наукой» (стр. 123), в действительности сам проповедует об'ективизм, внеклассовость и аполитичность искусства, не говоря уже об узком эмпиризме;

в) доходит в своем восхвалении плехановской школы до наивности, когда считает метод Фриче настолько замечательным и прекрасным, что «заставляет свидетельствовать в пользу своей теории самых выдающихся теоретиков европейской мысли, отнюдь не адептов, а иногда даже явных врагов марксизма» (стр. 120). Действительно, нашел критерий верности и прекрасности метода в том, что его хвалят враги марксизма.

Нечего говорить, что тов. Луначарский не понимает, хотя как марксист он должен был бы понимать, что плехановская и фричевская теория искусства имеет совокупность крупнейших недостатков, выражающихся прежде всего в неправильном и непоследовательном применении материалистической диалектики и связанных с этим ошибок, идущих по линии натурализма, механицизма, об'ективизма, внеклассовости и аполитичности.

Все эти ошибки и недостатки плехановской и фричевской концепции искусства требуют пересмотра и критики с позиций марксизма-ленинизма. И в области искусства сейчас, как никогда, стоит задача борьбы за ленинизм, за диалектический метод в творчестве, за воинствующую партийность

Тов. Луначарский говорит далее, что марксистская школа, созданная Плехановым и Фриче «живет и развивается с большой силой. Десятки молодых ученых, обладающих талантом, посвящают свои усилия продолжению их великого дела» (стр. 126). Но это явно неправильно. У нас нет никакой другой школы искусства, кроме марксистско-ленинской школы, и большевики, поставленные партией на работу на фронте искусства, все свои силы отдают дальнейшему развитию марксистско-ленинской теории искусства. Это требует как использования того положительного, что дано Плехановым в теории искусства, так и критического пересмотра плехановского наследства и критики его ошибок

Перейдем теперь к статье тов. Луппола на тему «Согласуется ли философия истории с фактами истории». Статья написана не с позиций диалектического материализма, а с позиций меньшевиствующего идеализма и гнилого либерализма. Не вдаваясь в детальный разбор статьи, мы отметим лишь несколько положений, ярко показывающих ее существо.

Луппол отмечает, что Гегель, исходя из данных общественных наук, до Дарвина еще философски осмыслил понятие развития. Однако т. Луппол не нашел нужным раскрыть, как это гегелевское понятие развития было материалистически переработано Марксом и Энгельсом. Пространно рассуждая о гегелевском понятии развития, т Луппол не сказал ни слова ни о материалистическом понимании истории, ни о материалистической диалектике.

Тов. Луппол «критикует» об'ективистов, которые, познав связь и тенденции явлений, на этом успокаиваются. Истинный социальный (!?) философ, поучает т. Луппол, познав предмет, не может «не засмеяться», «не заплакать», он не может не встать в определенную позицию к познанному им общественному предмету исследования. Другими словами, вместе с причинным об'яснением общественного явления он должен дать и принципы руководства к конкретному действию. Еще в 1841 г. было сказано—«философы до сих пор об'ясняли мир, а дело идет о том, чтобы его изменить» (кем сказано — это т. Луппол не решается заявить). Но «критикуя» об'ективистов», т. Луппол сам целиком стоит на позиции об'ективизма и политической бесхребетности Указывая, что должен делать истинный «социальный философ» (какой такой социальный философ, об этом могут судить почтенная аудитория и читатели), т. Луппол забыл очевидно, какой страной он послан, какую философию он представляет, каковы взгляды марксистско-ленинской философии на буржуазно-философские течения и т. п, какой класс и партия являются подлинными носителями и создателями «истинной философии истории», согласующейся с «фактами истории». К конгрессу вероятно так или иначе было привлечено внимание пролетарской общественности и прессы зарубежных государств, пролетарская общественность этих государств ждала вероятно от представителя страны строящегося социализма сообщения о новых огромных достижениях марксистско-ленинской теории, о новых задачах в области философии, выдвигаемых опытом социалистического строительства в СССР. Увы! Они были несомненно жестоко разочарованы. Ни одной живой мысли, ни одной боевой, коммунистической, пролетарской ноты не прозвучало в докладе.

Более того. Тов. Луппол, критикуя существующие буржуазные социологические теории и говоря о необходимости создания новой подлинно-научной социологии, «устыдился» перед «учеными мужами», идеалистами всех цветов и оттенков заявить, что такая «социология», т. е. исторический материализм, уже давно создана Марксом и Энгельсом, что она существует и развивается, представляя из себя подлинное научное оружие об'яснения и изменения мира, могучее оружие в

[...] победоносно строящего социализм пролетариата и его коммунистической [пар]тии.

Ничего подобного в докладе т. Луппола, даже обработанном для статьи в [...], нет.

В заключение несколько замечаний общего характера. Мы дали далеко не [пол]ный обзор философского отдела ВКА. Но разобранных материалов вполне до[стат]очно, чтобы видеть крайнее неблагополучие в философском отделе ВКА.

В философском отделе ВКА не нашел достаточного отражения поворот на [фил]ософском фронте; не освещена ни одна из актуальных проблем, связанных с [раз]работкой ленинского этапа в философии. В журнале недостаточно ведется [борь]ба с механистической и меньшевистско-идеалистической ревизией марксиз[ма-ле]нинизма. Совершенно отсутствует отдел рецензий, в котором бы освеща[лис]ь работы, выходящие под руководством Коммунистической академии и инсти[тутов], тесно связанных с ней и часто параллельно разрабатывающих те же во[прос]ы, что и в секциях Комакадемии.

Журнал не использует своих связей с областными центрами, с научными [учре]ждениями и филиалами ИКП. Он не смог организовать систематическую раз[вер]нутую информацию с мест о работе философских учреждений и обществ. [Имеющ]иеся за 1931 г. несколько сообщений носят слишком общий характер, не [дают] достаточно полного представления ни о практической, ни о теоретической ра[боте] местных отделений ИКП и ОВМД. Вообще от просмотра философского от[дела] ВКА создается впечатление, что в этих отделах журнала господствует [полн]ейший самотек. Помещается повидимому все, что так или иначе оказывается в [порт]феле редакции. Не заметно активной организующей работы по постановке [все]го дела на должную высоту, на уровень задач переживаемого этапа. Необходима [корен]ная перестройка, внедрение планового начала и организация при журнале [пост]оянных рецензентских бригад.

Необходимо усилить партийную бдительность, обеспечить разработку и ос[веще]ние в журнале очередных проблем марксистско-ленинской философии. Вся [рабо]та журнала должна быть пронизана воинствующей партийностью. На основе [пос]ледних указаний т. Сталина журнал должен быть перестроен в самый кратчай[ши]й срок, должен стать действительным, подлинным центром освещения и разра[ботк]и актуальных проблем марксистско-ленинской теории.

И. Грекун и А. Макаров

С ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ФРОНТА

Итоги обсуждения письма тов. Сталина в парторганизации ИКП философии

Письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» имеет огромное теоретическое и политическое значение.

Это письмо поднимает на высшую ступень наступление большевизма на всех участках теоретического фронта: оно поднимает на большую принципиальную высоту дело научной, ленинской разработки и изучения истории большевизма; оно поднимает на новую, высшую ступень дело идейно-политического вооружения и подготовки братских компартий к решительным боям за диктатуру пролетариата, за революционный выход из современного мирового экономического кризиса капитализма.

Письмо т. Сталина заостряет внимание нашей партии и Коминтерна против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории большевизма и против гнилого либерализма по отношению к этим фальсификаторам; оно поднимает на новую ступень дело большевистской закалки, дело марксистско-ленинского воспитания молодых кадров большевиков, дело идейно-политического воспитания этих кадров в борьбе за генеральную линию партии против правого оппортунизма как главной опасности на данном этапе и против «левого» оппортунизма.

Письмо т. Сталина вооружает нашу партию и рабочий класс нашей страны еще большей уверенностью в правоте нашего дела, дела борьбы за полное построение социалистического общества в нашей стране на базе уже созданного фундамента социалистической экономики, за победу диктатуры пролетариата и победу социализма во всем мире.

Задача партийных кадров, работающих на фронте марксистско-ленинской теории, в свете письма т. Сталина состоит в том, чтобы, опираясь на классические работы Ленина и Сталина, опираясь на их метод, «поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски» (Сталин, «Большевик», № 19—20, 1931 г., стр. 8).

Партийная организация ИКП философии в середине декабря провела самопроверку того, как ею осознаны выдвинутые в письме т. Сталина задачи и как она приступила к их практическому выполнению. В течение трех дней вся парторганизация института была занята подведением теоретических и политических итогов обсуждения письма т. Сталина в организации. Доклад т. Митина по этому вопросу, сообщения тт. Соловейко и Партигула об итогах обсуждения письма т. Сталина в историко-партийном и экономическом ИКП и широко развернувшиеся прения по этим докладам дали ценнейший по своему идейно-политическому содержанию материал для характеристики положения и конкретных задач, стоящих перед отдельными участками теоретического фронта в свете письма т. Сталина.

...философского участка теоретического фронта.

Основные задачи работы на философском участке теоретического фронта ...сле письма т. Сталина были определены в докладе т. Митина и выступлении ...кретаря парторганизации ИКП философии т. Таксера следующим образом:

Первая задача в свете письма т. Сталина состоит в том, чтобы по-большевистски включиться в дело изучения истории нашей партии, прежде всего путем разработки вопросов исторического развития философских основ большевизма.

История ленинской партии есть история развития и поднятия на новую, высшую ступень всех сторон марксизма-ленинизма: и марксистско-ленинской философии, и политической экономии, и стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата.

История нашей партии есть история и теоретической, и экономической, и политической борьбы с врагами вне и внутри международного рабочего движения. ...этому изучение ленинского этапа в развитии марксистской философии, этапа, ...разрывно связанного с историей борьбы за философские основы марксизма, со ...го рода ревизионизмом, за дальнейшее развитие марксистской диалектики, за ...тие революционного и единственно научного мировоззрения пролетариата. ...но являться неот'емлемой частью научной разработки истории большевизма ...ом.

Работы Ленина и Сталина дают нам классические образцы такой научной ...работки истории большевизма.

Вторая задача состоит в том, чтобы развернуть дело изучения закономерностей развития марксизма в связи с развитием классовой борьбы пролетариата.

Ленин в статьях «Наши упразднители» и «Марксизм и ревизионизм» отме..., что в силу богатства и разносторонности марксизма в отдельные периоды ...истории в зависимости от конкретных условий и задач борьбы за марксизм ...ним особо выдвигается то одна, то другая его сторона. «В Германии до ... г., — отмечает Ленин, — особенно выдвигалось философское формирование ...ксизма, в 1848 г. — политические идеи марксизма, в 50-е и 60-е годы — экономи...ское учение Маркса. В России до революции особенно выдвинулось применение ...ономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции — ...истская политика, после революции — марксистская философия» (Ленин, ...бр. соч. т. XI, ч. 2-я, изд 1-е, стр. 207).

Вскрывая борьбу большевизма в каждый данный отдельный период во всех ...правлениях, помня указание Ленина о том, что непозволительно «когда бы то ...было игнорировать одну из сторон марксизма», историки-большевики должны ...сте с тем показать, что «не от суб'ективных желаний, а от совокупности исто...ческих условий зависит преобладание интересов к той или иной стороне марк...зма» (там же).

В этой связи приобретает глубочайший смысл закономерная последователь...ость трех исторических выступлений т. Сталина по вопросам марксист...ско-ленинской теории за последние два года: его речь на конференции аграрников-...марксистов в декабре 1929 г.; беседа с бюро партийной организации философ...ского ИКП в декабре 1930 г.; выступление против троцкистской контрабанды ...фальсификаторов истории партии в октябре 1931 г. Все эти выступления т. Ста...лина находятся в неразрывной связи друг с другом и теми задачами, ...которые т. Сталин выдвинул перед теоретическим фронтом на XVI с'езде ...партии. Все эти выступления т. Сталина представляют собой звенья единой ...цепи мероприятий, направленных на то, чтобы подтянуть отставшие участки ...теоретического фронта, «чтобы теоретическая работа не только поспевала ...за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за

победу социализма» (Сталин). Эти выступления т. Сталина поднимают на новую, высшую ступень дело разработки марксистско-ленинской теории и мобилизуют теоретические кадры партии на борьбу против буржуазных и социал-фашистских теорий, против теорий передового отряда контрреволюционной буржуазии—троцкизма, против правого и «левого» оппортунизма, против механистической и меньшевиствующе-идеалистической ревизии марксизма-ленинизма и против гнилого либерализма по отношению к контрреволюционным, троцкистским, рязановским и всяким иным враждебным ленинизму теориям и теорийкам.

Третья задача, которая выдвигается перед марксистско-ленинской теорией в свете письма т. Сталина, состоит в том, чтобы по-большевистски взяться за дальнейшее изучение и разработку методологии истории большевизма.

В работах Ленина и Сталина дана классическая разработка методологии истории большевизма. Достаточно указать на такие работы Ленина, как «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Наши упразднители», «Марксизм и ревизионизм», «Три источника и три составные части марксизма», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Еще раз о профсоюзах» и на работы Сталина «Об основах ленинизма», «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии» и «О некоторых вопросах истории большевизма». Опираясь на работы Ленина и Сталина, философы-большевики должны двигать вперед разработку ленинской методологии истории большевизма, решительно борясь при этом против механистического ревизионизма как главной опасности на данном этапе и против меньшевиствующего идеализма. В свете письма тов Сталина необходимо поднять на новую, высшую ступень борьбу против механистического ревизионизма и против меньшевиствующего идеализма,—надо сделать эту борьбу еще более политически заостренной, еще более развернутой.

Четвертая задача философского участка теоретического фронта в свете письма т. Сталина состоит в том, чтобы усилить борьбу с социал-фашистской идеологией II интернационала и в особенности с идеологией «левого» социал-фашизма (Адлер, Троцкий, Брандлер, Тальгеймер и др.), разворошить враждебные диалектическому материализму гносеологические основы довоенного центризма (Каутского, Троцкого), переросшего в социал-фашизм, полуцентристских, полуменьшевистских, люксембургианских теорий, примиренческих к ним шатаний в рядах большевиков (Бухарин, Пятаков и др.) в период империалистической войны и т. д., разоблачать антинаучный, антимарксистский, антиленинский характер методологии троцкистских и всяких иных контрабандистов и по-большевистски расчехвостить гнилые «философские основы» троцкистской контрабанды.

Тов. Сталин в своем письме и т. Каганович в выступлении на торжественном заседании, посвященном десятилетию ИКП, показали, как надо разоблачать враждебные вылазки контрабандистов и фальсификаторов истории партии. Разоблачение ползучего, узколобого эмпиризма у представителей гнилого либерализма, разоблачение идеалистической ревизии истории большевизма со стороны троцкистских контрабандистов в письме т. Сталина и речи т. Кагановича являются образцами большевистски непримиримой, политически заостренной критики, неотразимой по своей научной обоснованности. По этим образцам должны равняться философы-большевики в своей критике враждебной ленинизму идеологии троцкистских контрабандистов и фальсификаторов.

Пятая задача философского участка теоретического фронта в свете письма т. Сталина состоит в том, чтобы, идя в ногу со всеми участками теоретического фронта, повысить партийную бдительность философов-большевиков, повысить

...и активность и идейно-политическую вооруженность в борьбе против контрреволюционной, антипартийной контрабанды и контрабандистов и гнилого либерализма по отношению к троцкистским и всяким иным фальсификаторам истории большевизма и марксистско-ленинской теории; чтобы поднять на новую ступень партийную воинственность философов-большевиков за генеральную линию партии против правого оппортунизма как главной опасности на данном этапе и против «левого» оппортунизма.

И наконец шестая задача философского участка теоретического фронта в свете письма т. Сталина состоит в том, чтобы поднять на более высокую ступень большевистскую самокритику, беспощадно вскрыть все прорывы и из'яны в теоретической и партийной работе на этом участке, по-большевистски преодолеть малейшие уступки гнилому либерализму и еще больше сплотить парторганизацию института вокруг активной борьбы за генеральную линию партии.

На выполнение этих основных задач, выдвинутых перед философским участком теоретического фронта письмом т. Сталина, парторганизация ИКП философии в настоящее время мобилизует свое внимание и силы.

Самопроверка показала, что наша парторганизация нащупала те пункты, в которых надо сосредоточить огонь в борьбе против троцкистских и всяких иных контрабандистов и фальсификаторов истории большевизма и против гнилого либерализма.

Фальсификацию исторического развития философских основ большевизма троцкистские и всякие иные контрабандисты,—как отметил тов. Митин в своем докладе,—ведут в следующих основных направлениях:

1) Они отрывают философскую основу большевизма от развития его тактической и политической линии, отрывают теорию от тактики большевизма. Этот жульнический прием фальсификаторы используют для протаскивания своего меньшевистского утверждения о том, что ленинизм не имеет самостоятельной философской линии, что большевизм некоторое время был связан с махизмом и якобы лишь после философского «перевооружения» Ленина при помощи Плеханова большевизм получил ортодоксальную философскую основу. Типичным фальсификатором этого рода является А. Деборин. В книжке «Ленин как мыслитель», в письме «ПЗМ» № 5—6 за 1922 г. и др. статьях и книгах Деборин в очень завуалированной форме распространял подобного рода клевету на большевизм. С другой стороны, т. Сарабьянов при характеристике исторического развития философских основ большевизма в своей книжке «В защиту философии марксизма» тоже растворяет философскую линию большевизма в философской линии Плеханова.

Философы-большевики еще недостаточно раскритиковали Деборина, Сарабьянова и др. по этой линии. А между тем достаточно было противопоставить концепциям Деборина и Сарабьянова такие ленинские работы по истории большевизма, как «Шаг вперед, два шага назад», «Наши упразднители», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и главы о методе и о теории из работы Сталина «Об основах ленинизма», чтобы от концепций Деборина и Сарабьянова не осталось и камня на камне. Эти работы Ленина и Сталина целиком опровергают вымыслы фальсификаторов и показывают последовательную историческую преемственность и единство линии в развитии марксистско-ленинской философии, ее неразрывную связь со всеми остальными частями ленинизма, ее непримиримость по отношению к меньшевистской линии Плеханова в области философии и политики, ее непримиримость к плехановской ревизии марксизма.

2) Фальсификаторы разрывают непосредственную преемственность философской линии ленинизма от философской линии основоположников марксизма. Этот жульнический маневр фальсификаторы типа Деборина используют для того, чтобы превратить Ленина в философского «ученика» Плеханова.

Между тем известно, что **начало** революционой марксистской деятельности Ленина непосредственно смыкается с **концом** творческого революционного пути основоположников марксизма. Энгельс умер в 1895 году. В это же время Ленин, выступив на арену международной революционной деятельности, сделал первый крупнейший вклад в величайшую сокровищницу марксистской философии, экономической теории и стратегии и тактики классовой борьбы в своих работах против народников, струвизма и др.

Далее известно, и это самое главное, что философская линия ленинизма есть единственно ортодоксальная линия в развитии марксистской философии. Это показывает вся история большевизма, его всемирно-исторические победы и банкротство всех и всяческих мелкобуржуазных и буржуазных течений и теченьиц в философии, прикрывавшихся именем Маркса—Энгельса.

3) **Фальсификаторы отрицают или замалчивают международный характер философской борьбы Ленина с народничеством, с неокантианцами, с меньшевиками, махистами и др. «критиками» и ревизионистами марксистской философии.** Деборин в своей книге «Ленин как мыслитель» дает целый сгусток меньшевистской клеветы по этому вопросу. Вместе с этим Деборин старательно замалчивает философскую борьбу Ленина с меньшевизмом, с Плехановым, проводившим оппортунистическую линию в политике в течение ряда лет и поставлявшим методологию для меньшевистской политики, тактики и экономической «теории». По этой же линии идет и т. Луппол в своей ошибочной книге «Ленин и философия» замалчивая борьбу Ленина на два фронта — против махистов и против Плеханова в период «философской разборки», — книге, которая кстати сказать автором до настоящего времени нигде в печати не раскритикована.

Этим по существу меньшевистским измышлениям Деборина, Луппола и др. партия противопоставляет классическую оценку роли Ленина в развитии марксистской философии, данную т. Сталиным в его работе «Об основах ленинизма» (см. главы «Теория» и «Метод»). Этой оценки, отображающей действительность, оценки, данной вождем ленинской партии, не поколебать поганеньким пигмеям разбитого меньшевизма и меньшевиствующего идеализма.

4) Фальсификаторы отрицают ленинский этап в развитии марксистской философии. Механисты ликвидаторски обходят разработку вопросов ленинского этапа в развитии диалектического материализма, открыто отрицая теорию материалистической диалектики.

Меньшевиствующие идеалисты, плененные мертвящей мистикой гегелевской философии также не видят ленинского этапа в развитии марксистской философии, подменяя разработку ленинского философского наследства абстрактной логистикой, схоластикой.

Философы-большевики должны полностью разоблачить ликвидаторство механистов и схоластику меньшевиствующих идеалистов, удесятеряя темпы разработки основных вопросов ленинского этапа в развитии марксистской философии: вопроса о содержании теории материалистической диалектики—о том, что диалектика есть теория познания и логика марксизма, вопроса о партийности философии, о «ядре» диалектики, о раскрытии «ядра» диалектики в ее трех основных законах, о раскрытии основных законов диалектики в ее 14 элементах и т. д.

В докладе т. Митина, в выступлении секретаря парторганизации т. Таксера и в принятом решении парторганизации ИПК философии заострено внимание на том факте, что главные представители механицизма: Бухарин, Тимирязев, Варьяш, Перов, Сарабьянов — и меньшевиствующего идеализма: Деборин, Стэн, Луппол, Подволоцкий, Карев, Левин и др. еще открыто не разоружились, помогая тем самым правооппортунистическим и «левым» наскокам на генеральную линию партии.

Письмо Деборина, опубликованное в «Правде» от 16/XII 1931 г., парторганизацией ИКП философии признано недостаточным, неполным.

Тов. Митин и выступавшие в прениях товарищи (Таксер, Ольман, Плясунов, [illegible]) отметили наличие новых вылазок механистов (Варьяша, Тимирязева, [illegible] и др.) и меньшевиствующих идеалистов (Стэна, Карева, Танхилевич) про[тив] партийной линии в философии. В связи с этим перед парторганизацией ИКП [фи]лософии стоит задача дальнейшей развернутой борьбы на два фронта.

Доклад, сообщения и прения вскрыли в свете письма т. Сталина наличие [прорыв]ов и недостатков в работе философского участка теоретического фронта.

Парторганизация отметила факт отсутствия партийной бдительности в сек[ци]и диамата первого курса (январского приема) ИКП философии, некритически [отн]есшегося к теоретическим и политическим установкам руководителя одного [и]з семинаров т. Коложолкина по вопросу о развитии социалистических форм труда, [пол]итически вредную, опасную путаницу в характеристике философских взглядов [Ка]утского, Адлера, Кунова и Троцкого, допущенную слушателем ИКП философии [illegible] в его статье «На антирелигиозном фронте»; гнилой либерализм, про[явлен]ный партячейкой Академии наук, принявшей «к сведению» антипартийное [заявл]ение Карева по поводу его отношения к своим меньшевиствующе-идеалисти[чес]ким взглядам; появление в последнее время книг, протаскивающих антимаркси[стск]ие теории (книжка С. Покровского «Теория пролетарской революции», книги [illegible]ева и Кузнецова, словарь Ищенко, книжка Деборина «Введение в филосо[фию] диалектического материализма», переиздаваемая без всякого критического пре[дисл]овия, и др.).

В докладе т. Митина, в выступлении ряда товарищей (Таксера, Николаева, [illegible]ского, Авенира и др.), в принятом решении отмечено, что в работе журнала [«П]ЗМ», ставшего при новой редакции подлинно большевистским органом, прово[дящи]м правильную политическую линию, имеются отдельные политические ошибки, [тре]бующие немедленного исправления. К числу этих ошибок относится:

1. Помещение в № 4—5 «ПЗМ» статьи Альтера «Борьба за наследство», пред[ст]авляющей собою троцкистскую контрабанду, что показывает недостаточную [партий]ную бдительность в данном конкретном случае со стороны редакции «ПЗМ».

2. Помещение статьи Танхилевич, протаскивающей в завуалированной форме [illegible] меньшевиствующего идеализма, статьи Мальковского, являющейся про[явл]ением как механистических установок, так и установок меньшевиствующего [идеа]лизма, а также и полуидеалистической статьи Чернышева, тем более поме[щен]ной без соответствующей обработки и критики со стороны редакции.

Собрание парторганизации отметило также, что в некоторых передовых [стать]ях «ПЗМ», являющихся в целом большевистскими и правильно проводящими [борь]бу за генеральную линию партии, имеются однако политически ошибочные [illegible] формулировки.

Выступавшие в прениях товарищи (всего выступало более 30 человек) под[верг]ли развернутой критике меньшевистскую концепцию Рязанова по вопросу о [фил]ософской эволюции Маркса и меньшевистское [illegible] важнейших вопросов [марк]систской философии Рязановым в его предисловиях и примечаниях к собранию [сочине]ний Маркса и Энгельса (выступление т. Шелковникс); фальсификацию в духе [меньше]виствующего идеализма роли Ленина в развитии марксистской философии [в при]мечаниях к XIII тому второго и третьего изданий собрания сочинений Ленина [illegible]); меньшевистскую фальсификацию исторического развития философ[ск]их основ ленинизма Дебориным в его предисловии к немецкому изданию книги [Ленина] «Материализм и эмпириокритицизм» (Шурыгин); фальсификацию роли Ле[нина] в философской борьбе с махизмом Добрыниным в его статье в третьем № жур[нала] РАПП за 1931 г. (Степанов); извращение истории борьбы с меньшевиствующим [идеализмом] и механистическим ревизионизмом за поворот на философском фронте [illegible] в его статье «К истории философских разногласий» (Ситковский); про[таскивание] взглядов меньшевиствующего идеализма в вопросе о ленинском этапе [развития] марксистской философии Наумовым в его учебнике на татарском языке [«Диалектический] материализм» (Тухватуллин); протаскивание идеалистических взгля-

дов Кузнецовым в его книге «Диалектика естественных наук и техническая реконструкция» (Токарев) и целый ряд других проявлений деятельности фальсификаторов марксистско-ленинской философии.

Выступавшие в прениях товарищи отметили наличие целого ряда существенных ошибок в учебниках по диалектическому и историческому материализму, выпущенных ленинградским отделением Комакадемии (выступления Юшманова, Рудова и др.); в учебниках тт. Вольфсона и Гака, Тымянского (Рудов), в статьях Шабалкина «Философия», помещенной в МСЭ, и «Как нам быть с гегелевским наследством», помещенной в газете «За коммунистическое просвещение» (Авенир и др.).

В связи со всем этим собрание приняло решение о выделении бригады для просмотра и рецензирования всех вышедших за 1931 г. номеров журнала «ПЗМ», «ВКА», учебника по диамату, выпущенного ленинградским отделением Комакадемии, учебника по истмату под редакцией т. Ральцевича, «Краткого философского словаря» Ищенко и учебников по диамату на национальных языках, о пересмотре ИМЭЛ и Госиздатом примечаний к философским работам Маркса, Энгельса и Ленина, о просмотре литературы по вопросам антирелигиозной пропаганды и литературоведения, о просмотре всей философской литературы на книжном рынке с привлечением к этой работе комвузов и др. учебных заведений, об организации более тщательного контроля за выпуском периодической, учебной и др. литературы по философским вопросам, об организации при ИКП философии консультационного методического бюро для руководства и помощи в работе кафедры диамата в вузах и втузах. Кроме того парторганизацией приняты решения о пересмотре программ ИКП философии на предмет еще большей их актуализации и заострения в них вопросов, поставленных статьей т. Сталина, о введении обязательного для всех секторов ИКП философии курса по истории большевизма, о пересмотре плана научно-исследовательской работы ИКП философии, выдвинув, исходя из письма тов. Сталина, разработку ленинского этапа в развитии марксизма как центральную задачу всей научно-исследовательской работы института.

Самопроверка партийной организации ИКП философии показала таким образом, что обсуждение письма т. Сталина явилось для всей организации большевистской школой, стимулом для еще большего сплочения организации на основе генеральной линии партии, для еще большего развертывания теоретической работы в организации, большего развертывания самокритики, повышения партийной бдительности и партийной воинственности за генеральную линию партии; для повышения идейно-политического вооружения парторганизации в борьбе за генеральную линию партии, за чистоту и большевистскую выдержанность марксистско-ленинской теории, против открытых и скрытых попыток исказить, фальсифицировать историю и теорию большевизма, против гнилого либерализма в отношении к этим попыткам.

Самопроверка показала полное единодушие парторганизации ИКП философии, единство ее большевистской воли в борьбе за генеральную линию партии против всех и всяческих вылазок классового врага, откуда бы они не исходили и в какой бы форме не проявлялись.

Руководство парторганизации, развертывая здоровую большевистскую самокритику в организации, ведя линию на еще большее сплочение всех сил организации на основе непримиримой борьбы за генеральную линию партии, в то же время со всей организацией дало решительный отпор попыткам небольшой группки (7 ч.) товарищей перевести обсуждение вопросов с принципиальных позиций на путь беспринципных разговоров. Парторганизация решительно предупредила данных тт. о том, что продолжение ими противопоставления себя всей организации может привести их к беспринципной групповщине и к серьезным политическим последствиям.

Таковы главнейшие итоги самопроверки парторганизации ИКП философии в свете письма тов. Сталина.

Задачи историко-партийного участка теоретического фронта

Тов. Соловейко в своем сообщении на собрании парторганизации ИКП философии отметил, что письмо т. Сталина, имея международное обще-теоретическое и политическое значение, для историко-партийного участка теоретического фронта имеет особую актуальность. Именно на этом участке, в первую очередь, т. Сталин вскрыл в своем письме наличие деятельности троцкистских контрабандистов, наличие гнилого либерализма по отношению к деятельности этих контрабандистов и наличие ряда принципиальных и исторических ошибок в книжках большевистских историков нашей партии.

Троцкисты протаскивают свою контрреволюционную контрабанду в историко-партийную литературу, как это отметил т. Сталин в своем письме, пока что по двум основным направлениям.

«Во-первых, они стараются доказать, что Ленин в период перед войной недооценивал опасности центризма при этом предоставляется неискушенному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим революционером, что он стал таковым лишь после войны, после того, как «перевооружился» при помощи Троцкого. Типичным представителем такого рода контрабандистов можно считать Слуцкого».

«Во-вторых, они стараются доказать, что Ленин не понимал необходимости перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, при этом предоставляется неопытному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим большевиком, что он понял необходимость такого перерастания лишь после войны, после того, как он «перевооружился» при помощи Троцкого. Типичным представителем такого рода контрабандистов можно считать Волосевича, автора «Курса истории ВКП(б)» (Сталин, «Большевик», 1931 г., № 19–20, стр. 17—18).

Слуцкий и Волосевич — наиболее типичные троцкистские контрабандисты с точки зрения этих двух «направлений». В этих же «направлениях» орудовала «школка» троцкистских контрабандистов (Кин, Эльвов и др.), оперировавшая в четырехтомнике, вышедшем под редакцией тов. Ярославского.

Уже начиная с первого тома протаскивается троцкистская идейка, оценивающая ленинизм как национально-ограниченное явление. Говорится например, что Плеханов давал общетеоретические формулировки марксистских положений, а Ленин применял эти положения лишь на практике, к анализу русского народничества. Ленин изображается учеником Плеханова, а последний — своего рода посредником между Марксом—Энгельсом и Лениным. В четырехтомнике нет подлинного разоблачения оппортунизма Плеханова, обойдены по сути дела его теоретические и в том числе философские ошибки.

Российские меньшевики изображаются в одной из глав четырехтомника как исключительные представители марксистской ортодоксальности во II интернационале. Авторы четырехтомника утверждают, что вследствие этой «ортодоксальности» меньшевиков большевики якобы не осуществили на II с'езде подлинного раскола с меньшевиками (т. II, стр. 67).

В четырехтомнике проводится мысль, будто до самой войны Ленин не видел неизбежности раскола с оппортунизмом. За большевиками отрицается «линия на раскол, на разрыв» (Сталин) со II интернационалом. «Школка» троцкистских контрабандистов впадает в апологетику меньшевистского груза в багаже германских левых и становится на рельсы брандлерианско-троцкистской методологии в подходе к люксембургианству.

Особое благорасположение «школка» троцкистских контрабандистов проявляет в отношении троцкистской разновидности довоенного центризма. В частности у т. Ванского можно найти утверждение, суть которого в том, что «левая» фразеология троцкизма не только не является обстоятельством, делающим троцкизм одной из особенно опасных разновидностей социал-фашизма, а наоборот фактором, облегчающим возможность слияния троцкизма с большевизмом.

Заимствованный «школкой» у Троцкого тезис об «интернационализации большевизма» (см. Лен. сб. IV, стр. 303) находится в самой прямой связи с клеветническими троцкистскими утверждениями о наличии у Ленина (большевиков) двух планов перерастания: одного в 1905 г., другого в 1917 г.

Авторы четырехтомника подкрепляют эту свою клевету насквозь меньшевистско-троцкистской трактовкой проблемы империализма, смазывая при этом роль России (в частности в 1905 г.) как узлового пункта империалистических противоречий и замазывая коренное значение для международной революции коренных вопросов русской революции. Давая анализ экономики России перед февральско октябрьским периодом, т. Арк. Сидоров доходит до самой неприкрытой апологетики столыпинщины. Расчищая таким способом дорогу для последующих глав Кина, Баевского, Бакса, Сидоров клевещет на российский пролетариат, пытаясь представить его разорванным на части, противопоставляя одну часть другой, например текстильщиков — металлистам. Он рисует при этом большевиков как партию «ситцевого пролетариата», отдавая полностью металлистов в плен ликвидаторства.

Авторы четырехтомника скатились на путь реставрации каменевщины, на путь буржуазно-демократического ограничения Октября, рассматривая Октябрьскую революцию как двуединую по своему характеру и ставя перед большевиками, взявшими власть, задачу «доделать то, чего не доделал российский капитализм». В соответствии с этой своей установкой «школка» троцкистских контрабандистов преподносит читателю в фальсифицированном виде и борьбу партии с «левыми коммунистами» (Рахметов) и историю эпохи военного коммунизма (Рубинштейн).

«Рассечение ленинизма» на довоенный и предвоенный, его национальное ограничение, меньшевистско-троцкистская теория «двуединой партии», теория «перевооружения» большевизма на троцкистский лад, буржуазно-демократическое ограничение Октябрьской революции — такова та серия внутренне-связанных между собою установок, которые протаскивались «школкой» троцкистских контрабандистов через четырехтомник под редакцией тов. Ярославского.

С помощью этих установок «школка» старалась в особенности дискредитировать роль нашей партии и ее руководства, в первую очередь в лице Ленина и Сталина, как в февральско-октябрьский период 1917 г., так и после захвата власти пролетариатом.

Тов. Каганович в своей речи на собрании, посвященном десятилетию ИКП, показал, что в основе всех этих установок лежит явная тенденция — оторвать от партии ее молодые кадры и подменить марксистско-ленинское воспитание разложением этих кадров в духе, угодном контрреволюционному троцкизму. Мы имеем здесь вместе с тем стремление развенчать большевизм как «образец тактики для всех» (Ленин) в глазах наших братских партий, идущих к решающим боям за мировой Октябрь, задержать темпы большевизации секций Коминтерна, помешать их борьбе с атаками и рецидивами люксембургианства, гэдизма, анархо-синдикализма, затруднить их борьбу с социал-фашизмом, в частности с его «левой» разновидностью, наиболее враждебной рабочему классу и наиболее опасной.

Нечего говорить, каким источником вдохновения и каким прекрасным прикрытием для «школки» троцкистских контрабандистов послужило содержащееся в предисловии к III тому утверждение тов. Ярославского о том, что большевизм выступил на международную арену лишь в годы империалистической войны.

Что касается методологии авторов четырехтомника, то здесь мы можем встретить на механистической основе самый причудливый (но отнюдь не случайный) переплет меньшевиствующего идеализма и «струвистского об'ективизма» (тезис Минца об «об'ективности» и «целесообразности»). Некоторые из участников четырехтомника не чужды известных слабостей по части энчменизма.

Все это показывает абсурдность всяких попыток изобразить борьбу против троцкистской контрабанды и гнилого либерализма как борьбу из-за каких-то

...ельных «ошибочных формулировок» или каких-то отдельных «неудачных» границ.

Под руководством ЦК и МК парторганизация историко-партийного института вскрыла меньшевистский источник писаний Шляпникова, под явным влиянием которых построен целый ряд глав четырехтомника. Парторганизация историко-партийного института разоблачает троцкистские установки Миронова, Альтера, контрабанду Кина, Эльвова и др. Вскрыты крупнейшие исторические принципиальные и вместе с тем политические ошибки в работах Минца, Рахметова, Баевского, ...ике, а также Арк. Сидорова, Пионтковского, Рубинштейна и др. Разоблачен ...овой характер этих ошибок. Развернутому разоблачению подвергались пра..., троцкистские и полутроцкистские установки в работах К. А. Попова.

Сокрушительный отпор дан попытке т. Радека замазать связь своей борьбы против партии во время пребывания его в рядах контрреволюционного троцкизма с его старыми центристскими ошибками. Тов. Радеку не удалось протащить теорию «мостиков» и «ручейков» и изобразить ленинизм фактически, как своего рода ...гство по отношению к люксембургианству. Эта попытка тов. Радека является бесспорно рецидивом неизжитых им остатков троцкистской идеологии.

Продолжается разоблачение антиленинских установок, содержащихся в работах Горина, Фридлянда, в трудах Ванага, а также в книгах Лукина и т. п. Идет ...ая борьба с остатками влияния рязановщины, с вылазками буржуазных историков.

Письмо тов. Сталина двинуло вперед самокритику в рядах партийных историков и помогло вскрыть существенные ошибки в работе общества историков-марксистов, недостаток в этой работе большевистской партийности и бдительности, разрыв между теорией и практикой, элементы «катедер-коммунизма» и т. п.

Заостряя свое внимание на разоблачении троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, парторганизация историко-партийного ИКП на основе беспощадной самокритики разоблачила ряд явно троцкистских установок в работе семинара по истории партии, работавшего под руководством Кина. Сорваны маски с двурушничавших троцкистов типа Хохлова и Черкасова, писания которых апробировались Кином.

Бесспорно установленной является личная преемственность и связь между ...ствующими элементами, подвизавшимися в этом семинаре, с известными ...партийными группировками в старом ИКП. Ряд авторов четырехтомника также ...т за собою троцкистское и «левацкое» прошлое, у некоторых — за спиною ...оппортунистические ошибки.

Все это лишний раз подчеркивает боевое партийно-политическое значение ...ма тов. Сталина.

Борьба с гнилым либерализмом является неразрывной составной частью ...бы партии на два фронта: против правого уклона, как главной опасности на ...м этапе, против «левацкого» оппортунизма, помогающего правому и против ...ренчества к ним.

Борьба с гнилым либерализмом, являющимся «головотяпством, преступле... граничащим с изменой», есть обязательное условие успешной борьбы с контр...ционным троцкизмом и его контрабандой.

Письмо тов. Сталина требует усиления во всей нашей теоретической работе ...бы за большевистскую партийность, за партийную воинственность. В лице ... во главе с тов. Сталиным мы имеем единственное подлинно большевистское ...тическое и политическое руководство нашей партии.

Под этим руководством будут двинуты вперед на высоком принципиальном ..., большевистскими темпами, на подлинно большевистских научных рельсах ... и разработка истории ВКП(б).

Письмо тов. Сталина и задачи экономистов

Тов. Партигул в своем сообщении отметил, что в процессе обсуждения письма :талина парторганизация экономического ИКП нащупала основные напра ия, по которым проникает троцкистская контрабанда в экономическую лите ру и учебную работу. Здесь имеются попытки:

1) замазать борьбу Ленина против Каутского и Гильфердинга задолго до ериалистической войны, представить дело так, что в теории империализма ин только повторил «Финансовый капитал» Гильфердинга;

2) отрицать закон скачкообразного неравномерного развития империализма,)ытый Лениным, для протаскивания троцкистской теории империализма;

3) представить теорию империализма Розы Люксембург более марксистски ıедовательной, чем теория империализма Ленина;

4) в области теории советского хозяйства троцкистская контрабанда идет линии возрождения старой троцкистской, осужденной партией, теории борьбы х регуляторов. Эту теорию с упорством, достойным лучшей участи, защищает Iреображенский.

5) троцкистская теория невозможности построения социализма в одной ане, троцкистская оценка современного этапа проникает в нашу литературу зиде «теории» о неизбежности диспропорций и кризисов перепроизводства ашей экономике, «теорий», основанных на троцкистской трактовке соотношения изводства и потребления.

Парторганизация ЭИКП подвергла решительной критике все правооппорту :тические и «левацкие» теории современного периода социалистического строи ıьства.

Для нас не может быть сомнений в том, что теоретическая концепция Гиль рдинга по вопросам политэкономии является антимарксистской. Гильфердинг оит на кантианских методологических позициях, последовательно развивает :новую концепцию. М. Рубин целиком исходит из гильфердинговской концепции.

Известно, что Ленин видел и отмечал кантианский характер основных поло ений Гильфердинга.

Однако в нашей литературе имеют место попытки трактовать теорию Гиль ердинга как последовательно марксистскую. Такую трактовку дает Блюмин статье в БСЭ. Известно коренное отличие ленинской и гильфердинговской ории империализма. Ленин исходным пунктом берет развитие закономерностей ıпиталистического производства, показывает возникновение монополистического ıпитализма на основе законов концентрации и централизации производства и ıпитала и дает на этой основе анализ специфических закономерностей империали ической стадии капитализма.

Гильфердинг в полном соответствии с меновой концепцией — характерной :ртой методологии социал-фашистской политэкономии — исходным пунктом :рет обращение, выводит категорию финансового капитала из развития денег, гождествляет финансовый капитал с акционерными обществами и выхолащивает :новное, что определяет содержание финансового капитала — концентрацию про зводства и капитала.

Ленин отмечал, что в гильфердинговском определении финансового капитала ıпущено основное — «рост концентрации производства и капитала в такой силь ой степени, когда концентрация приводит и привела к монополиям» (т. XIII р. 271—2).

Однако находятся советские экономисты, повторяющие в своих работах ıльфердинговский анализ финансового капитала.

Достаточно в этой связи указать на книгу Слуцкиной «Об основных законо :рностях империализма». Слуцкина повторяет ряд гильфердинговских положений, том числе и положения, вплотную подводящие к теории организованного капи ıлизма. Слуцкина дает гильфердинговскую схему анализа финансового капитала

Книга Слуцкиной об'ективно означает попытку смазать ленинскую критику Гильфердинга, установить тождество между Лениным и довоенным Гильфердингом.

Троцкистская трактовка закона неравномерного развития капитализма дается в книге Преображенского «Закат капитализма». В ней Преображенский отрицает всеобщий кризис капитализма, закон неравномерного развития капитализма, борьбу двух систем и т. д. Характерно, что у Преображенского эта троцкистская теория очень ясно смыкается с типично люксембургианской и гильфердинговской установкой. В ряде положений Преображенский исходит из люксембургианских позиций.

В книге Слуцкиной также отрицается закон неравномерного развития капитализма, который заменяется троцкистским законом уравнения и нивелировки капитализма. Явно ошибочная, содержащая ряд троцкистских положений, книга Слуцкиной получила одобрительный отзыв в рецензии Маркова, помещенной в журнале «Проблемы экономики».

Дискуссия, которая велась в 1924 году вокруг позиции Розы Люксембург, вокруг оценки ее теории, выявила наличие целого ряда люксембургианцев: Мотылева, Бессонова и др. Но, несмотря на то, что с тех пор прошло уже несколько лет, эти товарищи до сего времени своих ошибок не признали, идейно не разоружились. Например Мотылев в недавно написанном им предисловии к «Накоплению капитала» по существу повторил все свои старые люксембургианские установки.

В нашей литературе по вопросам теоретической экономии не дано еще развернутой критики люксембургианства. Критика позиций теории Люксембург в книге Бухарина ведется не с марксистских позиций. Между тем критика теории Р. Люксембург имеет чрезвычайно большое международное значение. Тальгеймер, Брандлер и целый ряд других ренегатов стоят на люксембургианской позиции.

Проникновение троцкистской контрабанды в экономическую литературу по вопросам теории советского хозяйства идет прежде всего по линии утверждения о неизбежности кризисов в нашей экономике. Такие утверждения мы имеем в ряде высказываний Преображенского.

В ряде высказываний установки Преображенского находятся в тесной связи с установками Троцкого о том, что основными противоречиями переходного периода являются капиталистические противоречия, полученные в наследство от капиталистической и докапиталистической формаций. Последовательно развивая это положение, Троцкий пишет, что кризис в СССР неизбежен, что он явится проявлением капиталистических противоречий, что это будет кризис перепроизводства основного капитала.

К этому же выводу подходит и Преображенский. Он считает, что у нас неизбежен кризис. По его мнению, это обусловливается политикой индустриализации, обусловливается тем, что мы осуществляем теорию построения социализма в одной стране.

Преображенский приходит к выводу о неизбежности кризиса в нашей экономике, исходя из немарксистской, троцкистской трактовки соотношения производства и потребления.

Определяя методологические установки генерального плана производства и потребления во второй пятилетке, Преображенский считает, что исходным определяющим моментом должно быть потребление в противовес марксистскому тезису о примате производства. В противовес партийным установкам Преображенский заявляет, что нельзя начинать проектирования второй пятилетки с наметок по чугуну, электроэнергии, машиностроению, — исходным пунктом планирования должны быть наметки по потреблению. Всякий иной подход, по Преображенскому, приводит к кризису.

Эта постановка находится в тесной связи с троцкистскими установками в 1923—1927 гг. И тогда троцкисты, обвиняя партию в недостаточном развитии промышленности, исходили не из задачи догнать и перегнать, не из задачи построения социалистического общества. Исходным пунктом их аргументации была

ссылка на необходимость преодолеть товарный голод. Эта враждебная социализму троцкистская теория примата потребления в новой форме преподносится сейчас для того, чтобы обосновать неизбежность кризисов в нашей экономике, осудить нашу политику, направленную на развитие производства средств производства, на быстрые темпы нашего развития.

Преображенский вновь вытаскивает свою теорию борьбы двух регуляторов (см. статью «О природе червонца», «ПЗМ» № 4 за 1930 г.). Эта теория непосредственно смыкается с утверждениями Троцкого о действии в нашей экономике капиталистических противоречий и исходит из того, что противоречия определяют неизбежность кризисов и диспропорций во всей экономике.

Теория Преображенского в ее модернизированной форме интересна и тем, что она представляет прямое «обоснование» «левацкой» теории отмирания денег, превращения их в расчетные знаки в социалистическом секторе.

Эти «левацкие» теории денег имеют большое распространение и по сей день. Имели место «левацкие» заскоки и по вопросам торговли, прямое непонимание задач советской торговли, противопоставление советской торговли задаче перехода к последовательно социалистическому продуктообмену. «Левацкие заскоки» сказались и в вопросах заработной платы. В вопросах сдельщины при этом у некоторых экономистов обнаружилась троцкистская установка. Троцкий считает, что сдельщина—это есть капиталистический принцип. Некоторые «экономисты» тоже говорили, что переход к прогрессивной сдельщине—это капиталистический метод, несовместимый с нашим хозяйством.

Все это показывает актуальность задачи борьбы с троцкистской контрабандой и либерализмом по отношению к этой контрабанде и на экономическом фронте.

То обстоятельство, что сейчас необходимо усиленно ударить по троцкистским контрабандистам и «левым» теорийкам, ни в коей степени не означает, что на данном этапе правая опасность перестала быть главной опасностью. Правая опасность является на данном этапе главной опасностью, это должно быть решительно подчеркнуто.

Проявление правой опасности обнаруживается по целому ряду вопросов экономического фронта. Правооппортунистические установки находят свое выражение в механистической теории переходной экономики, в теории баланса, в правооппортунистических трактовках торговли, денег и пр. Задача дальнейшего разгрома этих теорий является одной из боевых и решающих задач, стоящих перед экономическим фронтом.

В журнале «Проблемы экономики», который должен быть ведущим журналом экономического фронта, имеется ряд крупнейших прорывов. На страницах журнала был помещен ряд антипартийных статей.

На страницах «ПЭ» была помещена статья Илимского, которая является троцкистской вылазкой по вопросу о природе нашей кооперации. Илимский представил дело так, будто партия не поняла ленинского кооперативного плана. Эта статья прошла даже без всякого редакционного примечания.

Журнал «ПЭ» поместил социал-фашистскую статью Сегаля по вопросу о структуре промышленного капитализма. Сегаль утверждает, что во время кризиса в капиталистических странах переменный капитал возрастает. Это до конца социал-фашистская установка.

Журнал «ПЭ» поместил также целый ряд других антипартийных выступлений. Все это свидетельствует о том, что редакция «ПЭ» проявила гнилой либерализм.

Парторганизация ЭИКП очень резко осудила политическую линию журнала, квалифицировала наличие в работе редакции гнилого либерализма.

Парторганизация ЭИКП развернула напряженную работу по разоблачению троцкистских контрабандистов и решительную борьбу с гнилым либерализмом по отношению к троцкизму, а также с правыми и «левыми» извращениями генеральной линии партии.

С. Шурыгин

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

Пересмотр в порядке самокритики

В. Егорщин

Письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», этот документ величайшего политического и теоретического значения, мобилизует партию на новые бои за чистоту ленинской теории и дает в наши руки новое оружие, новые средства борьбы за подлинный ленинизм во всей теоретической и практической работе.

В свете письма т. Сталина я хотел бы воспользоваться страницами настоящего журнала, чтобы подвергнуть критическому пересмотру ряд ошибочных положений, содержащихся в моих прежних работах, главным образом в моей книге «Естествознание, философия и марксизм» (изд. «Московский рабочий», 1930 г.), представляющей собой, за исключением последней главы, работу, написанную для семинара т. Деборина в Институте красной профессуры в 1926 г. и частично тогда же напечатанную.

Работая в течение ряда лет под учебным и организационным руководством т. Деборина, я не остался свободным от отдельных ошибок, характерных для деборинской группы, характерных для меньшевиствующего идеализма.

Правда, известно, что я не принимал никакого участия в той «групповщине», которая была характерна для бывшего философского руководства, в той групповой борьбе, которую с невиданной энергией деборинская группа вела против самокритики, против поворота, — наоборот я принимал активнейшее участие в борьбе за поворот, за большевизацию работы на философском фронте (о чем свидетельствует ряд моих выступлений, печатных и устных, начиная с середины 1930 г.). Однако это только еще более обязывает меня со всей беспощадностью вскрыть мои прошлые ошибки и призвать товарищей помочь мне в этом.

Одна из основных идей книги «Естествознание, философия и марксизм», — книги, в общем направленной против механистов, — не может вызывать возражений: это — борьба за необходимость перестройки естествознания на основах диалектического материализма. Против этой идеи тогда боролись механисты, с механистами здесь по существу смыкаются и меньшевиствующие идеалисты. Но в борьбе за эту мысль я допустил существенную ошибку, заключающуюся в том, что я систематически проводил резкое деление в отношении марксизма к естествознанию на два периода: второй период, после завоевания власти пролетариатом, требует-де решительной постановки вопроса о перестройке естествознания; первый же период, до диктатуры пролетариата, характеризовался дескать тем, что марксизм таких задач непосредственно перед собой не ставил: тогда марксизм сосредоточивал свое главное внимание на общественных вопросах, используя здесь и естествознание как подсобный материал. Приведу одну выдержку, содержащую в себе эту неправильную мысль.

«В эпоху до завоевания власти рабочим классом, когда марксизм более всего заботился о проникновении своего метода в общественные науки, можно было говорить об известной слабости марксистской теории в области естествознания. И тогда марксисты могли только радоваться всякому стихийному проявлению диалектики и материализма у некоторых естествоиспытателей. Большинство марксистов прибегало тогда к естествознанию, как оно есть, для того, чтобы получить от него поддержку (ибо оно признавалось и противниками марксизма) для обоснования своей прежде всего общественной теории, например исторического материализма. Так Плеханов прибегал к Дарвину в полемике с Михайловским. Даже перед Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» стояла непосредственная задача преодоления махистской теории философии в лагере марксистов. Естествознание, развиваемое буржуазными учеными, было для марксизма тем даровым конем, которому не приходилось особенно тщательно смотреть в зубы» («Естествознание, философия и марксизм», стр. 148).

По отношению к подлинному марксизму, по отношению к марксизму, не обкарнанному теоретиками II интернационала, это утверждение совершенно не соответствует действительности. Основоположники марксизма никогда не относились к естествознанию без критики. В приведенной выдержке содержится еще и та ошибка, что здесь теоретики II интернационала помещены за одну скобку с подлинными марксистами: очевидно их и приходится понимать под словами «большинство марксистов»... (такой об'ективно вывод можно сделать).

Кроме того с приведенной выше выдержкой нельзя согласиться и потому, что в таком случае получается вывод, что теперешняя ошибка механистов состоит

всего лишь в том, что они во времени задержались на тех взглядах, которые хотя теперь и устарели, но которых раньше держалось большинство марксистов. На самом деле механисты не могут никак опереться на основоположников марксизма даже и в прошлом.

Приведу далее другую ошибочную выдержку.

«Опираясь на революционный авангард рабочего класса, марксизм имел весьма ограниченный контингент «идеологов», вербовавшихся из весьма тонкой прослойки пролетарской интеллигенции и главным образом из выходцев других классов, понявших историческую миссию рабочего класса. Отличаясь даже от мелкобуржуазных партий малым количеством теоретиков и вождей, рабочая партия должна была «скупиться» на них и находить им применение прежде всего там, где это было нужнее всего с точки зрения непосредственной общественной классовой борьбы. Необходимо впрочем заметить, что пролетариат в лице своего авангарда никогда не понимал этого слишком буквально: он всегда боролся с узким практицизмом, с филистерством и с теоретическим эклектизмом. На первых же ступенях своего развития он подвел итоги всему предыдущему периоду истории философии и на синтезе материализма и классической немецкой философии построил стройное и непревзойденное мировоззрение — диалектический материализм.

Мало того, сами родоначальники диалектического материализма и их величайший ученик и продолжатель Ленин никогда не ограничивали область применения своего метода одними общественными науками: они видели в нем наиболее общее учение о законах развития природы, общества и мышления. Они кроме того ясно видели свою задачу в преобразовании современного им естествознания, может быть меньшем по об'ему, но совершенно аналогичном по характеру с тем преобразованием, которому подверглись прежде всего общественные науки. Энгельс и Ленин немало сделали и практически в этом направлении.

Но несмотря на это, все же без большой натяжки можно сказать, что марксизм свою революционизирующую работу вел в суженном масштабе, в пределах главным образом революционной практики и общественных наук» («Естествознание, философия и марксизм», стр. 9—10).

Из этой цитаты между прочим видно, что основоположники марксизма выделяются до некоторой степени из общей массы марксистов в кавычках и без кавычек. Но это выделение не проведено настолько, чтобы было резко подчеркнуто качественное различие между марксистами в кавычках и марксистами без кавычек.

Наряду с этим в только что приведенной цитате содержится неверное положение о «малом количестве теоретиков и вождей» в рабочей партии. Разумеется сила партии измеряется не количеством тех людей, которым угодно себя будет назвать «вождями»: мы знаем, что слабость многих партий заключается именно в том, что у них слишком много «вождей» и мало массы. Формальный критерий чисто количественного учета «идеологов» без учета политической линии партии является ошибочным и политически вредным.

К числу ошибочных теорий, входящих в арсенал меньшевиствующего идеализма, была «теория» о том, что в области естествознания основоположники марксизма оставили нам лишь отдельные, правда гениальные, страницы, фрагменты. Отражением этой ошибочной установки является следующее место из моей книжки:

«Основоположники марксизма в своей критической работе лишь немногое довели до конца: здесь в первую очередь нужно назвать политическую экономию, а затем общую методологию диалектического материализма, которая потом служила общим отправным пунктом для продолжателей дела Маркса и Энгельса. Во многих других областях от Маркса и Энгельса непосредственно мы имеем лишь гениальные фрагменты, отдельные высказывания и т. д. После них уже многое сделано для завоевания марксизмом, для проработки с точки зрения марксизма многих других научных дисциплин (учение о финансовом капитале, учение о государстве и диктатуре пролетариата, история религии, философии, история литературы и искусства и т. п.).

Многое еще предстоит сделать во всех этих областях, пользуясь тем же испытанным методом диалектического материализма; но больше всего предстоит работы там, где ее сделано до сих пор меньше всего, — в области естествознания» («Философия, естествознание и марксизм», стр. 11).

Марксизм конечно не проник во все научные отрасли сразу, точно по мановению волшебного жезла. Но нельзя то, что сделано марксизмом в той или иной области, измерять только количеством страниц: подходить таким образом — значит недооценивать того, что внес марксизм принципиально нового в ту или иную отрасль знания (а марксизм, как известно, создал новую эпоху во всех отраслях знания). Оценивая вышедшую на немецком языке переписку Маркса и Энгельса, Ленин в 1913 г. писал:

«Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии с основания ее к истории, к естествознанию, к философии, к

политике и тактике рабочего класса,—вот что более всего интересует Марк Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» (Ленин, т. XVII, стр. 30).

Точно так же совершенно неправильную оценку того, что сделано б основоположниками марксизма, содержит и следующее место из моей книги:

«В дореволюционную эпоху марксизм не только не господствовал ни в од стране, но он все время ютился где-то на задворках официальной культуры, все время должен был доказывать свое существование в образованном общес Марксизм развивался не равномерно, направляя всегда наибольшие, в общем многочисленные силы в ту идеологическую область, где в данный момент отк вался фронт. Только пожалуй политическая экономия развивалась более менее систематически. Из других областей марксизма более других выпячивал то общее учение о социализме (Энгельс), то учение о государстве и диктат пролетариата (Ленин), то учение о классовой борьбе, то учение о нравственнс то учение о международной солидарности рабочих, то теория литературов и искусствоведения (Плеханов), то история отдельных стран и эпох (Каутс Меринг и др.), то общее учение об общественных формациях — историчес материализм, то теория познания. В каждой из этих областей марксизм нахо кучу буржуазных теорий и должен был доказывать свое право гражданства. рактерно, что все эти области знания относятся к числу общественных н О марксистском естествознании никто не поднимал и речи, если не считать «Д лектики природы» Энгельса. В то время, когда марксизм должен был эконом свои силы, на естествознание он не мог обращать такого же внимания, как общественные теории. Более того, в то время мы были свидетелями того, лучшие элементы из естествознания (дарвинизм) служили марксизму, подкре собой марксистские общественные теории...

«После Октябрьской революции марксизм занял командные высоты в це государстве. Он получил невиданные возможности к своему развитию. Везде обороны он перешел к наступлению. Теперь он получил возможность проник в самые тайники буржуазной идеологии. Самая жизнь, практика классовой бо бы дали такие мощные доказательства истинности марксизма, что теперь док тельства от естествознания как-то утратили свою относительную убедительнс Наоборот встала во весь рост задача марксистского пересмотра самого естество ния, в котором всегда были буржуазные наслоения. Теперь, после 12 лет револю перед марксистами стоит задача не столько естественно-научного обоснов марксизма, сколько марксистского обоснования естествознания» («Естествозн философия и марксизм», стр. 211—212).

Здесь содержится не только недооценка сделанного классиками маркси ю и неправильное, не выдерживающее критики выпячивание теоретиков II ин национала—Плеханова и затем Каутского. Некритическое отношение и даже итие и углубление ошибок Плеханова и затем неленинское отношение к «п нему» Каутскому как раз характерны для представителей меньшевиствующе идеализма.

В отношении к естествознанию я никогда не разделял взглядов Каутско Плеханова, но это не мешало мне в указанной книге именовать их в ряде марксистами.

В других местах мною развивается точка зрения, прямо противополо той, которая высказывается Каутским: Каутский связывает естествознание ис чительно с техникой, я же доказываю зависимость развития естествознания классовой борьбы. Далее у меня в книге говорится, что точка зрения Каутс расходится со взглядами Маркса и Энгельса. Но разумеется всех этих огово недостаточно: все это не оправдывает приписывания Каутскому кличк маркс

Аналогичное положение имеет место в моей книге и по отношению к П ханову. Выражение, имеющееся там на стр. 101, «марксизм в лице Плехан нельзя принять безоговорочно.

Даже там, где у меня дается критика ошибок Плеханова, и там сохран вавший пиэтет в отношении Плеханова,—пиэтет, имеющий корни в идеол меньшевиствующего идеализма. Так в главе о классовом характере естество ния после критики «надклассовых» взглядов некоторых буржуазных теорет говорится следующее:

«Справедливость требует отметить, что «внеклассовые» нотки порой зв и в высказываниях некоторых даже крупных марксистов. Мы имеем в Г. В. Плеханова.

Известно, что Плеханов даже в то время, когда писал лучшие свои ф софские произведения, иногда допускал отступления от ортодоксального маркс Говоря о классовости общественных наук и желая ее доказать, Плеханов вско ляет, на наш взгляд, неправильную фразу относительно математики: «Мат

тика,— говорит он,— не может быть ни социалистической, ни буржуазной» («Естествознание, философия и марксизм», стр. 96).

То обстоятельство, что дальше у меня, вопреки Плеханову, доказывается неправильность его точки зрения, конечно не умаляет уже указанной ошибки.

Надо сказать, что подобного же рода неправильное выпячивание роли Плеханова имеется в моей статье «Диалектика у Ленина и народники», напечатанной в журнале «Под знаменем марксизма» (1928 г., № 1, стр. 45).

Перейду к другого рода ошибкам, точно так же характерным для меньшевиствующего идеализма: в моей книжке имеется ряд мест, которые об'ективно могут быть истолкованы как переоценка идеалиста Гегеля. Так, говоря о высказываниях Энгельса о значении философии, я писал далее:

«В сущности те же мысли развивал и Гегель, которому также приходилось встречаться с бранью по адресу философии. Гегель только отличается обычаем выражаться более туманно и соединять кое-где гениальные мысли с мистической религиозной оболочкой» («Естествознание, философия и марксизм», стр. 116).

Если по отношению к некоторым местам из Гегеля и можно таким образом сказать, но обобщить так, как это можно понять у меня («Гегель только отличается»...), конечно неправильно: Гегель был по существу идеалистом.

Точно так же нельзя обобщать и другое положение, может быть и верное по отношению к той или иной отдельной фразе Гегеля. После одной цитаты из Гегеля у меня говорилось:

«Таким образом мы видим здесь одно из мест, где логика и диалектика стоят у Гегеля на голове, но мы видим, как легко в сущности отбросить этот его «логический разум», после чего мы будем уже иметь логику, насыщенную живым, конкретным, об'ективным содержанием» («Естествознание, философия и марксизм», стр. 127).

В литературных обычаях меньшевиствующего идеализма было аргументировать цитатами из Гегеля. Вполне понятно при этом, что невольно получалась переоценка Гегеля и недооценка его реакционных сторон.

Так, у Гегеля мы находим много мыслей об об'ективной стороне логики, и Ленин в своем конспекте (Ленинский сборник IX) с удовлетворением отмечает это. Но всюду и везде у Гегеля правильные мысли перемешаны с неправильными, с идеализмом. На стр. 126 в моей книге приводится такая формулировка Гегеля: «Мышление есть истина предметного». Эта формулировка по существу идеалистическая, так как она говорит о примате мышления над об'ектом или по крайней мере о тождестве мышления и об'екта. Но у меня в книжке по поводу этой фразы говорится следующее:

«При желании эту формулировку можно истолковать идеалистически. Для нас конечно первичным является предмет, а не мысль» («Естествознание, философия и марксизм», стр. 126—127).

Весьма характерно для всей практики меньшевиствующего идеализма то, что в подготовке философских и естественно-научных кадров в Институте красной профессуры, в подготовке, которой руководил т. Деборин, основное место занимал семинарий по... Гегелю,— и кстати моя разбираемая сейчас работа была написана именно для такого гегелевского семинария. Вполне естественно, что на первый план в большинстве докладов выпячивалась проблема установления на тот или иной вопрос взглядов «самого» Гегеля. Получалось «реставрирование» и «канонизирование» Гегеля.

На моей книге (в которой специальное внимание уделяется Гегелю собственно только в одной небольшой главе) определенно сказалось это влияние. Так неслучайным следует признать такую фразу в начале этой главы:

«При этом в некоторых случаях комментатором Гегеля для нас будет служить конспект «Науки логики» Гегеля, написанный В. И. Лениным» («Естествознание, философия и марксизм», стр. 126).

Далее в следующей фразе содержится ошибочное утверждение об «органической творческой работе», оторванной от полемики, оторванной от борьбы:

«Теперь в СССР марксистам не приходится вести борьбу с Михайловским, Кареевым, Бердяевым и Туган-Барановским,—теперь от перманентной полемики пришла пора перейти к органической творческой работе во всех областях человеческого знания, и в том числе в области естественных и так называемых «точных» наук» («Философия, естествознание и марксизм», стр. 10—11).

Подобного рода разграничение «научной работы» и «полемики» было весьма характерно для меньшевиствующего идеализма. Для марксиста-ленинца такое разграничение недопустимо. Оно ведет к отрыву теории от практики, от живой жизни, от актуальных интересов борющегося класса, к отказу от борьбы с современными врагами рабочего класса, выступающими в новой форме.

Перехожу к следующей ошибке, состоящей в том, что мною неправильно трактовалось естествознание XIX века. Так про механистов у меня написано:

«Выкидывается практический лозунг — назад, к естествознанию XIX века, бывшему естествознанием чисто механическим» («Естествознание, философия и марксизм», стр. 13).

В другом месте у меня тот период, когда Энгельс писал «Диалектику природы» и «Анти-Дюринг», называется «периодом расцвета механического естествознания» (стр. 184).

На самом деле естествознание XIX века по своему содержанию уже нельзя назвать чисто механическим, так как многие и многие открытия уже к середине столетия создали все необходимые предпосылки для построения диалектического естествознания. Трагедия состояла лишь в том, что большинство естествоиспытателей не могло подняться до диалектики: диалектика была лишь диалектикой стихийной. Естествознание XIX века таким образом имело противоречивый характер; существо его было уже диалектичным, — и чем дальше, тем больше, — а обобщающие теории и мировоззрение ученых, как правило, не выходили из рамок метафизики.

Надо добавить, что позднее я повторил ту же ошибку *сплошной* оценки XIX века: к статье «Ленин и кризис физики XX века» («Революция и культура», 1930 г., № 19—20) я писал: «XIX век был веком механического естествознания» (стр. 94 названного журнала) [1]).

Настоящая моя точка зрения, изложенная выше, приведена мною в статье «О положении на фронте физики» («За марксистско-ленинское естествознание», 1931 г., № 1).

В моей книге не дано четкого анализа кризиса естествознания эпохи загнивающего капитализма. Суть кризиса современной физики, по Ленину, состоит «в отступлении ее от прямого, решительного и бесповоротного признания об'ективной ценности ее теорий» (изд. 3-е, т. XIII, стр. 250); «материалистическая теория познания, стихийно принимавшаяся прежней физикой, сменилась идеалистической и агностической, чем воспользовался фидеизм вопреки желанию идеалистов и агностиков» (там же, стр. 210). Наконец «*суть* кризиса современной физики состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании об'ективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом. «Материя исчезла» — так можно выразить основное и типичное по отношению ко многим частным вопросам затруднение, создавшее этот кризис» (там же, стр. 211).

В моей книге можно найти большую главу «Связь естествознания с реакционной философией», но в этой главе и вообще во всей книге нет четкого анализа кризиса. Эта тема была вообще не в поле зрения меньшевиствующего идеализма.

Отмечая классовую сущность естествознания, выступая против узкого технизирования науки Каутским, я резко разделял *две* функции, которые исполняются естествознанием. Так в книге написано:

«Если мы поставим вопрос о том, какую общественную функцию выполняет естествознание, то мы должны сказать в ответ на это, что основных функций у него две: во-первых, удовлетворять потребности техники и, во-вторых, служить укреплению идеологии соответствующего класса. Второй функции, как видим, не вытекает из узкого понимания естествознания Каутского» («Естествознание, философия и марксизм», стр. 75).

Такую формулировку можно понять так, как будто две функции не зависят одна от другой. На самом же деле они тесно связаны друг с другом настолько, что разрывать их никак нельзя.

Наконец далеко не последней по своему значению является неправильная квалификация «левого» уклона в партии. Приведу относящуюся сюда выдержку:

«Партия верно следует по пути, указанному Лениным, когда она ведет особенно решительную борьбу «на два фронта» — как против правого, откровенно оппортунистического уклона, так и против троцкистского «левого» уклона, который по существу тоже правый» («Естествознание, философия и марксизм», стр. 216).

Здесь «левый» уклон именуется просто троцкистским, что для 1930 г. является уже безусловно неправильным. То обстоятельство, что писалось это еще в самом начале 1929 г., само собой разумеется, не может оправдывать этой ошибки. «Левый» уклон в партии можно было назвать троцкистским по существу в 1928 г. Когда т. Сталин (в речи о правой опасности в ВКП(б) писал (19 октября 1928 г.): «В чем состоит опасность «*левого*» (троцкистского) уклона в нашей партии?.. Задача состоит в том, чтобы, не ослабляя ни на йоту борьбы с «левой», троц-

[1]) Разумеется, ошибочным было утверждение мое в этой статье о том, что линия тт. Деборина, Гессена и др. была в общем правильна. Когда я писал эту статью, я разделял позицию резолюции ИКП Ф и Е от 14 октября 1930 г., потом исправленную в резолюции того же ИКП Ф и Е от 29 декабря 1930 г.

кистской опасностью, сделать ударение на борьбе с правым уклоном и принять все меры к тому, чтобы опасность этого уклона стала для партии столь же ясной, как ясна для нее троцкистская опасность» (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 2-е, 1930 г. Дешевая б-ка Госиздата, стр. 432—433).

Партия неустанно боролась как с правой, так и с «левой» опасностью, систематически выбрасывала из своих рядов троцкистские элементы. Поскольку однако сохранялась социальная почва для мелкобуржуазных уклонов в нашей стране,—и «левый» уклон не мог быть уничтожен без остатка. Но ясно, что после того, как стала ясной контрреволюционная сущность троцкизма, с тех пор уже нельзя «левый» уклон в партии именовать просто троцкистским. И такой великий диалектик, каким является вождь нашей партии т. Сталин, уже через месяц после только что цитированной речи, в новой речи 19 ноября 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б), уже давал несколько иную характеристику «левого» уклона в нашей партии. Здесь «левый» уклон квалифицировался как уклон к троцкизму. Это уже не просто троцкистский уклон, хотя идейная связь с троцкизмом у «левого» уклона сохраняется. Вот что говорил в этой речи т. Сталин:

«Что такое «левый» уклон?.. Есть ли у нас в партии антисередняцкие тенденции... тенденции сверхиндустриалистские и т. д.? Да, есть. К чему они сводятся? Они сводятся к уклону к троцкизму... Ясно, что элементы троцкизма и тенденции к троцкистской идеологии имеются у нас внутри партии. Кажется, около 6000 человек голосовало против нашей платформы во время дискуссии перед XV с'ездом партии (голос: «Десять тысяч»). Я думаю, что если десять тысяч голосовало против, то дважды десять тысяч сочувствующих троцкизму членов партии не голосовало вовсе, так как не пришло на собрания. Это те самые троцкистские элементы, которые не вышли из партии и которые, надо полагать, не освободились еще от троцкистской идеологии. Кроме того я думаю, что часть троцкистов, оторвавшаяся потом от троцкистской организации и вернувшаяся в партию, не успела еще распроститься с троцкистской идеологией и тоже, должно быть, непрочь распространять свои взгляды среди членов партии. Наконец мы имеем факт некоторого возрождения троцкистской идеологии в некоторых организациях нашей партии. Соедините все это вместе и вы получите все необходимые элементы для того, чтобы иметь в партии уклон к троцкизму.

Оно и понятно: не может быть, чтобы при наличии мелкобуржуазной стихии и при давлении этой стихии на нашу партию у нас не было троцкистских тенденций в партии. Одно дело — кадры троцкистов арестовать и выслать. Другое дело— с идеологией троцкизма покончить. Это будет труднее. И мы говорим: где есть правый уклон, там должен быть и «левый» уклон. «Левый» уклон есть тень правого уклона. Ленин говорил, имея в виду отзовистов, что «левые»—те же меньшевики, только наизнанку. Это совершенно правильно. То же самое надо сказать о нынешних «левых». Люди, уклоняющиеся к троцкизму, — это по сути дела те же правые, только наизнанку, правые, прикрывающиеся «левой фразой» (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», Гиз, 1930 г., стр. 460—461).

Наконец на XVI с'езде партии т. Сталин говорил: «Теперь троцкистская группа представляет антипролетарскую и антисоветскую контрреволюционную группу, старательно осведомляющую буржуазию о делах нашей партии. Но остатки троцкистской теории, пережитки троцкизма не вполне еще выветрены из партии» (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», Гиз, 1930 г., стр. 691).

В отдельных элементах партии остались лишь остатки троцкистской идеологии, остались пережитки троцкизма. «Что из себя представляют «левые» загибы, имевшие место в партии в области колхозного движения? Они представляют некоторую, правда бессознательную, попытку возродить у нас традиции троцкизма на практике, возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству» (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», Гиз, 1930 г., стр 693).

Сам троцкизм стал «передовым отрядом контрреволюционной буржуазии» (Сталин). «Всякий либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу»,—как писал т. Сталин в своем историческом письме в редакцию «Пролетарской революции». В силу этого в партии теперь не может быть троцкистского уклона. В разбираемой теперь моей книге нет конечно отождествления троцкизма с «левым» уклоном. Напротив, мною подчеркивалась задача «сокрушения наших политических врагов» (троцкистов и пр.) и отдельно от этого задача «преодоления всякого рода уклонов» (стр. 5).

Но уже по одной этой причине мне нельзя было «левый» уклон именовать просто троцкистским.

Троцкизм имеет по существу буржуазные взгляды на естествознание, и с моей стороны безусловно нужно было разоблачить эту сторону троцкизма. Отсутствие этого является ошибкой с моей стороны.

Итак еще раз: меньшевиствующий идеализм наложил на мои прошлые работы солидный отпечаток. Это обязывает меня к усиленной борьбе со всеми

клонениями от генеральной линии партии и от марксистско-ленинской теории. Но, как говорит т. Сталин, «можно ли вести успешную борьбу с классовыми врагами, не борясь одновременно с уклонами в нашей партии, не преодолевая этих уклонов? Нет, нельзя. Нельзя, так как невозможно развернуть настоящую борьбу с классовыми врагами, имея в тылу их отражение в партии, оставляя в тылу людей, не верящих в наше дело и всячески старающихся затормозить наше движение вперед.

Отсюда непримиримая борьба с уклонами от ленинской линии как очередная задача партии» (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», Гиз, 1930 г., стр. 690).

В редакцию журнала „Под знаменем марксизма"

Дорогие товарищи!

Прошу поместить следующее мое заявление.

Непрекращавшаяся борьба на идеологическом фронте за последние 2—3 года особенно обострилась. Классовый враг, потерпев поражение в открытом бою, пытается контрабандным путем протащить свои разбитые партией и жизнью теории. Тов. Сталин разоблачил подобные попытки троцкистов в области истории партии. Аналогичные вылазки не только замаскированные, но иногда и совершенно неприкрытые, с защитой классово-враждебных нам теорий мы имеем почти во всех областях идеологии, в том числе и в естествознании. Все это обязывает нас к большей бдительности, к большей четкости нашей работы, к подлинно большевистской непримиримости ко всякого рода ошибкам и отклонениям от партийной линии.

Но бдительность и принципиальность, подлинная партийность и непримиримость требуют прежде всего критического подхода к самому себе, требуют осознания и признания своих собственных ошибок.

За время моей учебы на естественном отделе ИКП (1925—1929 гг.) в проводимой мною тогда философской работе я, борясь с идеологией деборинцев, борьбу эту вела однако не с марксистских, а с механистических позиций. Так, в ряде важнейших вопросов, служивших тогда предметом дискуссии между деборинцами и механистами (например в вопросе о сведении и др.) я защищала механистическую точку зрения[1], по другим вопросам (напр. о роли диалектического материализма в естествознании, о теории иероглифов) я не выступала с развернутой критикой механистов, тем самым прикрывая их открытую ревизию марксизма-ленинизма.

Полностью сознавая допущенные в прошлом философские ошибки, я в своей дальнейшей партийной, научно-исследовательской и литературной работе (в частности путем критического разбора философских сборников Тимирязевского научно-исследовательского института) буду бороться вместе со всей партией за чистоту марксистско-ленинских принципов, против попыток их фальсификации и подмены чуждыми нам теориями, идущими извне, со стороны троцкизма — передового отряда контрреволюционной буржуазии — и изнутри, со стороны механицизма — теоретической базы правого уклона, и потому главной опасности на данном этапе внутри марксизма и со стороны меньшевиствующего идеализма, питающего идеологически левацкие загибы и перегибы и об'ективно смыкающегося с механицизмом в единый оппортунистический фронт.

С коммунистическим приветом Ф. ПЕРЕЛЬМАН.

---

[1]) См. статью Перельман, Рубановского, Великанова «Два уклона в марксистской философии» в сб. «Диалектика в природе» № 2, а также мое выступление на II конференции марксистско-ленинских научных учреждений.

Тематический указатель

статей, помещенных в журнале „Под знаменем марксизма“ за 1931 г.

Ленинский этап в развитии марксистской философии и естествознания

Очередные задачи марксистско-ленинской философии и борьба на два фронта

Из материалов института Маркса, Энгельса и Ленина

Вопросы социалистического строительства и теории советского хозяйства

Вайнштейн И. Закономерности переходной экономики (Социалистическое обобществление). № 1-2, стр. 113.

Его же. Закономерности переходной экономики (План как закономерность). № 4-5, стр. 156.

Передовая. К вопросу о диалектике нэпа. № 1-2, стр. 1.

То же. Колхозное крестьянство как центральная фигура нашего земледелия. № 4-5, стр. 1.

То же. Итоги XVII партконференции, письмо т. Сталина и философский фронт. № 9-10, стр. 1.

Петропавловский С. Марксизм-ленинизм о победе социализма в одной стране. № 3, стр. 79.

Розенталь М. О социалистических формах труда. № 9-10, стр. 205.

Тулепов М. Основы теории планового хозяйства в работах Маркса и Энгельса. № 6. стр. 109

Вопросы теории исторического материализма, критика буржуазной социологии, ревизионизма и „левой" социал-демократии

Арисьян Л. Против одной оппортунистической ревизии исторического материализма. № 4-5, стр. 75.

Габриэлян Г. О закономерности общественного развития. № 7-8, стр. 127.

Иолк Е. К вопросу об «азиатском» способе производства. № 3, стр. 133.

Ищенко Т. Критика бухаринской теории классов и классовой борьбы и вопрос о классах СССР. № 4-5, стр. 51.

Надеждин Л. Социологическая и экономическая система идеолога фашизма О. Шпана. № 6, стр. 127.

Плеханов Г. Об «экономическом» факторе. № 4-5, стр. 14.

Таксер А. К впервые публикуемой статье Г. В. Плеханова «Об экономическом факторе». № 4-5, стр. 45.

Альтер И. Борьба за наследство. № 4-5, стр. 177.

Нодельман Б. Роза Люксембург в германской революции 1918 г. № 4-5, стр. 227.

Критика современных течений буржуазной философии: философии фашизма и социал-фашизма

Баммель Г. Рязановщина и меньшевизм. № 1-2, стр. 62.

Быховский Б. Макс Адлер за работой. № 7-8, стр. 33.

Его же. О фашисте Джентиле. № 9-10, стр. 60.

Каплан И. Рязановщина и военное дело. № 4-5, стр. 90.

Фогараши А. Социал-фашизм и идеализм. (О книге Макса Адлера по материалистическому пониманию истории). № 6, стр. 16.

Черньшев Б. Современный идеолог фашизма (Джованни Джентиле). № 4-5, стр. 133.

Критика буржуазных экономических учений и экономических теорий социал-фашизма

Атлас З. Кредитный романтизм в золотых тисках. № 4-5, стр. 177.

Балков В. Теоретическое обоснование «гуверизма» и крах буржуазной экономической мысли. № 7-8, стр. 74.

Дворкин И. Троцкистская теория империализма и кризисов. № 11-12, стр. 170.

Пелузо Э. Ахилл Лориа, итальянский «критик» Маркса. № 9-10, стр. 173.

Надеждин Л. Социологическая и экономическая система идеолога фашизма О. Шпана. № 6, стр. 127.

Ниринская Е. Теоретики социал-фашизма о переходном периоде. № 7-8, стр. 51 и № 9-10, стр. 73.

Чулок Т. Социал-фашистская теория кризисов Гильфердинга. № 9-10, стр. 92.

История философии

Быховский Б. Бэкон и его место в истории философии. № 6, стр. 73.

Вышинский П. Л. Фейербах в освещении меньшевиствующего идеализма и механицизма. № 9-10, стр. 34.

Вандэк В. и Тимоско В. Гегель и Кант. №№ 8, 11-12, стр. 133.

Горохов Ф. Философско-исторические взгляды Гегеля и исторический материализм. № 11-12. стр. 54.

Митин М. Гегель и теория материалистической диалектики. № 11-12, стр. 23.

Ральцевич В. Гегель как идеолог буржуазии. № 11-12, стр. 86.

Кольман Э. и Яновская С. Гегель и математика. № 11-12, стр. 107.

Стецкий А. К столетию со дня смерти Гегеля. (Вступительное слово на торжественном заседании. посвященном юбилею Гегеля). № 11-12, стр. 1.

Макаров А. К вопросу о философской эволюции Маркса. № 7-8, стр. 155.

Тахилевич О. Об историческом и логическом. (К вопросу о гегелевском наследстве). № 6, стр. 29.

Ческис Л. Основные элементы материалистической философии Гассенди. № 4-5, стр. 119.

Вопросы естествознания

Кольман Э. К вопросу о динамической и статистической закономерности. № 1-2, стр. 207.

Его же. Боевые вопросы естествознания и техники в реконструктивный период. № 3, стр. 58.

Его же. Письмо т. Сталина и задачи фронта естествознания и медицины. № 9-10. стр. 163.

Кольман Э. и Яновская С. Гегель и математика. № 11-12, стр 107.

Максимов А. Ленин и кризис естествознания эпохи империализма. № 1-2, стр. 12.

Его же. Об отношении Ленина к естествоиспытателям. № 9-10, стр. 125.

Презент И. Проблема научных кадров в освещении буржуазных биологов. № 6, стр. 160.

Новогрудский Д. Геохимия и витализм. № 7-8, стр. 168.

Вопросы культуры и антирелигиозной пропаганды

Бобровников И. (Против оппортунистического извращения учения Ленина о пролетарской культуре) № 1-2, стр. 188.

Бубнов А. Школа на повороте. № 7-8, стр. 100.

Енишерлов М. Антирелигиозная работа на данном этапе. № 11-12, стр. 190.

Ярославский Ем. О задачах антирелегиозной пропаганды в период социалистического наступления. № 3, стр. 36.

Вопросы техники

Бурдянский И. Задачи теоретической работы в области рационализации производства. № 6, стр. 144.

Передовая. О технической пропаганде. № 7-8, стр. 1.

О работе ЦП и местных организаций ОВМД

Передовая. К итогам всесоюзного совещания ОВМД. № 3, стр. 1.